

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические
и правовые исследования

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Social, Economic, and Law Research

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

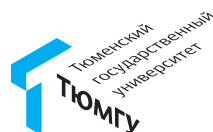
Том 10. № 4 (40)

2024

Vol. 10. No. 4 (40)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

Л. М. Симонова, Тюмень, Россия

Заместители главного редактора

Е. В. Андрианова, Тюмень, Россия

Л. В. Зайцева, Тюмень, Россия

К. А. Захарова, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

Д. А. Авдеев, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

И. Акихиро, Токио, Япония

М. М. Акулич, Тюмень, Россия

В. В. Гамукин, Тюмень, Россия

В. А. Давыденко, Тюмень, Россия

Д. Сонг, Сеул, Южная Корея

В. Д. Драшкович, Котор, Черногория

Е. Казьмерчик, Познань, Польша

М. И. Клеандров, Москва, Россия

Е. Г. Комиссарова, Тюмень, Россия

Н. А. Костко, Тюмень, Россия

Ф. Крайсиг, Кемниц, Германия

М. С. Матейкович, Москва, Россия

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень, Россия

Д. Ю. Руденко, Тюмень, Россия

Е. В. Смахтин, Тюмень, Россия

В. С. Собкин, Москва, Россия

А. В. Сумачев, Тюмень, Россия

Г. Н. Чеботарев, Тюмень, Россия

Л. Ф. Шилова, Тюмень, Россия

П. Ярвелейд, Таллин, Эстония

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, б

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-social-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

По подписке

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief:

L. M. Simonova, Tyumen, Russia

Deputy editors-in-chief:

E. V. Andrianova, Tyumen, Russia

L. V. Zaytseva, Tyumen, Russia

K. A. Zakharova, Tyumen, Russia

Executive secretary

D. A. Avdeev, Tyumen, Russia

Editorial board

M. M. Akulich, Tyumen, Russia

V. V. Gamukin, Tyumen, Russia

V. A. Davydenko, Tyumen, Russia

V. D. Drašković, Kotor, Montenegro

A. Ishikava, Tokyo, Japan

J. Kaźmierczyk, Poznań, Poland

M. I. Kleandrov, Moscow, Russia

E. G. Komissarova, Tyumen, Russia

N. A. Kostko, Tyumen, Russia

V. Kreissig, Chemnitz, Germany

M. S. Mateykovich, Moscow, Russia

G. F. Romashkina, Tyumen, Russia

D. Yu. Rudenko, Tyumen, Russia

E. V. Smakhtin, Tyumen, Russia

V. S. Sobkin, Moscow, Russia

J. Song, Seoul, South Korea

A. V. Sumachev, Tyumen, Russia

G. N. Chebotaryov, Tyumen, Russia

L. F. Shilova, Tyumen, Russia

P. Järvelaid, Tallinn, Estonia

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-social-r@utmn.ru

No publication charges

The journal is distributed

Accessed at

<http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. IIA252)

Содержание

Социология

- 6 Социология кино: экзистенциальные оценки зрительских практик
Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Черненко А. С.
- 39 Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации
Леонидова Г. В.
- 53 Методология изучения вузовских образовательных общностей как основа концепции взаимодействия в университетском научном пространстве
Нархов Д. Ю.
- 77 Кто готов включиться в экологические практики: анализ заинтересованности пользователей
Захарова О. В., Глазкова А. В., Ходырев А. Н., Бессонова С. Д., Загайнова Е. О., Иванова Д. В., Калимова А. Е., Василец А. А.

Право

- 97 Правовая теория этничности как основа для модернизации законодательства о коренных народах
Гладун Е. Ф.
- 110 Россия на пути к углеродной нейтральности: формирование правовых рамок
Данилова Н. В.
- 131 Социальная занятость инвалидов: алогичность законодательной дефиниции
Зайцева Л. В., Анбрехт Т. А.
- 144 Концепт суверенной российской государственности в ежегодных посланиях главы государства (1994–2024)
Леоненко Н. Т.

Экономика

- 165 Прямые иностранные инвестиции РФ и стран СНГ: оценка характера взаимодействия в условиях неопределенности
Юхтанова Ю. А., Беляева С. Е., Богданенко А. А.
- 189 Развитие регионального экспорта в новых экономических условиях (на примере Тюменской области)
Ракитина Н. В., Симонова Л. М.
- 225 Перспективы ПАО «Газпром» на фоне внешнеэкономических тенденций
Теньковская Л. И.
- 243 Оценка и анализ рисков ИТ-проекта по разработке инновационного продукта по развитию региона
Майкова А. А., Кислицына С. И., Старченкова О. Д., Холина Е. Р.
- 268 К вопросу о проблемах планирования и исполнения государственного оборонного заказа в современных геополитических условиях
Черняев Е. В.

Обзоры, рецензии, научные события

- 287 Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: обзор Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения»
Иванова Л. В.

Contents

Sociology

- 6 The sociology of film: existential assessments of audience practices
Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Chernenko, A. S.
- 39 Platform work in Russia: employment features and precarization risks
Leonidova, G. V.
- 53 Methodology for studying university educational communities as the basis
for the interaction within the academic space at universities
Narkhov, D. Yu.
- 77 Who is ready to join green practices: automatic analysis of user interest
*Zakharova, O. V., Glazkova, A. V., Hodyrev, A. N., Bessonova, S. D., Zagainova, E. O.,
Ivanova, D. V., Kalimova, A. E., & Vasilec, A. A.*

Law

- 97 Legal theory of ethnicity as a foundation for modernizing the legislation
of indigenous peoples
Gladun, E. F.
- 110 Russia on its path to carbon neutrality: forming a legal framework
Danilova, N. V.
- 131 Social employment of people with disabilities: the illogicality of the legislative definition
Zaitseva, L. V., & Anbrecht, T. A.
- 144 The concept of sovereign Russian statehood in the annual messages of the head of state
(1994–2024)
Leonenko, N. T.

Economics

- 165 Foreign direct investment between Russia and CIS countries amidst uncertainty
Yukhtanova, Yu. A., Belyaeva, S. E., & Bogdanenko, A. A.
- 189 Development of regional exports in the new economic conditions
(the case of the Tyumen Region)
Rakitina, N. V., & Simonova, L. M.
- 225 Prospects of Gazprom against the backdrop of global economic trends
Tenkovskaya, L. I.
- 243 Assessment and risk analysis of an IT project of an innovative product
for regional development
Maikova, A. A., Kislitsyna, S. I., Starchenkova, O. D., & Kholina, E. R.
- 268 On the problems of planning and executing the state defense order
in modern geopolitical conditions
Chernjaev, E. V.

Reviews, critique, events

- 287 *Law in the Era of Artificial Intelligence: Challenges and Opportunities:*
Review of the 6th International Siberian Legal Forum
Ivanova, L. V.

Социология кино: экзистенциальные оценки зрительских практик

Елена Владимировна Андрианова^{1,2✉}, Владимир Александрович Давыденко¹, Анжелика Сергеевна Черненко¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru✉

Аннотация. В статье приведено краткое описание современного состояния теории социологии кино, которая органично встраивается в нынешние практики выразительных средств кинопроизводства. Основная тема статьи сопряжена с постановкой и авторским решением проблемы экзистенциальной чувствительности зрительских практик, представляющих собой уникальную ценность как восприимчивости, так и их уязвимости в связи с переживаемым опытом своей жизни в контексте кинопотребления. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в настоящее время в мировой и отечественной социальной науке параллельно идут два новых процесса: во-первых, расширение тематики социологии кинофильма, встраиваемой в традиции общественной жизни; во-вторых, возвращение экзистенциальной социологии к вопросам выбора подлинного бытия, что придало ей импульс. Логика изложения, принятая в статье, основана на теоретическом развертывании теории существования как одного из новейших подходов в экзистенциальных и социальных исследованиях, выявляет научную новизну ее теоретической части, основанной на интерпретации встреч кино и зрителя. Научная новизна в эмпирической части статьи зиждется на том, что на базе репрезентативного опроса посетителей кинотеатров Тюмени (2502 чел.; весна 2024 г.) авторами выявлены экзистенциальные нарративы медиа и зрителей, предложен анализ ансамблей фильмов по схожей тематике из IMDb (Internet Movie Database) — крупнейшей в мире базы данных о кино и «КиноПоиска». Цель, преследуемая в статье, — прояснение экзистенциальных оценок кинозрительских практик. Методы опираются на встречные процедуры анализа социологии кино, современных теорий существования и задействованных эмпирик. Выводы теории: экзистенциальное измерение смыслов и значений

кинопроизводства собой знаменует концептуальный прорыв в ответе на фундаментальный вопрос: «Как именно социальная конструкция современного кино представляет собой области бытия и существования мира и индивида?». Выводы по эмпирике: популярность у зрителя приобретают фильмы, которые отсылают к известным сюжетам и любимым героям, переосмысления старых историй новой киноиндустрией, которая жертвует смысловой наполненностью и содержательностью кинофильма в пользу новых современных эстетических технологий кинопроизводства.

Ключевые слова: социология кино, экзистенциальные ресурсы, экзистенциальные оценки, зрительские практики

Цитирование: Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Черненко А. С. 2024. Социология кино: экзистенциальные оценки зрительских практик // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 6–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-6-38>

Поступила 08.07.2024; одобрена 31.07.2024; принята 31.07.2024

The sociology of film: existential assessments of audience practices

Elena V. Andrianova^{1,2}✉, Vladimir A. Davydenko¹,
Anzhelika S. Chernenko¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.andrianova@utmn.ru✉

Abstract. This article describes the current state of the sociology of film theory, organically integrated into the current filmmaking expressive means and practices. The focus of research is directed at the formulation and authorial solution of the problem of audience's existential sensitivity and related practices, which represent a unique value of both their receptivity and vulnerability in connection with their personal experiences of film consumption. Currently, two new processes are going on simultaneously in global and Russian social science: firstly, the broadening subject-matter of film sociology, embedded in the public life; secondly, existential sociology returning to the issues of choosing authentic existence and, thus, obtaining new impetus. The article presents the theoretical deployment of the theory of existence as one

of the newest approaches in existential and social research; it reveals the scientific novelty of its theoretical part, based on the interpretation of meetings between cinema and the viewer. Based on a representative survey of visitors to Tyumen cinemas (2,502 people; spring 2024); the authors have identified existential narratives of media and viewers and analyzed groups of similar films listed in the IMDb (Internet Movie Database), the world's largest movie database, and in Kinopoisk. The article aims to clarify the existential assessments of film audiences' practices. The methods include parallel procedures of the sociology of cinema analysis, modern theories of existence, and the empiricists involved. The existential dimension of the meanings and significance of filmmaking marks a conceptual breakthrough in answering the fundamental question: "How exactly does the social construction of modern cinema represent the areas of being and existence of the world and the individual?". The most popular films are the ones which refer to familiar plots and favorite characters, and which reinterpret old stories by the new film industry, thus, sacrificing the semantic fullness and content of the cinema in favor of new modern aesthetic filmmaking technologies.

Keywords: sociology of cinema, existential resources, existential assessments, spectator practices

Citation: Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Chernenko, A. S. (2024). The sociology of film: existential assessments of audience practices. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 6–38. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-6-38>

Received Jul. 8, 2024; Reviewed Jul. 31, 2024; Accepted Jul. 31, 2024

Введение

Цель работы — прояснение экзистенциальных оценок кинозрительских практик, ее *актуальность* обусловлена тем, что в настоящее время в мировой и отечественной социальной науке параллельно идут два новых процесса: во-первых, растёт тематика социологии кинофильма, встраиваемая в традиции общественной жизни; во-вторых, получила новый импульс экзистенциальная социология, которая вновь вернулась к вопросам выбора подлинного бытия. *Логика изложения*, принятая авторами в статье, основана на теоретическом развертывании теории существования как одного из новейших подходов в экзистенциальных и социальных исследованиях, направлена на выявление *научной новизны* ее *теоретической* части, основанной на аналитической интерпретации встреч зрителя и кино. *Научная новизна* в *эмпирической* части и *авторские вклады* зиждутся на том, что на базе репрезентативного опроса посетителей кинотеатров Тюмени (2 502 чел.; весна 2024 г.) авторами выявлены экзистенциальные нарративы медиа и зрителей, предложен анализ ансамблей фильмов по схожей тематике из IMDb (Internet Movie Database) — крупнейшей в мире базы данных о кино и «КиноПоиска».

Обзор литературы

В современной социологии случился *визуальный поворот* (visual turn) почти сразу после множества других «культуральных поворотов» (cultural turns) — лингвистического, интерпретативного, пространственного, медиа-, рефлексивного, перформативного, символического [Bachmann-Medick, 2016; Eberle, 2018, с. 247; Susen, 2015], который фактически совпал с упрочением в гуманитарных науках различных *теорий социологии кино*, включая важные экзистенциальные компоненты [Бочарникова, 2022; Евсеева, Ядова, 2017; Жабский, 2020; Жабский, Тарасов, 2019; Корте, 2020; Куренной, 2009; Лубашова, 2008а, б, 2015; Мартыненко, 2023; Радаев, 2023; Тихонова, 2022; Троцук, Субботина, 2018; Федоров, 2022; Чугунов, 2014; Altenloh, 1914, 2001, 2004; Andrew, 1976, 1984, 2009; Boardman, 2019; Braudy, Cohen, 2009; Carroll, 2019; Cavell, 2019; Dudrah, 2006; Eldridge, 2019; Fedorov, 2023; Gunning, 2008; Heise, Tudor, 2018; Heiss, 2023; Nagib, 2020; Nannicelli, 2019; Metz [and etc.], 2018; Parker, 2023; Prinz, 2019; Shepherdson, Simpson, Utterson, 2003; Signorelli, Tudor, 2018; Sinnerbrink, 2019, 2022; Stepanov, 2020; Stutterheim, 2019; Taylor, 2015; Torterat, 2023; Turvey, 2019; Tudor, 1998; Wejbert-Wąsiewicz, 2020].

Масштабное распространение кинофильмов во всех обществах без исключений как «движущихся изображений» [Wiltsher, Meskin, 2019] сделало практически неизбежным их систематическое и всепроникающее социологическое изучение. В мировой и отечественной теории и социологии кино стали разрабатываться новые подходы и методы по поводу производства, просмотра и изучения кинофильмов, актуальных с точки зрения зрителей и социальности. Многие из киноведов опирались на отличные от социологии теории и концепции: литературоведение, история искусства, философия, медиа (СМИ), медиа-исследования, когнитивная наука, современный психоанализ [Stutterheim, 2019, с. 7], культуральная наука [Alexander, 2003], антропология [Skinner, 2023; Wardle, 2023], феноменология [De Palma, 2022; Djan, Majolino, 2022; Hopp, 2022; Laurent, 2022; Novotny, 2022; Risser, 2022; Santis, Hopkins, Majolino, 2023; Shim, 2022], экзистенциальная социология, получившая свое бурное развитие, начиная с фундаментальных книг Джека Дугласа [Douglas, 1970а, б, 2017], Джека Дугласа и Джона Джонсона [Douglas, Johnson, 2010/1977], Джозефа Котарба и Андреа Фонтана [Kotarba, Fontana, 1987], продвигающего предметную область экзистенциальной социологии А. С. Мельникова [2018] и Джозефа Котарба [Kotarba, Melnikov, 2023], в полной мере развертывающего экзистенциальную онтологию проектирования миров человека Ю. М. Резника [Резник, 2015], представляющей экзистенциальный опыт как феномен культуры Н. А. Касавиной [2022], и заканчивая недавним выходом в свет международного хэндбука по экзистенциальной гуманитарной науке [Handbook Existential, 2023].

Мы стремимся проводить собственный анализ социологии кино, включая экзистенциальные оценки зрительских практик, неизбежно вступая в дискуссии по избранной тематике, критикуя традиционные социологические подходы с тем, чтобы предложить адекватную, креативную, непредвзятую и достоверную (максимально валидизированную) реконструкцию оценок зрительских практик кино. Представляемая содержатель-

ная тематика статьи, на наш взгляд, показывает, что повседневная жизнь весьма сложна и всегда контекстуализирована, особенно тогда, когда она переосознается на фоне того или иного фильма, раздваиваясь при этом на соответствующие виртуальные (кино, кадры, фреймы) и реальные (жизненные) смысловые картины.

Методы

Используемые методы и методологии, применяемые в данной статье, — это, во-первых, сравнительный анализ научных монографий и статей по выбранной тематике; во-вторых, вводимые нами в научный оборот новые методы опираются на встречные смысловые процедуры анализа социологии кино вкупе с современными теориями существования (экзистенциализма), новыми идеями в феноменологии и, в-третьих, привлекаемых авторами статьи актуальных эмпирик. На «стыке» этих трех подходов конструируются методы познания *жизненного мира (Lebenswelt)* — это «мир, непосредственно переживаемый интенциональной жизнью субъективности. Жизненный мир как таковой, „наш“ мир, то есть мой собственный мир и мир других людей в повседневной жизни. Как таковой он является основой и горизонтом каждой субъективной жизни; это также тот мир, который предполагается каждой практической или теоретической деятельностью... концепция жизненного мира остается решающей для того, чтобы показать, как сознание встроено в мир действий, значений, суждений и теорий, которые созданы социально, культурно и исторически» [Laurent, 2022, с. 271; здесь и далее иноязычные источники цитируются в переводе авторов].

Иной метод исследования, применяемый в статье, — это новая трактовка понимания *истории опыта*, означающая индивидуальный, социальный и коллективный опыт как такие явления, которые обусловлены хронологически по разным промежуткам времени. Дефиниция «*исторический опыт*» здесь методологически концептуализируется как изучение человеческих практик в прошлом, включающее разные предпосылки, факторы и возможности, его формирующие. К набору дефиниций относятся также институты, сообщества, системы убеждений, знаний и смыслов, основанные на накопленном и часто противоречивом жизненном опыте. Согласно авторам этого подхода, история опыта должна стать мостом между действиями индивида, структурами и идеологией, углубляя при этом другие методологии. Подход *истории опыта* открывает двери для того, чтобы увидеть, изучить и объяснить исторический опыт как социальный факт, предлагая тем самым новый взгляд на общество. Субъективный опыт трактуется как объективированный в режимах знаний, социальном порядке, статусных делениях, живых институтах и структурах, которые, в свою очередь, этот опыт и формируют [Annola и др., 2024].

Еще один метод, привлекаемый в данной статье, — это применение способов действий в *практиках повседневной жизни* в парадигме Мишеля де Серто, который для ее создания пересмотрел связанные фрагменты теорий Канта, Витгенштейна, Бурдьё, Фуко и Детьена в контексте изучения сравнительно новых приемов традиций, символов, языка, искусства, предметов обмена с помощью формальных средств с целью переназначения их в повседневных ситуациях. Имеется в виду, что в действиях по по-

вторному использованию ресурсов кроется много возможностей для обычных людей по изменению или даже ниспровержению ритуалов, обрядов, традиций, процедур, обычаев или представлений, которые стремятся всем людям навязать власть и институты. Исследования де Серто в сфере «*рутинных практик*, даже таких, как ходьба, разговор, чтение, жилище или приготовление пищи, основывались на его убеждении в том, что, несмотря на репрессивные аспекты любой власти, всегда существуют элементы творческого и тактического сопротивления. Эти структуры введены в действие обычными людьми, которые на противоречиях тактики и стратегии стремятся к собственному выживанию. Мишель де Серто фокусировал внимание на критическом различии между стратегиями и тактиками в этой борьбе подавления и самовыражения, когда стратегии используются представителями организационных властных структур, малых или крупных, таких как государство или муниципалитет, корпорация или собственник, научное предприятие или ученый. Стратегии разворачиваются против некоторой внешней сущности, чтобы установить набор отношений для официальных или надлежащих целей, будь то противники, конкуренты, клиенты или любые агенты. Тактика используется подчиненными. По самой своей природе тактики являются оборонительными и оппортунистическими, применяются более ограниченными способами и мгновенно захватываются в физических и психологических пространствах, создаваемых и управляемых мощными стратегическими отношениями» [de Certeau, 2002].

Сравнительно новая методология *теории существования* (*existence theory*), предложенная Патриком Баертом, Маркусом Морганом и Ринот Ушиямой, («модель ВМУ» — по первым буквам фамилий авторов), претендует на новый метод изучения индивида и общества социологической теории [Baert и др., 2022]. Эта теория исходит из гипотезы, что люди организуют свою жизнь вокруг набора экзистенциальных вех, без достижения которых они не могут воспринимать свою жизнь как завершённую. Примеры таких вех включают получение образования, создание семьи, прочное партнерство и др. экзистенциальные события, очень важные для отдельных людей. Их точное определение зависит от многих культурных и структурных факторов, очевидных (явных) или скрытых (неявных). В научное ядро предложенной новой методологии входят такие ключевые дефиниции: «экзистенциальные лестницы», «экзистенциальная срочность» (временные ограничения на то, когда именно должны быть достигнуты определенные «экзистенциальные вехи») и «экзистенциальные потребности». Люди имеют много вариантов выбора в отношении того, какие вехи для них важны и когда они могут быть достигнуты, причем подчеркивается, что в современном обществе гибкость этих вех распределена неравномерно. «Модель ВМУ» демонстрирует, что ее применение помогает переосмысливать социальные явления в современном значении, такие как популизм в политике, вынужденную миграцию, военные действия. «Модель ВМУ» объясняет, как она становится трамплином на пути к разработке динамики власти и неравенства, лежащего в основе опыта и процессов достижения экзистенциальных вех. С точки зрения применимых *методов* имеет значение то, как именно конструируется сама «модель ВМУ»: подход основывается на творческом синтезе влиятельных традиций мысли: на всеобщем (философском) уровне — это экзистенциализм и феноменоло-

гия; на социологическом уровне — микро-, мезо- и макроперспективы, включающие теории структуризации, в единство наиболее ценных представлений видов социологий (интерпретативной, феноменологической, экзистенциалистской, неофункционалистской и критической). Особый смысл такой *типологизации методов* состоит в том, чтобы устанавливать как уровни достоверности, так и возможности применения модели путем выявления как универсальных, так и частных характеристик — как (объективно) присущих, так и (нормативно и/или субъективно) случайных — «экзистенциальных вех», «экзистенциальных лестниц» и «экзистенциальных потребностей» индивидов и сообществ. Их универсальные черты иллюстрируют повсеместность этих составляющих в любых человеческих группах, практически независимо от цивилизационных особенностей, включая экономические, социокультурные, политические, идеологические, лингвистические, эпистемологические, художественные, технологические, организационные, демографические их компоненты [Susen, 2022, с. 57]. Всё это позволяет проводить сквозные типы анализа восприятия того или иного кинофильма и их зрителей. Представленная «модель ВМУ» имеет достаточно высокий инновационный потенциал экзистенциалистской логики, пронизывающей взаимодействия между экзистенциальными вехами, экзистенциальными лестницами и экзистенциальными потребностями [Давыденко, Андрианова, 2023]. Из представленного анализа «модели ВМУ» следует ее очевидная *методическая новизна* для решения наших задач: понимание кино и кинозрителей как осознание их повседневной жизни — в контекстах оценки, рассмотрения, диагностики и применения ключевых схем экзистенциализма и феноменологии как социальных процессов.

Наконец, в данной статье использовались *стандартные социологические методы* (опросы телефонные и лицом к лицу, по местам: жительства, работы, кинопросмотра; глубинные интервью с экспертами, фокус-группы), включая экзистенциальные и феноменологические измерения получаемых данных качественного исследования [Бахтин, 2000, с. 10–11; Готлиб, 2019, с. 199–237; Троцук, Субботина, 2018, с. 140–158]. Среди набора экзистенциалов как тех переменных матрицы, с помощью которых нами «просвечивались» повседневности кино и жизни индивида, это, в первом приближении, как «исходники»: аутентичность, идентичность, свобода, ответственность, смысл существования, индивидуальность, осознанная коммуникация, жизненный опыт, модус обладания, конечность жизни — это наша первая методическая разработка для анализа глубинных интервью, условно обозначаемая как «1-я классификация»; вместе с тем для анализа киносюжетов и реакций зрителей она оказалась не совсем подходящей. Оказалось, что когда имеется возможность проанализировать каждое предложение респондента, то «1-я классификация» работает очень хорошо, поскольку четко выявляет основные «экзистенциальные лестницы», «экзистенциальные срочности» и «экзистенциальные потребности». Однако при анализе кинофильмов и зрителей, когда нужно оперировать более «объемными» смысловыми категориями, она не совсем адекватно фиксирует важные детали и нюансы экзистенциальных оценок кино и зрительских практик. Поэтому было принято решение взять за основу более «широкие» экзистенциальные категории, которые разработал А. С. Мельников как составляющие проблемного поля экзистенциальной социологии:

существования (экзистенции), смысла и бессмысленности этого существования, абсурда, аутентичности и идентичности, открытости, заботы, тревожности, одиночества, двусмысленности, интерсубъективности, бытия и смерти, пограничных (экстремальных) ситуаций, свободы, экзистенциальной коммуникации, информационных сообществ и массового общества, выбора, становления, ответственности, экзистенциального времени, интегрального человека [Мельников, 2018].

Выборки:

- (1) репрезентативный опрос посетителей кинотеатров Тюмени по заказу их владельцев (всего 2 502 чел.; 9 февраля — 10 марта 2024 г.); цели авторов статьи — выявление экзистенциальных нарративов медиа и зрителей, просмотревших фильмы в период опроса;
- (2) анализ ансамблей фильмов по схожей тематике из IMDb — крупнейшей в мире базы данных о кинофильмах, отличительной чертой которой является наличие превентивных мер для избегания «накрутки» счетчика голосов, сгруппированных в таблицы, которые представляют собой экзистенциальный анализ 20 наиболее рейтинговых фильмов, основанных на таких рейтингах, как «250 лучших фильмов по версии IMDb» по оценкам зрителей (суммарное количество которых превышает 18,5 млн голосов) — постоянных избирателей IMDb;
- (3) база данных «КиноПоиск»: «250 лучших фильмов», по результатам голосования посетителей сайта «КиноПоиск», количество оценок которых составляет 1,9 млн. Подчеркнем, что для каждого кинофильма «КиноПоиск» представляет «ключевые слова» (порядка 20–30) и слоган, по которым легко можно понять те смыслы и сущности, которые и составляют собой фильм. В этом пункте возникает новая технология и методология экзистенциального анализа всех фильмов, когда методом контент-анализа больших групп кинофильмов можно провести их рейтингование по признакам конкретных и ситуативных контекстов.

Результаты

Данная статья имела свое предназначение в том, чтобы в предлагаемых теоретических разработках и авторских эмпирических данных наметить свою объяснительную сферу и практическую применимость в свете раскрытия трех экзистенциальных тем: (1) общего описания человеческого существования с точки зрения теории повседневности; (2) применения компонентов социологии кино, считающихся наиболее эмпирическими в контексте экзистенциальной социологии; (3) которые, в свою очередь, могут быть раскрыты средствами использования «модели ВМУ (Baert, Morgan, Ushiyama)».

По репрезентативному опросу посетителей кинотеатров Тюмени было выявлено (наряду с другими важными вопросами), какие фильмы были ими просмотрены в период эмпирического исследования, и первая их десятка по рейтингу представлена в табл. 1 в Приложении.

В связи с ограничением объема статьи, мы не имеем возможности подробно провести анализ каждого из представляемых фильмов и экзистенциальных реакций на них кинозрителей. Однако общий вердикт таков: популярность у тюменского зрителя приобретают фильмы, которые отсылают к известным сюжетам и любимым героям; при этом ценятся переосмысления старых историй новой киноиндустрией, которая, однако, жертвует смысловой наполненностью и содержательностью кинофильма в угоду современным эстетическим технологиям кинопроизводства. В нижеследующих табл. 2 и 3 (см. Приложение) представлен авторский анализ рейтинговых фильмов по версиям IMDb и «КиноПоиска».

Набор данных, выбранный для экзистенциального анализа и дальнейшего формирования облаков слов, состоит из оценок IMDb¹ и соответствующей информации о фильмах четырех последних десятилетий², которая содержит около 6 820 различных фильмов с 1986 по 2016 г. и фокусируется на 5 количественных и 10 качественных переменных. Они разделены на бюджет, доходы, оценку IMDb и соответствующие голоса, дату выпуска, жанр, рейтинг, а также информацию о производстве фильма, такую как компания, актерский состав, сценаристы, режиссеры, страна происхождения и время показа.

Данные и приведенный ниже авторский анализ дают возможность изучить, узнать, понять и обсудить основные тенденции, наблюдаемые в современной киноиндустрии. В частности, феномен нового экзистенциализма проявляется в повышенном интересе общества к вопросам смысла жизни, свободы, ответственности, выбора и собственной аутентичности. Именно сейчас люди как никогда начинают задаваться вопросами о своем месте в мире, о целях и ценностях, о том, как принимать свои собственные решения и быть полноценной личностью. И здесь нужно обратиться к экзистенциальной социологии, которая занимается исследованием проблем смысла жизни, бессмысленности существования, одиночества, свободы, ответственности, пользы, заботы о другом, добра, красоты и др. аспектов человеческого бытия, которые актуальны для современного общества.

Очень важно подчеркнуть, что современные процессы онтологизации и приверженность к новому экзистенциализму самым естественным образом повлияли на кинематограф конца XX — начала XXI в. Говоря в целом, нужно отметить, что эти тенденции сопряжены с изменяющимся миром, когда технологии и связанная с ними социальная действительность ставят под угрозу саму суть человеческой личности, существование, аутентичность, идентичность и смысл ее бытия, сталкивая современного человека с чувством отчуждения, одиночества и заброшенности.

Данные тенденции не обошли стороной и кинематограф, который не только одним из первых «подхватил эстафету», но и раскрыл тему во всей ее полноте и неоднородности так, как не удавалось ни одному другому виду искусства до него. Ведь главным отличием кино от того же литературного произведения (возьмем как наиболее близкий

¹ IMDb Top 250 Movies. <https://www.imdb.com/chart/top/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Grijalva D. Movie industry: four decades of movies // Kaggle. <https://www.kaggle.com/datasets/danielgrijalvas/movies> (дата обращения: 20.06.2024).

аналог нарративной составляющей повествуемой в фильме истории) является «живое» повествование, когда события и герои получают беспрецедентную наглядность и конкретизацию, делая киноленту максимально «жизненной» и близкой зрителю.

Проанализировав результаты табл. 2 и 3, мы утверждаем, что для наиболее рейтинговых фильмов характерно присутствие экзистенциального нарратива: во всех фильмах в той или иной степени поднимается проблема существования (экзистенции), но, поскольку характеристика эта достаточно комплексная и обобщенная по своей сути, в таблицах она не отображена; в 9 из 10 случаев в фильмах поднимаются проблемы свободы, ответственности и выбора, в 6 — проблема аутентичности существования, в 4 — проблема одиночества и экзистенциальной коммуникации.

В каждом из проанализированных фильмов, хотя и в разной степени, но прослеживаются характерные идеи и сюжеты. Будь то «Побег из Шоушенка», «Список Шиндлера» или «Зеленая миля», которые как нельзя более ярко демонстрируют свою приверженность к экзистенциальным ценностям, или же фильмы из серии «Властелин колец» и «Криминальное чтиво», в которых онтологический нарратив далеко не всегда виден невооруженным глазом, однако и отрицать факт их наличия затруднительно. Здесь важно понимать механизм работы самого фильма и его специфику.

Визуальная и нарративная стороны фильма образуют сложную структуру, которая почти никогда не может быть прочитана однозначно. То есть именно восприятие зрителя ставит фильм в зависимость от определенного нарративного контекста, который порой выходит за рамки наглядно демонстрируемой на экране истории, воспринимая ее куда шире и глубже, чем можно порой ожидать. Относительно данного феномена чрезвычайно удачно высказался кинорежиссер В. И. Пудовкин: «Кинематографическое искусство по существу своему органически связано со зрителем. Зритель как бы завершает начатый режиссером творческий процесс, сливая намеченные им элементы в единое целое. Если создающий картину не настроен в унисон массе, смотрящей его произведение, его работы не существует» [Иосифян, Гращенкова, 1974, с. 3]. Таким образом, восприятие кинокартины зрителем является финальным этапом процесса создания фильма — в отрыве от зрителя его просто не существует. Так, режиссер фильма выступает эдаким программистом, кодирующим предстоящее восприятие фильма зрителем.

При этом ключевую роль здесь будет играть так называемый механизм «отражения — уподобления» (Э. Морен), когда зритель буквально уподобляется главному герою, ассоциируя себя с ним, временами перенимая модель поведения и лично проживая его историю (в контексте чего крайне актуальным видится символический интеракционизм). Не стоит забывать и про свойство человеческого восприятия взаимодействовать и осознавать окружающую действительность через призму предшествующего опыта и уникального миропонимания (напрямую отсылающую к концепции «жизненных миров»). Таким образом, зритель невольно (и не всегда это осознавая) фокусируется на том, что для него жизненно важно, что представляет для него личный интерес. Это и становится причиной уникальной интерпретации фильма каждым отдельно взятым человеком, и это же в большей мере является причиной столь распространенной среди «рейтингового» кино экзистенциальной тематики.

Однако прежде чем перейти к их непосредственному анализу, нужно иметь в виду некоторые допущения.

Данные, используемые в этой статье, не являются отечественными, соответственно облака слов сформированы на основе американских аналогов названий фильмов (была использована база данных IMDb), что может стать причиной возникновения некоторых неточностей и искажений во время анализа данных русской аудиторией, так как переводу названий фильмов присущи некоторые особенности. Переводчикам зачастую, работая над переводом, требуется учитывать менталитет и маркетинговую привлекательность названия.

Соответственно, отечественный зритель далеко не всегда имеет понятие об оригинальном названии просмотренного фильма, и это нужно иметь в виду при рассмотрении представленных облаков слов. Необходимо подчеркнуть, что также важно понимать, что иногда отдельные слова не несут в себе «самостоятельного» смысла (чаще всего это прилагательные и/или частицы), а интерпретируются исключительно в словосочетании с ключевым словом, а иногда и вовсе имеют сугубо метафорическое значение, что также оказывает свое влияние на итоговый анализ.

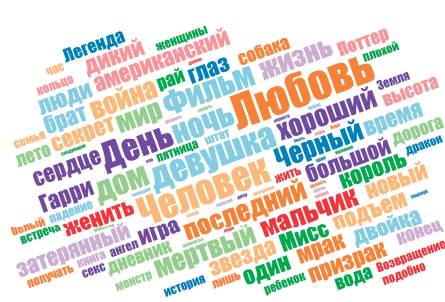
Облако слов из названий фильмов 1980-х гг.

Облако слов из названий фильмов 1990-х гг.

Облако слов из названий фильмов 2000-х гг.

Облако слов из названий фильмов 2010-х гг.

Рис. 2. Облако слов названий фильмов за период 1980–2010-х гг.

Fig. 2. Word cloud of film titles of 1980–2010

Как видим из рис. 2, облака слов относятся к 1980-м, 1990-м, 2000-м и 2010-м гг. Самыми частыми словами в названиях фильмов 1980-х гг. являются «человек», «ночь»

и «мертвый», за ними следуют «любовь», «мечта», «приключение». В названиях фильмов 1990-х гг. преобладают такие слова, как «человек», «любовь», «мертвый», «день» и «печальный», а в фильмах 2000-х гг. — слова «любовь», «человек», «день» и «девушка». В названиях фильмов, выпущенных в последние годы, начиная с 2010 г. и далее, также чаще всего в названиях встречаются слова «человек», «день» и «любовь». Похоже, что независимо от того, в каком десятилетии снят фильм, в названии с большей вероятностью будут фигурировать слова «человек» или «любовь», особой популярностью при этом также пользуются такие слова, как «люди», «смерть» («убить», «убийца», «конец», «мертвый»), «жизнь», «время», «война», «мир», «рай», «мечта», «приключение», «история», «дом», «день», «ночь», «парень» («мужчина»), «девушка» («женщина»), «дети» и «путь». Таким образом, представленные облака слов могут служить наглядным подтверждением утверждения о том, что кино по сути своей является зеркалом, отображающим актуальную реальность, со всеми человеческими переживаниями, борьбой и стремлениями — не зря наиболее распространенными в названиях фильмов являются слова, связанные со смертью, жизнью, временем, семьей, а «человек» обладает беспрецедентной популярностью и является смыслообразующим элементом на протяжении всего существования киноиндустрии. Наблюдая за персонажами на экране, мы идентифицируем себя с ними, углубляемся в их конфликты и становимся свидетелями их триумфов и неудач. Этот процесс позволяет нам на эмоциональном и эмпатическом уровне соединиться с представленными историями, оказывая глубокое влияние на то, как именно мы понимаем мир, повседневность и как мы относимся к ним.

Обсуждение

Обращая внимания на то, что в социологии произошел визуальный поворот, мы делаем акцент на том, что он связан с личным опытом вместе с глубоким вовлечением и пониманием нашей повседневной жизни, что является наиболее отличительными чертами экзистенциального поворота и кризиса смыслов и содержания человеческого бытия. При этом смыслы социальной реальности экзистенциального поворота — это не только индивидуальные, но и коллективные явления, предстающие сознанию воспринимаемыми здесь и сейчас, то есть в ментальном и физическом полях повседневности, или фреймов (кадров) повседневной жизни.

Подвергая критике социологию «вульгарного позитивизма», мы хотим подчеркнуть, что ни один человек никогда не является просто совокупностью реляционных (относительных) черт анализа анкетных и опросных данных, а скорее уникальным жизненным миром и целым для самого себя. Какие бы новые закономерности ни открывались на культурном, социально-психологическом и социально-структурном уровнях, взаимозаменяемость человеческих жизней остается непреложным фактом человеческого существования (бытия) и методологической предпосылкой для экзистенциальных исследований индивида, которое должно быть обширным и конструктивным исследованием жизненного мира человека и его повседневности. Эти ключевые моменты

экзистенциальной тематики наиболее отчетливо проявляются в мире кино, социологии кинофильмов и отношении индивида к этим атрибутам человеческого существования. На наш взгляд, аналитика представленных трех эмпирических исследований хорошо высвечивает параметры «экзистенциальной модели человека» (existential model of man) как уникального аналога моделей экономического человека или социологического человека. Главные дефиниции этой модели — 10 базовых переменных (категорий): аутентичность, идентичность, свобода, ответственность, индивидуальность, смысл существования, жизненный опыт, осознанная коммуникация, модус обладания, конечность жизни, которыми свободно оперируют классики как экзистенциальной социологии, так и экзистенциальной философии.

Конечно, представляемая нами модель далеко не полна по своим базовым категориям. Например, мы стали не анализировать важную дефиницию «заботы» (care, concern), разрабатываемую Хайдеггером, которая включает в себя именно то, что мы делаем для поддержания, продолжения и восстановления нашего жизненного мира с тем, чтобы мы могли жить в нем как можно лучше. Учитывая нашу взаимозависимость, забота, таким образом, неизбежно в равной степени ориентирована на любого другого индивида столько же, сколько и на самого себя. По сути дела, это главный принцип альтруистического поведения. Однако, поскольку забота описывает нашу зависимость от других и, следовательно, осознание собственной уникальности, она также говорит о необходимости позволять другим быть в их непосредственной сущности и существовать так, как им это нравится. Ориентируясь на базовую установку того, что экзистенциальное исследование является или должно быть нарративом (рассказом) о «богатстве бытия» индивида при сравнении с «тощими абстракциями» (Маркс, Гегель), мы говорим о том, что экзистенциальный поиск включает в себя методы, концепции и теории, которые нужны, чтобы понять людей во всей амплитуде их субъективности, когда они сталкиваются с конкретностью своей ситуации. Экзистенциальный поиск должен охватывать полный спектр человеческого опыта, в который легко можно вписать любую «недостающую» дефиницию или новую научную категорию, как они проявляется в повседневной жизни. Иными словами, именно «изобилие опыта» дает нам возможность расширять и углублять любые концептуальные экзистенциальные схемы.

Всё сказанное относится ко всем эмпирическим данным про кино и про кинозрителей, фрагменты которых представлены в данной статье. В таком контексте важно подчеркнуть, что любая социальная наука, методология которой игнорирует способность человека интерпретировать собственную ситуацию повседневности и действовать строго в соответствии со своим собственным ее пониманием, рано или поздно приведет к результатам, которые в буквальном смысле слова бессмысленны. Одним из результатов интенсификации коммуникаций в мире является то, что мы живем в эпоху, когда мы менее уверены в себе и в другом индивиде и имеем меньше согласия, чем когда-либо прежде, особенно в том, что определяет гуманизм, отзывчивость, сострадание, сочувствие, чуткость, эмпатию, человечность — одни из ключевых дефиниций конструктивного экзистенциализма, особенно при описании и анализе действий людей в-их-ситуации. К сожалению, опыт современной жизни, где радикальные технологические, геополитические

тические и военные изменения противопоставляются сомнительным взглядам на субъективность, свободу действий и человеческий потенциал, неизбежно провоцирует всё новые и новые виды «экзистенциальной озабоченности» (existential concern) скорее в негативном, чем в позитивном смысле и значении этого словосочетания.

Заключение

Подводя итоги, суммируя сделанное и опираясь на авторскую проработку библиографии, которая является существенным критерием достоверности и верифицируемости полученных результатов, авторы статьи присоединяются к дискуссиям по экзистенциальной социологии и утверждают, что она должна определяться как исследование человеческого опыта и бытия в мире, или их существования, во всех их формах. Фундаментальным методом экзистенциальной социологии является непосредственный личный опыт, включая опыт нашей повседневной жизни, приобретенный благодаря часто четко определенной исследовательской практике. Всё это относится также к теории и практике кино как идентифицирующим меткам экзистенциальных отношений, что и было продемонстрировано на эмпирических примерах.

Предложенный стык кино, зрителей и экзистенциальной социологии, на наш взгляд, имеет ценный научный вклад в силу того, что предлагает сформулировать как практические, так и теоретические истины об опыте и повседневности, чтобы понять, как и почему мы именно так, а не иначе живем, чувствуем, думаем и действуем. В основе этой абстрактно определенной цели — то, ради чего и ради кого это должно происходить (Аристотель), лежит стремление понять источники наших действий и их последствий; откуда мы пришли и куда идем. И с этой интенцией переплетается наша внутренняя вера в то, что такое понимание в итоге поможет найти реалистичные решения многих социальных проблем, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Любая социология, не только экзистенциальная, которая стремится оставаться верной всему спектру человеческого опыта, призвана просто указать на человеческий опыт как на предмет нашего научного интереса.

Выводы по теории: экзистенциальное измерение смыслов и значений кинопроизводства знаменует собой концептуальный прорыв в ответе на фундаментальный вопрос социологии: «Как именно социальная конструкция как таковая (в нашем случае — социальная конструкция современного кино) представляет собой области бытия и существования мира и индивида?»; кроме того, экзистенциальное измерение любых смыслов и значений должно ориентироваться на опыт как таковой и практики повседневной жизни, при этом оно не должно начинать с узких, предвзятых целей, четко обозначенных границ или абсолютистских концепций методологической и методической обоснованности исследования. Представленное определение экзистенциальной социологии намеренно широкое, частично расплывчатое и определено открытое, однако его сила в том, что оно сформулировано не так, чтобы соответствовать существующим профессиональным границам или конвенциям. Оно открыто и ориентирует на творческий поиск мысли, а не на подтверждение предвзятых и заранее известных ответов. Ее главной це-

лью является приглашение других коллег присоединиться к поиску наиболее правдивого понимания нашей повседневной жизни.

Выводы по эмпирике: популярность у зрителя Тюмени приобретают фильмы, которые отсылают к известным сюжетам и любимым героям; переосмыслениям старых историй новой киноиндустрией, которая, однако, жертвует смысловой наполненностью и содержательной насыщенностью кинофильма, причем, как правило, в пользу и в поддержку эстетических высоких технологий современного кинопроизводства. Сравнительный анализ данных 20 наиболее рейтинговых фильмов по версии IMDb и «КиноПоиска» показал, что их сюжеты составляют проблемные поля экзистенциальной социологии: смысла существования, проблемы свободы, ответственности и выбора, абсурда, аутентичности существования, пограничной ситуации, одиночества и экзистенциальной коммуникации, смерти и пограничной ситуации, интегрального человека, заботы, добра, пользы, экзистенциального времени и становления, ответственности и выбора. Всё это говорит о том, что основные тенденции, наблюдаемые в киноиндустрии, достаточно прочно встроены в современные проблемы экзистенциальной социологии.

Список источников

- Бахтин М. М. 2000. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 336 с.
- Бочарникова И. С. 2022. Формирование образа страны в кино в условиях социальных противоречий российского общества как элемент культурной безопасности // *Caspium Securitatis*. Журнал каспийской безопасности. № 2 (4). С. 27–37. <https://caspiumsecuritatis.ru/index.php/csj/article/view/78> (дата обращения: 01.06.2024).
- Готлиб А. 2019. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты: монография. 3-е издание. М.: Флинта. 353 с.
- Давыденко В. А., Андрианова Е. В. 2023. «Теория существования» («existence theory») как новый подход в социологической теории и исследованиях: критический анализ (обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Серия 11: Социология. № 4. С. 104–124. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.06>
- Де Серто М. 2013. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 330 с.
- Евсеева Я. В., Ядова М. А. 2017. Социология кино и театра: История и современность: Введение к тематическому разделу // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. № 2. С. 6–20.
- Жабский М. И. 2020. Социология кино. М.: Гнозис. 512 с.
- Жабский М. И., Тарасов К. А. 2019. Российская социология кино в контексте развития общества // *Социологические исследования*. № 11. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250007449-6>
- Иосифян С. А., Гращенкова Е. Н. 1974. Кино и зритель (Экранная жизнь одной темы). М.: Всесоюзный Гос. ин-т кинематографии. 66 с.
- Касавина Н. А. 2022. Экзистенция и культура. М.: Весь Мир. 248 с.
- Климов Я. И. 2022. Феноменология кино: визуальный поворот и кризис содержания // *Общество: философия, история, культура*. № 6. С. 232–235.

- Корте Г. 2020. Введение в системный кино-анализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Пойнт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996) / авторы исслед. П. Дрекслер, Г. Корте, Г.-П. Роденберг, Й. Тиле; пер. с нем. М. Юдсон, Е. Смирновой (ч. 2, гл. II, III); под науч. ред. И. Кушнаревой; предисл. А. Павлова. М.: Изд. дом ВШЭ. 360 с.
- Кравченко А. И. 2022. Экзистенциальная социология и проблема пограничного существования // Социология. Журнал российской социологической ассоциации МГУ им. М. В. Ломоносова. № 2. С. 27–39.
- Куренной В. 2009. Философия фильма: упражнения в анализе. М.: Новое литературное обозрение. 232 с.
- Лубашова Н. И. 2008а. Феномен отечественной кинематографии в социокультурном пространстве России XX века: монография. Краснодар: Атри. 354 с.
- Лубашова Н. И. 2008б. Критериальная дуальность бифуркации развития отечественной кинематографии: анализ и прогностика // Аналитика культурологии. № 11. С. 170–181.
- Лубашова Н. И. 2015. Социология российской кинематографии эпохи социализма // Аналитика культурологии. № 1 (31). С. 86–92.
- Мартыненко Т. С. 2023. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. Том 29. № 2. С. 120–139. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-2-120-139>
- Мельников А. С. 2018. Экзистенциальная социология: проблема идентификации парадигмальной специфики: монография. Киев: Миллениум. 376 с.
- Ольденбург Р. 2014. Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое литературное обозрение. 456 с.
- Попов Е. А. 2024. Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом // Социологический журнал. Том 30. № 1. С. 8–25. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.1>
- Радаев В. В. 2023. Смотрим кино, понимаем жизнь: 20 социологических очерков / 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ. 400 с.
- Резник Ю. М. 2015. К феноменологии возможных миров человека: экзистенциальная онтология проектирования // Онтология проектирования. Том 5. № 4 (18). С. 450–462. <https://doi.org/10.18287/2223-9537-2015-5-4-450-462>
- Тихонова С. В. 2022. Как кино меняет социальную реальность: the social impact entertainment — социальное воздействие развлечений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Том 22. Вып. 2. С. 170–175.
- Троцук И. В., Субботина М. В. 2018. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. Том 6. № 4. С. 140–158.
- Федоров А. В. 2022. Лучшие и худшие фильмы советского кинопроката: мнения читателей журнала «Советский экран» (1958–1991): монография. М.: Информация для всех. 330 с.

- Чугунов А. М. 2014. Структура и функции кинематографа: опыт исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 10 (48): в 3 ч. Ч. I. С. 196–200.
- Alexander J. C. 2003. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press. 296 pp.
- Alexander J. C. 2019. *What Makes a Social Crisis? The Societalization of Social Problems*. Cambridge: Polity. 180 pp.
- Altenloh E. 1914. *Zur Soziologie des Kino*. Brigham Young University. BYU Scholars Archive. Prose Nonfiction / herausgegeben von Alfred Weber. Jena: Eugen Diederichs. 103 pp.
- Altenloh E. 2001. A sociology of the cinema: the audience // *Screen*. Vol. 42. Iss. 3. Pp. 249–293.
- Altenloh E. 2004. From a sociology of the cinema: the cinema business and the social strata of its audience // *German Essays on Film / R. W. McCormick, A. Guenther-Pal (eds.)*. New York; London: Continuum. Pp. 29–47.
- Andrew J. D. 1976. *The Major Film Theories. An Introduction*. New York: Oxford University Press. 288 pp.
- Andrew J. D. 1984. *Concepts in Film Theory*. New York: Oxford University Press. 256 pp.
- Andrew J. D. 2009. The core and the glow of film studies // *Critical Inquiry*. Vol. 35. No. 4. Pp. 879–915.
- Annola J., Lindberg H., Markkola P. (eds.). 2024. *Lived Institutions as History of Experience*. London: Palgrave Macmillan. 372 pp. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-38956-6>
- Bachmann-Medick D. 2016. *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture / transl. by A. Blauhut*. Berlin; Boston: De Gruyter. 302 pp. <https://doi.org/10.1515/9783110402988>
- Baert P., Morgan M., Ushiyama R. 2022. Existence theory: Outline for a theory of social behavior // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 22 (1). Pp. 7–29.
- Boardman F. 2019. Film Ontology: extension, criteria and candidates // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.)*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 3–29.
- Braudy L., Cohen M. (eds.). 2009. *Film Theory and Criticism*. New York: Oxford University Press. 928 pp.
- Braverman J., Reddy Pr., Park S. 2022. IMDb Movie Analysis // *Carnegie Mellon University. Statistics & Data Science*. 12 декабря. https://www.stat.cmu.edu/capstoneresearch/fall2022/315files_f22/team24.html (дата обращения: 20.06.2024).
- Carroll N. 2019. Medium specificity // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.)*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 3–29.
- Cavell S. 2019. What becomes of people on film? // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.)*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 335–257.
- De Certeau M. 2002. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press. 256 pp.
- De Certeau M., Giard L., Mayol P. (eds.). 1998. *The Practices of Everyday Life. Vol. 2: Living Cooking / transl. by T. J. Tomasik*. Berkeley: University of California Press. 240 pp.

- De Palma V. 2022. Phenomenology and British empiricism // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 73–86.
- De Santis D., Hopkins B. C., Majolino C. 2022. Introduction // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 1–9.
- Djian A., Majolino C. 2022. Phenomenon // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 352–367.
- Douglas J. D. (ed.). 1970a. *Understanding Everyday Life: Toward a Reconstruction of Sociological Knowledge*. Chicago: Aldine Pub. Co. 358 pp.
- Douglas J. D. (ed.). 1970b. *Deviance and Respectability*. New York: Basic Books. 468 pp.
- Douglas J. D. 2017. *Everyday Life. Reconstruction of Social Knowledge*. New York: Imprint Routledge eBook Published. 370 pp. <https://doi.org/10.4324/9781351327329>
- Douglas J. D., Johnson J. M. 2010/1977. *Existential Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 pp.
- Dudrah R. 2006. *Bollywood: Sociology Goes To the Movies*. SAGE Publications Pvt. Ltd. 212 pp.
- Eberle T. S. 2018. *Qualitative Cultural Sociology* // *The SAGE Handbook of cultural sociology* / D. Inglis, A.-M. Almila (eds.). SAGE Publications Ltd. Pp. 237–255.
- Eldridge R. 2019. *Analytic Philosophy of film: (contrasted with Continental Film Theory)* // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, S. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 237–258.
- Fedorov A. 2023. *Theoretical concepts of film studies in Cinema Art Journal: 1969–1985* // *International Journal of Media and Information Literacy*. Vol. 8. No. 1. Pp. 14–60. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.14>
- Gunning T. 2008. *Film Studies* // *The SAGE Handbook of Cultural Analysis* / T. Bennett, J. Frow (eds.). SAGE Publications Pvt. Ltd. Pp. 185–206.
- Heise T. S., Tudor A. 2018. *For a sociology of the cinema* // *The SAGE Handbook of Cultural Sociology* / D. Inglis, A.-M. Almila (eds.). SAGE Publications Ltd. Pp. 481–495.
- Heiss J. P. 2023. *An empirical approach to studying human existence* // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 275–285.
- Hopp W. 2022. *Perception* // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 339–351.
- Kotarba J., Fontana A. 1987. *The Existential Self in Society*. Chicago: University of Chicago Press. 256 pp.
- Kotarba J., Melnikov A. 2023. *Existential sociology* // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 12–23.
- Laurent P. 2022. *Life-world* // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 271–277.

- Nagib L. 2020. *Realist Cinema as World Cinema: Non-cinema, Intermedial Passages, Total Cinema*. Amsterdam: Amsterdam University Press; Illustrated edition. 302 pp.
- Nannicelli T. 2019. *The Television Medium* // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 949–971.
- Novotny K. 2022. *World* // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 435–442.
- Parker H. 2023. “View” and “Process”: early British industrial films and visual culture // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. Vol. 43 (4). Pp. 979–1000.
- Prinz J. 2019. *Affect and Motion Pictures* // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 893–921.
- Risser J. 2022. *Phenomenology and hermeneutics* // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 690–698.
- Shepherdson K. J., Simpson Ph., Utterson A. (eds.). 2003. *Film Theory: Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. New York: Routledge. 1552 pp.
- Shim M. K. 2022. *Ego* // *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* / D. de Santis, B. C. Hopkins, C. Majolino (eds.). London: Routledge. Pp. 167–174.
- Signorelli T. H., Tudor A. 2018. *For a Sociology of the Cinema* // *The SAGE Handbook of cultural sociology* / D. Inglis, A.-M. Almila (eds.). SAGE Publications Ltd. Pp. 481–495.
- Sinnerbrink R. 2019. *Filosofy / Film as Philosophy* // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 513–540.
- Sinnerbrink R. 2022. *Cinematic experience: from moving images to virtual reality* // *The Oxford Handbook of Film Theory* / K. Stevens (ed.). New York: Oxford University Press. Pp. 646–669.
- Skinner J. 2023. *Existentialism and tango social dance: The anthropology of (moving) events* // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 150–164. <https://doi.org/10.4324/9781003156697-4>
- Stepanov B. 2020. «Coming Soon?»: *Cinematic Sociology and the Cultural Turn* // *Российское социологическое обозрение*. Т. 19. № 4. С. 152–177. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-4-152-177>
- Stutterheim K. 2019. *Modern Film Dramaturgy. An Introduction*. New York: Peter Lang Pub Inc. 211 pp.
- Susen S. 2015. *The “Postmodern Turn” in the Social Sciences*. London: Palgrave Macmillan. 522 pp.
- Susen S. 2017. *Reflections on Patrick Baert’s ‘The Existentialist Moment: The Rise of Sartre as a Public Intellectual’* // *The Sociology of Intellectuals After ‘The Existentialist Moment’*. London, UK: Palgrave Macmillan. Pp. 1–122.

- Susen S. 2022. Critical remarks on Existence Theory: between Existentialism and Phenomenology // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 22 (1). Pp. 49–84.
- Taylor A. (ed.). 2015. *Theorizing Film Acting*. Routledge Advances in Film Studies. London: Routledge. 328 pp.
- Torterat G. 2023. Filming and describing an individual // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 285–293.
- Tröhler M., Kirsten G. (eds.). 2018. *Christian Metz and The Codes of Cinema: Film Semiology and Beyond (Film Theory in Media History)*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 484 pp.
- Tudor A. 1998. Sociology and film // *The Oxford Guide to Film Studies* / J. Hill, P. C. Gibson (eds.). Oxford; New York: Oxford University Press. Pp. 190–194.
- Tudor A. 1999. *Decoding Culture: Theory and Method in Cultural Studies*. SAGE Publications Ltd. 224 pp.
- Turvey M. 2019. Avant-Garde films as philosophy // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 573–600.
- Wardle H. 2023. Anthropology as an existential enquiry // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 36–49. <https://doi.org/10.4324/9781003156697-4>
- Wardle H., Piette A., Rapport N. 2023. General introduction: *The Routledge Handbook of Existential Human Science* // *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* / H. Wardle, N. Rapport, A. Piette (eds.). London: Routledge. Pp. 1–7.
- Wardle H., Rapport N., Piette A. (eds.). 2023. *The Routledge International Handbook of Existential Human Science*. London: Routledge. 304 pp.
- Wejbert-Wąsiewicz E. 2020. Film i kino jako przedmiot badań socjologicznych. Między tradycją a terażniejszością // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Sociologica*. № 73. Pp. 89–111. <https://doi.org/10.18778/0208-600X.73.06>
- Wiltsher N., Meskin A. 2019. The moving image // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht (eds.). London: Palgrave Macmillan. Pp. 49–70.

References

- Bakhtin, M. M. (2000). *Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities*. Azbuka. [In Russian]
- Bocharnikova, I. S. (2022). Formation of the image of the country in cinema in the context of social contradictions in Russian society as an element of cultural security. *Caspian Securitatis. Caspian Security Journal*, (2), 27–37. <https://caspiumsecuritatis.ru/index.php/csj/article/view/78> [In Russian]
- Gotlib, A. (2019). *Qualitative Sociological Research: Cognitive and Existential Horizons*. Fligta. [In Russian]
- Davydenko, V. A., & Andrianova, E. V. (2023). “Existence theory” as a new approach in sociological theory and research: a critical analysis (Review). *Social and Human Sciences*. Do-

- mestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (4), 104–124. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.06> [In Russian]
- De Serto, M. (2013). *The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Doing*. Publishing house of the European University in St. Petersburg. [In Russian]
- Evseeva, Ya. V., & Yadova, M. A. (2017). Sociology of cinema and theater: History and modernity: Introduction to the thematic section. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (2), 6–20. [In Russian]
- Zhabskiy, M. I. (2020). *Sociology of Cinema*. Gnozis. [In Russian]
- Zhabskiy, M. I., & Tarasov, K. A. (2019). Russian sociology of cinema in the context of social development. *Sociological Research*, (11), 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250007449-6> [In Russian]
- Iosifyan, S. A., & Grashchenkova, E. N. (1974). *Cinema and the Viewer (The Screen Life of the Same Topic)*. All-Union State Institute of Cinematography. [In Russian]
- Kasavina, N. A. (2022). *Existence and Culture*. Ves mir. [In Russian]
- Klimov, Ya. I. (2022). Phenomenology of cinema: visual turn and crisis of content. *Society: Philosophy, History, Culture*, (6), 232–235. [In Russian]
- Korte, H. (2020). *Einfü Hrunjin Die Systematische Filmanalyse Ein Arbeitsbuch Mit Beispielanalysen von Peter Drexler, Helmut Korte, Hans-Peter Rodenberg und Jens Thiele zu Zabriskie Point (Antonioni, 1969), Misery (Reiner, 1990), Schindler's List (Spielberg, 1993), Romeo and Juliet (Luhmann, 1996) (M. Yudson, E. Smirnova, Trans.; I. Kushnareva, Ed.; A. Pavlov, Intro.)*. Publishing house of the Higher School of Economics. [In Russian]
- Kravchenko, A. I. (2022). Existential sociology and the problem of borderline existence. *Sociology. Journal of the Russian Sociological Association*. Lomonosov Moscow State University, (2), 27–39. [In Russian]
- Kurennoy, V. (2009). *Film Philosophy: Exercises in Analysis*. New Literary Review. [In Russian]
- Lubashova, N. I. (2008a). *The Phenomenon of Domestic Cinematography in the Sociocultural Space of Russia in the 20th c. Atri*. [In Russian]
- Lubashova, N. I. (2008b). Criterion duality of the bifurcation of the development of domestic cinematography: analysis and prognosis. *Cultural Studies Analytics*, (11), 170–181. [In Russian]
- Lubashova, N. I. (2015). Sociology of Russian cinematography of the era of socialism. *Cultural Studies Analytics*, (1), 86–92. [In Russian]
- Martynenko, T. S. (2023). Cinema as a subject of sociological analysis: features of modern cinematography. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 29(2), 120–139. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-2-120-139> [In Russian]
- Melnikov, A. S. (2018). *Existential Sociology: The Problem of Identifying Paradigmatic Specificity*. Millennium. [In Russian]
- Oldenburg, R. (2014). *Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Hangouts as the Foundation of the Community*. New Literary Review. [In Russian]
- Popov, E. A. (2024). Searching for the foundations of the sociology of suffering: between existential and social experience. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 30(1), 8–25. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.1> [In Russian]

- Radaev, V. V. (2023). *Watching Movies, Understanding Life: 20 Sociological Essays*. Publishing house of the Higher School of Economics. [In Russian]
- Resnik, Y. M. (2015). To a phenomenology of possible human worlds: existential ontology of designing. *Ontology of Designing*, 5(4), 450–462. <https://doi.org/10.18287/2223-9537-2015-5-4-450-462> [In Russian]
- Tikhonova, S. V. (2022). How cinema changes social reality: the social impact entertainment - the social impact of entertainment. *News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 22(2), 170–175. [In Russian]
- Trotsuk, I. V., & Subbotina, M. V. (2018). Assessment of cinematographic influence on social representations of heroism: approbation of an approach. *Communicology (Russia)*, 6(4), 140–158. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-4-140-158> [In Russian]
- Fedorov, A. V. (2022). *The Best and Worst Films of the Soviet Film Distribution: Opinions of Readers of the Magazine Soviet Screen (1958–1991)*. Informatsiya dlya vseh. [In Russian]
- Chugunov, A. M. (2014). The structure and functions of cinema: research experience. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, (10), 196–200. [In Russian]
- Alexander, J. C. (2003). *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press.
- Alexander, J. C. (2019). *What Makes a Social Crisis? The Societalization of Social Problems*. Polity.
- Altenloh, E. (1914). *Zur Soziologie des Kino*. Brigham Young University. BYU Scholars Archive. Prose Nonfiction. Eugen Diederichs Jena Rights.
- Altenloh, E. (2001). A sociology of the cinema: the audience. *Screen*, 42(3), 249–293.
- Altenloh, E. (2004). From a sociology of the cinema: the cinema business and the social strata of its audience. In R. W. McCormick & A. Guenther-Pal (Eds.), *German Essays on Film* (pp. 29–47). Continuum.
- Andrew, J. D. (1976). *The Major Film Theories. An Introduction*. Oxford University Press.
- Andrew, J. D. (1984). *Concepts in Film Theory*. Oxford University Press.
- Andrew, J. D. (2009). The core and the glow of film studies. *Critical Inquiry*, 35(4), 879–915.
- Annola, J., Lindberg, H., & Markkola, P. (2024). *Lived Institutions as History of Experience*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-38956-6>
- Bachmann-Medick, D. (2016). *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110402988>
- Baert, P., Morgan, M., & Ushiyama, R. (2022). Existence theory: outline for a theory of social behavior. *Journal of Classical Sociology*, 22(1), 7–29. <https://doi.org/10.1177/1468795X21998247>
- Boardman, F. (2019). Film Ontology: Extension, Criteria and Candidates. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 3–29). Palgrave Macmillan.
- Braudy, L., & Cohen, M. (2009). *Film Theory and Criticism*. Oxford University Press.
- Braverman, J., Reddy, Pr., & Park, S. (Dec. 12, 2022). *IMDb Movie Analysis*. Carnegie Mellon University. Statistics & Data Science. Retrieved May 20, 2024, from https://www.stat.cmu.edu/capstonereseach/fall2022/315files_f22/team24.html
- Carroll, N. (2019). Medium Specificity. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 3–29). Palgrave Macmillan.

- Cavell, S. (2019). What Becomes of People on Film? In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 335–257). Palgrave Macmillan.
- De Certeau, M. (2002). *The Practice of Everyday Life*. University of California Press.
- De Certeau, M., Giard, L., & Mayol, P. (1998). *The Practices of Everyday Life, Vol. 2: Living Cooking*. University of California press Berkeley.
- De Palma, V. (2022). Phenomenology and British empiricism. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 73–86). Routledge.
- De Santis, D., Hopkins, B. C., & Majolino C. (2022). Introduction. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 1–9). Routledge.
- Djian, A., & Majolino, C. (2022). Phenomenon. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 352–367). Routledge.
- Douglas, J. D. (1970a). *Understanding Everyday Life: Toward a Reconstruction of Sociological Knowledge*. Aldine Pub. Co.
- Douglas, J. D. (1970b). *Deviance and Respectability*. Basic Books.
- Douglas, J. D. (2017). *Everyday Life. Reconstruction of Social Knowledge*. Imprint Routledge eBook Published. <https://doi.org/10.4324/9781351327329>
- Douglas, J. D., & Johnson, J. M. (2010/1977). *Existential Sociology*. Cambridge University Press.
- Dudrah, R. (2006). *Bollywood: Sociology Goes to the Movies*. SAGE Publications Pvt. Ltd.
- Eberle, T. S. (2018). Qualitative Cultural Sociology. In D. Inglis & A.-M. Almila (Eds.), *The SAGE Handbook of cultural sociology* (pp. 237–255). SAGE Publications Ltd.
- Eldridge, R. (2019). Analytic philosophy of film: (contrasted with continental film theory). In N. Carroll, L. di Summa Knoop & S. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 237–258). Palgrave Macmillan.
- Fedorov, A. (2023). Theoretical concepts of film studies in cinema art journal: 1969–1985. *International Journal of Media and Information Literacy*, 8(1), 14–60. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.14>
- Gunning, T. (2008). Film Studies. In T. Bennett & J. Frow (Eds.), *The SAGE Handbook of Cultural Analysis* (pp. 185–206). Sage Pubns.
- Heise, T. S., & Tudor, A. (2018). For a sociology of the cinema. In D. Inglis & A.-M. Almila (Eds.), *The SAGE Handbook of Cultural Sociology* (pp. 481–495). SAGE Publications Ltd.
- Heiss, J. P. (2023). An empirical approach to studying human existence. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 275–285). Routledge.
- Hopp, W. (2022). Perception. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 339–351). Routledge.
- Kotarba, J., & Fontana, A. (1987). *The Existential Self in Society*. University of Chicago Press.
- Kotarba, J., & Melnikov, A. (2023). Existential sociology. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 12–23). Routledge.

- Laurent, P. (2022). Life-world. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 271–277). Routledge.
- Nagib, L. (2020). *Realist Cinema as World Cinema: Non-cinema, Intermedial Passages, Total Cinema*. Amsterdam University Press; Illustrated edition.
- Nannicelli, T. (2019). The Television Medium. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 949–971). Palgrave Macmillan.
- Novotny, K. (2022). World. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 435–442). Routledge.
- Parker, H. (2023). “View” and “Process”: early British industrial films and visual culture. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 43(4), 979–1000. <https://doi.org/10.1080/01439685.2023.2218179>
- Prinz, J. (2019). Affect and motion pictures. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 893–921). Palgrave Macmillan.
- Risser, J. (2022). Phenomenology and hermeneutics. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 690–698). Routledge.
- Shepherdson, K. J., Simpson, Ph., & Utterson, A. (2003). *Film Theory: Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. Routledge.
- Shim, M. K. (2022). Ego. In D. de Santis, B. C. Hopkins & C. Majolino (Eds.), *The Routledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy* (pp. 167–174). Routledge.
- Signorelli, T. H., & Tudor, A. (2018). For a Sociology of the Cinema. In D. Inglis, A.-M. Almila (Eds.), *The SAGE Handbook of Cultural Sociology* (pp. 481–495). SAGE Publications Ltd.
- Sinnerbrink, R. (2019). Filmosophy/Film as Philosophy. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 513–540). Palgrave Macmillan.
- Sinnerbrink, R. (2022). Cinematic experience: from moving images to virtual reality. In K. Stevens (Ed.), *The Oxford Handbook of Film Theory* (pp. 646–669). Oxford University Press.
- Skinner, J. (2023). Existentialism and tango social dance: the anthropology of (moving) events. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 150–164). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003156697-4>
- Stepanov, B. (2020). “Coming Soon?”: cinematic sociology and the cultural turn. *Russian Sociological Review*, 19(4), 152–177. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-4-152-177>
- Stutterheim, K. (2019). *Modern Film Dramaturgy. An Introduction*. Peter Lang Pub Inc.
- Susen, S. (2015). *The “Postmodern Turn” in the Social Sciences*. Palgrave Macmillan.
- Susen, S. (2017). Reflections on Patrick Baert’s *The Existentialist Moment: The Rise of Sartre as a Public Intellectual*. In *The Sociology of Intellectuals After The Existentialist Moment* (pp. 1–122). Palgrave Macmillan.
- Susen, S. (2022). Critical remarks on existence theory: between existentialism and phenomenology. *Journal of Classical Sociology*, 22(1), 49–84. <https://doi.org/10.1177/1468795X211051514>
- Taylor, A. (2015). *Theorizing Film Acting. Routledge Advances in Film Studies*. Routledge.

- Torterat, G. (2023). Filming and describing an individual. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 285–293). Routledge.
- Tröhler, M., & Kirsten, G. (Eds.). (2018). *Christian Metz and The Codes of Cinema: Film Semiology and Beyond (Film Theory in Media History)*. Amsterdam University Press.
- Tudor, A. (1998). Sociology and film. In J. Hill & P. C. Gibson (Eds.), *The Oxford Guide to Film Studies* (pp. 190–194). Oxford University Press.
- Tudor, A. (1999). *Decoding Culture: Theory and Method in Cultural Studies*. SAGE Publications Ltd.
- Turvey, M. (2019). Avant-Garde Films as Philosophy. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 573–600). Palgrave Macmillan.
- Wardle, H. (2023). Anthropology as an existential enquiry. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 36–49). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003156697-4>
- Wardle, H., Piette, A., & Rapport, N. (2023). General introduction: *The Routledge Handbook of Existential Human Science*. In H. Wardle, N. Rapport & A. Piette (Eds.), *The Routledge International Handbook of Existential Human Science* (pp. 1–7). Routledge.
- Wardle, H., Rapport, N., & Piette, A. (Eds.). (2023). *The Routledge International Handbook of Existential Human Science*. Routledge.
- Wejbert-Wąsiewicz, E. (2020). Film i kino jako przedmiot badań socjologicznych. Między tradycją a teraźniejszością. *Acta Universitatis Lodzianensis Folia Sociologica*, (73), 89–111. <https://doi.org/10.18778/0208-600X.73.06>
- Wiltsher, N., & Meskin, A. (2019). The Moving Image. In N. Carroll, L. di Summa Knoop & Sh. Loht (Eds.), *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* (pp. 49–70). Palgrave Macmillan.

Информация об авторах

Елена Владимировна Андрианова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Владимир Александрович Давыденко, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Анжелика Сергеевна Черненко, магистрант кафедры общей и экономической социологии, менеджер научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия stud0000297227@study.utmn.ru

Information about the authors

Elena V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia; Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Vladimir A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia

v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Anzhelika S. Chernenko, Master's Student of the Department of General and Economic Sociology, Manager of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia

stud0000297227@study.utmn.ru

Приложение

Табл. 1. Опрос посетителей кинотеатров Тюмени по заказу их владельцев (выборка 2 502 чел.; 9 февраля — 10 марта 2024 г.)

Table 1. Survey of moviegoers in Tyumen commissioned cinemas (sample: 2,502 people; Feb. 9–Mar. 10, 2024)

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанр	Смысловое описание сюжета
1	Мастер и Маргарита	7,8	драма, фэнтези, мелодрама	Фильм представляет собой оригинальную интерпретацию знакомой истории: произведение московского писателя не отвечает требованиям цензуры, что становится причиной создания своего мира — убежища от невыносимой реальности. В картине делается акцент на теме самоубийства (которое становится сюжетообразующим приемом) и отчетливо проступает концепция «жизненного мира» (мира Мастера, сплетающего в себе реальное и вымышленное)
2	Лёд 3	8,2	мелодрама	Кинокартина является типичным представителем мелодраматического жанра с романтическим сюжетом, базирующимся на теме борьбы с неблагоприятными условиями и стремлением к цели; являясь триквелом, фильм почти дословно повторяет историю первого фильма франшизы, при этом делая больший упор на тему отцов и детей
3	Конец славы	6,8	комедия	В основе истории своеобразная интерпретация триллера «Погребенный заживо», повторяя сюжет с пребыванием главного героя в гробу; борьба за жизнь с последующим пониманием безвыходности ситуации и страх смерти становятся триггером для глубоких психических изменений и переосмысления собственной жизни

Продолжение табл. 1
Table 1 (continued)

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанр	Смысловое описание сюжета
4	Бременские музыканты	6,7	приключения, семейный, фэнтези, комедия	Являясь переосмыслением популярного советского мультфильма, представляемый фильм сосредоточивается на расширении знакомого сюжета в сторону предыстории главного героя и большего реализма: герои отходят от своего сказочного образа, становясь личностями под гнетом пережитого опыта (смерть родителя, бедность, лишение свободы, предательство)
5	Холоп 2	7,1	комедия	В фильме очевидна сиквелизация с почти идентичным первому фильму серии сюжетом, сосредоточенным на переосмыслении себя и своей жизни в критической ситуации
6	Астрал. Ритуал Малум	5,0	ужасы	Типичный представитель своего жанра, который, несмотря на характерную для жанра эксплуатацию темы смерти, никаким глубоким экзистенциальным смыслом не наделен
7	Воздух	6,8	военный, драма, история	Фильм демонстрирует историю времен Великой Отечественной войны, в которой неподготовленные молодые девушки переживают «конец» своего мира, осознают смерть, принимают борьбу как единственно верный способ дальнейшего существования
8	Три мушкетера: Миледи	6,9	боевик, драма, приключения, история	Фильм, являясь интерпретацией знаменитой истории (акценты в которой смещаются в сторону динамичного триллера с политико-религиозными интригами), предлагает взглянуть на взаимоотношения знакомых героев с нового ракурса, представив Миледи в качестве антагонистки, сформировавшейся под влиянием обстоятельств

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанр	Смысловое описание сюжета
9	Одна жизнь	8,5	драма, биография, история	История о человеке, спасшем сотни еврейских детей; фильм сфокусирован на теме обретения смысла жизни, борьбы с окружающей действительностью и бесценности человеческой жизни
10	Аквамен и потерянное царство	6,1	фантастика, фэнтези, боевик, приключения	Кинокартина — образец ушедшей героической эпохи, представляющий из себя старомодный фильм-путешествие с чередой сменяющихся экшн-сцен и поверхностным раскрытием темы ответственности и семейных ценностей

Источник: составлено авторами на основе данных «КиноПоиска»¹.

Source: compiled by the authors based on the Kinopoisk data¹.

Табл. 2. Анализ десяти наиболее рейтинговых фильмов, по данным IMDb

Table 2. Analysis of 10 most rated films according to IMDb

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанр	Затрагиваемые фильмом экзистенциальные проблемы
1	Побег из Шоушенка	9,3	драма	Проблемы свободы, ответственности и выбора; смысла существования; абсурда (столкновение концепции ограничения свободы и априорной экзистенциальной свободы); аутентичности существования; пограничной ситуации; заботы о другом; добра
2	Крестный отец	9,2	криминал, драма	Проблема аутентичности существования; свободы, ответственности и выбора
3	Темный рыцарь	9,0	экшн, криминал, драма	Проблемы свободы, ответственности и выбора; абсурда (столкновение анархии с личной свободой); аутентичности существования; пограничной ситуации

¹ Фильмы 2024 года // Кинопоиск. https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/year--2024/?b=films&utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 01.06.2024).

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанр	Затрагиваемые фильмом экзистенциальные проблемы
4	Крестный отец 2	9,0	криминал, драма	Проблемы смысла и бессмысленности существования; аутентичности существования; одиночества и экзистенциальной коммуникации; свободы, ответственности и выбора
5	12 разгневанных мужчин	9,0	криминал, драма	Проблемы одиночества (поднимаются вопросы общественной пассивности) и экзистенциальной коммуникации; свободы, ответственности и выбора
6	Список Шиндлера	9,0	биография, драма, история	Проблемы смысла и бессмысленности существования; аутентичности существования; смерти и пограничной ситуации; экзистенциального времени и становления; свободы, ответственности и выбора; заботы о другом
7	Властелин колец: Возвращение короля	9,0	экшн, приключение, драма	Проблемы свободы, смысла жизни, ответственности и выбора; добра
8	Криминальное чтиво	8,9	криминал, драма	Проблемы свободы, ответственности и выбора
9	Властелин колец: Братство кольца	8,9	экшн, приключение, драма	Проблемы одиночества и экзистенциальной коммуникации; свободы, ответственности и выбора; добра
10	Хороший, плохой, злой	8,8	приключение, вестерн	Проблемы одиночества и экзистенциальной коммуникации, интегрального человека (поднимается тема человеческой индивидуальности и общая десакрализация прилагательных (нет «хороших», «плохих» и «злых» людей — есть непонимание «другого» и обстоятельства)

Источник: составлено авторами на основе данных IMDb¹.

Source: compiled by the authors based on the IMDb data¹.

¹ IMDb Top 250 Movies // IMDb. <https://www.imdb.com/chart/top/> (дата обращения: 01.06.2024).

Табл. 3. Анализ десяти рейтинговых фильмов, по данным «КиноПоиска»**Table 3.** Analysis of the 10 most rated films according to the KinoPoisk data

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанры	Затрагиваемые фильмом экзистенциальные проблемы
1	1+1	8,9	драма, комедия	Проблемы экзистенциальной коммуникации и одиночества; свободы, ответственности и выбора; интегрального человека
2	Зеленая миля	8,9	драма, фэнтези, криминал	Проблемы бессмысленности бытия и наличия смысла, одиночества и экзистенциальной коммуникации; смерти и пограничной ситуации; экзистенциального времени и становления; свободы, ответственности и выбора; интегрального человека
3	Форрест Гамп	8,8	драма, комедия, мелодрама, история, военный	Проблемы аутентичности существования; интегрального человека (фильм демонстрирует «жизненный мир» аутентичного человека с низким IQ)
4	Унесенные призраками	8,7	аниме, мультфильм, фэнтези, приключения, семейный	Проблемы аутентичности существования; одиночества и экзистенциальной коммуникации; экзистенциального времени и становления; свободы, ответственности и выбора
5	Побег из Шоушенка	8,7	драма	Проблемы свободы, ответственности и выбора; смысла существования, абсурда (столкновение концепции ограничения свободы и априорной экзистенциальной свободы); аутентичности существования; пограничной ситуации
6	Бойцовский клуб	8,7	триллер, драма, криминал	Проблемы смысла и бессмысленности существования; абсурда; аутентичности и идентичности; одиночества и экзистенциальной коммуникации; массового и информационного общества; свободы, ответственности и выбора
7	Криминальное чтиво	8,6	криминал, драма	Проблемы ответственности, свободы и выбора; смысла и бессмысленности бытия

Окончание табл. 3

Table 3 (end)

Ранг	Название фильма	Рейтинг	Жанры	Затрагиваемые фильмом экзистенциальные проблемы
8	Интерстеллар	8,6	фантастика, драма, приключения	Проблемы экзистенциального времени; свободы, ответственности и выбора
9	Ходячий замок	8,6	аниме, мультфильм, фэнтези, мелодрама, приключения	Проблемы аутентичности и идентичности; одиночества и экзистенциальной коммуникации; экзистенциального времени и становления; свободы, ответственности и выбора; интегрального человека
10	Шрэк	8,5	мультфильм, фэнтези, мелодрама, комедия, приключения, семейный	Проблемы ответственности, выбора и свободы индивида; аутентичности и идентичности существования; массового и информационного общества; интегрального человека

Источник: авторская разработка на основе данных «КиноПоиска»¹.

Source: compiled by the authors based on the Kinopisk data¹.

¹ 250 лучших фильмов // КиноПоиск. <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/top250/> (дата обращения: 01.06.2024).

Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации

Галина Валентиновна Леонидова^{1,2} ✉

¹ Университет науки и информационных технологий, Уфа, Россия

² Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия
Контакт для переписки: galinaleonidova@mail.ru ✉

Аннотация. Целью исследования является анализ особенностей платформенного труда в Российской Федерации и рисков занятости работников, использующих для работы цифровые платформы или интернет-сервисы. В качестве эмпирической базы использованы открытые данные социологических опросов по данной проблематике НИУ ВШЭ, ФГБУН ВолНЦ РАН. Объектом исследования являются работники нестандартных форм занятости, в т. ч. участники цифровых трудовых платформ. Выявлено, что платформенная занятость имеет риски прекаризации, поскольку у работников не определен статус их занятости, наблюдается слабая социальная защищенность работающих. Определено, что нестандартные формы занятости, к которым можно отнести и платформенную, имеют как свои преимущества (более высокий уровень заработной платы, большую свободу в выборе границ рабочего времени, режима труда и отдыха), так и недостатки (отсутствие механизма защиты трудовых прав и социальных гарантий, ненормированный график и переработки). Выделены черты портрета платформенных работников, в основном аналогичные тем, которые описаны в ряде других научных публикаций: преобладание мужской рабочей силы, горожан, преимущественно с профессиональным образованием высшего и среднего специального уровня, средних возрастов. Показано, что отсутствие социальной защищенности, как главный критерий рисков прекаризованной занятости, воспринимается работниками с точки зрения их предпочтений. Результаты исследования дают новую информацию о качестве трудового потенциала работников нестандартных форм занятости, в т. ч. и платформенных работников. Данные свидетельствуют о более низком качестве тех, чья работа связана с разъездным характером (курьер, водитель), неполной занятостью, вахтой. В то же время у платформенных работников и лиц с гибким графиком работ индексы качества трудового потенциала выше, чем в среднем по населению региона. Практическая значимость исследования

состоит в возможности применения его результатов при оценке масштабов занятости на платформенных сервисах.

Ключевые слова: экономика труда, платформенная занятость, качество трудового потенциала, самозанятость, риски прекаризации

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности» (2023–2025 гг.).

Цитирование: Леонидова Г. В. 2024. Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-39-52>

Поступила 11.11.2024; одобрена 27.11.2024; принята 27.11.2024

Platform work in Russia: employment features and precarization risks

Galina V. Leonidova^{1,2} ✉

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

² Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia

Corresponding author: galinaleonidova@mail.ru ✉

Abstract. This article analyzes the features of platform employment in Russia and the related employment risks of workers on digital platforms or Internet services for finding work. The empirical base includes open data from sociological surveys on this survey by the Higher School of Economics and the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Academy of Sciences. The object of the study is employees of non-standard forms of employment, including participants in digital labor platforms. The results have revealed that platform employment has precarization risks, since employees have no defined employment status and weak social protection of workers. Non-standard forms of employment, which can also include platform employment, have both their advantages (higher wages, greater freedom in choosing the boundaries of working hours, work and rest) and disadvantages (lack of a mechanism for protecting labor rights and social guarantees, irregular schedules and overworking). The features of platform workers portrait are highlighted, mostly similar to those described in a number of other academic publications: predominance of the male workforce, urban residents, mainly with higher and secondary specialized professional education, and middle age. The author shows that the lack of social

security, as the main criterion for the risks of precarious employment, is perceived by employees in terms of their preferences. The data indicate a lower quality of those whose work is associated with a traveling nature (courier, driver), part-time work, shift work. At the same time, platform workers and people with flexible work schedules have higher quality indices of labor potential than the average for the region's population. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in assessing the scale of employment on platform services.

Keywords: sociology of labor, platform employment, quality of labor potential, self-employment, risks of precarization

Acknowledgements: the study was conducted with the support of the Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00775).

Citation: Leonidova, G. V. (2024). Platform work in Russia: employment features and precarization risks. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-39-52>

Received Nov. 11, 2024; Reviewed Nov. 27, 2024; Accepted Nov. 27, 2024

Введение

Эксперты Международной организации труда (МОТ) отмечают, что в настоящее время «рынки труда находятся под давлением совокупного воздействия нескольких мегатрендов»¹, в частности процессов дестандартизации занятости, усиливающих «скорость генерации новшеств, рост... ИКТ-технологий, гигантские темпы развития и диверсификации сектора услуг... исчезновение многих отраслей и быстрое устаревание трудовых навыков, знаний и компетенций, нарастание непредсказуемости многих процессов, истощение возможностей традиционных моделей экономики труда» [Варавва, Лазарева, 2022]. Одним из процессов дестандартизации стало формирование платформенной занятости — формы нестандартных трудовых отношений, получившей импульс в период пандемии COVID-19. Ее распространение затрагивает как целые отрасли, так и отдельные виды социально-экономической деятельности, которые становятся катализаторами экономического роста.

Скорость развития платформенных отношений привела к тому, что в научной литературе появился термин «платформенная экономика», употребляющийся наряду или вместо устоявшегося конструкта «цифровая экономика». Представители платформ, выступая в июне 2023 г. на совместном заседании трех Советов Торгово-промышленной палаты РФ на тему: «Перспективы развития и правового регулирования платформенной занятости в России», указали, что «к 2025 г. в платформенную занятость будет вовлечено порядка 20–25 млн чел., тогда как сегодня их численность колеблется в пре-

¹ The future of work. OECD Employment Outlook 2019 // OECD. https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2019_9ee00155-en.html (дата обращения: 01.12.2024).

делах 7–10 млн, т. е. увеличение составит минимум в 3 раза»¹. Платформенные занятые, а это примерно 3,5 млн чел., получают доход от нее на постоянной основе, «1,5 млн чел. из них считают такой способ заработка основным»².

В связи с этим вопросы исследования платформенной занятости приобретают особую актуальность. Цель исследования направлена на анализ особенностей занятости работников, использующих для работы цифровые платформы или интернет-сервисы.

Обзор литературы

Термин «платформенная экономика» активно исследуется в научном сообществе. Согласно выводам ученых НИУ ВШЭ, она определяется как «динамично развивающаяся система, включающая рынки и отрасли экономики; цифровые платформы и технологии; среду, создающую условия для развития платформ и технологий» [Гохберг и др., 2023].

Другие авторы определяют платформенную экономику как «систему хозяйствования, выделившуюся из цифровой экономики, основанную на деятельности онлайн-посредников (операторы платформ), которые функционируют в виде интернет-платформ, дополняя традиционную экономику и обеспечивая специфическими методами процессы производства, распределения, обмена и потребления благ» [Рожкова, 2017].

Кроме этого, сущность платформенной экономики рассматривается также как «совокупность сообществ различных участников, создающих ценность путем взаимодействия и конкуренции» [Tiwana, 2014; Parker и др., 2016], как экосистема, направленная «на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления транзакций между несколькими группами сторонних пользователей» [Гелисханов и др., 2018], как «экономика виртуальных площадок» [Kalleberg, 2016], «экономика совместного пользования», «распределенная экономика», экономика «свободного заработка», «экономика по запросу», экономика «разнообразия форм занятости».

Так или иначе, все эти подходы рассматривают новую экономику как модель цифрового посредничества на рынке труда, в рамках которого глобальные и локальные платформы объединяют различных участников экономических и социально-трудовых отношений.

В связи с развитием новых форм занятости в платформенной экономике исследователи анализируют особенности рынка труда, выявляя как общие черты, так и отличия в характере влияния гиг-экономики на рынок труда стран, включая экономические и со-

¹ Совместное заседание Совета ТПП РФ по развитию электронной коммерции, Совета ТПП по развитию информационных технологий и цифровой экономики, Комитета ТПП РФ по образованию и социальной политике, Совета ТПП РФ по устойчивому развитию бизнеса, корпоративной социальной ответственности и волонтерству на тему: «Перспективы развития и правового регулирования платформенной занятости в России»: трансляция. 2023. <https://www.youtube.com/watch?v=cJZjMoqLPmA> (дата обращения: 27.06.2024).

² Там же.

циальные аспекты¹, определяя преимущества и недостатки платформенных сервисов [Груздева, Заборовская, 2021].

Исследования Института социальной политики НИУ ВШЭ посвящены оценке размеров платформенной занятости в России, основных мотивов и барьеров включения работников в платформенную занятость [Синявская и др., 2022]. Специальный фокус ученых сделан на влиянии коронакризиса на развитие платформенного сегмента и возможных перспективах его развития в условиях санкционного давления.

Центр стратегических разработок (ЦСР) России провел исследование, посвященное изучению природы платформенной занятости, анализу практик регулирования правоотношений между цифровыми платформами и платформенными занятыми, в том числе взаимоотношений с точки зрения недопущения дискриминации и других ограничений конкуренции, социального и пенсионного обеспечения, а также разработке потенциальных направлений совершенствования регулирования платформенной занятости в России².

Попытка обозначить подходы к трактовке новых форм нестандартной занятости (фриланс, платформенная занятость, самозанятость, аутстаффинг и др.) привела исследователей к выводу об отсутствии четких и однозначных трактовок данных дефиниций, при этом отмечено, что в них присутствует значительный неформальный компонент [Кубишин, 2022].

В научной литературе встречается несколько формулировок платформенной занятости. Так, Европейский фонд улучшения условий жизни и труда определяет ее как «форму занятости, при которой организации или отдельные лица используют онлайн-платформу для доступа к другим организациям или частным лицам для решения конкретных проблем или для предоставления определенных услуг в обмен на оплату» [Hauben, 2020]. А занятыми в платформенной экономике являются люди, использующие приложение (например, Uber) или веб-сайт (например, «Авито»), чтобы найти клиентов и предоставить услугу за деньги. Следует отметить, что определение платформенной занятости не вошло в новый Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации»³. Было принято решение о подготовке специального закона по данной проблеме.

¹ Международный опыт позитивного влияния платформенной экономики на национальные рынки труда // Институт региональных проблем. 2021. 20 июля. <https://www.irpr.ru/2021/07/20/mezhdunarodnyj-opyt-pozitivnogo-vliyanija-platfornennoj-ekonomiki-na-nacionalnye-rynki-truda/> (дата обращения: 23.06.2024).

² Платформенная занятость: вызовы и возможные решения: аналитический доклад. 2022. М.: ЦСР. 71 с. <https://www.csr.ru/ru/research/platformennaya-zanyatost-vyzovy-i-vozmozhnyeh-resheniya/> (дата обращения: 13.12.2024).

³ И. Святенко: Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений // Совет Федерации. 2024. 5 апреля. <http://council.gov.ru/events/news/155295/> (дата обращения: 22.11.2024).

Платформенную занятость представляют в виде «трехстороннего взаимодействия онлайн-платформ, платформенных занятых, т. е. физических лиц, оказывающих услуги через онлайн-платформы, и клиентов (заказчиков)»¹.

Российские работодатели трактуют платформенную занятость как «деятельность граждан по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг, организуемую юридическим лицом и (или) индивидуальным предпринимателем (оператором цифровой платформы занятости) и осуществляемую на основе заключаемых гражданско-правовых договоров между оператором цифровой платформы занятости и платформенным занятым и между заказчиком работ (услуг) и платформенным занятым»². При этом платформенный занятый является гражданином, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, и (или) самозанятым гражданином, осуществляющим выполнение работ и (или) оказание услуг в личном качестве без привлечения третьих лиц с использованием цифровой платформы занятости.

Таким образом, мы видим наличие разночтений в определении платформенной занятости и платформенного работника. Основное различие состоит в характеристике отношений, возникающих при работе на платформе. Это либо трудовые отношения, и их юрисдикция относится к Трудовому кодексу, либо гражданско-правовые отношения, регулируемые административным законодательством.

Еще одной стороной несформированности/неоднозначности понятий являются проблемы с отнесением к числу платформенных занятых таких работников, как самозанятые, фрилансеры и т. п.

Под фрилансерами понимаются «независимые профессионалы высокой квалификации, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализуют свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиками единственного заказчика» [Стребков, Шевчук, 2010]. Сегодня «фрилансер» является наиболее общим и часто употребляемым определением для «независимых IT-специалистов, дизайнеров, журналистов, копирайтеров, переводчиков и представителей других профессий, требующих специального образования, сравнительно высокой квалификации и творческого вклада, работающих на проектной основе с различными заказчиками» [Стребков, Шевчук, 2022].

Противоречие в отношении фрилансеров заключается, с одной стороны, в их самостоятельной реализации своих услуг, с другой стороны, — в необходимости оформления отношений с оператором платформы. Кроме того, такая группа является трудноисследуемой. Трудности состоят в ее индентифицировании (сложно выделить из основной массы работников), также практически невозможно рассчитать репрезентативную выборку для исследования, сложно осуществлять с ними контакты [Стребков, Шевчук, 2022].

Такая же картина с отнесением к числу платформенных работников самозанятого населения. В научной литературе к самозанятым часто относят всех, кто работает

¹ Платформенная занятость... 2022.

² Совместное заседание Совета ГПП. 2023.

не по найму и получает вознаграждение в виде прибыли, а не фиксированный доход по типу заработной платы. В основе действующего в настоящее время инструментария выборочных обследований рабочей силы Росстата лежит подход, определяющий самозанятость как «обобщенное и родовое понятие по отношению к иным определениям, таким как бизнес, предпринимательство и др.» [Воловская и др., 2012]. К числу самозанятых относят работодателей, предпринимателей, а также лиц, работающих за свой счет, членов производственных кооперативов и/или домашних хозяйств. С 2019 г. в России проводится легализация деятельности самозанятого населения. Введен специальный режим, согласно которому физические лица стали иметь возможность вести хозяйственную деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и уплачивать минимальный налог — налог на профессиональный доход [Попов, Баймурзина, 2021]. Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД), составляет сегодня 7,5% от общей численности населения России (рис. 1). Только за три последних года (2022–2024 гг.) число самозанятых выросло в 1,6 раза. Онлайн-платформы для самозанятых становятся основным каналом поступления работы и заказов.

Рис. 1. Динамика самозанятости в РФ

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС¹.

Fig.1. Dynamics of self-employment in Russia

Source: compiled by the authors according to EMISS data¹.

В категориальном поле часто идет смешение определений самозанятого и предпринимателя, самозанятого и фрилансера. Кроме того, к работе на цифровых платформах также относят (в различных вариантах) случайный труд, временный заемный труд, зависимую самозанятость, квазисамостоятельную занятость, неформальный труд, сдельный

¹ Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) (12) // ЕМИСС. Государственная статистика. 2024. <https://www.fedstat.ru/indicator/61226> (дата обращения: 01.12.2024).

труда, труд на дому и краудворкинг. Поэтому данная сфера трудовых отношений важна для исследования с целью более четкого разграничения категорий занятого населения, использующего платформы.

Методы

В качестве эмпирической базы использованы открытые данные социологических опросов по данной проблематике НИУ ВШЭ, ФГБУН Вологодского научного центра РАН (мониторинг качества трудового потенциала, который проводится по оригинальной методике с 1997 г.¹). В основе мониторинга — концепция качественных характеристик населения [Леонидова и др., 2018]. Применяемая в исследовании методика позволяет оценить в индексной форме (от 0 до 1) восемь базовых качеств трудового потенциала: физическое и психическое здоровье, знаниевый потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении, для оценки которых применяются шкалы Лайкерта. Интегральным показателем качества трудового потенциала, согласно методике, является социальная дееспособность.

Результаты опроса проанализированы с точки зрения особенностей занятости населения, использующего следующие формы трудовой деятельности, ответы 290 (19,2%) респондентов, преодолевших внутренний фильтр анкеты и ответивших положительно на вопрос: «Какие черты лучше всего характеризуют Вашу основную работу за последние 6 месяцев» с вариантами ответов: «гибкий график работы с возможностью самостоятельно определять рабочее время», «разъездная/подвижная работа, предполагающая постоянные перемещения: курьер, водитель и т. д.)», «неполная занятость (сокращенный день/неделя)», «вахта», «платформенная занятость (контакт с клиентом осуществляется на определенной цифровой платформе: «Яндекс.Такси», Avito, «Профи.ру», FL.ru, Kwork.ru и т. д.)».

Методология исследования заключается в использовании общенаучных методов: анализа, сравнения, обобщения, абстрагирования.

Результаты и обсуждение

Исследования ученых НИУ ВШЭ свидетельствуют о достаточно скромной доле российского рынка платформенной занятости в общей структуре глобального гиг-рынка (менее 1%). Отмечается, что «большинство российских платформенных занятых работают через агрегаторы и онлайн-сервисы со средней продолжительностью 27 часов в неделю

¹ Опросы проходят в городах Вологде, Череповце и 8 районах: Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском. Отбор респондентов ведется по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1 500 чел. Величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

и оплатой труда в 408 руб./час.»¹. При этом число таких работников в Российской Федерации варьируется от 2 до 5 млн чел., что сопоставимо с другими странами мира [Варавва, Лазарева, 2022].

Последние данные, которыми располагает НИУ ВШЭ, указывают на то, что во II квартале 2024 г. численность платформенных работников составила 3,2 млн чел.².

Представленный сотрудниками НИУ ВШЭ портрет платформенного занятого в 2023 г. выглядел следующим образом: жители городов (доля работающих через платформы среди городского населения составляет 4,7%, среди сельского — 3,5%); мужчины — 5%, и 3,8% — женщины, лица средних возрастных групп (на лиц в возрасте 30–49 лет приходится 62,2%) и, в основном, лица с высшим образованием³.

Исследования Вологодского научного центра РАН показывают практически те же характеристики занятых на платформах непосредственно либо отметивших иные черты своей основной работы, те виды занятости, которые так или иначе могут быть связаны с платформами (разъездная/подвижная работа, предполагающая постоянные перемещения: курьер, водитель и т. д.; гибкий график работы с возможностью самостоятельно определять рабочее время; вахта). Так, в формате гибкого режима трудятся и мужчины, и женщины практически в равных долях (49 и 51% соответственно), в ситуации неполной занятости преобладают женщины (63%), в работах, связанных с разъездами (курьер и т. д.), в основном заняты мужчины (85%). Вахтовые работы также остаются за мужским населением (100%), среди платформенных занятых отмечается небольшой перевес мужчин. У большинства работающих в данных нестандартных формах занятости образование среднее специальное. Наибольшая доля их в сегменте платформенных работников (62,5%). Вторая группа по образованию — лица с высшим уровнем, их наибольшее представительство среди тех, кто работает на условиях неполной занятости. Превалирование горожан в данных видах занятости также очевидно. Однако среди тех, кто конкретно указал своим основным местом работы цифровую платформу, такого преимущества не отмечается: 50 на 50%. Скорее всего, в отсутствие работы на селе, платформенная занятость привлекает своими преимуществами, которые связаны со свободой в выборе графика и объема работы; с низкими барьерами входа и т. д.

Согласно используемой в ФГБУН ВолНЦ РАН методике измерения качественных характеристик трудового потенциала, отметим, что у представителей нестандартных форм занятости уровень заработной платы выше, чем у работающих полный рабочий день (табл. 1). Причем наибольший ее показатель у вахтовых работников (60 тыс. руб. против 44 тыс. руб.). При этом индекс качества трудового потенциала последних чрез-

¹ Савосин Д. Средний заработок занятых через платформы в России, по подсчетам аналитиков, составил 408 рублей в час // RB.RU. <https://rb.ru/news/employed-platforms/> (дата обращения: 22.11.2024).

² Демьянова А., Талакаускас Д., Покровский С. Платформенная занятость в России / НИУ ВШЭ // Новости ИТ-канала. 2024. 16 октября. <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=180338> (дата обращения: 23.11.2024).

³ Там же.

вычайно низкий (0,623 ед.). Это объясняется более низким уровнем образования вахтовых рабочих.

Табл. 1. Некоторые характеристики труда работников с разными видами занятости

Table 1. Some features of labor by workers of different employment types

Вид занятости	Кач-во труд. потенциала, индекс	Ср. заработная плата, руб.
Полный рабочий день	0,679	44 162
Гибкий график работы (может самостоятельно определять рабочее время)	0,688	46 358
Разъездная/подвижная работа (предполагает постоянные перемещения: курьер, водитель, строитель, проводник и т. д.)	0,648	45 872
Удаленная занятость (на основе использования современных средств связи)	0,681	38 429
Неполная занятость (сокращенный день/неделя)	0,650	31 480
Вахтовый метод	0,623	60 043
Платформенная занятость (контакт с клиентом осуществляется на определенной цифровой платформе: «Яндекс.Такси», Avito, «Профи.ру», FL.ru, Kwork.ru и т. д.)	0,673	49 000

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала ФГБУН ВолНЦ РАН, № = 1 500, 2024 г.

Source: monitoring data on the quality of labor potential in Vologda Research Center of RAS, No. = 1,500, 2024.

Значения индексов качества трудового потенциала платформенных занятых сопоставим со значением общего индекса всего населения Вологодской области, на территории которой проведен опрос (0,673 и 0,674 соответственно). По уровню заработной платы эти работники занимают вторую позицию, имея почти 50 тыс. руб. в месяц.

В то же время нужно отметить, что такие нестандартные виды занятости сопряжены с рисками прекаризации труда. Основной вопрос прекаризации — социальная защищенность работников — вплотную зависит от того, как оформлены трудовые отношения. И здесь мы видим, что среди платформенных работников большинство позиционирует себя как самозанятые (62,5%), остальные 37,5% распределились поровну между бессрочным (постоянным) договором, договором-подрядом и устной договоренностью. Достаточно высокой оказалась доля самозанятых среди тех, кто отметил, что работает полный рабочий день (29,3%). Вероятно, это обусловлено отсутствием в анкете такого утверждения, в результате чего самозанятые граждане распределили себя среди всех предложенных видов занятости, хотя можно было бы занести себя в графу «другое». Наибольшая доля устных договоренностей отмечается в категориях вахтовиков (22%) и работников с гибкими условиями труда (13,2%). Оформление трудовых отношений

в виде договоров подряда больше представлено также среди вахтовых тружеников (33,3%) и курьеров (16,2%).

На вопрос «Какие социальные гарантии предоставляются работодателем по вашему основному месту работы?» половина опрошенных платформенных занятых ответили отрицательно (50%). Такой же отрицательный ответ можем наблюдать практически у всех работников нестандартных форм занятости: 31,3% — у работников с неполной занятостью, 33,3% — у вахтовиков. При этом те, кто работает без оформления трудового договора с работодателем, в качестве причины данного положения называют то, что «и работодателю, и себе лично выгодно не заключать трудовой договор». Такой ответ наиболее характерен для работающих неполный рабочий день (100%).

Продолжительность обычного рабочего дня не сильно различается среди выделенных групп работников. Однако стоит отметить вахтовых занятых, которые в среднем тратят на основную работу, судя по их оценкам, 12,25 часов, и курьеров (9,23 часа). Платформенные занятые оценили время рабочего дня в пределах 7,83 часа.

Наибольшую удовлетворенность своей работой показывают работники, имеющие гибкий режим труда (79,6%), меньше всех удовлетворены курьеры (58,1%) и платформенные работники (62,5%). В то же время показатели удовлетворенности находятся в положительной зоне, у всех групп они превышают долю неудовлетворительных оценок.

Заключение

Таким образом, на основании исследования можно предположить, что нестандартные формы занятости, к которым можно отнести и платформенную, имеют как свои преимущества, так и недостатки. Среди первых можно отметить более высокий уровень заработной платы, большую свободу в выборе границ рабочего времени, режима труда и отдыха. Во втором случае основной проблемой является отсутствие механизма защиты трудовых прав и социальных гарантий, ненормированный график и переработки, о чем свидетельствуют оценки продолжительности рабочего времени со стороны этих работников.

В исследовании выделены черты портрета платформенных работников, в основном аналогичные тем, которые описаны в ряде других научных публикаций: преобладание мужской рабочей силы, горожан, преимущественно с профессиональным образованием высшего и среднего специального уровня, средних возрастов.

К особенностям занятости в условиях нестандартных условий труда можно отнести преимущественное отсутствие оформления трудовых отношений, что в представлении самих работников основывается на предпочтениях обеих сторон, и работодателя, и работника. На самом же деле отсутствие социальной защищенности является главным критерием рисков прекаризованной занятости.

Вместе с тем результаты исследования дают новую информацию о качестве трудового потенциала работников нестандартных форм занятости, в том числе и платформенных работников. Данные свидетельствуют о более низком качестве тех, чья работа связана с разъездным характером (курьер, водитель), неполной занятостью, вахтой. В то же время у платформенных работников и лиц с гибким графиком работ индексы качества

трудового потенциала выше, чем в среднем по населению региона. Этот факт нуждается в дальнейшей проработке и более детальном анализе.

Исследование подтверждает неустоявшуюся терминологическую характеристику занятых на платформах. Это демонстрируют исследователи, которые используют для анализа платформенной занятости показатели численности самозанятого населения, и оценки самоидентификации самих участников трудовых цифровых платформ (часть их называет себя самозанятыми, часть — платформенными работниками). Данное явление не противоречит имеющейся практике, так как на самом деле самозанятое население в большинстве своем относят себя к участникам онлайн-платформ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Варавва М. Ю., Лазарева О. С. 2022. Платформенная гиг-экономика — альтернативная модель с нестандартными трудовыми отношениями // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. Том 19. № 5 (125). С. 108–115. <http://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-108-115>
- Воловская Н. М., Плюснина А. К., Русина А. В., Пошевнев Г. С. 2012. Самостоятельная занятость в системе отношений занятости: особенности, свойства, проблемы // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 120–129.
- Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. 2018. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Том 11. № 6. С. 22–36. <http://doi.org/10.18721/ЖЕ.11602>
- Гохберг А. М., Глазков Б. М., Рудник П. Б., Абдрахманова Г. И. (ред.). 2023. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ. 72 с.
- Груздева К. Н., Заборовская А. Е. 2021. Экосистема как следствие перехода к платформенной экономике // Весенние дни науки: сб. докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.). Екатеринбург: УрФУ. С. 991–996.
- Кубишин Е. С. 2022. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. № 18 (4). С. 521–534. <https://doi.org/10.19181/Isprg.2022.18.4.8>
- Леонидова Г. В., Россосанская Е. А., Попов А. В. 2018. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований / под ред. А. А. Шабуновой. Вологда; ФГБУН ВолНЦ РАН. 192 с.
- Попов А. В., Баймурзина Г. Р. 2021. Самозанятое население России в период пандемии коронавируса COVID-19: опыт Вологодской области // Экономика труда. Том 8. № 10. С. 1237–1256. <http://doi.org/10.18334/et.8.10.113579>
- Рожкова Д. Ю. 2017. Цифровая платформенная экономика: определение и принципы функционирования // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 10 (204). С. 32–54.
- Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горват Е. С., Карева Д. Е., Стужук Д. А., Чертенков К. О. 2022. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 32 с.

- Стребков Д. О., Шевчук А. В. 2010. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. № 2 (310). С. 45–55.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. 2022. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ. 527 с.
- Hauben H., Lenaerts K., Waeyaert W. 2020. The platform economy and precarious work. Publication for the committee on Employment and Social Affairs, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament. Luxembourg. 100 pp.
- Kalleberg A. L., Dunn M. 2016. Good jobs, bad jobs in the Gig Economy // Perspectives on Work. Vol. 20. Pp. 10–75.
- Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. 2016. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make them Work for You. New York: W. W. Norton & Company. 352 pp.
- Tiwana A. 2014. Platform Ecosystems Aligning Architecture, Governance, and Strategy. San Francisco, CA: Morgan Kaufmann Publishers Inc. 300 pp.

References

- Varavva, M. Yu., & Lazareva, O. S. (2022). Platformennaya gig-e`konomika — al`ternativnaya model` s nestandartny`mi trudovy`mi otnosheniyami [Platform gig-economy - an alternative model with non-standard labor relations]. Vestnik RE`U im. G. V. Plekhanova, 19(5), 108–115. <http://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-108-115> [In Russian]
- Volovskaya, N. M., Plyusnina, L. K., Rusina, A. V., & Poshevnev, G. S. (2012). Samosoyatel`naya zanyatost` v sistemeotnoshenijzanyatosti: osobennosti, svojstva, problem [Self-employment in the system of employment relations: features, properties, problems]. Vestnik NGUE`U, (2), 120–129. [In Russian]
- Gelixanov, I. Z., Yudina, T. N., & Babkin, A. V. (2018). Cifrovyye platformy` v e`konomie: sushhnost`, modeli, tendencii razvitiya [Digital platforms in the economy: essence, models, development trends]. Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. E`konomicheskienauki, 11(6), 22–36. <http://doi.org/10.18721/JE.11602> [In Russian]
- Goxberg, L. M., Glazkov, B. M., Rudnik, P. B., Abdraxmanova, G. I. (Eds.). (2023). Platformennaya e`konomika v Rossii: potencial razvitiya: analiticheskij doklad [Platform Economy in Russia: Development Potential: An Analytical Report]. ISIEZ VShE. [In Russian]
- Gruzdeva, K. N., & Zaborovskaya, A. E. (2021). E`kossistema kak sledstvie perexoda k platformennoj e`konomie [Ecosystem as a consequence of the transition to a platform economy]. In Vesennie dni nauki: sb. Dokladov Mezhdunarodnoj konferencii studentov i molody`x ucheny`x [Spring Days of Science: Proceedings of the International Conference for Students and early Career Researchers (Ekaterinburg, April 22–24, 2021)] (pp. 991–996). UrFU. [In Russian]
- Kubishin, E. S. (2022). Neformal`naya zanyatost` v sovremennoj Rossii: prezhnie problemy` i novyye realii [Informal employment in modern Russia: former problems and new realities]. Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii, (18), 521–534. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.4.8> [In Russian]
- Leonidova, G. V., Rossoshanskaya, E. A., & Popov, A. V. (2018). Monitoring kachestva trudovogo potentsiala: 20 let regional`ny`x issledovanij [Monitoring the Quality of Labor Potential: 20 Years of Regional Research] (A. A. Shabunova, Ed.). VolNC RAN. [In Russian]

- Popov, A. V., & Bajmurzina, G. R. (2021). Samozanyatloe naselenie Rossii v period pandemic i koronavirusa COVID-19: opy` t Vologodskoj oblasti [Self-employed population of Russia during the COVID-19 coronavirus pandemic: the experience of the Vologda Region]. *E`konomika truda*, 8(10), 1237–1256. <http://doi.org/10.18334/et.8.10.113579> [In Russian]
- Rozhkova, D. Yu. (2017). Cifrovaya platformennaya e`konomika: opredelenie i principy` funkcionirovaniya [Digital platform economy: definition and principles of functioning]. *Upravlenie e`konomicheskimi sistemami: e`lektronny` j nauchny` j zhurnal*, (10), 32–54. [In Russian]
- Sinyavskaya, O. V., Biryukova, S. S., Gorvat, E. S., Kareva, D. E., Stuzhuk, D. A., & Chertenkov, K. O. (2022). Platformennaya zanyatost` v Rossii: masshtaby`, motivy` i bar`ery` uchastiya: analiticheskij doklad [Platform Employment in Russia: Scales, Motives, and Barriers to Participation] [An analytical report]. NIU VShE. [In Russian]
- Strebkov, D. O., & Shevchuk, A. V. (2010). Frilansery` na rossijskom ry` nke truda [Freelancers in the Russian labor market]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 45–55. [In Russian]
- Strebkov, D. O., & Shevchuk, A. V. (2022). Chto my` znaem o frilanserax? Sociologiya svobodnoj zanyatosti [What Do We Know about Freelancers? Sociology of Free Employment]. *Izd. Dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. [In Russian]
- Hauben H., Lenaerts K., & Waeyaert W. (2020). The Platform Economy and precarious work [Publication for the committee on Employment and Social Affairs]. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament.
- Kalleberg, A. L., & Dunn, M. (2016). Good Jobs, Bad Jobs in the Gig Economy. *Perspectives on Work*, 20, 10–75.
- Parker, G. G., Van Alstyne, M. W., & Choudary, S. P. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make them Work for You*. W. W. Norton & Company.
- Tiwana, A. (2014). *Platform Ecosystems Aligning Architecture, Governance, and Strategy*. Morgan Kaufmann Publishers Inc.

Информация об авторе

Галина Валентиновна Леонидова, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия; Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия
galinaleonidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>, <https://www.webof-science.com/wos/author/record/I-7139-2016>

Information about the author

Galina V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
galinaleonidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>, <https://www.webof-science.com/wos/author/record/I-7139-2016>

Методология изучения вузовских образовательных общностей как основа концепции взаимодействия в университетском научном пространстве

Дмитрий Юрьевич Нархов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Контакт для переписки: d_narkhov@mail.ru

Аннотация. Неоднозначность процесса и результатов реформирования российской и университетской науки, наличие множества несоответствий, неравенств и противоречий в этой сфере и необходимость выведения научно-исследовательской деятельности на качественно новый уровень актуализируют потребность изучения вузовских образовательных общностей и отношений между ними. Выдвигается гипотеза о недостаточной готовности университетской науки и ее основных акторов — научно-педагогических работников (НПР), студентов и административно-управленческих работников (АУР) к реализации функций обеспечения ключевых задач устойчивого развития социума. В качестве инструмента преодоления противоречий между ними и нового способа организации взаимодействия вузовских образовательных общностей предлагается организация университетского научного пространства в виде научной экосистемы. Цель статьи — определить методологические подходы изучения вузовских образовательных общностей и взаимодействия между ними в университетском научном пространстве. Впервые в качестве доминирующих методологических подходов предлагается использовать в комплексе общностный, ресурсный и типологический подходы. Даются их определения, приводятся характеристики исходных теорий, предлагаются принципы и правила изучения общностей НПР, студенчества и АУР и их взаимодействия в рамках названных подходов. Делается вывод о возможности их использования в качестве основы методологической программы исследования вузовских образовательных общностей и их взаимодействия как особого ресурса развития науки в высшем образовании области (региона) и федерального округа (макрорегиона).

Ключевые слова: доминирующие методологические подходы, вузовские образовательные общности, университетская наука, ресурсный потенциал, социальные типы, типы социального, концепция взаимодействия общностей, научная экосистема

Цитирование: Нархов Д. Ю. 2024. Методология изучения вузовских образовательных общностей как основа концепции взаимодействия в университетском научном пространстве // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 53–76. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-53-76>

Поступила 26.08.2024; одобрена 19.11.2024; принята 19.11.2024

Methodology for studying university educational communities as the basis for the interaction within the academic space at universities

Dmitry Yu. Narkhov✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
Corresponding author: d_narkhov@mail.ru✉

Abstract. The relevance of studying university educational communities of higher education is determined by several factors. They include the ambiguity of reforming Russian and university academia, as well as the presence of many inconsistencies, inequalities, and contradictions within this field. This explains the need to bring research activities to a qualitatively new level. A hypothesis is put forward about the insufficient readiness of university research and its main actors — research and teaching workers (RTW), students and administrative and managerial workers (AMW) — to implement the functions of ensuring the key tasks of sustainable development of society. As a tool for overcoming the contradictions between them and a new way of organizing the interaction of university educational communities, the organization of the university scientific space in the form of a scientific ecosystem is proposed. This article aims to determine the methodological approaches to studying university educational communities and the interaction between them in the university academic space. The methods under study are the community, resource, and typological approaches. Their definitions are given, characteristics of the initial theories are presented, principles and rules for studying the communities of the RTW, students and AMW and their interaction within the framework of the named

approaches are proposed. The results show their possible use as a foundation for a methodological program for studying educational communities and their interaction at universities as a special resource for developing research in higher education of the region and federal district (macroregion).

Keywords: dominant methodological approaches, scientific and educational communities, university research, resource potential, social types, types of social, concept of interaction of communities, scientific ecosystem

Citation: Narkhov, D. Yu. (2024). Methodology for studying university educational communities as the basis for the interaction within the academic space at universities. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 53–76. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-53-76>

Received Aug. 26, 2024; Reviewed Nov. 19, 2024; Accepted Nov. 19, 2024

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами, среди которых ведущими нужно признать следующие.

1. Место образовательных общностей вузов в социальном пространстве страны: общности НПП как основного генератора и транслятора научного знания, студенчества — как интеллектуального авангарда молодежи, общности АУР как центрального звена, организующего научные и образовательные процессы в вузах и взаимодействия между общностями, а также связывающего запросы общества (государства, работодателей, семьи и др.) и системы высшего образования.
2. Значительная численность вузовских общностей, в сумме более 4,5 млн чел.
3. Сложность и противоречивость их функционирования и взаимодействия в университетском научном пространстве.
4. Место университетов в регионах и вузовской науки в социально-экономическом развитии областей и макрорегионов, их особая роль в регулировании социально-профессиональной структуры.
5. Глубокая дифференцированность и неоднородность как самих образовательных общностей, так и их ресурсов, которые могут быть привлечены для развития вузовской науки.

Продолжающийся процесс реформирования академической и высшей школы заставляет обратиться к изучению комплексов вузовских противоречий, сложившихся в системе российской высшей школы и негативно влияющих на состояние и результативность университетской научно-исследовательской деятельности. Более всего в такую деятельность включены три вузовские образовательные общности, которые автор считает основными. Это общности НПП, студенчества и АУР. Их определения нами сформулированы в работе [Нархов, 2024а]. В качестве научно-образовательных общностей мы рассматриваем подобности названных общностей, выделяемые на ос-

новании включенности в непосредственную научно-исследовательскую деятельность в любом из качеств — участника (исполнителя) НИР, руководителя, менеджера, администратора и т. д.

Центральная проблема, определившая необходимость масштабного исследования, заключается в противоречии между состоянием ресурсного потенциала вузовских образовательных общностей области и федерального округа и ограниченными условиями и возможностями реального и потенциального взаимодействия этих общностей для мобилизации их усилий в целях управления ресурсами развития университетской науки в сочетании с необходимостью решения задач устойчивого развития страны на региональном и макрорегиональном уровне. [Нархов, 2024а, с. 12].

Эта проблема идентифицирована как состояние (не)готовности университетской науки и ее центрального актора, общности НПП, к осуществлению функции обеспечения ключевых задач устойчивого развития страны, ее федеральных округов и регионов¹. На современном этапе возможны лишь отдельные (хотя и существенные) достижения в конкретных исследовательских областях и (или) вузах, их реализующих.

В существующей системе высшего образования возможно лишь улучшение отдельных количественно-качественных показателей деятельности вузовских образовательных общностей. Достижение фундаментального прорыва, на реализацию которого нацелены проект «Наука и университеты»², программа «Приоритет 2030»³ и ряд других стратегических документов, возможно лишь при обеспечении нового качественного состояния развития университетской науки в макрорегионах. В качестве инструмента достижения такого состояния можно предложить концепцию взаимодействия вузовских образовательных общностей в научном пространстве макрорегиона, основанную на научной деятельности как центрального элемента социального пространства региональных вузов. Эта концепция допускает организацию университетского научного пространства в виде научной экосистемы, эмерджентные свойства которой создают эффект стратегического ресурса развития научных исследований в высшей школе.

Ситуация межобщностного разрыва [Бабинцев, 2017] в сфере научной деятельности ставит вопрос о необходимости построения методологического основания для изучения их взаимодействия и преодоления этой разрозненности.

Цель статьи — разработка методологических положений (подходов, принципов, правил), позволяющих теоретически обосновать концепцию взаимодействия образовательных общностей в вузах как стратегического ресурса развития в них научных исследований.

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Официальное опубликование правовых актов. <https://clck.ru/3DuF87> (дата обращения: 12.08.2024).

² Национальный проект «Наука и университеты» // Национальные проекты. <https://clck.ru/3DuFDH> (дата обращения: 12.08.2024).

³ Программа «Приоритет 2030». <https://priority2030.ru/analytics> (дата обращения: 12.08.2024).

Методы

Многообразие проблем функционирования, специфики структуры, способов и результатов взаимодействия вузовских образовательных общностей в научном пространстве требует обращения к широкому спектру теорий, связанных с их изучением.

Основной метод исследования — анализ методологических подходов, базирующихся на специальных социологических теориях, используемых для исследования проблем высшей школы и науки, который позволил объединить часть из них в три группы.

Это доминирующие (общностный, ресурсный, типологический), сопутствующие (системный, экосистемный, структурно-функциональный, институциональный, деятельностный) и дополнительные (темпоральный и сетевой) подходы. Среди сопутствующих нами выделяется в качестве особенно значимого для нашего исследования экосистемный подход. Исследование взаимодействия общностей НПП, студенчества и АУР для развития вузовской науки в сочетании с участием в научном сопровождении задач устойчивого развития страны, ее макрорегионов и регионов продиктовало необходимость избрания в качестве доминирующих трех названных выше подходов.

Результаты и обсуждение

Методологическое знание служит для определения способов получения научного знания — от эмпирического факта до закономерностей, оформленных в виде социологических теорий. Методологический уровень социологического познания является специфической формой научного знания, связывающего теоретическое знание о социумах с повседневными практиками людей и групп, их составляющих.

В структуре методологического знания подходы (а это — его узловая категория) занимают ведущую позицию, поскольку этот уровень знания является определяющим для всех остальных элементов исследовательского аппарата. Методологический подход выступает основанием целостного анализа объекта исследования, определяет его логику и этапы, регламентирует отбор и интерпретацию научных фактов. Конкретизирующие методологические подходы принципы включают в себя теоретические постулаты, а правила объясняют условия применения подходов.

Методология социологического исследования представляет собой созданный для конкретных целей научно-исследовательский аппарат, объединяющий совокупность теоретических положений, вытекающих из них методологических подходов, принципов, правил и логически связанных с ними конкретных методов, инструментов и техник, что позволяет получить приращение знаний об объекте исследования.

Основной объект нашего исследования — социальные общности — трактуется как формы и виды реальной жизни и взаимодействия людей и их групп, характеризующихся специфическими пространственно-временными структурами. Социальные общности — фундаментальная социологическая категория, на уровне которой изучаются функции социальных институтов и разнообразные общественные процессы — от эволюции и развития до революций и социальных катастроф.

Именно общности являются носителями самых разных ресурсов (экономических, политических, культурных, научных, символических и др.), создают их, распоряжа-

ются ими и контролируют их. Поэтому их исследование необходимо даже не столько для управления большими группами людей, сколько для понимания условий и возможностей включения общностей в устойчивое развитие страны и ее регионов [Нархов, 2024б]. Из сказанного следует, что важнейшими в контексте заявленной темы выступают теории социальной общности [Ядов, 1972; Теннис, 2002; Гидденс, 2003; Зборовский, 2009] и базирующийся на них общностный методологический подход.

Задачи исследования университетского научного пространства диктуют ограничение в трактовке общностного подхода. Для нашей цели предлагается интерпретировать его как определение условий генезиса вузовских образовательных общностей и их содержательных характеристик (общностнообразующих признаков) как объективного, так и субъективного порядка.

Генезис вузовских образовательных общностей охватывает огромный исторический период — свыше восьми веков, на протяжении которых формировалась и видоизменялась особая корпоративная культура — академическая (университетская) культура. Она существует и сегодня, оказывая влияние на множество социальных структур, процессов и феноменов (в качестве примера достаточно привести Ученый Совет, *Gaudeamus Igitur* и конфедератку). Это объясняет возможность и необходимость искать ответы на вопросы о современных процессах в рамках теории зависимости от предыдущих этапов развития и в связи с историческим контекстом (в частности, социетальными трансформациями российского общества 1980–2000-х гг.), в которые «погружено» высшее образование [Lyotard, 1984; David, 2002; Фурсова, Ханнанова, 2013; Зборовский, 2024а]. В то же время нужно учитывать, что в социальных науках событийные поля новейшей истории и современности традиционно разделяют 25-ю годами. Это позволяет хронологически ограничить наше исследование первыми десятилетиями XXI в.

Основные принципы общностного подхода вытекают из постулатов теории социальной общности [Зборовский, 2023, с. 175–176]. Их можно сформулировать следующим образом.

1. Вузовская образовательная общность представляет собой основную социальную структуру, в которой протекает повседневная жизнь входящих в нее людей. С общностью связаны все бытовые, семейные, профессиональные, образовательные, научные, социальные и др. практики, на основании которых у индивида формируются представления о состоянии общества, в котором он живет. Эти представления являются отражением той части социальной действительности, в которую он погружен, — высшей школы. Основной вид деятельности составляющих вузовскую образовательную общность людей предопределяет положение общности в социальной структуре общества. Изучаемые общности НПР, студенчества и АУР являются главными субъектами деятельности в высшей школе. Вместе с тем многообразие социальной жизни свидетельствует о том, что образующие вузовские общности индивиды являются участниками многих других общностей (так, преподаватели, ученые и руководители входят в родительские общности, студенты — в общности спортсменов и т. д.).
2. Вузовские образовательные общности включены в социальные организации и социальные структуры (государственные, научные, общественные и др.).

Соответственно, и живущие в общностях ученые, преподаватели, студенты и администраторы постоянно взаимодействуют с такими структурами. Характер этого взаимодействия предопределяет формы внутриобщностной идентичности — как на уровне общности в целом, так и на уровне подобностей, например, научно-педагогических работников, студентов-исследователей и т. п. Такая идентичность может выступать основанием для различных форм солидарности.

3. Уровень, многообразие и качество социальных связей людей в университетской общности зависит от того, в какие и в каком объеме эти общности включены в деятельность социальных структур и организаций, так или иначе взаимодействующих с высшим образованием и университетской наукой. Это означает, что уровень включенности индивидов «в систему социальных связей и отношений определяется во многом тем, в каких (по количеству, содержанию, направленности) социальных общностях функционирует индивид» [Зборовский, 2010, с. 10].
4. Как и любая социальная общность, вузовские образовательные общности выступают в качестве механизма, связывающего общество и личность. Исследование этих общностей позволяет выявлять закономерности и конкретные характеристики общества, определять, в какой мере эти общности оказываются способными участвовать в решении актуальных социальных проблем (включая и интересующие нас проблемы развития университетской науки) и реагировать на проблемы объединенных в общности людей.
5. Количественные характеристики вузовских образовательных общностей определяют силу и характер внутриобщностных связей: чем крупнее общности, тем слабее связи между их членами, и тем менее проявляется часть качественных характеристик, в частности пространственного и временного характера.
6. Вузовские образовательные общности являются устойчивым социальным образованием, способным существовать продолжительное время, предопределяемое потребностью выполнения востребованных обществом социальных функций, прежде всего в подготовке кадров высшей квалификации и развитии науки. Вместе с тем вузовские образовательные общности обладают и способностью реагировать на социальные вызовы (новые проблемы), а потому и динамичностью составляющих их внутренних структур и связей.

Одной из существенных методологических проблем нашего исследования является проблема определения социальных и территориальных границ вузовских образовательных общностей. В социологической теории это делается на основе критерия возможности осуществления совместной деятельности и взаимодействия на разных уровнях. На его основании возможно выделить два типа общностей.

1. Первый тип — номинальные (статистические) вузовские общности (совместная деятельность без непосредственных коммуникаций — занятость в сфере высшего образования в качестве работника или обучающегося), изучение которых ведется исходя из численности участников общностей и количественных показателей различных социальных процессов и структур.

2. Второй тип — реальные вузовские общности. Таковыми выступают многочисленные группы, связанные непосредственными (хотя и в разных формах) коммуникациями между их участниками. В ряде социологических работ для их обозначения применяются термины «локальные территориальные общности» [Заславская, Рывкина, 1991, с. 301], «локальные сообщества», «локальные группы» [Bell, Newby, 1974, с. 273; Карольт (Добрякова), 1999, с. 132]. Для исследования таких общностей необходим также спектр качественных показателей.

Социологами установлены невозможность и отсутствие практической необходимости фиксации абсолютного числа и вузов [Зборовский и др., 2017, с. 74], и численности общностей в них в силу объективных причин. В их ряду сведения, составляющие государственную тайну, непрерывные изменения, происходящие в результате реформирования системы — закрытие вузов, отзыв лицензий и т. п. Однако фиксация численности изучаемых общностей необходима, поскольку этот показатель дает возможность судить о широте возможных коммуникаций, как межобщностных, так и между группами внутри общностей.

Из вопроса о целеполагании деятельности образовательных общностей в университетском научном пространстве вытекает проблема их локализации, взаимопроникновения и взаимного пересечения. Традиционно часть административных работников сочетает свою основную деятельность с научной работой и преподаванием и наоборот, часть НПР по совместительству занимает управленческие должности. Студентами магистратуры периодически становятся вузовские же преподаватели, особенно в ситуации, когда необходимо «закрыть» бюджетные места в условиях «недобора». Фиксируются и случаи, когда студентов-магистрантов уже в ходе обучения принимают на начальные преподавательские позиции. Это несколько сближает их позиции в сфере научных исследований, хотя и не является главным аспектом взаимодействия общностей.

Качественные характеристики вузовских образовательных общностей (общностнообразующие признаки) можно изучать исходя из двух методологических позиций. Первая позиция предложена в теории социальной общности и описывает две группы признаков — преимущественно объективного и преимущественно субъективного характера, и может быть использована при изучении любой из трех изучаемых общностей [Зборовский, 2010, с. 8–9]. Вторая позиция разработана для изучения реальных профессиональных общностей [Кораблева, 2012, с. 109–120] и применима к общностям НПР и АУР. Опираясь на эти позиции, в рамках общностного подхода становится возможным изучение общностей в нескольких ракурсах. Выделим наиболее значимые из них.

1. Вузовские общности необходимо рассматривать не только как взаимосвязь (совокупность) людей и с позиций соответствия общностнообразующим признакам, но и как взаимосвязь присущих им субкультурных атрибутов, к которым можно отнести университетское образование, академические традиции, научную деятельность и ее средства коммуникации, язык научного общения как особые ценности, признаваемые общностями и консолидирующие их.
2. Общностный подход позволяет изучать многообразие форм групповой деятельности в образовательных и научно-исследовательских практиках, которые

лежат в основании разных форм и уровней социальных связей, действий и взаимодействий. Такие связи могут строиться либо на основе сотрудничества, либо в результате противоречий и конфликтов, возникающих в процессе функционирования высшей школы. Вопрос заключается в определении характера и масштаба таких связей: какие группы в общностях существуют в состоянии сотрудничества, какие — конфликта, а также в выявлении созидательного либо деструктивного потенциала такого взаимодействия.

Основным правилом общностного подхода следует считать необходимость ограничения исследовательского поля вузовских образовательных общностей. Оно задано социокультурными основаниями их выделения (включенность в высшее профессиональное образование и университетскую науку в качестве субъекта самостоятельного действия). Это означает допустимость выделения подобностей как локального, так и «отраслевого» характера, вытекающего из специфической деятельности такой подобности (к примеру, подобности социологов, филологов, математиков и т. д. в общностях НПП и студентов, управленцев учебного, научного блоков и им подобных в общности АУР) и отделение таких подобностей от малозначимых групп, имеющих слабое влияние на социальные процессы.

В качестве сопутствующих правил целесообразно принять два условия:

- 1) изучать качественные характеристики (признаки) каждой из исследуемых общностей, рассматривая их сквозь призму взаимосвязей и зависимостей в рамках единого научно-образовательного пространства макрорегиона и исходя из того, что эти признаки могут выполнять как консолидирующую, так и дифференцирующую функции;
- 2) учитывать динамичность качественных характеристик в темпоральном и пространственном измерениях.

Таким образом, общностный подход дает основания для теоретического обобщения комплекса показателей, базирующихся на общностнообразующих признаках (цели, идентификация, социальные связи и взаимодействие, способность реагировать на социальные вызовы, факторы, влияющие на деятельность в университетском научном пространстве и др.) вузовских образовательных общностей.

Обладание комплексом ресурсов является важнейшей качественной характеристикой вузовских общностей, из чего следует необходимость изучения типов и состояний ресурсов исследуемых общностей.

Ресурсный подход основан на теориях множественных капиталов и соответствующих им ресурсов [Бурдье, 2002], ресурсной зависимости [Pfeffer, Salancik, 1978], которая объясняет свойства ресурсов выступать в качестве источника власти. В нашем исследовании смысл ресурсного подхода состоит в выявлении возможностей вузов как социальной организации и (или) отдельных социальных структур, действующих в университетской среде, оказывать влияние на агентов взаимодействия путем ресурсного обмена, с позиций участия в научно-исследовательской деятельности. Такими структурами является и каждая из изучаемых нами общностей.

Базовыми принципами ресурсного подхода нужно назвать следующие.

1. Ресурсы существуют не сами по себе, а включены в общественные отношения, лежащие в основе воспроизводства стратифицированных социальных систем «на основе различий в накопленном капитале определенного вида» [Радаев, 2008, с. 396] и соответствуют множественным типам капитала, участвующим в социальном воспроизводстве [Радаев, 2008, с. 398–400]. Поскольку российское общество в целом является такой системой, то и его высшее образование, университетская наука как подсистемы включены в процессы социального воспроизводства своими ресурсами и капиталами. При этом допустимы различные комбинации участвующих в капитализации ресурсов, находящихся в распоряжении разнородных акторов, что предопределяет множественность форм и различий в видах и уровнях их взаимодействия.
2. Ресурсы, как и капиталы, имеют уровневую структуру, то есть могут принадлежать конкретному индивиду [Асмолов, 2023; Тихонова, 2023], социальной группе (подобности и общности), корпоративным акторам [Коулман, 2001, с. 124] (социальной организации и объединениям последних). Тем самым фиксируется принадлежность ресурсов и капиталов отдельному участнику вузовской образовательной общности, самим общностям и их подобностям, вузам и межвузовским структурам. Поскольку высшее образование неразрывно связано с множеством других социальных институтов, структур и организаций (государство, экономика, регион, макрорегион и др.), необходимо принимать в расчет и ресурсы, и капиталы в той мере, в какой они включены в процессы социального воспроизводства в сфере высшей школы, прежде всего в сфере интересующей нас университетской науки.
3. В процессах капитализации могут быть задействованы не все, а лишь некоторые из всех имеющихся у обладателя ресурсов. Это справедливо и в отношении акторов высшей школы. Данным положением фиксируется разное состояние ресурсов: актуальное — непосредственно включенные в образовательную и научно-исследовательскую деятельность (активы [Grusky, 2001; Тихонова, 2006]), и потенциальное, т. е. не задействованные в них. Следуя ставшей классической концепции форм капитала П. Бурдьё, можно представить совокупный капитал вузовских акторов как систему социальных связей (взаимодействий), включенных в процессы воспроизводства социальных практик высшей школы. Соответственно, ресурсный потенциал вузовских акторов может быть осмыслен как совокупность всех видов имеющихся ресурсов, находящихся в разных состояниях, и как интегральный показатель, фиксирующий место носителя ресурсов (общности в целом, внутри или межобщностной группы или конкретного индивида) и возможности его использования в научно-исследовательских практиках. Под видом ресурса следует понимать его соответствие той форме капитала, с которой он связан: экономического, политического, социального, культурного, научного, символического и т. д.
4. Актуализация капиталов связана с процессами социального воспроизводства. Расширенное воспроизводство научного знания в высшей школе является од-

ним из них. В результате актуализации капиталов в сфере университетской науки находящиеся в распоряжении актора (индивидуального или коллективного) ресурсы могут расходоваться (уменьшаться), как это происходит с материальными ресурсами в экономике или с социальными — в случае выхода за рамки установленных институциональных правил, оставаться на прежнем уровне или возрастать, конвертироваться друг в друга, образуя новые ресурсы и наращивая базу для соответствующих форм капитала. Из этого следует, что ресурсный потенциал университетской науки нужно изучать как сложную, разнородную и динамичную структуру, в которую включены акторы, обладающие разным объемом и качеством ресурсного потенциала с разными (часто не совпадающими и конфликтующими) целями использования таких ресурсов.

Работ последних лет, посвященных анализу ресурсного потенциала вузовских образовательных общностей, в современной социологической литературе не так много [Зборовский, Амбарова, 2022; Амбарова, Шаброва, 2023; Амбарова и др., 2023], особенно это касается общности АУР.

Мы опираемся на предложенную учеными УрФУ группировку ресурсов научно-педагогического сообщества [Зборовский и др., 2023, с. 75], а также проведенные нами исследования ресурсного потенциала преподавателей высшей школы [Narkhov и др., 2018] и особенности социального статуса студенчества и общности администраторов. Исходя из этого, мы предлагаем следующую структуру (представленную на рис. 1 в виде капитализации научно-образовательного потенциала) ресурсов научно-исследовательской деятельности и их конкретных проявлений в виде научно-исследовательских практик — НИП вузовских общностей. Содержательные характеристики этих ресурсов приведены нами в работе [Нархов, 2024а].

Важно, что ресурсы могут как находиться в распоряжении самой общности (группы, конкретного человека), так и предоставляться в пользование другими носителями, действующими во взаимосвязи в едином образовательном и научно-образовательном пространстве. Тем самым поддерживается единство научного пространства высшей школы как части ее социально-культурного поля.

Успешность научно-исследовательских практик вузовских общностей может определяться в цикле взаимодействий «потенциал — ресурс — капитал», в результате которых происходят изменения в состоянии и объемах ресурсов. В русле ресурсного подхода такие трансформации можно интерпретировать как процесс капитализации научно-образовательного потенциала, механизм которого представлен на рис. 1.

Он отражает связь между совокупными капиталами и потенциалами вузовских образовательных общностей, осуществляемую (точнее, фиксируемую) через обмен и конвертацию множественных ресурсов, которые реализуют такие функции в высшей школе, как поддержание необходимой численности общности (демографические ресурсы), разработка и принятие управленческих стратегий, программ, конкретных решений (политические и административные), генерирование и трансляция научно-образовательного знания (культурные, научные), хранение, переработка, распространение информации (информационные), доступ к научным социальным сетям (символические) и т. д.

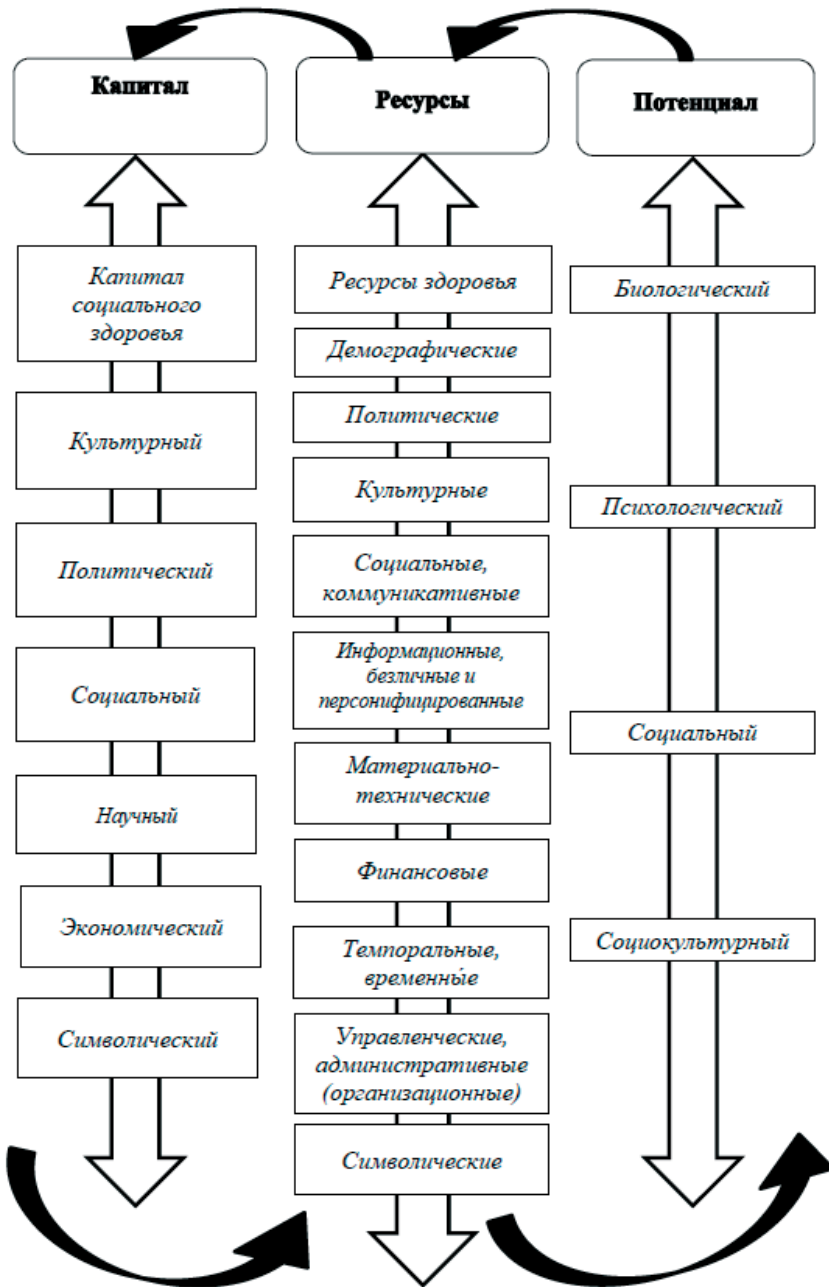

Рис. 1. Капитализация научно-образовательного потенциала вузовских образовательных общностей

Fig. 1. Capitalization of the academic and educational potential of educational communities at universities

Конвертация ресурсов в процессе капитализации может происходить на уровне как какого-либо отдельного актора (индивида, общности или общности), так и взаимодействия между разными акторами.

Основываясь на сказанном, основное правило ресурсного подхода можно сформулировать как необходимость выявления механизмов влияния социальных агентов на участвующих в университетских научных практиках акторов в высшей школе и за ее пределами, тем самым отслеживать связи (взаимодействия) с властью, наукой, производством — базовыми институтами макрорегиона — через обмен разного типа ресурсами и процессы их капитализации. Сопутствующим правилом является необходимость изучения процессов конвертации многочисленных и разнообразных по своей природе ресурсов в ходе их капитализации в университетском научно-образовательном пространстве.

Анализ ресурсного подхода дает основания заключить, что он обладает значительным арсеналом инструментов для изучения источников социального действия и взаимодействия вузовских образовательных общностей в пространстве университетской науки.

Третий, рассматриваемый нами в качестве доминирующего, типологический подход позволяет «упорядочивать наблюдения реальности» [Бабич, 2012] университетского научно-образовательного пространства, выступает инструментом организации как эмпирического, так и теоретического знания [Doty, Glick, 1994], а потому необходим нам для дальнейшего обоснования концепции взаимодействия образовательных общностей в вузах, распознавания и объяснения свойств социальных объектов, действующих в университетском научно-образовательном пространстве.

Принципиально значимым нужно признать предложенное Г. Г. Татаровой и Г. П. Бессокирной понятие типологического анализа как категории, которая «служит для обозначения процесса (процедуры) поиска знаний о существовании социальных типов как качественно однородных латентных образований» [Татарова, Бессокирная, 2011, с. 7]. В нашем исследовании под типологическим подходом предлагается понимать методологию выявления и изучения в системе высшего образования и университетской науки социальных типов и типов социального как качественно однородных латентных образований на основании критериев, позволяющих идентифицировать эти образования в качестве самостоятельных социальных единиц.

Основным принципом типологического подхода в исследовании вузовских образовательных общностей и их ресурсности предлагается принять изучение социальных типов применительно к включенным в вузовские образовательные общности индивидам и группам, действующим в высшей школе, а типов социального — в отношении организаций, институтов, процессов, явлений (феноменов) высшего образования, составляющих общее университетское научно-образовательное пространство.

Важной методологической задачей представляется определение критериев (оснований) типологизации. В качестве таких оснований выступают существенные признаки, позволяющие определить конкретный социальный тип (тип социального) и трактовать его «как социальный феномен с позиций объективных и субъективных характеристик» [Зборовский, 2024б, с. 171].

В отношении социальных типов высшего образования социологами используются такие признаки, как численность, идентификация и самоидентификация [Озернина, Ульянова, 2023], поведенческие стратегии в зависимости от внешних факторов [Курбатова, Каган, 2016], мотивация к профессиональной деятельности [Ефимова, 2021], уровень удовлетворенности трудом и работой [Ефимова, Латышев, 2023], гендерные, демографические характеристики и ряд других. Часть таких признаков являются универсальными для всех трех изучаемых общностей, часть — специфическими, характерными для одной из них.

Применительно к нашей работе продуктивным представляется подход к типологизации, основанный на выявлении соотношения в деятельности общностей научной и преподавательской компоненты для НПР, научной, учебной и общественной деятельности — для студенческой общности, управленческой, научной и преподавательской — для общности АУР [Панова, 2015].

В одной из наиболее разработанных типологий, принадлежащей И. В. Назаровой [2006], легко ранжировать выделенные ею 10 групп НПР по отношению к университетской науке: на одном «полюсе» — немногочисленные группы лидеров НИР — «титанов» и «академиков», на другом — практически не участвующие в НИР «преподаватели „по жизни“», «практики», «дорабатывающие», на «экваторе» — основная часть НПР, участвующих в научных исследованиях в режиме «время от времени».

Для исследования смыслов взаимодействия НПР с представителями студенчества и роли науки в них стоит обратить внимание на типологию, предложенную в работе [Jumprakate, Wilang, 2021]. Авторами выделены группы НПР, которые ориентированы: 1) на процесс обучения; 2) на потребности (запросы) студентов; 3) на самих себя, собственную карьерную траекторию. Такая группировка дает возможность установить основания для успешности как собственно НИР (мы полагаем, что успешнее всего это будет происходить в третьей группе), так и условий трансляции научного знания и опыта (что, вероятно, более характерно для НПР второй группы).

В основание классической типологии студенчества В. Т. Лисовского положены четыре группы качеств-ориентаций: 1) на учебу, науку, профессию; 2) на общественно-политическую деятельность; 3) на культуру (высокую духовность); 4) на коллектив (общение в коллективе) [Лисовский, 2005, с. 242–248]. Используя в качестве основного критерия степень активности в названных сферах, социолог описал 16 типов студентов, среди которых не менее шести (Идеал будущего специалиста; Идеальный студент; «Профессионал»; «Академик»; «Рационалист»; «Старательный») вовлечены в научные практики и ориентированы на их продолжение в будущем.

Мы полагаем, что разница в причинах занятия наукой может быть объяснена с помощью типологии личностных качеств, построенной с позиции способности и желания студента и взаимодействующего с ним преподавателя (а именно он в данной связке выступает и как ученый, и как научный наставник) заниматься научно-исследовательской работой.

Большая часть немногочисленных типологий административно-управленческих работников вузов базируется на критериях уровня подразделения (ректоры — проректоры — деканы и директора институтов — заведующие кафедрами; руководители отделов

и управлений — рядовые сотрудники) и их структурно-управленческой деятельности. Для нас интерес представляют сведения о проректорах, прямо влияющих на научно-исследовательскую деятельность: по научной работе, учебной работе, международному взаимодействию, инновациям, экономике, стратегическому управлению, а также и сотрудниках их подразделений. Их изучение можно вести, опираясь на типологию, предложенную С. Д. Резником и О. А. Сазыкиной [Резник, Сазыкина, 2020, с. 126]. Еще одна необходимая нам типология АУР должна строиться на характере (например, управленец — руководитель — участник) и степени включенности управленцев в научно-исследовательские практики (от непосредственного участия в постоянной исследовательской деятельности до полного отсутствия таковой).

Таким образом, выделение и изучение социальных типов, базирующиеся на основании степени и характера включенности в научно-исследовательские практики, будут нацелены, с одной стороны, на поиск и объяснение возможных взаимосвязей и характера взаимодействия между вузовскими образовательными общностями и различными подобностями в научно-исследовательских практиках. С другой стороны, на основании данных типологий становится возможным объяснить причины устойчивости и особенности воспроизводства социальных типов.

Для выделения типов социального применяются признаки, связанные со структурой, функциями, особенностями социальных феноменов. Как и в отношении социальных типов, распространенным критерием является численность студентов и сотрудников, на основании чего выделяются три группы — малых, средних и крупных вузов. Часто используемый в российской практике критерий — статус вуза, который он приобрел в соответствии с Законом об образовании 2012 г.¹ — национальный, федеральный, национальный исследовательский, опорный, прочий. Эта типология важна тем, что она в сочетании с рейтинговыми системами является основанием для распределения ресурсов, выделяемых государством для высшей школы, в том числе и для развития университетской науки.

В целях нашей работы оптимальной видится типология, разработанная научной школой изучения социальных общностей УрФУ на основании потенциала вузов в выполнении трех миссий: образование — наука — связь с местным сообществом (модели университетов 1.0, 2.0 и 3.0) [Карпов, 2017]. В зависимости от способности реализовать указанные миссии авторами выделены вузы ядра, полупериферии и периферии [Зборовский, 2023, с. 14]. Типология, в основание которой положены признаки связи с социально-экономическими структурами на уровне макрорегиона и степень развитости научной инфраструктуры (технопарков, коллективных центров использования научного оборудования, малых инновационно-внедренческих предприятий и др.) [Каташинских, 2017, с. 29], выводит нас на понимание позиции того или иного вуза в области научных исследований.

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. <https://clck.ru/3C94Px> (дата обращения: 01.07.2024).

В рамках этих типологий представляется возможным выявить процессы конвертации научного знания как в научно-образовательное, так и в научно-практическое, и тем самым объяснить взаимосвязи между субъектами, вовлеченными в реализацию названных миссий.

Построение институциональных типологий ведется в двух направлениях: а) при изучении высшего образования в целом как социального института, б) при исследовании институциональных оснований, существующих внутри вузов и их подсистем.

В обоих случаях базой для типологизации выступает система норм, статусов и ролей, закрепленная таким институтом. Но первый уровень более связан с макропроцессами, происходящими на уровне общества в целом, и выводит на изучение взаимодействия высшей школы, ее общностей с другими институтами — государства и власти, производства, семьи, культуры, науки и т. д. В качестве критериев на этом уровне используются базовые признаки социального института и реализация основных институциональных функций (интеграция, воспроизводство и регулирование отношений, обеспечение коммуникаций) [Шереги, 2015]. Их отражением выступают процессы в рамках уровневой подготовки (бакалавриат — специалитет — магистратура), форм ведения образовательной деятельности (очное — заочное, офлайн- — онлайн-образование и их гибриды); социальная мобильность и социальное неравенство, доступ к специфическим ресурсам — инфраструктуре, программам финансирования, грантам и др.

Второй уровень — микропроцессов, происходящих в конкретных общностях и группах. Здесь в качестве критерия для типологизации используются конкретные объекты управления (учеба — наука — воспитание — экономика — кадры — стратегия развития и т. д.) и связанные с ними подобщности, способы организации научно-образовательной деятельности, научно-исследовательская культура, противоречия, возникающие в ее процессе и результатах, групповые позиции, установки и ориентации — всё, что эмпирически показывает специфику высшей школы и ее общностей.

Отдельно следует остановиться на проблеме типологии взаимодействий, поскольку именно в ней следует искать условия для возникновения синергетического эффекта взаимодействия изучаемых общностей как особого ресурса развития университетской науки.

В контексте нашей проблематики оптимальным видится использование следующих критериев: 1) численность участников коммуникаций; 2) хронотоп (пространство и время) научного взаимодействия; 3) мотивация, возможности и позиции в научно-исследовательской деятельности; 4) характер взаимодействия: функциональная и/или институциональная зависимость, либо независимость субъектов коммуникаций друг от друга или сторонних субъектов, сотрудничество (кооперация) или конфликт. Их содержательные характеристики приведены в нашей статье [Нархов, 2024а, с. 21].

Кроме названных критериев, в типологиях взаимодействия используют: субъектность связей взаимодействующих акторов, предмет связей (формальные и неформальные виды деятельности); способы регулирования отношений между взаимодействующими субъектами; средства, формы и результаты обмена, возникающего в результате взаимодействия, и др.

Таким образом, типологический подход может служить инструментом поиска механизмов преодоления межобщностного разрыва, сближения позиций конкурирующих и даже конфликтующих групп. В качестве правил типологического подхода необходимо выдвинуть следующие положения:

- центральное место в основании любой из типологий должны занимать типы деятельности по отношению к научно-исследовательской работе и научным практикам;
- типология должна раскрывать как реальные, так и потенциальные взаимодействия в университетском научно-образовательном пространстве, как на уровне системы в целом — с внешними акторами, так и на уровне ее отдельных компонентов — внутри нее.

В качестве важного сопутствующего подхода, позволяющего с новых сторон рассматривать взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве, предлагается использовать экосистемный методологический подход, базирующийся на активно разрабатываемой в последнее время концепции социальных экосистем [Ефимов, 2020; Глебова, Лапыгин, 2023; Семенов и др., 2024]. В предельном обобщении концепции экосистем восходят к теории ноосферы В. И. Вернадского, понимавшего под этим термином сферу взаимодействия общества и природы, а также область жизни, управляемую коллективным разумом. При этом одним из главных элементов экосистемы у него выступает наука.

В рамках социологии следует обратить внимание на научную экосистему как на особый способ организации социального пространства университетской науки. Цель формирования научной экосистемы связана с характеристикой концепции взаимодействия вузовских образовательных общностей и видится в преодолении межобщностного разрыва, разрешении наиболее существенных противоречий в научно-образовательной среде вузов и через это — в оптимизации и активизации научно-исследовательских практик включенных в научную экосистему общностей.

В контексте интересующей нас проблемы взаимодействия вузовских образовательных общностей под научной экосистемой предлагается понимать способ организации университетского научного пространства и ограниченную социально-территориальным и природным пространством многоуровневую акторно-сетевую структуру, в которую интегрированы множественные социальные субъекты, включенные в научную деятельность, в первую очередь — вузовские образовательные общности, сами вузы как социальные организации, научные организации макрорегиона и органы их управления, научные общественные организации, органы власти, научно-инновационные предприятия и прочие субъекты, выступающие в качестве заказчиков и потребителей результатов научно-исследовательской деятельности. Ведущим актором экосистемы должна выступать общность НПР как центральный субъект научно-исследовательской деятельности.

Данная трактовка дает основания рассматривать университетское научное пространство как определенную часть социального пространства, как многоуровневую и полисубъектную социальную структуру, в рамках которой и должно осуществляться

оптимальное взаимодействие НПП, студенчества и АУР в процессе научной деятельности. Разработка положений концепции научной экосистемы является перспективной исследовательской задачей.

Заключение

Каждый из рассмотренных методологических подходов обладает значительным эвристическим потенциалом и может быть успешно применен для решения основной исследовательской проблемы — разработки условий и способов достижения нового качественного состояния университетской науки макрорегиона. Доминирующие подходы необходимы для обоснования концепции организации университетского научного пространства в виде научной экосистемы как механизма преодоления межобщностной разобщенности в сфере научно-исследовательской деятельности вузов.

В сочетании с сопутствующими и дополнительными методологическими подходами они могут быть основанием для создания методологической и методической программы эмпирического исследования вузовских образовательных общностей и их взаимодействия как особого ресурса развития науки в высшем образовании макрорегиона. Создание такой программы, операционализация понятий, разработка конкретных показателей и индикаторов, равно как и ее дальнейшая реализация — задача следующего этапа исследования вузовской науки и ее образовательных общностей.

Список источников

- Амбарова П. А., Шаброва Н. В. 2023. Представления студентов о научном наставнике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Том 16. Вып. 4. С. 391–408. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.403>
- Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В., Михайлова А. Н. 2023. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. Том 32. № 7. С. 96–116. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116>
- Асмолов А. Г. 2024. Человек как субъект полимотивации. Рец. на кн.: Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 277–286. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2598>
- Бабинцев В. П. 2017. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции // Высшее образование в России. № 7. С. 26–35.
- Бабич Н. С. 2012. Функции типологического метода в социологии // Теория и практика общественного развития. № 11. С. 84–89.
- Бурдьё П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. Том 3. № 5. С. 60–74. <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> (дата обращения: 15.11.2024).
- Гидденс Э. 2003. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. И. Тюриной. М.: Акад. проект. 525 с.
- Глебов Г. Е., Лапыгин Ю. Н. 2023. Образовательная экосистема аспирантуры // Муниципалитет: экономика и управление. № 4 (45). С. 22–32.

- Ефимов В. С. (ред.). 2020. Экосистема науки, образования и инноваций Красноярского края: идея, перспективы, проекты: аналитический доклад. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 130 с.
- Ефимова Г. З. 2021. Типология карьерных траекторий и мотивации их выбора преподавателями высших учебных заведений // Университетское управление: практика и анализ. Том 25. № 3. С. 56–69. <https://doi.org/10.15826/umpra.2021.03.027>
- Ефимова Г. З., Латышев А. С. 2023. Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования (Educational Studies Moscow). № 1. С. 72–108. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108>
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. 1991. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 448 с.
- Зборовский Г. Е. 2009. Теория социальной общности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 304 с.
- Зборовский Г. Е. 2010. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. № 4. С. 3–12.
- Зборовский Г. Е. 2023а. Избранное: 1972–2022. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 749 с.
- Зборовский Г. Е. 2023б. От типологии вузов к типологии в вузах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 5 (86). С. 9–20. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.001>
- Зборовский Г. Е. 2024а. Есть ли у социальной общности биография? // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Том 30. № 2. С. 151–163. <https://doi.org/10.15826/izv1.2024.30.2.035>
- Зборовский Г. Е. 2024б. Типология научно-педагогических работников: социологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 27. № 1. С. 162–191. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.8>
- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. 2022. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. № 9. С. 60–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2>
- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С. [и др.] 2017. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 400 с.
- Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С., Кеммет Е. В. 2023. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования // Высшее образование в России. Том 32. № 5. С. 71–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88>
- Карпов А. О. 2017. Университет 3.0 — социальные миссии и реальность // Социологические исследования. № 9 (400). С. 114–124. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060137>
- Карроль (Добрякова) М. С. 1999. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. № 7. С. 125–133.
- Каташинских В. С. 2017. Специфика типологии вузов в индустриальном макрорегионе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 3 (48). С. 24–32.

- Кораблева Г. Б. 2012. Социология профессий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 176 с.
- Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 122–139.
- Курбатова М. В., Каган Е. С. 2016. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). Том 8. № 3. С. 116–136. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136>
- Лисовский В. Т. 2005. О молодежи и молодежной политике. В 2 т. / под общ. ред. А. А. Козлова. Том 1. СПб.: Химиздат. 312 с.
- Назарова И. В. 2006. Типология преподавателей высшей школы // *Социологические исследования*. № 11. С. 115–125.
- Нархов Д. Ю. 2024а. Взаимодействие вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве // *Высшее образование в России*. Том 33. № 2. С. 9–30. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30>
- Нархов Д. Ю. 2024б. Вузовские образовательные общности: теоретический каркас исследования // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. № 2 (89). С. 86–96. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.89.2.004>
- Озерина А. А., Ульянина О. А. 2023. Особенности социокультурной идентичности современного студента // *Образование и наука*. Том 25. № 2. С. 164–190. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-164-190>
- Панова А. А. 2015. Административный штат в современных вузах: анализ международного опыта // *Университетское управление: практика и анализ*. № 6 (100). С. 129–140.
- Радаев В. В. 2008. Экономическая социология. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 608 с.
- Резник С. Д., Сазыкина О. А. 2020. Проректоры российского университета: социологический портрет и структурные изменения // *Университетское управление: практика и анализ*. Том 24. № 1. С. 119–132.
- Семенов М. Ю., Кичерова М. Н., Трифонова И. С. 2024. Экосистема образования взрослых: конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса // *Образование и наука*. Том 26. № 3. С. 12–39. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-12-39>
- Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. 2011. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // *Социологические исследования*. № 7. С. 3–15.
- Теннис Ф. 2002. *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / Ф. Теннис; пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль. 451 с.
- Тихонова Н. Е. 2006. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. № 9. С. 28–40.
- Тихонова Н. Е., Латов Ю. В., Латова Н. В. [и др.] 2023. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН. 488 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023>
- Фурсова В. В., Ханнанова Д. Х. 2013. *Социальное неравенство в системе образования: российские и зарубежные теории и исследования*. М.: Директ-Медиа. 261 с.

- Шереги Ф. Э. 2015. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 12–36.
- Ядов В. А. 1972. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука. 240 с.
- Bell C., Newby H. 1974. *Sociology of Community: A Selection of Readings* / Foreword by N. Elias. London: Cass. 355 pp.
- David P. A. 2002. Ch. 7: Path dependence, its critics, and the quest for “historical economics” // *The Evolution of Economic Institutions* / G. M. Hodgson (Ed.). Edward Elgar Publishing. 324 pp. <https://doi.org/10.4337/9781847207036.00016>
- Doty D. H., Glick W. H. 1994. Typologies as a unique form of theory building: towards improved understanding and modeling // *Academy of Management Review*. No. 2. Pp. 230–251.
- Grusky D. B. 2001. The past, present, and future of social inequality // *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. B. Grusky. Boulder, Colo.: Westview Press. Pp. 3–39.
- Jumpakate T., Wilang J. D. 2021. Exploring the reflective typology of novice EFL teachers in a Thai university // *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*. Vol. 10. No. 2. Pp. 668–675. <https://doi.org/10.11591/ijere.v10i2.21122>
- Lytotard J. 1984. *The postmodern condition: A report on Knowledge*. Manchester: Manchester University Press. 134 pp.
- Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Vishnevsky Yu. R. 2018. Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education // 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18) June 20–22. Pp. 707–715.
- Pfeffer J., Salancik G. R. 1978. *The external control of organizations: A resource dependence perspective*. New York etc.: Harper & Row. 300 pp.

References

- Ambarova, P. A., & Shabrova, N. V. (2023). Students' ideas about a scientific mentor. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 16(4), 391–408. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.403> [In Russian]
- Ambarova, P. A., Shabrova, N. V., Kemmet, E. V., & Mikhailova, A. N. (2023). Research culture of students of Russian universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 32(7), 96–116. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116> [In Russian]
- Asmolv, A. G. (2024). Man as a subject of polymotivation [Book review of *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results* (L. N. Ovcharova, V. A. Anikina, & P. S. Sorokin, Eds.). VTsIOM. 2023.]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 277–286. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2598> [In Russian]
- Babintsev, V. P. (2017). Corporate relations in Russian universities: a break in tradition. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, (7), 26–35. [In Russian]
- Babich, N. S. (2012). Functions of the typological method in sociology. *Theory and Practice of Social Development*, (11), 84–89. [In Russian]
- Bourdieu, P. (2002). The Forms of Capital. *Economic Sociology*, 3(5), 60–74. Retrieved Nov. 15, 2024, from <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html> [In Russian]

- Giddens, E. (2003). *The Structure of Society: An Outline of the Theory of Structuration* (I. Tyurina, Trans.). Academic project. [In Russian]
- Glebov, G. E., & Lapygin, Yu. N. (2023). Graduate school educational ecosystem. *Municipality: Economics and Management*, (4), 22–32. [In Russian]
- Efimov V. S. (Ed.). 2020. *Ecosystem of Science, Education and Innovation of the Krasnoyarsk Krai: Idea, Prospects, Projects* [analytical report]. Siberian Federal University. [In Russian]
- Efimova, G. Z. (2021). Typology of career trajectories and motivations for their choice by teachers of higher educational institutions. *University Management: Practice and Analysis*, 25(3), 56–69. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.03.027> [In Russian]
- Efimova, G. Z., & Latyshev, A. S. (2023). Job satisfaction among employees of higher education institutions. *Educational Studies Moscow*, (1), 72–108. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108> [In Russian]
- Zaslavskaya, T. I., & Ryvkina, R. V. (1991). *The Sociology of Economic Life: Essays on Theory*. Nauka, Siberian Branch. [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2009). *Theory of Social Community*. Humanitarian University. [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2010). Theoretical foundations for the study of social community. *Sociological Studies*, (4), 3–12. [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2023a). *Favorites: 1972–2022*. Humanitarian University. [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2023b). From typology of universities to typology in universities. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, (5), 9–20. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.001> [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2024a). Does a social community have a biography? *News of UrFU. Series 1. Problems of Education, Science and Culture*, 30(2), 151–163. <https://doi.org/10.15826/izv1.2024.30.2.035> [In Russian]
- Zborovsky, G. E. (2024b). Typology of scientific and pedagogical workers: a sociological approach. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(1), 162–191. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.8> [In Russian]
- Zborovsky, G. E., & Ambarova, P. A. (2022). Mobilization of resources of the scientific and pedagogical community (the case of higher education in the Urals Federal District). *Sociological Studies*, (9), 60–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250020845-2> [In Russian]
- Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A., Katashinskikh, V. S., et al. (2017). *Current Problems of Transformation of Higher Education in the Macroregion* (G. E. Zborovsky, Ed.). Humanitarian University. [In Russian]
- Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A., Katashinskikh, V. S., & Kemmet, E. V. (2023). Resource capacity of the scientific and pedagogical community of universities in the Ural Federal District: experience of qualitative research. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 32(5), 71–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88> [In Russian]
- Karpov, A. O. (2017). University 3.0 — social missions and reality. *Sociological Studies*, (9), 114–124. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060137> [In Russian]
- Carroll (Dobryakova), M. S. (1999). Local community studies in the sociological tradition. *Sociological Studies*, (7), 125–133. [In Russian]
- Katashinskikh, V. S. 2017. Specifics of the typology of universities in the industrial macroregion. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, (3), 24–32. [In Russian]

- Korableva, G. B. (2012). *Sociology of Professions*. Ural University Publishing House. [In Russian]
- Coleman, J. (2011). Social and human capital. *Social Sciences and Modernity*, (3), 122–139. [In Russian]
- Kurbatova, M. V., & Kagan, E. S. (2016). Opportunism of university teachers as a way of adapting to increased external control of activities. *Journal of Institutional Studies*, 8(3), 116–136. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136> [In Russian]
- Lisovsky, V. T. (2005). *About Youth and Youth Policy in 2 vols. Vol. 1* (A. A. Kozlov, Ed.). Khimizdat. [In Russian]
- Nazarova, I. V. (2006). Typology of higher education teachers. *Sociological Studies*, (11), 115–125. [In Russian]
- Narkhov, D. Yu. (2024a). Interaction of university educational communities in the university scientific space. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, (2), 9–30. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-9-30> [In Russian]
- Narkhov, D. Yu. (2024b). University educational communities: theoretical framework of the study. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, (2), 86–96. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.89.2.004> [In Russian]
- Ozerina, A. A., & Ulyanina, O. A. (2023). Features of the sociocultural identity of a modern student. *Education and Science*, 25(2), 164–190. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-164-190> [In Russian]
- Panova, A. A. (2015). Administrative staff in modern universities: analysis of international experience. *University Management: Practice and Analysis*, (6), 129–140. [In Russian]
- Radaev, V. V. (2008). *Economic Sociology* (2nd ed.). HSE Publishing House. [In Russian]
- Reznik, S. D., & Sazykina, O. A. (2020). Vice-rectors of a Russian university: sociological portrait and structural changes. *University Management: Practice and Analysis*, 24(1), 119–132. [In Russian]
- Semenov, M. Yu., Kicherova, M. N., & Trifonova, I. S. (2024). Ecosystem of adult education: construction of a terminological field and an interdisciplinary thesaurus. *The Education and Science Journal*, 26(3), 12–39. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-12-39> [In Russian]
- Tatarova, G. G., & Bessokirnaya, G. P. (2011). Typological analysis for the reconstruction of social types of workers (conceptual and empirical justification). *Sociological Studies*, (7), 3–15. [In Russian]
- Toennies, F. (2002). *Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology* (D. V. Sklyadnev, Trans.). University Foundation; Vladimir Dal. [In Russian]
- Tikhonova, N. E. (2006). The resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Sociological Studies*(9), 28–40. [In Russian]
- Tikhonova, N. E., Latov, Yu. V., Latova, N. V., et al. (2023). *Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors* (N. E. Tikhonova, & Yu. V. Latov, Eds.). FNISC RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023> [In Russian]
- Fursova, V. V., & Khannanova, D. Kh. (2013). *Social Inequality in the Education System: Russian and Foreign Theories and Research*. Direct-Media. [In Russian]
- Sheregi, F. E. (2015). Education as a social institution: functions and dysfunctions. In M. K. Gorskov (Ed.), *Russia Is Reforming. Vol. 13: Yearbook* (pp. 12–36). New Chronograph. [In Russian]

- Yadov, V. A. (1972). *Sociological Research: Methodology, Programs, Methods*. Nauka. [In Russian]
- Bell, C. & Newby, H. (1974). *Sociology of Community: A Selection of Readings* (N. Elias, Foreword).
- David, P. A. (2007). Chapter 7: Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Economics.' In G. M. Hodgson (Ed.), *The Evolution of Economic Institutions*. Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781847207036.00016>
- Doty, D. H., & Glick, W. H. (1994). Typologies as a unique form of theory building: towards improved understanding and modeling. *Academy of Management Review*, (2), 230–251.
- Grusky, D. B. (2001). The past, present, and future of social inequality. In D. B. Grusky (Ed.), *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (pp. 3–39). Westview Press.
- Jumpakate, T., & Wilang, J. D. (2021). Exploring the reflective typology of novice EFL teachers in a Thai university. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 10(2), 668–675. <https://doi.org/10.11591/ijere.v10i2.21122>
- Lyotard, J. (1984). *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester University Press.
- Narkhov, D. Yu., Narkhova, E. N., & Vishnevsky, Yu. R. (Jun. 20–22, 2018). Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education. In *4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18)* (pp. 707–715).
- Pfeffer, J., & Salancik, G. R. (1978). *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. Harper & Row.

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Нархов, кандидат социологических наук, доцент, кафедра организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
d_narkhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0104-7324>

Information about the author

Dmitry Yu. Narkhov, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Organization of Work with Youth, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
d_narkhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0104-7324>

Кто готов включиться в экологические практики: анализ заинтересованности пользователей

Ольга Владимировна Захарова [✉], Анна Валерьевна Глазкова,
Арсений Николаевич Ходырев, Софья Денисовна Бессонова,
Евгения Олеговна Загайнова, Дарья Владимировна Иванова,
Алтынай Есенбаевна Калимова, Анастасия Артемовна Василец

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: o.v.zakharova@utmn.ru [✉]

Аннотация. Работа посвящена решению задачи автоматизированного поиска пользователей социальных сетей, заинтересованных в участии в экологических практиках, масштабирование которых представляет социально важную задачу. В рамках исследования предполагается, что заинтересованные в участии в экологических практиках пользователи состоят в сообществах экологической тематики в социальных сетях. В статье предлагается типология пользователей социальных сетей с точки зрения их активности в экологических сообществах. Сбор данных осуществлялся в социальной сети ВКонтакте. Для прогнозирования степени заинтересованности пользователя в участии в экологических практиках использовался тематический вектор его подписок. На собранном наборе данных была оценена эффективность базового набора алгоритмов классификации, включающего в себя линейные, вероятностные, метрические, логические и ансамблевые классификаторы. В качестве входных данных для классификаторов использовались тематические векторы подписок пользователей, в качестве выходных — метки категорий пользователей с точки зрения их активности в экологических сообществах. Полученные результаты показывают, что интерес пользователя к экологическим практикам может быть спрогнозирован на основе тематики его подписок. В дальнейшей работе для решения данной задачи могут быть использованы более сложные наборы признаков.

Ключевые слова: экологические практики, обработка отходов, экологические сообщества, анализ социальных сетей, классификация, машинное обучение, ВКонтакте

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

Цитирование: Захарова О. В., Глазкова А. В., Ходырев А. Н., Бессонова С. Д., Загайнова Е. О., Иванова Д. В., Калимова А. Е., Василец А. А. 2024. Кто готов включиться в экологические практики: анализ заинтересованности пользователей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 77–96. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-77-96>

Поступила 08.04.2024; одобрена 17.06.2024; принята 19.09.2024

Who is ready to join green practices: automatic analysis of user interest

Olga V. Zakharova[✉], Anna V. Glazkova, Arseniy N. Hodyrev,
Sofia D. Bessonova, Evgeniya O. Zagainova, Darya V. Ivanova,
Altynai E. Kalimova, Anastasija A. Vasilec

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: o.v.zakharova@utmn.ru[✉]

Abstract. The paper discusses the importance of identifying social media users interested in participating in green practices — actions aimed at preserving or transforming the environment; scaling up these practices is a socially significant task. We provide user taxonomy based on their engagement in online environmental communities, which includes four categories of users and aspects describing these categories: a) disinterested users (not members of environmental communities); b) passive subscribers (members of environmental communities, inactive); c) active subscribers (members of environmental communities, active); d) agents of influence (the most involved group of active subscribers). Based on the proposed taxonomy, we collected a dataset of 1 663 entries. The data collection was carried out on the VKontakte social network. We used the thematic vector of user subscriptions to predict the degree of their interest towards participating in environmental practices. Using the collected dataset, we evaluated the effectiveness of the basic set of classification algorithms, including linear, probabilistic, metric, logical, and ensemble classifiers. We used thematic vectors of user subscriptions as input data and the labels of user activity in environmental communities as targets. The best result in terms of the F1-score was obtained using the Random Forest classifier (85.59%). The results show that users' interest towards environmental practices can be

predicted based on the themes of their subscriptions. In further work, more complex sets of features can be used to solve this task.

Keywords: green practices, waste management, green communities, social media analysis, classification, machine learning, VKontakte

Acknowledgements: this study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Carbon Measurement Test Area in Tyumen Region (FEWZ-2024-0016).

Citation: Zakharova, O. V., Glazkova, A. V., Hodyrev, A. N., Bessonova, S. D., Zagainova, E. O., Ivanova, D. V., Kalimova, A. E., & Vasilec, A. A. (2024). Who is ready to join green practices: automatic analysis of user interest. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 77–96. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-77-96>

Received Apr. 8, 2024; Reviewed Jun. 17, 2024; Accepted Sep. 19, 2024

Введение

Современное общество сталкивается с большим количеством экологических проблем, которые влияют на окружающую среду и здоровье людей. Глобальные проблемы требуют принятия мер на государственном уровне, однако каждый человек может внести свой вклад в улучшение отношений «общество–природа», участвуя в экологических практиках. Экологические практики направлены на гармонизацию отношений человека и природы [Zakharova и др., 2021]. Они представляют собой осмысленные действия людей, нацеленные на преобразование природной среды либо на ее поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения ее основных параметров [Захарова, 2022]. К экологическим практикам относятся, в частности, сортировка мусора, переработка отходов, обмен, участие в акциях по продвижению ответственного потребления и так далее [Zakharova и др., 2022]. Вовлечение населения в такую деятельность имеет решающее значение для преодоления экологического кризиса. Вовлечение людей в экологические практики возможно не только путем оказания инфраструктурной, информационной, финансовой, организационной поддержки экологических инициатив на государственном, региональном и местном уровне, но и путем увеличения числа участников экологических практик, расширения территориального охвата, экологизации новых видов деятельности. Для этого необходимо понимать, кто потенциально готов включиться в экологические практики.

Согласно статистике¹, основным источником информации о состоянии окружающей среды являются социальные сети. По охвату аудитории они сегодня обходят телевидение [Ахтырский, 2022]. В связи с этим социальные сети могут послужить мощным

¹ Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму (аналитический доклад), 30.12.2020 // ВЦИОМ: оф. сайт. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu> (дата обращения: 27.03.2024).

инструментом привлечения людей к проблемам экологии и экологическим практикам. Для распространения экологических практик необходимо осуществлять поиск заинтересованных пользователей не только по явным признакам, таким как комментирование постов или членство в экологических сообществах в социальных сетях. Чтобы привлекать к участию в экологических практиках не состоящих в экологических сообществах людей, необходимо определять их потенциальный интерес к экологической тематике на основе информации, опубликованной на их персональных страницах в социальных сетях. Такой информацией может быть, например, тематика сообществ, в которых состоят пользователи. В таком случае задача поиска нужной группы пользователей схожа с задачей фильтрации на основе содержания при разработке рекомендательных систем [Кутянин, 2017].

В статье описывается подход к построению модели машинного обучения для автоматизированного определения степени заинтересованности пользователя социальной сети ВКонтакте¹ (VK) в участии в экологических практиках на основе перечня его подписок. Задача автоматизированного определения степени заинтересованности пользователей в экологических практиках рассматривается как *задача многоклассовой классификации*. Первым этапом работы является формирование набора данных. Поскольку готовых датасетов для рассматриваемой задачи не существует, авторы предлагают типологию пользователей социальных сетей с точки зрения их активности в экологических сообществах: *агенты влияния, активные подписчики, пассивные подписчики, незаинтересованные пользователи*. Активность пользователя включает в себя несколько аспектов: членство в экологических сообществах, комментарии под постами сообщества или реакции «Мне нравится» (лайки) на посты сообщества. На основе предложенной типологии авторы формируют набор данных, содержащий анонимные данные о подписках 1 663 пользователей. На созданном наборе данных обучены и протестированы несколько широко используемых классификаторов. В качестве входных данных для классификаторов использовались тематические векторы подписок пользователей, в качестве целевой переменной — метки категорий с точки зрения типологии активности пользователей. Полученные результаты показывают, что информация о тематике подписок может быть использована для прогнозирования степени заинтересованности пользователей в участии экологических практик.

Обзор литературы

Для изучения профилей зеленых пользователей мы опираемся на подход теории практик, которая получила распространение с 1970-х гг. [Giddens, 1979; Волков, Хархордин, 2008; Shove и др., 2012; Hui и др., 2017]. Социальные практики понимаются как организованные наборы действий, которые связываются в более широкие комплексы действий, образующих «основную область изучения социальных наук» [Giddens, 1984, с. 2]. Говоря о социальных практиках, Э. Гидденс подчеркивал их рекурсивный характер: люди воспроизводят в своей активности структуры социальной жизни, стабилизируя социальные отношения. При этом практики могут стремительно и эффективно из-

¹ ВКонтакте. <https://vk.com/> (дата обращения: 13.12.2024).

меняться за счет изменения ключевых элементов или их сочетаний [Nash и др., 2017]. Динамизм социальных практик, по мнению исследователей, может помочь в решении сложных проблем, в т. ч. экологических [Shove и др., 2012]. Поэтому, сталкиваясь с необходимостью изменения социальных практик по отношению к природе, исследователи всё чаще обращаются к теории практик [Spaargaren, 2011]. С одной стороны, они предлагают использовать потенциал теории практик для ускорения темпа перемен [Nash и др., 2017; Anibaldi и др., 2021]; с другой, они обращаются к теории практик как способу преодоления дуализма между индивидуальными решениями и социальными структурами [House, 2019]. Оба эти утверждения связаны между собой: когда мы можем эффективно изменять практику как целостный набор действий, нам нет нужды фокусироваться на субъективных ценностях, индивидуальных действиях и решениях.

Чтобы обозначить социальные практики, которые нацелены на гармонизацию отношений «общество–природа» мы используем выражение «зеленые» или «экологические». На сегодняшний день такие практики принимают самые различные формы [Захарова, 2020; Лебедева, 2021; Глазкова и др., 2022], часто ускользающие от эмпирического наблюдения [Сорвина, 2019], что создает сложности для их изучения. Кроме того, сложности связаны с низкой степенью локализации объекта исследования. При этом, согласно проведенным ранее исследованиям в г. Тюмени, экологические сообщества широко представлены в социальной сети ВК и включают сотни тысяч человек [Захарова и др., 2021], а содержание постов экологических онлайн-сообществ является ценным источником информации о специфике и деятельности сообществ [Батанина и др., 2021; Каминская и др., 2019; Яницкий, 2010].

Анализ социальных сетей (social network analysis) направлен на исследование социальных структур и связей путем изучения социальных медиа. Внимание исследователей привлекают задачи выявления наиболее активных и влиятельных пользователей. Значительная часть исследований проводится на материале русскоязычного контента. Во многих работах для определения активности, компетентности и влиятельности пользователей используются методы, основанные на теории графов (например, [Гнедаш, 2022; Пастухов и др., 2022]). Низомутдинов и Видясова [2021] определяют активность пользователей в сообществах в социальных сетях исходя из количества комментариев, оставленных ими под постами сообщества. Результаты исследования показали, что в каждом сообществе существует ядро активных пользователей, которые оставляют больше всего реакций на посты, публикуемые в группах. В работах Д. А. Губанова и соавторов оценивается доля наиболее влиятельных пользователей в интернет-сообществах [Губанов, Чхартишвили, 2016; Gubanov, 2022].

Авторы исследования показывают, что ядро пользователей, на долю которых приходится большая часть общей влиятельности пользователей, составляет не более 5%. Влиятельность в данных исследованиях определяется на основании активности пользователя в сообществе: создания постов и комментариев, выставления лайка постам или комментариям. Черемисова [2016] определяет активность пользователя на основе количества времени, проведенного в социальных сетях: большинство пользователей, проводящих в социальных сетях более 6,5 часов в месяц, размещают в открытом доступе на своих страницах подробную информацию о себе, которая может быть использована

при анализе данных, в социологических исследованиях или в других целях. Кметь [2015] рассматривает типологии пользователей социальных сетей на основе их поведенческих стратегий. Так, базовая классификация пользователей предполагает их разделение на активных и пассивных [Constantinides, 2014]. В свою очередь степень активности пользователей может различаться в зависимости от шаблона поведения: генераторы контента, участники дискуссии в пассивные наблюдатели [Халилов, 2017].

Несмотря на интерес исследователей к рассматриваемой тематике, практически отсутствуют работы, которые прогнозируют степень заинтересованности пользователей в экологических практиках. Анализ экологической повестки в текстах на русском языке к настоящему времени в основном ограничивается частотным и вероятностным анализом.

Данная работа восполняет данный пробел. Существующие типологии пользователей социальных сетей были адаптированы к задаче автоматизированного определения степени заинтересованности пользователей в экологических практиках. На основе типологии пользователей собран набор данных и протестированы методы машинного обучения для прогнозирования категории пользователей.

Методы

Типология пользователей с точки зрения их активности в экологических сообществах

На основе анализа работ, сделанного в предыдущем разделе, были выделены четыре группы пользователей по степени их заинтересованности в участии в экологических практиках. В качестве аспектов заинтересованности использовались следующие показатели активности пользователей: членство в экологических сообществах; наличие комментариев и/или реакций «Мне нравится» (лайков) под постами сообщества. По аналогии с типологиями пользователей, описанными ранее [Кметь, 2015; Халилов, 2021], в основе используемой типологии лежат логические оппозиции: активность — неактивность, компетентность в тематике сообщества — некомпетентность.

- *Незаинтересованные пользователи* — пользователи соцсети, не состоящие в экологических сообществах.
- *Пассивные подписчики* — пользователи, состоящие в экологических сообществах, но не проявляющие в них активность, т. е. не оставляющие комментарии и не ставящие лайки.
- *Активные подписчики* — пользователи, состоящие в экологических сообществах и проявляющие активность: оставляют комментарии и/или лайки.
- *Агенты влияния* — наиболее вовлеченная группа активных пользователей, больше других реагирующая на посты сообщества.

Предложенная типология была использована при сборе анонимных данных пользователей социальной сети ВКонтакте. Собранные данные использовались для формирования категорий пользователей и последующего обучения моделей машинного обучения

для автоматизированного определения степени заинтересованности пользователей в участии в экологических практиках.

Формирование категорий пользователей

В качестве источника данных для исследования была рассмотрена социальная сеть ВКонтакте, поскольку она является наиболее популярной в России¹ [Kozitsin, 2023]. В рамках данного исследования предполагается, что пользователи ВКонтакте, заинтересованные в участии в экологических практиках, состоят в сообществах экологической тематики. В качестве источника данных было выбрано сообщество «Экологическое движение „РазДельный Сбор“»² (далее — РС), тематика которого обозначена как «Общественная организация». Сообщество РС регулярно организует различные мероприятия, направленные на формирование и развитие в России новой системы обращения с отходами. Для популяризации своей деятельности общественная организация использует социальные медиа, ее самой представительной онлайн-площадкой является сообщество ВКонтакте [Грабовская, 2019]. Согласно результатам опроса, представленного Пупковой и Грабовской [2019], общество позитивно оценивает вклад РС в процесс формирования новых социокультурных практик обращения с отходами. На момент сбора данных (апрель 2023 г.) в сообществе РС состояло более 85 тысяч пользователей.

С помощью VK API³ и языка программирования Python 3.10.12 были получены анонимные данные с 58 400 открытых страниц (профилей) пользователей, состоящих в экологическом сообществе РС. Для каждой страницы были получены показатели количества комментариев и лайков постов в сообществе РС. На основании анализа активности владельцев полученных страниц в сообществе пользователи были разделены на две группы: 57 537 пользователей, не проявляющих активность в сообществе (не оставлявших комментариев и лайков), и 863 пользователя, реагирующих на посты сообщества. Из первой группы случайным образом были отобраны 400 профилей. Таким образом была сформирована категория *пассивных подписчиков*. Для формирования последней категории — *незаинтересованных пользователей* — были получены данные 400 случайных пользователей социальной сети ВКонтакте, не состоящих в сообществе РС. Итого для проведения экспериментов были отобраны страницы 1 663 пользователей.

Следующим шагом стало разделение группы из 863 пользователей на активных подписчиков и агентов влияния. В настоящее время функционал VK API не позволяет собирать данные об авторах постов в сообществах ВКонтакте, поэтому разделение этих двух категорий выполнялось на основе имеющейся информации о количестве

¹ ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России // Ведомости. 18.04.2022. <https://www.vedomosti.ru/media/news/2022/04/18/918515-vtsiom-samie-populyarnie-sotsseti#140737497457204> (дата обращения: 14.12.2024).

² Экологическое движение «РазДельный Сбор». <https://vk.com/rsbor> (дата обращения: 13.12.2024).

³ API | VK для разработчиков. <https://dev.vk.com/ru/reference> (дата обращения: 13.12.2024).

комментариев и лайков. Была применена кластеризация методом *k*-средних, на основе которой все страницы пользователей были разделены на два кластера, содержащих 837 и 36 профилей, соответственно. Количество пользователей в категориях оказалось несбалансированным. Наиболее активные пользователи были отнесены к меньшему кластеру, что соответствует утверждению о том, что совокупная доля не более 5% пользователей обеспечивает большую часть общей влиятельности пользователей [Губанов, Чхартишвили, 2016; Gubanov, 2022]. В данной работе использовались следующие параметры кластеризации: количество кластеров — 2, максимальное количество итераций — 300, критерий толерантности — $1e-4$. Реализация алгоритма выполнялась с помощью библиотеки Scikit-learn [Pedregosa, 2011]. На основании разбиения страниц пользователей, полученного с помощью метода *k*-средних, были сформированы категории *активных подписчиков* и *агентов влияния*.

Формирование набора признаков

В данной работе для прогнозирования степени заинтересованности пользователя в участии в экологических практиках используется перечень тематик его подписок. Для формирования набора признаков была собрана информация о подписках с каждой страницы пользователя, включенной в набор данных. Сбор информации о подписках пользователей осуществлялся в три этапа.

1. Получение списка сообществ, на которые подписан пользователь.
2. Получение тематики сообщества в соответствии с фиксированным списком тематик сообществ ВКонтакте (477 позиций). Тематика иллюстрирует характер информации, размещаемой в сообществе.¹ Так, тематика экологического сообщества РС, на основании которого был построен набор данных, звучит как «Общественная организация». Использование тематик подписок пользователей в качестве признаков позволяет в дальнейшем сделать выводы о схожести к экологической тематике, а также привлекать к экологическим практикам пользователей не в экологических сообществах, но близких по тематике.
3. Формирование вектора подписок пользователя (размер вектора — 477), где каждой тематике сопоставлено количество сообществ данной тематики, на которые подписан пользователь.

Данные о количестве подписок для страниц разных категорий пользователей представлены в табл. 1. В табл. 2 представлены десять наиболее популярных тематик подписок для разных категорий пользователей (в порядке убывания популярности). Тематики, присутствующие в списке самых популярных для всех категорий пользователей, выделены темно-серым цветом. Светло-серым выделены тематики, встречающиеся более чем у одного пользователя. Без выделения цветом остались тематики, входящие в число десяти самых популярных только для одной категории пользователей.

¹ Бизнес ВКонтакте: продвижение. <https://vk.com/biz/article/sozдание-vybor-tipa-i-tematiki> (дата обращения: 13.12.2024).

Табл. 1. Количество подписок для разных категорий пользователей

Table 1. The no. of subscriptions for different user categories

Тип пользователей	Кол-во пользователей	Ср. кол-во подписок	Мин. кол-во подписок у пользователя	Макс. кол-во подписок у пользователя
Агенты влияния	36	162,77	2	1 381
Активные подписчики	827	171,25	1	1 433
Пассивные подписчики	400	128,71	2	1 372
Незаинтересованные пользователи	400	251,49	1	2 536

Табл. 2. 10 наиболее популярных тематик подписок внутри категорий пользователей

Table 2. Top-10 of subscription topics within user categories

№	Агенты влияния	Активные подписчики	Пассивные подписчики	Незаинтересованные пользователи
1	Городское сообщество	Городское сообщество	Образование	Юмор
2	Образование	Образование	Городское сообщество	Творчество
3	Творчество	Творчество	Творчество	Образование
4	Туризм, путешествия	Здоровый образ жизни	Публичная страница	Городское сообщество
5	Общественная организация	Туризм, путешествия	Туризм, путешествия	Кино
6	Здоровый образ жизни	Юмор	Интернет-СМИ	Публичная страница
7	Юмор	Интернет-СМИ	Юмор	Интернет-СМИ
8	Интернет-СМИ	Обучающие курсы	Культура	Музыкальная группа
9	Государственная организация	Культура	Обучающие курсы	Фотография
10	Культура	Родители и дети	Здоровый образ жизни	Туризм, путешествия

В списке тематик сообществ социальной сети ВКонтакте отсутствуют тематики, напрямую указывающие на экологическую направленность сообщества. Это позволяет нам использовать вектор тематик подписок пользователей в качестве признаков для прогнозирования заинтересованности пользователя в экологических практиках. В случае, если бы информация об экологической направленности сообществ явно присутствовала в векторе признаков, использование векторов тематик подписок представлялось бы некорректным.

В социальной сети ВКонтакте отсутствует в явном виде информация о наиболее распространенных тематиках сообществ. Для иллюстрации распределения тематик мы выгрузили данные о 9 962 сообществах ВКонтакте, которые можно найти по ключевым словам «экология», «экологический» или «экологичный». Среди данных сообществ мы отобрали те, в которых состоят не менее 100 человек и в названии кото-

рых встречается подстрока «эко», и визуализировали распределение тематик для них. Далее мы визуализировали распределение тематик для 2 000 случайных сообществ, в которых состоят не менее 100 пользователей, и в названии которых нет подстроки «эко». На рис. 1 и 2 представлены распределения тематик для случайных сообществ и сообществ, найденных по ключевым словам. Тематики, к которым относятся сообщества экологической тематики, довольно разнообразны. В рамках нашего эксперимента все тематики из 15 наиболее распространенных тематик экологических сообществ встретились также среди тематик 2 000 случайных сообществ.

Рис. 1. Распределение тематик 2 000 случайных сообществ ВКонтакте

Fig. 1. The distribution of topics of 2 000 random communities in VKontakte

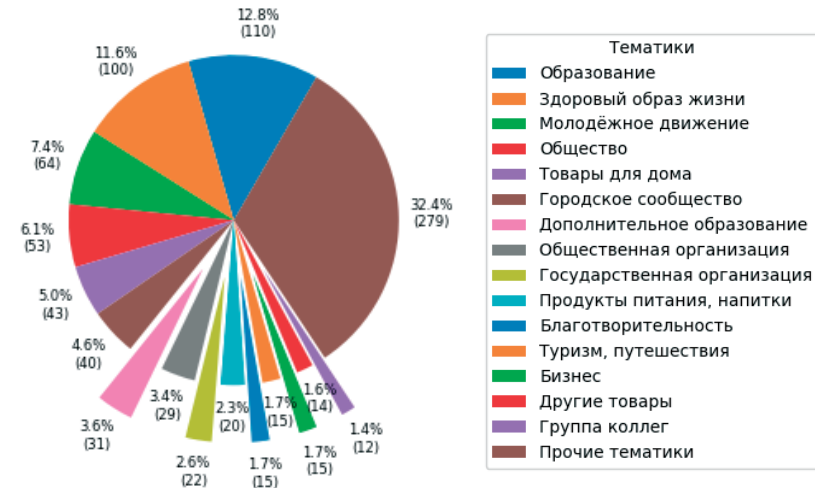

Рис. 2. Распределение тематик экологических сообществ ВКонтакте

Fig. 2. The distribution of topics of green communities in VKontakte

Модели машинного обучения

Для автоматизированной классификации пользователей по степени их заинтересованности в экологических практиках были сравнены восемь базовых алгоритмов классификации. По аналогии с [Вычегжанин, Котельников, 2020] был выбран набор алгоритмов, обеспечивающий методологическое разнообразие за счет разных подходов, лежащих в их основе:

- линейный классификатор — метод опорных векторов (Support Vector Machine, SVM);
- вероятностные классификаторы — гауссовский байесовский классификатор (Gaussian Naive Bayes, GNB), логистическая регрессия (Logistic Regression, LR);
- метрический классификатор — метод k ближайших соседей (k-Nearest Neighbors, kNN);
- логический классификатор — дерево решений (Decision Tree, DT);
- ансамблевые классификаторы — адаптивный бустинг (Adaptive Boosting, AB), градиентный бустинг (Gradient Boosting, GB), случайный лес (Random Forest, RF).

В экспериментах использовалась реализация данных алгоритмов из библиотеки Scikit-Learn [Pedregosa и др., 2011]. Качество алгоритмов оценено при помощи F-меры, которая вычисляется следующим образом:

$$F1 = 2 * \frac{precision * recall}{precision + recall},$$

$$precision = \frac{TP}{TP + FP},$$

$$recall = \frac{TP}{TP + FN},$$

где TP — количество случаев, когда классификатор верно отнес пользователя к рассматриваемой категории, TN — количество случаев, когда классификатор верно утверждает, что пользователь не принадлежит к рассматриваемой категории, FP — количество случаев, когда классификатор неверно отнес пользователя к рассматриваемой категории, FN — количество случаев, когда классификатор неверно утверждает, что пользователь не принадлежит к рассматриваемой категории.

Значения метрики получены путем макроусреднения по всем категориям, т. е. простого усреднения значений F-меры, полученных для каждой категории. Для получения объективных оценок качества классификаторов использовалась кросс-валидация на десять фолдов (десятикратная перекрестная проверка), при которой набор данных десять раз разбивался на обучающую и тестовую подвыборки в соотношении 90:10. При разбиении данных на обучающую и тестовую подвыборки к обучающей подвыборке применялась процедура оверсэмплинга, т. е. случайного дублирования примеров из моноритарных классов до достижения равных размеров категорий. Оверсэмплинг был реализован с помощью библиотеки Imbalanced-learn [Lemaitre и др., 2017]. В результате кросс-валидации были получены десять значений F-меры на контрольных подмножествах данных. Итоговая оценка качества классификатора представляет собой среднее арифметическое этих значений.

Результаты и обсуждение

В табл. 3 представлены итоговые значения F-меры, полученные для каждого классификатора. Три лучших результата выделены серым цветом, наиболее высокий — самым насыщенным оттенком. В наших экспериментах самое высокое значение F-меры было получено с помощью метода RF (85,59%). В целом, три ансамблевых классификатора (AB, GB и RF) показали лучшие результаты. Среди прочих методов самое высокое значение F-меры получено DT (75,25%).

Табл. 3. Результаты

Table 3. Results

Классификатор	SVM	GNB	LR	kNN	DT	AB	GB	RF
F-мера, %	72,53	48,96	64,53	56,54	75,25	75,77	78,08	85,59

Эмпирический анализ ошибок классификатора RF позволил сделать следующие выводы:

- Категория агентов влияния, выделенная с помощью кластеризации методом k-средних на основе комментариев и лайков, лучше других определяется с помощью классификатора. Для данного класса почти отсутствуют ошибки второго рода (когда страницы агентов влияния бывают отнесены к другим классам), однако присутствует некоторое количество ошибок первого рода (когда пользователей других категорий относят к категории агентов влияния).
- Наибольшее число ошибок классификатора связано с неразличением категорий активных и пассивных подписчиков. Вероятно, в дальнейшем следует доработать критерии разделения этих категорий.
- Незаинтересованные пользователи, как и агенты влияния, достаточно качественно выделяются классификатором. Ошибки как правило связаны с тем, что классификатор относит пользователей данной категории к активным или пассивным подписчикам или, наоборот, относит активных и пассивных подписчиков к категории незаинтересованных пользователей.

Исследование было сфокусировано на одной из наиболее распространенных экологических практик — раздельном сборе отходов [Батанина и др., 2021] — на примере сообщества «Экологическое движение „Раздельный Сбор“» в социальной сети ВКонтакте. Это сообщество не только помогает людям разделять отходы, оно также организует отправку сырья на переработку, просветительские мероприятия по продвижению экологической повестки среди детей и взрослых [Пупкова, Грабовская, 2019; Грабовская, 2019].

В табл. 2 показаны 10 наиболее популярных тематик подписок внутри категорий пользователей как входящих в число участников экологического сообщества, так и не входящих. У подписчиков экологических сообществ наиболее распространенными являются три темы: «Городское сообщество», «Образование», «Творчество» — независимо

Кто готов включиться в экологические практики...

от того, являются ли эти подписчики агентами влияния, активными подписчиками или пассивными подписчиками. Кроме того, общими являются и другие темы: «Туризм», «Путешествия», «Юмор», «Интернет-СМИ». Это подтверждает наше предположение, что подписчики экологических сообществ в ВК имеют схожие интересы.

Наибольшее внимания заслуживают темы, наиболее популярные не только среди участников экосообществ, но и среди незаинтересованных пользователей. Мы выявили шесть таких тематик: «Общественная организация», «Государственная организация», «Родители и дети», «Кино», «Музыкальная группа», «Фотография». Это означает, что именно в сообществах такой тематики в ВК следует искать потенциальных участников экологических сообществ и экологических активностей. Также подписчики таких групп могут больше других быть заинтересованы в приобретении экотоваров. Согласно теории практик, постепенное изменения отдельных элементов за счет новых конфигураций с другими практиками, позволит трансформировать всю практику в целом, сделать ее более экологичной [Hui и др., 2017; Shove и др., 2012].

Проведенное исследование дает возможность наполнить новыми значениями, «экологизировать» новые виды деятельности, связанные с гражданским активизмом (участие в решении государственных и общественных задач) и повседневными практиками (родительские практики, музыкальные увлечения и т. д.). Благодаря полученной информации станет возможно увеличить число участников практик раздельного сбора отхода и расширить территориальный охват этой практики за счет включения в нее жителей других территорий. Автоматизация процесса определения таких потенциально заинтересованных пользователей поможет минимизировать затраты на их выявление.

Заключение

В работе представлен подход к формированию набора данных и построению классификатора для задачи автоматизированного определения степени заинтересованности пользователя социальной сети ВКонтакте в участии в экологических практиках. Для решения данной задачи авторами предложена типология пользователей экологических сообществ, разработаны критерии для сбора данных с пользовательских страниц в соответствии с предложенной типологией и проведена оценка эффективности нескольких методов машинного обучения. В наших экспериментах лучший результат получен с помощью метода случайного леса (85,59% по F-мере). Полученные результаты могут найти практическое применение в деятельности экологических объединений. Прогнозирование заинтересованности пользователей в участии в экологических практиках может позволить масштабировать эти практики и привлечь пользователей со схожими интересами к участию в экологических инициативах. Предложенный подход к формированию набора данных носит универсальный характер и может быть использован в сходных задачах анализа активности и интересов пользователей социальных сетей.

В рамках данной работы набор признаков для обучения классификатора был получен на основании тематик подписок пользователя, что позволяет в дальнейшем привлекать к экологическим практикам пользователей, состоящих в сообществах близкой тематики.

Тем не менее, данный подход не использует все современные доступные средства моделирования страниц пользователей социальных сетей. Одним из направлений дальнейшей работы может быть использование текстовых данных со страниц пользователей, а также различных бинарных и категориальных признаков. Оценка эффективности признаков для решения данной задачи также представляется интересной перспективной задачей исследования. В ходе наших экспериментов наибольшее количество ошибок классификатора связано с неразличением категорий активных и пассивных подписчиков — критерии разделения этих категорий подписчиков будут конкретизированы в дальнейшей работе. Более точное разделение возможно с помощью введения более сложного критерия активности подписчиков или проведения кластеризации. Кроме того, для миноритарных категорий пользователей в будущем возможен сбор дополнительных данных.

Определение пользователей, которые могут быть заинтересованы в экологических практиках, может быть полезно организаторам экомероприятий, чтобы вовлекать в них новых участников, а также менеджерам экологических сообществ в социальных сетях, чтобы расширять охват подписчиков. Кроме того, возможность автоматизированного определения заинтересованных пользователей позволит предпринимателям увидеть новые ниши для продажи экологичных товаров и услуг, развития партнерств, конкуренции. На основе знаний о «зеленых» пользователях сообществ возможна разработка стратегий продвижения товаров, логистики и так далее. Кроме того, представленная информация о сообществах может быть использована для продажи услуг группам в соцсетях (в частности, ВКонтакте) для развития рекламы, продвижения, рекомендательных сервисов. Такой продукт может быть интересен предпринимателям и SMM-менеджерам как способ изучения рынка, потребностей как потребителей экологичных товаров и услуг, так и пользователей социальных сетей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ахтырский А. А. 2022. Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. № 1. С. 16–24.
- Батанина И. А., Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Парма Р. В. 2021. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших данных // *Известия Тульского государственного университета. Науки о земле*. № 2. С. 409–428.
- Волков В. В., Хархордин О. В. 2008. *Теория практик*. СПб.: ЕУ в СПб. 297 с.
- Вычегжанин С. В., Котельников Е. В. 2020. Распознавание точки зрения автора текста на основе ансамблей методов отбора признаков и методов классификации // *Cloud of Science*. Том 7. № 1. С. 114–134.
- Глазкова А. В., Захарова О. В., Захаров А. В., Москвина Н. Н., Еникеев Т. Р., Ходырев А. Н., Боровинский В. К., Пупышева И. Н. 2022. Поиск упоминаний экологических практик в социальных сетях с помощью методов классификации текстов // *Моделирование и анализ информационных систем*. Том 29. № 4. С. 316–332.
- Гнедаш А. А. 2022. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. Том 24. № 1. С. 64–89.

- Грабовская Е. О. 2019. Коммуникативные стратегии при управлении имиджем организации в социальных медиа на примере экологического движения «РазДельный сбор» // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок. С. 67–70.
- Губанов Д. А., Чхартшвили А. Г. 2016. Влиятельность пользователей и метапользователей социальной сети // Control Sciences. № 6. С. 12–17.
- Захарова В. А. 2022. Экологические практики молодежи в сфере потребления: аспекты актуализации проблемы // Caucasian Science Bridge. Том 5. № 4 (18). С. 120–125.
- Захарова О. В., Паюсова Т. И., Ахмедова И. Д., Суворова Л. Г. 2021. Зеленые практики: подходы к изучению // Социологические исследования. № 4. С. 25–36.
- Каминская Т. Л., Помигуев И. А., Назарова Н. А. 2019. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Том 153. № 5. С. 382–407.
- Кметь Е. Б. 2015. Выделение поведенческих категорий пользователей социальных сетей как основа разработки контентной стратегии // Практический маркетинг. № 7 (221). С. 9–15.
- Кутянин А. Р. 2017. Рекомендательные системы: обзор основных постановок и результатов // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. Том 21. № 4. С. 18–30.
- Лебедева Д. Р. 2021. Человек экологический: повседневные практики заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 24. № 2. С. 110–143.
- Низомутдинов Б. А., Видясова Л. А. 2021. Применение автоматизированного сбора информации из сообществ социальных сетей для выявления активных пользователей // International Journal of Open Information Technologies. Том 9. № 12. С. 15–20.
- Пастухов Р. К., Дробышевский М. Д., Турдаков Д. Ю. 2022. Определение влиятельных пользователей социальной сети по двудольному графу комментариев // Труды Института системного программирования РАН (Труды ИСП РАН). Том 34. № 5. С. 127–142.
- Пупкова Ю. В., Грабовская Е. О. 2019. Эколого-просветительский потенциал социальных медиа (на примере онлайн-коммуникаций ассоциации «РазДельный сбор») // Информация и образование: границы коммуникаций. № 11. С. 156–158.
- Сорвина А.Р. 2019. Своеобразие функционирования концептов в экологическом дискурсе (на материале текстов сайта «BELLONA.RU») // Форум молодых ученых. Том 34. № 6. С. 1076–1079.
- Хашилов Д. 2017. Маркетинг в социальных сетях. М.: Манн, Иванов и Фербер. 240 с.
- Черемисова И. В. 2016. Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. Том 16. № 2. С. 74–80.
- Яницкий О. Н. 2010. Экологическое движение как сетевой социально-политический актор // Политическая наука. № 2. С. 109–131.
- Anibaldi R., Rundle-Thiele S., Roemer C. 2021. Theoretical Underpinnings in Research Investigating Barriers for Implementing Environmentally Sustainable Farming Practices: Insights from a Systematic Literature Review // Land. Том 10. № 4. С. 1–24.
- Constantinides E. 2014. Foundations of social media marketing // Procedia — Social and Behavioral Sciences. Том 148. С. 40–57.

- Giddens A. 1979. *Central Problems in Social Theory — Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 294 с.
- Giddens A. 1984. *The Constitution of Society*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press. 402 с.
- Gubanov D. A. 2022. Methods for analysis of information influence in active network structures // *Automation and Remote Control*. Том 83. № 5. С. 743–754.
- House J. 2019. Modes of Eating and Phased Routinisation: Insect-Based Food Practices in the Netherlands // *Sociology*. Том. 53. № 3. С. 451–467 <https://doi.org/10.1177/0038038518797498>
- Hui A., Schatzki T., Shove E. 2017. *The Nexus of Practices: Connections, constellations, practitioners*. UK: Routledge. 236 с.
- Kozitsin I. V. 2023. Opinion dynamics of online social network users: a micro-level analysis // *The Journal of Mathematical Sociology*. Том 47. № 1. С. 1–41.
- Lemaitre G., Nogueira F., Aridas C. K. 2017. Imbalanced-learn: A Python toolbox to tackle the curse of imbalanced datasets in machine learning // *Journal of machine learning research*. Том 18. № 17. С. 1–5.
- Nash N., Whitmarsh L., Capstick S., Hargreaves T., Poortinga W., Thomas G., Sautkina E., Xenias D. 2017. Climate-relevant behavioral spillover and the potential contribution of social practice theory // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. Том 8. № 6. С. 1–32.
- Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A., Michel V., Thirion B., Grisel O., Blondel M., Prettenhofer P., Weiss R., Dubourg V., Vanderplas J., Passos A., Cournareau D., Brucher M., Perrot M., Duchesnay É. 2011. Scikit-learn: Machine learning in Python // *The Journal of Machine Learning Research*. № 12. С. 2825–2830.
- Shove E., Pantzar M., Watson M. 2012. *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes*. United States: SAGE Publications Ltd. 208 с.
- Spaargaren G. 2011. Theories of practices: agency, technology, and culture: exploring the relevance of practice theories for the governance of sustainable consumption practices in the new world-order // *Global Environmental Change*. Том 21. № 3. С. 813–822.
- Zakharova O. V., Glazkova A. V., Pupysheva I. N., Kuznetsova N. V. 2022. The Importance of Green Practices to Reduce Consumption // *Changing Societies & Personalities*. Том 6. № 4. С. 884–905.
- Zakharova O. V., Pupysheva I. N., Payusova T. Y., Zakharov A. V., Sulkarnaeva L. D. 2021. Green Values in Crowdfunding Projects // *Glocalism*. № 1. С. 6.

References

- Akhtirskii, A. A. (2022). Objectification of the development of environmental culture in Russia: Sociological analysis. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, (1), 16–24. [In Russian]
- Batanina, I., Brodovskaya, E., Dombrovskaya, A. & Parma, R. (2021). Environmental agenda in the Russian segment of social media: Results of the big data analysis. *Izvestiya Tula State University*, (2), 409–428. [In Russian]
- Volkov, V. V., & Kharkhordin, O. V. (2008). *Theory of Practice*. EU v SPb. [In Russian]
- Vychegzhanin, S. & Kotelnikov, E. (2020). Stance detection based on ensembles of feature selection and classification methods. *Cloud of Science*, 7(1), 114–134. [In Russian]

- Glazkova, A. V., Zakharova, O. V., Zakharov, A. V., Moskvina, N. N., Enikeev, T. R., Hodyrev, A. N., ... & Pupyshva, I. N. (2022). Detecting mentions of green practices in social media based on text classification. *Modeling and Analysis of Information Systems*, 29(4), 316–332. [In Russian]
- Gnedash, A. A. (2022). The fourth wave of feminism: Political discourse and opinion leaders in Twitter. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 64–89. [In Russian]
- Grabovskaya, E. O. (2019). Communicative strategies for managing the organization's image in social media using the example of the environmental movement "Separate waste collection." *Problems of Implementing Innovative Technologies' Results* (pp. 67–70). [In Russian]
- Gubarov, D. A., & Chkhartishvili, A. G. (2016). The influence of users and meta users of the social network. *Control Sciences*, (6), 12–17. [In Russian]
- Zakharova, V. A. (2022). Ecological practices of youth in the sphere of consumption: Aspects of actualization of the problem. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 120–125. [In Russian]
- Zakharova, O. V., Payusova, T. I., Akhmedova, I. D., & Suvorova, L. G. (2021). Green Practices: Approaches to Investigation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (4), 25–36. [In Russian]
- Kaminskaya, T. L., Pomiguyev, I. A., & Nazarova, N. A. (2019). Digital Environmental Activism as an Instrument of Influence on Government Decisions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 153(5), 382–407. [In Russian]
- Kmet, E. B. (2015). Behavioral categories construction of the users of social networks as a basis for the development of the content strategy. *Practical Marketing*, (7), 9–15. [In Russian]
- Kutyarin, A. R. (2017). Recommender systems: overview of main statements and results. *Intelligent Systems. Theory and Applications*, 21(4), 18–30. [In Russian]
- Lebedeva, D. (2021). Homo Ecologicus: Daily Pro-Environmental Practices as an Attribute of The Modern Subject in the Understanding of Young Moscovites. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24(2), 110–143. [In Russian]
- Nizomutdinov, B. A., & Vidiysova, L. A. (2021). Application of automated collection of information from social network communities to identify active users. *International Journal of Open Information Technologies*, 9(12), 15–20. [In Russian]
- Pastukhov, R. K., Drobyshevskiy, M. D., & Turdakov, D. Yu. (2022). Detecting Influential Users in Social Networks Based on Bipartite Comments Graph. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS (Proceedings of ISP RAS)*, 34(5), 127–142. [In Russian]
- Pupkova, Yu. V. & Grabovskaya E. O. (2019) Eco-educational potential of social media (the case study of online communications association "Separate waste collection"). *Information and Education: Borders of Communication*, 19(11), 156–158. [In Russian]
- Sorvina, A. R. (2019). The Diversity of Concepts Functioning in Ecological Discourse (Based on Bellona.Ru Texts). *Forum Molodykh Uchenykh*, 34(6), 1076–1079. [In Russian]
- Halilov, D. (2017). *Marketing in Social Networks*. Mann, Ivanov, and Ferber. [In Russian]
- Cheremisova, I. V. (2016). Content analysis of pages of active users of the VKontakte social network. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 11, Estestvennye Nauki*, (2), 74–80. [In Russian]
- Yanitskiy, O. N. (2010). Ecological movement as an online political actor. *Politicheskaya nauka*, (2), 109–131. [In Russian]

- Anibaldi, R., Rundle-Thiele, S., & Roemer, C. (2021). Theoretical Underpinnings in Research Investigating Barriers for Implementing Environmentally Sustainable Farming Practices: Insights from a Systematic Literature Review. *Land*, 10(4), 1–24.
- Constantinides, E. (2014). Foundations of social media marketing. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 148, 40–57.
- Giddens, A. (1979). *Central Problems in Social Theory — Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. University of California Press
- Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society*. University of California Press
- Gubanov, D. A. (2022). Methods for analysis of information influence in active network structures. *Automation and Remote Control*, 83(5), 743–754.
- House, J. (2019). Modes of Eating and Phased Routinisation: Insect-Based Food Practices in the Netherlands. *Sociology*, 53(3), 451–467. <https://doi.org/10.1177/0038038518797498>
- Hui, A., Schatzki, T., & Shove, E. (2017). *The Nexus of Practices: Connections, Constellations, Practitioners*. Routledge
- Kozitsin, I. V. (2023). Opinion dynamics of online social network users: a micro-level analysis. *The Journal of Mathematical Sociology*, 47(1), 1–41.
- Lemaitre, G., Nogueira, F., & Aridas, C. K. (2017). Imbalanced-learn: A Python toolbox to tackle the curse of imbalanced datasets in machine learning. *Journal of Machine Learning Research*, 18(17), 1–5.
- Nash, N., Whitmarsh, L., Capstick, S., Hargreaves, T., Poortinga, W., Thomas, G., Sautkina, E., & Xenias, D. (2017) Climate-relevant behavioral spillover and the potential contribution of social practice theory. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 8(6), 1–32.
- Pedregosa, F., Varoquaux, G., Gramfort, A., Michel, V., Thirion, B., Grisel, O., ... & Duchesnay, É. (2011). Scikit-learn: Machine learning in Python. *The Journal of Machine Learning Research*, (12), 2825–2830.
- Shove, E., Pantzar, M., & Watson, M. (2012) *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes*. SAGE Publications Ltd.
- Spaargaren, G. (2011). Theories of practices: agency, technology, and culture: exploring the relevance of practice theories for the governance of sustainable consumption practices in the new world-order. *Global Environmental Change*, 21(3), 813–822.
- Zakharova, O. V., Glazkova, A. V., Pupysheva, I. N., & Kuznetsova, N. V. (2022). The Importance of Green Practices to Reduce Consumption. *Changing Societies & Personalities*, 6(4), 884–905.
- Zakharova, O. V., Pupysheva, I. N., Payusova, T. Y., Zakharov, A. V., & Sulkarnaeva, L. D. (2021). Green Values in Crowdfunding Projects. *Glocalism*, (1), 6.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Захарова, кандидат философских наук, руководитель проектного офиса Green Solutions Lab, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
o.v.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1404-4915>

Анна Валерьевна Глазкова, кандидат технических наук, научный сотрудник проектного офиса Green Solutions Lab, доцент кафедры программного обеспечения, Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.v.glazkova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8409-6457>

Арсений Николаевич Ходырев, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000247809@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7151-9852>

Софья Денисовна Бессонова, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000260021@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8049-6169>

Евгения Олеговна Загайнова, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000200672@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8565-962X>

Дарья Владимировна Иванова, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000265221@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0291-657X>

Алтынай Есенбаевна Калимова, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000265592@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0110-8179>

Анастасия Артемовна Василец, студент, кафедра программного обеспечения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000265072@study.utmn.ru

Information about the authors

Olga V. Zakharova, Cand. Sci. (Phylos.), Head of the Green Solutions Lab Project Office, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen, Tyumen, Russia
o.v.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1404-4915>

Anna V. Glazkova, Cand. Sci. (Tech.), Researcher at the Green Solutions Lab Project Office, Associate Professor, Department of Software, Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.v.glazkova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8409-6457>

Arseniy N. Hodyrev, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000247809@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7151-9852>

Sofia D. Bessonova, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000260021@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8049-6169>

Evgeniya O. Zagainova, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000200672@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8565-962X>

Darya V. Ivanova, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen,
Tyumen, Russia

stud0000265221@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0291-657X>

Altynai E. Kalimova, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen,
Tyumen, Russia

stud0000265592@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0110-8179>

Anastasija A. Vasilec, Undergraduate Student, Department of Software, University of Tyumen,
Tyumen, Russia

stud0000265072@study.utmn.ru

Правовая теория этничности как основа для модернизации законодательства о коренных народах

Елена Федоровна Гладун✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.f.gladun@utmn.ru✉

Аннотация. Наука конституционного права, стремительно развиваясь в различных направлениях, остается пробельной в сфере этнических отношений, которые изменяются и адаптируются к современным условиям. Этот вызов побуждает ученых-юристов усиливать правовой потенциал российского общества, в частности за счет новых теоретических изысканий и обновления законодательства в сфере коренных народов. В настоящей статье автор формулирует новую для конституционного права теорию, которая основана на нескольких научных концепциях, существующих в социально-гуманитарных науках. Данная теория призвана четко определить правовое место коренных народов в современном обществе и выработать более эффективные подходы к установлению их конституционно-правового статуса, инструментов его реализации и направлений дальнейшего конституционно-правового развития коренных сообществ. Особенность теории состоит в том, что она основана не только на правовых сферах научного познания, но и на иных областях знаний, связанных с изучением коренных сообществ, — этнографии, антропологии, философии, социологии. Автор убежден, что углубленные исследования этнических факторов могут и должны влиять на правовые отношения, конструировать их и становиться обоснованием при принятии тех или иных властных решений. На основе правовой теории этничности предложены некоторые меры, способствующие преодолению недостатков современного российского законодательства о коренных народах и расширению возможностей их развития в системе права.

Ключевые слова: наука конституционного права, этническое законодательство, коренные народы, этничность, правовая теория, модернизация законодательства, этнические права, этнические интересы

Цитирование: Гладун Е. Ф. 2024. Правовая теория этничности как основа для модернизации законодательства о коренных народах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 97–109. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-97-109>

Поступила 07.11.2024; одобрена 13.11.2024; принята 01.12.2024

Legal theory of ethnicity as a foundation for modernizing the legislation of indigenous peoples

Elena F. Gladun✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.f.gladun@utmn.ru✉

Abstract. Rapidly developing in various directions, the discipline of constitutional law remains a gap in the sphere of ethnic relations which change and adapt to modern conditions. Such a challenge encourages legal scholars to strengthen the legal potential of Russian society, in particular through new theoretical research and updating legislation in the field of indigenous peoples. In this article, the author formulates a new theory for constitutional law, which is based on several scientific concepts existing in the social and humanitarian sciences. This theory is designed to clearly define the legal place of indigenous peoples in modern society and develop more effective approaches to establishing their constitutional and legal status, tools for its implementation and dimensions of further constitutional and legal development. The strong point of the theory is that it relies not only on legal academic knowledge, but also on the implications of other disciplines which study indigenous communities: ethnography, anthropology, philosophy, and sociology. The author believes that in-depth studies of ethnic factors can and should influence legal relations, construct them and become a justification for making certain government decisions. Based on the legal theory of ethnicity, some measures are proposed to help overcome the shortcomings of modern Russian legislation on indigenous peoples and expand the opportunities for their development in the legal system.

Keywords: constitutional law science, ethnic legislation, indigenous peoples, ethnicity, legal theory, modernization of legislation, ethnic rights, ethnic interests

Citation: Gladun, E. F. (2024). Legal theory of ethnicity as a foundation for modernizing the legislation of indigenous peoples. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 97–109. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-97-109>

Received Nov. 7, 2024; Reviewed Nov. 13, 2024; Accepted Dec. 1, 2024

Введение

Понятие «этнос» является достаточно разносторонним и сложным, в нем заключено множество разнообразных характеристик, которые исследуются в различных областях науки и относят этнос к различным категориям. Именно поэтому этнос, как любое сложное явление, требует изучения с использованием разносторонних подходов, методов и сфер знаний [Brass, 1991]. Для того, чтобы обеспечить эффективность правовых норм, составляющих систему регулирования этнических отношений, сделать более устойчивой связь этносов с существующей этнополитикой и правом, «гарантировать неотъемлемые права коренных народов, основанные на их политической, экономической и социальной значимости, а также на особенностях их культуры, духовных традиций, истории и философии»¹, необходимо, в первую очередь, сформулировать существенное теоретическое обоснование. Для этого целесообразно отойти от чисто правовых методов научного познания и обратиться к иным областям знаний, чтобы четко определить правовое место коренных народов в современном обществе и, как следствие, выработать более эффективные подходы к определению их конституционно-правового статуса, инструментов его реализации и направлений дальнейшего конституционно-правового развития. Автором был использован широкий спектр методов научного исследования, характерных не только для юриспруденции, но и для других социально-гуманитарных наук; в т. ч. изучались антропологические, социально-психологические, аксиологические и культурологические аспекты коренных народов и их влияние на правовые явления. При выборе изучаемых материалов и используемых методов автор основывался на том, что все общественные отношения, происходящие в социуме (в т. ч. и с коренными народами), в целом не имеют принадлежности к определенной области; в современной науке невозможно автономно решить какую-либо проблему без объединения усилий различных областей знаний.

Цель статьи — основываясь на социально-гуманитарных исследованиях, сформулировать правовую теорию этничности как основу конституционно-правового регулирования этнических отношений, в т. ч. связанных с коренными народами, а также предложить обновленную концепцию этнического законодательства, включающую общие подходы к правовому регулированию, принципы и задачи правового регулирования, этнические интересы коренных народов как правообразующие факторы.

Результаты и обсуждение

Подходы к определению «этноса» и «этничности» в социально-гуманитарных науках

Этнос и этничность рассматривается в различных научных концепциях в рамках социально-гуманитарных дисциплин — социологии, антропологии и этнологии — которые

¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций: сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.12.2024).

сводятся в основном к трем следующим подходам: примордиалистскому, конструктивистскому и инструменталистскому [Libakova, Sertakova, 2015].

По мнению В. А. Тишкова, «Примордиалистский подход исходит из того, что этничность основана на глубоких связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реалий, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические. На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам. <...> Схожие построения распространены в российской литературе в рамках так называемой „теории этноса“... (Л. Н. Гумилёв, С. М. Широкогоров)» [Тишков, 2001]. Более социально ориентированными являются работы социологов (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, В. В. Пименов, Ю. И. Семенов).

В то же время существует и другое понимание этничности, которое включает рационально-инструменталистские ориентации. Известный российский социолог Н. Г. Скворцов дал наиболее полную характеристику данного явления. По его мнению, этничность является аспектом социального взаимодействия между группами, имеет символическую природу, но при этом связана с политическими и организационными аспектами [Nash, 1989].

Этничность может быть присуща социальной группе, но пребывать в латентном состоянии и использоваться обществом в целях социальной мобильности, доминирования и социального контроля, в тех случаях, когда данной группе необходимо обосновать свое «солидарное поведение, например, для политической мобилизации или достижения иных социальных целей» [Тишков, 2001].

В информационную эпоху последней трети прошлого века эта теория была дополнена новым научным направлением — конструктивизмом, который заключается в понимании этничности как продукте влияния политических и информационных технологий на общество [Бергман, Лукман, 1995]. Согласно этому направлению, этничность «может быть политической, экономической или культурной в своем проявлении в различного рода конфликтах, или проявляться во всех этих ипостасях одновременно» [Гоголев, 2014].

Природа и значение этничности изучались различными социально-гуманитарными науками и практически не рассматривались правовыми науками, хотя во всех государствах и правовых системах этносы являются субъектами правоотношений и наделяются особым правовым статусом. А. А. Жириков убеждает своих читателей в следующем: «Представляется правомерным рассматривать этносы... в качестве субъектов политики и права, формирующих то или иное состояние общества и государственности» [Жириков, 1996].

Теоретизация признаков и характеристик этничности в праве

В конце 1980-х гг. появились научные дискуссии и концептуальные разработки, описывающие подходы к взаимодействию государства и общества с различными этническими группами, предлагающие и обосновывающие этнические права. При этом

ученые-юристы и политологи лишь частично изучали вопросы этничности. Среди наиболее важных работ можно отметить исследования Р. Г. Абдулатипова, В. С. Нерсисянца, А. И. Овчинникова, В. О. Соловей, С. А. Романенко, В. А. Тишкова, В. И. Фатхи, Т. Я. Хабриевой и др., где авторы рассматривают следующие аспекты: формирование различных моделей этнической идентичности, множественность концепций этнической идентичности и ее многоуровневость, изучение гражданской и этнической идентичности в контексте общих цивилизационных процессов современной России [Кузнецов, 2023].

На наш взгляд, этничность в праве должна быть изучена и концептуализирована более широко, чем в рамках обозначенных выше аспектов, иными словами, к настоящему времени назрела необходимость сформулировать более обобщенную правовую теорию этничности, в основе которой должно лежать концептуальное понятие «этноса», выработанное социальными науками. Правовая теория этничности необходима в силу того, что она может, кроме всего прочего, теоретически и практически подтвердить особое место коренных народов в обществе (учитывая именно то, что это уникальные этносы), аргументировать систему признаков, которые станут правовым основанием их конституционно-правового статуса, и будет способствовать правовым возможностям развития коренных сообществ.

Цель правовой теории этничности в науке конституционного права видится в следующем: обосновать взаимосвязи этничности и права, доказать, что углубленные исследования этнических факторов могут и должны влиять на правовые отношения, конструировать их и становиться обоснованием при принятии тех или иных властных решений. Право способно скорректировать существующее фактическое неравенство между различными культурными группами в рамках одного общества, обеспечить справедливое предоставление возможностей. Правовое признание их этнических особенностей, например языка и культуры, важно для полноценного осознания коренными народами себя как равноправных членов общества и каждого представителя коренных народов как полноценной личности.

Наиболее обоснованной для правовой теории этничности, на наш взгляд, является «теория этноса» в рамках примордиалистского подхода, в соответствии с которой «этнос» определяется как «группа людей, говорящих на одном языке, обладающих общей территорией, мировоззрением, комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличающихся от таковых других групп» [Нистен-Хаарала и др., 2022]. Это неизменные характеристики этноса, которые у некоторых этнических групп, а именно у коренных народов, являются особенно значимыми для существования и жизнеобеспечения и, следовательно, должны становиться правообразующими факторами.

Однако считаем, что «теория этноса» (примордиалистский подход) в чистом виде не будет достаточной для формирования правовой теории этничности по двум причинам. Во-первых, в течение исторического развития общества происходили процессы переселения народов, изменение образа жизни, отторжения их исторической памяти и культуры, в связи с чем характеристики этносов существенно менялись. Изменения современного мира особенно заметно влияют на коренные народы, чьи биологические, географические и исторические характеристики уникальны и отличны от многих других

этносов¹. Во-вторых, в связи с возросшим вниманием общества к этничности и этническому разнообразию всё более существенными становятся политические, экономические, технологические изменения, происходящие с этносами, что делает их, с одной стороны, более гибкими, с другой — более подверженными влиянию государственных процессов и структур, политических технологий, общественного мнения и проч.

Генерация этнической идентичности предопределяет положение этноса в обществе, в государстве и в мире, а также отношение государства и общества к данному этносу и, наоборот, отношение этноса к другим народам. Например, высокий общественный статус в историческом прошлом или социальном настоящем может вызвать чувство национальной исключительности и превосходства, трансформирующееся на практике в желание доминировать над другими народами. Чересчур низкий статус способен генерировать представление о незначительности своего народа, чувство национальной неполноценности или даже готовность отказаться от своей этнической принадлежности².

В свете этого в структуре правовой теории этничности, с одной стороны, на первый план выступает направление деятельности государства по формированию сознания самодостаточности и самооценности у представителей коренных малочисленных народов, с другой стороны, государство обязано использовать идеологические, политические и правовые ресурсы, чтобы создать соответствующее общественное мнение о значимости как всей нации (народа в государстве), так и каждого этноса, входящего в многонациональный народ, в т. ч. и каждого коренного народа. Тем самым будут обеспечены правовые условия для конкретизации новых частей ст. 69 Конституции РФ, в соответствии с которыми государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Правовая теория этничности призвана интегрировать объективные характеристики и процессы этнических сообществ в систему правовых взглядов и подходов, которая легко политизируется в определенных исторических, социально-экономических, культурных и иных обстоятельствах и позволяет реализовывать ведущую идею о текущем развитии коренных народов, существующую на данный момент в обществе.

Основные направления модернизации этнического законодательства

Исходя из правовой теории этничности можно сформулировать этнические интересы, т. е. коллективные стремления этноса к общим целям существования и развития, сохранению и укреплению своих позиций и взаимосвязей в обществе, а также к расширению возможностей полноценной жизнедеятельности.

¹ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон № 82-ФЗ от 30.04.1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

² Осуществление Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: руководство для парламентариев // Межпарламентский союз (МПС). 2014. № 23. С. 10.

Культурные интересы могут быть определены как возможность сохранять социально-культурные особенности, свободно проявлять свои культурные эталоны, религиозные воззрения и традиции, сохранять и реализовывать культурные традиции и обычаи своего народа, обеспечивать «сохранение исторической памяти, выраженной в предметах быта, памятниках этнического наследия; сохранять и развивать языки и иные объекты нематериальной культуры»; реализовывать новые направления культурного развития, диктуемые современностью, распространять лучшие образцы культуры как в своей социокультурной среде, так и вовне [Гладун, 2022а]. Если проанализировать ст. 8 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», то, к сожалению, мы не находим фиксации данной группы интересов в ее нормах. Статья содержит лишь право «получать от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для... культурного развития» [Гладун, 2022б], что, на наш взгляд, как раз более относится к «конструированию» этнической идентичности со стороны государства через формы поддержки, чем к гарантированию права коренных народов на свободное выражение своих культурных интересов.

Социальные интересы могут быть «представлены в создании следующих возможностей: сохранения традиционных, привычных форм социальной организации сообществ — семья, община; обеспечение доступности здравоохранения, образования, социального и бытового обслуживания, причем предоставляемые блага и услуги должны быть совместимы с традиционным образом жизни и представлениями коренных народов о данных видах отношений» [Гладун, 2022а]. В соответствии с действующим законодательством, коренные народы имеют право лишь «получать от органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического развития...»; «получать социальное обслуживание в порядке, устанавливаемом законодательством Российской Федерации»; а также «право на создание, организацию и деятельность общин коренных народов» [Гладун, 2022б]. Данные права реализуются в основном в форме социальных выплат, улучшения жилищных условий, предоставления образовательных и медицинских услуг, а также в поддержке деятельности общин. Однако за рамками правового регулирования остаются многие вопросы социальной организации, более значимой для коренных народов, такие как семья, родовая организация жизнедеятельности, социально-культурная среда. В то же время практически не регламентируется социальная поддержка студентам, семьям, иным категориям и группам коренных народов, которые имеют большое значение. Полагаем, что игнорирование социальных интересов может привести к социальным конфликтам, маргинализации, социальной неустроенности и иным проблемам коренных народов.

Достаточно большое значение имеют экономические интересы коренных народов, которые в настоящее время гарантируются лишь через механизмы государственной

поддержки, в т. ч. право: безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами, и участвовать в контроле за использованием таких земель; получать от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для защиты традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов; пользоваться необходимыми льготами по землепользованию и природопользованию для защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов и иные права, связанные в основном с поддержкой традиционной хозяйственной деятельности и промыслов со стороны государства.

Не умаляя положительного значения данных прав для существования коренных народов и их социально-экономического благополучия, отметим, однако, что в действующем законодательстве не отражены интересы коренных народов, связанные с осуществлением иных видов экономической деятельности и «возможностью интегрировать традиционные виды хозяйственной деятельности в рыночную экономику. Достаточно ограниченной представляется и доступность объектов публичной собственности и иных средств, необходимых для обеспечения достойной жизни и развития личности в современном обществе» [Скворцов, 1996].

Коренные народы имеют и определенные политические интересы, в частности, установление организационных форм осуществления власти через понятные или традиционные социально-правовые нормы, например через нормы обычного права; гарантии особого статуса; возможность прямого и косвенного участия в делах государства и в процессах принятия решений по значимым для них вопросам [Тишков, 1998]. Такие интересы лишь частично закреплены в действующем законодательстве, например, в норме об участии в осуществлении контроля за соблюдением федеральных законов и законов субъектов РФ об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве и реконструкции хозяйственных и других объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; об участии через уполномоченных представителей малочисленных народов в подготовке и принятии органами публичной власти решений по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов; о проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; об участии уполномоченных представителей коренных народов в советах представителей при органах исполнительной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления [Тишков, 1998]. На наш взгляд, интегрирование политических интересов в нормы действующего законодательства представляется далеко не полным и крайне затруднительным в реализации, поскольку отсутствуют реальные инструменты участия коренных народов в делах государства.

В действующем законодательстве отсутствуют и принципы, в соответствии с которыми должны строиться этнические отношения в государстве. Правовые принципы призваны определить пути создания правовых норм, регулирующих этнические отношения и реализуемую государственную этническую политику России, сформировать ценностную и организационную основу функционирования этнического законодательства в целом. При этом данные принципы должны сочетать ценности и интересы российского государства, а также этнические интересы.

Представляется обоснованным сформулировать следующие принципы:

- принцип свободного определения этнической идентичности;
- принцип обеспечения достоинства людей, являющихся представителями коренных народов, во взаимоотношениях с органами государственной власти, природопользователями, иными народами, проживающими на исконных территориях;
- принцип первостепенной важности земель и природных ресурсов в жизнеобеспечении, материальном и духовном благополучии коренных народов;
- принцип культурного многообразия;
- принцип многообразия экономической деятельности, связанной с традиционным использованием природы;
- принцип сохранения родных языков;
- принцип сохранения и развития культуры коренных народов;
- принцип бережного отношения к природе в местах исконного проживания, как основе духовного и физического благополучия;
- принцип ответственности при принятии хозяйственных решений;
- принцип гармонии с природой;
- принцип комплексного устойчивого развития территорий;
- принцип приоритета духовных ценностей над материальными;
- принцип приоритета семьи как основной социальной единицы, сохраняющей ценности и передающей их из поколений в поколения, и как основной хозяйствующей единицы;
- принцип толерантности и гуманизма, особенно в суровых природных условиях;
- принцип сотрудничества и взаимопомощи со всеми заинтересованными лицами и органами государственной власти;
- принцип установления диалога; свободного выражения мнений, ожиданий и интересов.

Учитывая правовую теорию этничности, ориентиры Конституции и стратегических документов и основных нормативных правовых актов РФ в исследуемой сфере [Кряжков, 2023], а также готовность коренных сообществ России к сохранению и развитию своих сообществ в русле как общенациональных целей и задач, так и общемировых тенденций на политическую активность и экономическую трансформацию, предлагается модернизировать этническое законодательство РФ через включение в него специальных

правовых принципов, а также через обновление перечня основных прав, предоставляемых коренным народам.

Основные «этнические права» могут быть сформулированы исходя из понимания этничности и связанных с ней характеристик коренных народов, которые и делают их особо значимой категорией граждан российского государства, а также с учетом этнических интересов коренных народов, сформировавшихся в течение долгого периода времени их существования.

Полагаем, например, что закрепление права на сохранение и развитие культуры будет способствовать более полноценному развитию коренных народов и их духовному благополучию. Наше мнение созвучно с международной позицией, в соответствии с которой представители ООН считают, что «неспособность разрабатывать приемлемые и учитывающие культурные особенности законы, стратегии и программы может привести к несбалансированности и неравенству в обществе» [Харабаева, 2010]. Еще одним примером права, которое должно быть модернизировано, является право на осуществление традиционной хозяйственной деятельности. Очевидно, что экономические интересы коренных народов в настоящее время стали более разнообразными, что влечет необходимость расширения перечня видов экономической деятельности, которыми могут заниматься коренные народы, не теряя при этом особого конституционно-правового статуса. Такие правовые новеллы позволят коренным народам адаптироваться к неизбежной трансформации природных и социально-экономических условий, влияющих на традиционное хозяйство и в то же время сохранять экосистемы проживания и жизнедеятельности, что гарантируется их тесной связью с окружающей природной средой.

Известный ученый В. А. Кряжков отмечает, что Россия, являясь крупнейшим полиэтничным государством, начиная с XIX в. и до настоящего времени развивает национальное законодательство с учетом особенностей правового положения отдельных этнических групп, тем самым способствуя сохранению уклада жизни, быта и культуры коренных народов, поддерживая их самоорганизацию и развитие национальной самобытности [Кряжков, Суханов, 2023]. Полагаем, что данный вектор развития законодательства необходимо продолжить и в настоящее время, сделав некоторые дополнения в перечень существующих прав коренных народов, обозначенных в федеральном законодательстве РФ, в т. ч. зафиксировать, что коренные народы, объединения коренных народов в целях реализации своих этнических интересов имеют право:

- на существование;
- этническую самоидентификацию;
- культурную самобытность;
- сохранение и развитие традиционной культуры;
- сохранение традиционных видов социальной организации и ведение традиционного образа жизни в семье и общине;
- свободное определение своего социального, экономического и культурного развития;
- осуществление традиционной и/или иных видов экономической деятельности, в т. ч. с использованием современных технологий;

- политическое представительство в органах публичной власти;
- принятие участия в управлении делами государства в отношении вопросов, касающихся их жизнедеятельности;
- создание национально-культурных автономий;
- защиту от климатических изменений.

Выводы

В качестве вывода отметим, что правовая теория этничности представляется современной научной теорией, которая может быть определена как система правовых взглядов и подходов, объясняющих взаимосвязи этничности и права, интегрирующих социально-гуманитарные знания об этносах, в частности о коренных народах, в правовые нормы с целью обоснования в праве задач, направлений, правовых форм регулирования этнических отношений, изменяющихся в современном мире в результате влияния внешних факторов, общества и государства на этносы, осознания собственной этнической идентичности и, как следствие, с целью выстраивания более эффективной правовой системы.

Предлагаемые изменения в законодательство о коренных народах, сформулированные исходя из правовой теории этничности, можно рассматривать как общие направления модернизации этнического законодательства, которое в дальнейшем будет способствовать особому характеру развития коренных народов, предполагающему не консервацию архаичного образа жизни, а возможности развиваться в соответствии с требованиями современности и со своими этническими интересами. Дальнейшие исследования ученых в сфере модернизации российского этнического законодательства могут быть направлены на более глубокое изучение этнических интересов, связанных с сохранением традиционных ценностей в современных реалиях, осуществлением традиционного хозяйствования в условиях нового технологического уклада, применением традиционных знаний в изменяющемся климате и иные этнические особенности, сохраняющиеся в меняющемся мире.

Список источников

- Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. 2010. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. Том 4. С. 396–408.
- Бергман П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. 323 с.
- Гоголев П. В. 2014. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юр. н. М. 434 с.
- Жириков А. А. 1996. Политическая стабильность российского государства: этнополитический анализ. М.: Институт массовых коммуникаций. 79 с.

- Кряжков В. А. 2023. Федеральное законодательство о коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: новеллы последних лет // Государство и право. № 4. С. 72–83.
- Кряжков В., Суханов К. 2023. Национальные меньшинства и коренные малочисленные народы в России: правовые проблемы идентификации // Сравнительное конституционное обозрение. № 6 (157). С. 90–115.
- Кузнецов А. М. 2023. Теория этноса С. М. Широкогорова и ее критика // Известия Восточного института. № 1. С. 14–25.
- Нистен-Хаарала С., Гладун Е. Ф., Тулаева С. А., Захарова О. В. 2022. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) // Экономическая социология. № 23 (3). С. 11–41.
- Гладун Е. Ф. (ред.). 2022а. Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты. Тюмень. Глава 1. С. 11–52.
- Гладун Е. Ф. (ред.). 2022б. Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты. Тюмень. Глава 3. С. 88–127.
- Скворцов Н. Г. 1996. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: СПбГУ. 183 с.
- Тишков В. А. 1998. Забыть о нации. Пост-националистическое понимание национализма // Вопросы философии. № 9. С. 3–26.
- Тишков В. А. 2001. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 240 с. http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html (дата обращения 16.12.2024).
- Харабаева А. О. 2010. Аксиологические основания этноса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 7 (4). С. 149–154.
- Brass P. 1991. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi. 360 pp.
- Libakova N. M., Sertakova E. A. 2015. The method of Expert Interview as an effective research procedure of studying the indigenous peoples of the North // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Vol. 8. No. 1. Pp. 121–136.
- Nash M. 1989. *The Cauldron of Ethnicity in the Modern World*. Chicago: The University of Chicago Press. 150 pp.

References

- Baklanov, I. S., Dushina, V., Mikeeva, O. A. (2010). Ethnic man: the problem of ethnic identity. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 4, 396–408. [In Russian]
- Bergman, P. & Luckmann T. (1995). *Social Construction of reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Medium. [In Russian]
- Gogolev, P. V. (2014). *Constitutional and legal foundations of paternalism and partnership in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East* [Dr. Sci. (Jur.) dissertation]. [In Russian]
- Zhirikov, A. A. (1996). *Political Stability of the Russian State: Ethnopolitical Analysis*. Institute of Mass Communications. [In Russian]

- Kryazhkov, V. A. (2023). Federal legislation on indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: novelties of recent years. *Gosudarstvo i pravo*, (4), 72–83. [In Russian]
- Kryazhkov, V., Sukhanov K. (2023). National minorities and indigenous peoples in Russia: legal problems of identification. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, (6), 90–115/ [In Russian]
- Kuznetsov, A. M. (2023). Theory of Ethnos by S. M. Shirokogorov and its criticism. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, (1), 14–25. [In Russian]
- Nysten-Haarala, S., Gladun, E. F., Tulaeva, S. A. & Zakharova, O. V. (2022). Economy of indigenous peoples in the Arctic regions: traditions and transformations (on the example of Russia, Finland, the USA). *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, (23), 11–41. [In Russian]
- Gladun, E. F. (Ed.). (2022a). The Concept and Legal Features of Indigenous Peoples. In E. F. Gladun (Ed.), *Indigenous Peoples in the BRICS Countries: Political and Legal Aspects* (Ch. 1, pp. 11–52). UTMN-Press. [In Russian]
- Gladun, E. F. (Ed.). (2022b). Legal Regulation and the Position of Indigenous Peoples at the International and National Levels. In E. F. Gladun (Ed.), *Indigenous Peoples in the BRICS Countries: Political and Legal Aspects* (Ch. 3, pp. 88–127). UTMN-Press. [In Russian]
- Skvortsov, N. G. (1996). *The Problem of Ethnicity in Social Anthropology*. St. Petersburg State University. [In Russian]
- Tishkov, V. A. (1998). Forget about the nation. Post-nationalist understanding of nationalism. *Voprosy filosofii*, (9), 3–26. [In Russian]
- Tishkov, V. A. (2001). *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*. Nauka. [In Russian]
- Kharabaeva, A. O. (2010). Axiological foundations of the ethnos. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, (7), 149–154. [In Russian]
- Brass, P. (1991). *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*..
- Libakova, N. M., & Sertakova, E. A. (2015). The method of expert interview as an effective research procedure of studying the indigenous peoples of the North. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 8(1), 121–136.
- Nash, M. (1989). *The Cauldron of Ethnicity in the Modern World*. The University of Chicago Press.

Информация об авторе

Елена Федоровна Гладун, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.f.gladun@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-6638>

Information about the author

Elena F. Gladun, Cand. Sci. (Jur.), Professor, Department of State and Municipal Administration, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.f.gladun@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-6638>

Россия на пути к углеродной нейтральности: формирование правовых рамок

Наталья Владимировна Данилова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: n.v.danilova@utmn.ru

Аннотация. Принципиальные договоренности мирового сообщества по охране климата закреплены в Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г. и принятых в ее развитие протоколах и соглашениях. Россия, будучи участником международных климатических соглашений, определила свой национальный вклад к 2030 г. как снижение до 70% выбросов от уровня 1990 г. Цель достижения углеродной нейтральности к 2060 г. официально зафиксирована в Климатической доктрине РФ 2023 г. В настоящий период происходит активное формирование национального климатического законодательства. Целью настоящего исследования является оценка состояния развития климатического законодательства Российской Федерации на современном этапе, выделение ключевых правовых институтов, необходимых и достаточных для достижения указанной выше цели, определение факторов, влияющих на конфигурацию новой отрасли законодательства. Проведенный в работе анализ имеющихся норм российского климатического законодательства, их сопоставление с международно-правовыми требованиями позволяет увидеть, что правовые рамки деятельности по охране климата в России созданы. Подготовлены условия для реализации климатических проектов, в рамках Сахалинского эксперимента отрабатывается административная система квотирования, запущена торговля квотами на выбросы парниковых газов. Вместе с тем ряд важнейших вопросов пока остался вне правового регулирования. Так, не определены целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов для отраслей экономики, не проработан порядок квотирования выбросов парниковых газов для отдельных организаций-эмитентов. Перспективным направлением развития российского климатического законодательства является регулирование деятельности по адаптации к изменениям климата. К настоящему моменту органы государственной власти разработали и приняли федеральные и отраслевые планы адаптации к изменениям климата, однако правовое регулирование деятельности по их реализации отсутствует.

Ключевые слова: охрана климата, климатическое право, выбросы парниковых газов, система торговли выбросами, Киотский протокол, Парижское соглашение, адаптация к изменениям климата, квоты

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

Цитирование: Данилова Н. В. 2024. Россия на пути к углеродной нейтральности: формирование правовых рамок // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 110–130. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-110-130>

Поступила 25.09.2024; одобрена 13.11.2024; принята 13.11.2024

Russia on its path to carbon neutrality: forming a legal framework

Natalia V. Danilova

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: n.v.danilova@utmn.ru

Abstract. The fundamental agreements of the global community on climate protection are enshrined in the UN Framework Convention on Climate Change of 1992, as well as the protocols and agreements adopted in its development. Part of international climate agreements, Russia has defined its national contribution for 2030 as a reduction of emissions to 70% as of the 1990 level. The goal of achieving carbon neutrality by 2060 is officially recorded in the Climate Doctrine of the Russian Federation of 2023. Currently, the national climate legislation is being actively formed. This study aims to assess the current development state of the Russian climate legislation; to identify the key legal institutions necessary and sufficient for achieving the above goal; and to determine the factors influencing the configuration of the new legislative branch. The analysis of the present Russian climate legislation norms and their comparison with international legal requirements proves the creation of the legal framework for climate protection activities in Russia. Conditions have been provided for the implementation of climate projects, an administrative quota system is being tested within the Sakhalin experiment, and trading in greenhouse gas emission quotas has been launched. Meanwhile, a number of key issues have not yet been legally regulated. Thus, target indicators for reducing greenhouse gas emissions for economic sectors have not been defined, and the procedure for setting greenhouse

gas emission quotas for individual emitting organizations has not been developed. A promising area for the development of Russian climate legislation is the regulation of activities to adapt to climate change. To date, government agencies have developed and adopted federal and sectoral plans for adaptation to climate change, but there is no legal regulation of activities to implement them.

Keywords: climate protection, climate law, greenhouse gas emissions, emissions trading system, Kyoto Protocol, Paris Agreement, adaptation to climate change, quotas

Acknowledgements: this study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Carbon Measurement Test Area in the Tyumen Region (FEWZ-2024-0016).

Citation: Danilova, N. V. (2024). Russia on its path to carbon neutrality: forming a legal framework. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 110–130. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-110-130>

Received Sept. 25, 2024; Reviewed Nov. 13, 2024; Accepted Nov. 13, 2024

Введение

Проблема глобального потепления признана мировым сообществом, в чем немалую роль сыграли доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (далее — МГЭИК). В последнем, Шестом оценочном докладе МГЭИК, опубликованном в 2021 г., вновь подтверждается вывод о нарастании глобального потепления [Пёртнер и др., 2023]. 2023 г. стал рекордно теплым за всю историю наблюдений, средняя глобальная приземная температура на 1,45 °C (с погрешностью $\pm 0,12$ °C) превысила доиндустриальный базовый уровень¹. Долгосрочные наблюдения российской гидрометеорологической службы подтверждают актуальность данной проблемы и для территории Российской Федерации. Научные выводы ученых-климатологов стали основой формирования международной и национальных правовых систем правовой охраны климата от изменений. Принципиальные договоренности государств по охране климата закреплены в Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г.² (далее — Рамочная конвенция, Конвенция) и принятых в ее развитие протоколах и соглашениях. Несмотря на кризис международной системы безопасности и международного права в целом, который мы наблюдаем в настоящий момент, РФ остается членом международного сообщества и участницей международно-правовых климатических соглашений, а значит, должна выполнять взятые на себя обязательства.

¹ Доклад Всемирной метеорологической организации «Состояние глобального климата в 2023 году». 2023. <https://wmo.int/publication-series/state-of-global-climate-2023> (дата обращения: 17.05.2024).

² Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // Собрание законодательства РФ. 1996 . № 46. Ст. 5204.

В связи с этим актуальным становится вопрос формирования в России собственного национального климатического законодательства. Каким оно будет? Будет ли оно развиваться на основе международных механизмов или пойдет своим путем? Ответ на этот вопрос невозможен без понимания механизмов и уже имеющихся итогов развития международного права в области охраны климата.

Анализ международных наукометрических баз данных показывает, что правовые исследования в области охраны климата ведутся более двух десятилетий. Для целей настоящего исследования интерес представляют работы, посвященные изучению политического фона международного сотрудничества в рассматриваемой области [Lancos, 2010; Carlson, 2012; Cho, 2014; Mejean и др., 2015]. Изменение подходов в международной политике в посткиотский период отражены в работах [Carlson, 2012; Cho, 2014; Hourcade и др., 2015; Mejean и др., 2015; McGee, Steffek, 2016]. Анализ положений Парижского соглашения посвящены работы [Yeh, Lin, 2018; Das и др., 2019; Mehling, 2019].

В русскоязычном сегменте юридической науки также имеется значительное число работ, посвященных анализу международных климатических соглашений [Копылов, 2016; Быковский, 2017 и др.; Гарафова, 2018; Сидорова, 2018; Солнцев, 2018; Ковалев, 2020; Полонский, Пекарникова, 2021; Путилина, 2021; Салия, 2021], нововведений Парижского соглашения, его влияния на политику России [Колязин, 2017; Дубовик, Аверина, 2018] и проблемы имплементации его норм в российское законодательство [Гарафова, 2017; Трифонова, 2020; Матвеева, 2020]. Единичные работы посвящены обзору законодательного регулирования зарубежных систем торговли выбросами [Троицкая, 2016; Додонов, 2016; Ван, Ли, 2017]. Вопрос о необходимости создания правовой основы для развития углеродного рынка в России ставится в работах [Ситников, 2016; Башмаков, 2018], однако детального раскрытия данная тема не получила. Среди исследований, содержащих оценку формирующегося климатического права России, можно выделить [Леонова, 2022, 2024; Гершинкова, Матненко, 2023].

Опираясь на указанные выше исследования, в рамках данной работы проведем оценку состояния развития климатического законодательства РФ на современном этапе. Поскольку ключевым фактором, задающим конфигурацию новой отрасли российского законодательства, являются международно-правовые требования в области охраны климата, в первой части работы рассмотрим основные механизмы, предложенные в Рамочной конвенции, Киотском протоколе и Парижском соглашении. Вторая часть работы будет посвящена анализу климатической политики РФ в период первого этапа действия Киотского протокола. Именно в этот период начинает формироваться нормативно-правовая и методическая основа национального климатического регулирования. В третьей части статьи будет проанализирован современный этап развития климатического права России.

Международно-правовые соглашения в области охраны климата

Рамочная конвенция впервые ввела в международное право такие понятия, как «неблагоприятные последствия изменения климата», «изменение климата», «выбросы», «парниковые газы», «региональная организация экономической интеграции», «накопитель»,

«поглотитель» и «источник». Была закреплена конечная цель международного сотрудничества в области охраны климата — добиться стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Такой уровень должен быть достигнут в сроки, достаточные для естественной адаптации экосистем к изменению климата, позволяющие не ставить под угрозу производство продовольствия и обеспечивающие дальнейшее экономическое развитие на устойчивой основе. Данная цель интегрирует в себе как экологические, так и экономические требования мирового сообщества.

Статья 3 Конвенции определила основные принципы, среди которых дифференциация ответственности развитых и развивающихся стран; превентивность мер по борьбе с изменением климата при наличии такой возможности; право на устойчивое развитие и необходимость международного сотрудничества.

Обязательства Сторон были установлены дифференцированно: для развитых стран прописаны дополнительные условия, которые необязательны для развивающихся стран, однако любая Сторона может заявить о выполнении данных требований.

11 декабря 1997 г. к Конвенции был принят Киотский протокол, который определил перечень парниковых газов, подлежащих сокращению. К ним были отнесены: диоксид углерода (CO_2), метан (CH_4), закись азота (N_2O), гидрофторуглероды (ГФУ), перфторуглероды (ПФУ) и гексафторид серы (SF_6)¹.

Киотский протокол установил обязательства Сторон по сокращению выбросов парниковых газов минимум на 5% в период с 2008 по 2012 г. (первый период действия Протокола) по сравнению с уровнем 1990 г. Конкретные процентные показатели для отдельных стран определялись Приложением В к Протоколу. Так, большинство стран Европы взяли на себя обязательство уменьшить выбросы до 29% от уровня 1990 г., США — до 39%, Польша, Венгрия, Япония и Канада — до 49%, Хорватия — до 59%. Процентный показатель Норвегии, Австралии и Исландии превысил 100%, но не более 110. Россия была отнесена к группе стран, которые обязались сохранить выбросы на уровне 1990 г.

Киотский протокол предусмотрел три основных направления деятельности Сторон по достижению целей сокращения выбросов парниковых газов: введение административно-фискальных мер, развитие международного сотрудничества, применение рыночных («гибких») механизмов.

Административно-фискальные меры определены пп. «а» п. 1 ст. 2 Протокола. Они включают рекомендации по выработке политического курса в сфере энергоэффективности, качества накопителей парниковых газов, сельского хозяйства, транспорта и иные. Также они затрагивают сферу налогообложения, предлагая снижение или освобождение от уплаты налогов, сущность которых противоречит целям Протокола.

Международное сотрудничество включает в себя обмен информацией о принятых мерах и распространении своего положительного опыта. Оно должно способствовать

¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Подписан в г. Киото 11.12.1997 (с изм. от 08.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 10. Ст. 764.

повышению эффективности принимаемых государствами мер, а также формированию единообразия в их применении с целью увеличения сопоставимости и прозрачности (пп. «b» п. 1 ст. 2).

Ключевую роль как Рамочная конвенция, так и Киотский протокол отвели рыночным («гибким») механизмам, которые призваны способствовать странам или компаниям решать задачи низкоуглеродного развития и снижать выбросы парниковых газов с наименьшими издержками. Эти механизмы основаны на том, что парниковые газы не являются загрязняющими веществами, прямо влияющими на здоровье людей и природу (в типичных для атмосферы концентрациях), а парниковый эффект — глобальное явление, не зависящее от места выброса, но зависящее от их суммарного объема [Кокорин и др., 2015]. К таким механизмам относятся: торговля квотами на выбросы парниковых газов (emission trading) и компенсационные климатические проекты и программы, направленные на сокращение выбросов парниковых газов или их депонирование в экосистемах (carbon offset projects and programmes).

Для введения торговли эмиссиями необходимо было искусственно (нормативно) ограничить объемы выбросов для государств, а внутри государств, уже на основе национального законодательства, — для компаний в виде квот. Система квотирования на национальном уровне включает в себя:

- определение государством целевых показателей снижения выбросов парниковых газов;
- определение секторов экономики и видов парниковых газов, охватываемых квотированием;
- установление верхних пределов на общий объем выбросов в одном или нескольких секторах экономики (при этом ограничения должны быть установлены заранее и со временем сокращаться — это обеспечивает долгосрочную рыночную перспективу и поддерживает компании в планировании их деятельности и инвестиций);
- выдачу компаниям разрешений на выбросы с указанием количества углеродных единиц (измеряемых в тоннах CO₂-экв). Разрешения внутри государств могут распределяться бесплатно (на основе исторического уровня выбросов или базовых показателей) или посредством продажи на аукционе.

Разрешения позволяют субъектам выбрасывать определенное количество парниковых газов за определенный период времени. Неиспользованные субъектами углеродные единицы могут продаваться на специальных биржах. Таким образом формируются международные, национальные и региональные углеродные рынки и системы торговли выбросами (emission trade systems, ETS). К 2019 г. в мире было создано 31 ETS, подпадающих под действие 41 юрисдикции и охватывающих 22% мировых объемов выбросов парниковых газов¹.

¹ World Bank. 2020. State and Trends of Carbon Pricing. Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/13334> (дата обращения: 20.08.2023).

Считается, что, предоставляя возможность торговать такими единицами, ETS создает рынок, на котором альтернативные издержки выбросов определяются силами спроса и предложения, что приводит к установлению четкой цены на углерод. Это обеспечивает гибкость в соблюдении требований за счет децентрализации принятия решений о том, где и когда сокращать выбросы парниковых газов, и стимулирует борьбу с выбросами там, где это дешевле всего. Снижая затраты, с которыми сталкиваются субъекты, на которые распространяется действие программы, на каждую тонну выбросов, этот подход помогает достичь целей климатической политики с наименьшими общими затратами [Fischer, Newell, 2008].

Также к «гибким» механизмам можно отнести климатические проекты (проектные механизмы), предусмотренные ст. 4 Протокола. Киотский протокол предусматривал два таких механизма: механизмы чистого развития и проекты совместного осуществления. В рамках этих механизмов реализация проекта осуществляется в одной стране за счет средств другой страны. Результатом реализации проекта должно быть сокращение выбросов парниковых газов либо увеличение поглотительной способности экосистем. Полученные за счет этого углеродные единицы поступают либо стране, финансирующей проект, либо стране, его реализующей, двойной зачет исключен. Дополнительным бонусом реализации таких проектов является обмен технологиями, что имеет большое значение для развивающихся стран.

Следует отметить, что проектные механизмы Киотского протокола дали толчок к развитию целого ряда альтернативных международных, региональных и национальных стандартов и программ, на основе которых реализуются климатические проекты и формируются т. н. добровольные углеродные рынки. Обзор таких проектов и программ представлен в работе [Юлкин и др., 2013].

Первоначально рыночные экономические механизмы были с энтузиазмом восприняты мировым сообществом. Однако на практике эта система столкнулась с рядом проблем. Во-первых, различные виды углеродных единиц должны были быть эквивалентны друг другу, однако на практике разные страны по-разному оценивали углеродные единицы. Во-вторых, многие страны перевыполнили свои обязательства в силу экономического кризиса, когда резко упал уровень производства. Это привело к тому, что предложение углеродных единиц на международном рынке очень сильно превысило спрос. В таких условиях любая страна могла выйти за пределы установленных лимитов за счет приобретения свободных квот при наличии финансовых возможностей. В-третьих, государствам не удалось достигнуть общей позиции относительно переноса свободных квот на второй период действия Протокола. В-четвертых, торговля выбросами не лишена уязвимостей в виде проблемы т. н. «утечки углерода» (carbon leakage effects), когда снижение выбросов в развитых странах достигается за счет вывода производств в развивающиеся страны [Winter, 2010].

Спорным остается вопрос, насколько данные механизмы способствуют сокращению выбросов парниковых газов. С методологической точки зрения, это непростая задача, т. к. причины и эффекты каких-либо изменений сложно вычленишь из сложноструктурированных отношений, а также легко упустить воздействие каких-либо

параллельных факторов. Исследователи отмечают, что применение инструментария Киотского протокола в среднем замедлило рост выбросов, однако показатели Испании, Португалии, Греции, Ирландии, Австрии, Финляндии и Италии в целом этой тенденции не соответствуют, то есть механизмы Киотского протокола не смогли существенно повлиять на ситуацию в данных странах [Skjaereth, Wettestad, 2008]. Данные статистики по энергетике и промышленности в целом позволяют сделать вывод о том, что «гибкие» механизмы практически не оказали никакого воздействия на регистрируемое снижение выбросов [Boyd, 2023].

Вместе с тем Киотский протокол, будучи первым глобальным международным документом в области охраны климата, продемонстрировал принципиальную возможность международного сотрудничества в этой сфере [Васильева, 2019]. И в этом состоит его уникальность и ценность: он явился первым шагом на длинном пути решения глобальной климатической проблемы.

Новый этап в развитии международного климатического права начался с принятием Парижского соглашения 2015 г., пришедшего на смену Киотскому протоколу. Соглашение установило глобальную климатическую цель стран-участниц на период до 2050 г. — удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °С сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °С.

В отличие от Киотского протокола, Парижское соглашение не устанавливает жестких квот для государств. Взамен оно предлагает им для достижения указанной общей цели принять на себя добровольные обязательства, именуемые «определяемые на национальном уровне вклады» (далее — ОНУВ). Парижское соглашение предлагает государствам в своих ОНУВ указывать целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов, обязательства по принятию мер по адаптации к последствиям изменения климата, порядок достижения целевых показателей, механизмы мониторинга и проверки. Данные показатели и пути их достижения определяются государствами самостоятельно, исходя из собственных экономических, социальных и экологических целей. Требуется обновление ОНУВ каждые пять лет.

Добровольный характер обязательств сторон ставит вопрос об их правовой природе. Как верно указывает Д. И. Гафарова, юридические обязательства сторон Парижского соглашения в основном носят процессуальный характер и касаются усилий и вкладов, а не достижения конкретных результатов [Гафарова, 2018]. Однако именно такая «гибридная» форма Парижского соглашения, по мнению И. А. Макарова и И. А. Степанова, позволила его подписать. Новый международный климатический режим авторы характеризуют как полицентрический, поскольку «международные институты теряют в нем доминирующую роль, уступая ее множеству акторов более низкого уровня: государствам, субнациональным единицам (регионам, муниципалитетам), компаниям, неправительственным организациям» [Макаров, Степанов, 2018]. Второй важнейший результат Парижского соглашения видится в достижении консенсуса мирового сообщества по поводу необходимости перевода мировой экономики на путь низкоуглеродного развития [Макаров, Степанов, 2018].

Взамен механизмов чистого развития и проектов совместного осуществления Соглашение предусматривает новый инструмент — механизм устойчивого развития, в котором могут участвовать любые страны независимо от уровня экономического развития. Условия участия в них не изменились, ими по-прежнему являются добровольность, необходимость одобрения проекта, невозможность двойного учета единиц снижения выбросов.

Важнейшей задачей государств, помимо сокращения выбросов, Парижское соглашение признает также адаптацию к изменениям климата. А. О. Кокорин считает это главным идеологическим результатом нового документа. Автор отмечает, что в 2010–2014 гг. финансирование мер адаптации в развивающихся странах по различным международным каналам выросло с 4,5 до 25 млрд долл. в год, а до 2030 г. прогнозируется рост ежегодных расходов до 140 млрд. Если выбросы парниковых газов не будут сильно снижаться, то во второй половине века на адаптацию потребуется до 500 и более млрд долл. в год. Альтернатива — невозможность проживания людей на больших территориях Африки и Азии и переселение десятков, а возможно, и сотен миллионов человек. В соглашении также появилась норма о компенсационном механизме, предусматривающем возмещение ущерба от тех последствий климатических изменений, к которым невозможно адаптироваться [Кокорин, 2017].

Климатическая политика РФ в период действия Киотского протокола и ее отражение в законодательстве

Российская Федерация является участницей Рамочной конвенции с 1994 г. Что касается Киотского протокола, то наша страна ратифицировала его только в 2004 г. «после тщательного анализа всех факторов, в т. ч. с учетом значения Протокола для развития международного сотрудничества, а также с учетом того, что Протокол вступит в силу только при условии участия в нем Российской Федерации»¹. Именно ратификация Россией Киотского протокола дала ему «право на жизнь», ведь одним из условий его действия являлся суммарный уровень выбросов углекислого газа ратифицировавшими его странами в размере 55% от общего количества выбросов государств, указанных в Приложении 1. В 2002 г. из Киотского протокола вышли Соединенные Штаты Америки, что ставило под большой вопрос саму возможность его действия. Совокупный уровень выбросов составлял 44,2%, выбросы же России — 17,4%.

Российские ученые и политики расходились в позициях относительно того, необходимо ли ратифицировать Протокол. Одни приводили данные о том, что при продаже значительного количества квот страна сможет обеспечить модернизацию своей экономики, другие же настаивали на том, что ограничения неизбежно приведут к экономическому

¹ О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: Федеральный закон от 04.11.2004 № 128-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 45. Ст. 4378.

спаду, а уровень выбросов парниковых газов превысит уровень 1990 г., что повлечет колоссальные штрафы для страны. В научной среде превалял скептический взгляд на достоверность выводов об антропогенных причинах изменения климата [Ashe, Poberezhskaya, 2022].

Для России условия Киотского протокола нельзя назвать выгодными, несмотря на то, что она обязалась лишь не превышать уровня выбросов 1990 г., ведь на момент подписания уровень развития ресурсосберегающих технологий был очень низок, а для модернизации экономики требовались колоссальные инвестиции. Более того, документом никак не учитывался гигантский лесной массив, расположенный на территории нашей страны, который является эффективным «поглотителем» парниковых газов. Решение ратифицировать Протокол не в последнюю очередь имело политическую подоплеку, т. к. позволяло России вступить во Всемирную торговую организацию, и в итоге Киотский протокол был ратифицирован.

Ратификация Киотского протокола подтолкнула государство к официальной фиксации своей климатической политики. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.¹ в качестве одного из вызовов для развития был назван фактор изменения климата. Участие в решении проблемы глобальных климатических изменений, а также обеспечение потребностей населения в водных ресурсах с учетом ожидаемых изменений от глобального потепления обозначены как приоритет развития, для Арктической зоны подчеркнута необходимость адаптация объектов инфраструктуры к изменениям климата.

В 2009 г. была подготовлена и утверждена Климатическая доктрина РФ², определившая цели, принципы, задачи и меры государственной политики в этой сфере. Доктрина признавала изменение климата как междисциплинарную проблему. Подчеркивалось, что эффективная политика в области климата призвана стать важным фактором и катализатором динамичной технологической модернизации всей экономики страны, укрепления ее позиций в мировом экономическом сообществе, повышения конкурентоспособности в первую очередь за счет энергоэффективности. Для реализации Доктрины был утвержден Комплексный план на период до 2020 г. Специальные меры по квотированию выбросов парниковых газов и введению национальной системы торговли квотами в качестве необходимых механизмов охраны климата от изменений не предусматривались и не предпринимались. Тем не менее свои обязательства по Киотскому протоколу — не превысить в среднем в 2008–2012 гг. уровень выбросов парниковых газов базового 1990 г. — Россия даже перевыполнила: в связи с экономическим спадом выбросы парниковых газов к концу 2012 г. уменьшились на 41%.

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

² О Климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп // Собрание законодательства РФ. 2009. № 51. Ст. 6305.

Одним из обязательств сторон Рамочной конвенции, а позднее и Киотского протокола стало представление информации о выбросах парниковых газов, оказывающих негативное влияние на климат, и абсорбции их поглотителями. Для их выполнения в этот период была создана российская система оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, функции по сбору необходимой информации были возложены на Федеральную службу по мониторингу и гидрометеорологии России. Были приняты соответствующие подзаконные нормативные правовые акты¹.

Еще одним направлением нормотворчества в это период стало регулирование реализации климатических проектов. Согласно своему статусу по Киотскому протоколу, Россия, как страна с переходной экономикой, могла участвовать в реализации проектов совместного осуществления. Были установлены критерии отбора проектов, создан реестр углеродных единиц и определен его оператор². Необходимо отметить, что российские компании достаточно активно включились в этот процесс. В общей сложности за период 2008–2012 гг. было инициировано 156 проектов, из них утверждено Минэкономразвития России 108 [Леонова, 2024]. По данным Российского реестра углеродных единиц на 21.02.2013, по итогам реализации указанных проектов было выпущено 238 433 081 УЕ, или 238 433 081 тонн CO₂-экв³.

¹ Об утверждении Порядка централизованного учета документов о выбросах и стоках парниковых газов и результатов климатических проектов, снижающих антропогенные выбросы или увеличивающих стоки парниковых газов субъектами хозяйственной деятельности, осуществляющими свою деятельность на территории Российской Федерации: Приказ Росгидромета от 23.03.2001 № 40 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 23; О создании российской системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой, принятым в г. Монреале 16 сентября 1987 г.: Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2006 № 278-р // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Порядка формирования и функционирования российской системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов: Приказ Росгидромета от 30.06.2006 № 141 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 43.

² О мерах по реализации статьи 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Постановление Правительства РФ от 28.10.2009 № 843 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 44. Ст. 5240; Об утверждении правил конкурсного отбора заявок, подаваемых в целях утверждения проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Приказ Минэкономразвития РФ от 23.11.2009 № 485 // Российская газета. № 51. 12 марта 2010 г.; Об утверждении порядка ведения реестра проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата: Приказ Минэкономразвития РФ от 30.07.2010 № 352 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 39; Об утверждении Порядка формирования и ведения российского Реестра углеродных единиц: Приказ Минприроды РФ от 07.05.2007 № 121, Минэкономразвития РФ № 148 // Российская газета. № 195. 05.09.2007.

³ Российский реестр углеродных единиц: оф. сайт. <http://www.carbonunitsregistry.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

В декабре 2012 г. в Дохе завершилась Всемирная климатическая конференция ООН, на которой должна была решиться судьба второго периода действия Киотского протокола. Обсуждение всех недостатков Протокола, а в особенности отсутствия обязательств для развивающихся стран и неэффективности системы квот в силу огромного перевеса предложения относительно спроса, определили тот факт, что обязательства во втором периоде готовы были взять на себя всего около 35 стран. Россия отказалась от участия во втором периоде действия Киотского протокола. В официальном заявлении МИД РФ сообщалось, что Россия считает продление Киотского протокола в его существующем виде неэффективным. При этом РФ продолжала участвовать в мероприятиях в рамках Рамочной конвенции, в частности представляла в ООН национальные данные об объеме выбросов.

Формирование климатического права РФ на основе Парижского соглашения

Парижское соглашение было принято нашей страной с рядом заявлений, среди которых признание важности лесов в сокращении парниковых газов и неприемлемость использования механизмов договора для создания препятствий развитию сотрудничества между сторонами Соглашения.

25 ноября 2020 г. Россия направила первое сообщение об определяемом на национальном уровне вкладе, согласно которому обязалась к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов до 70% от уровня 1990 г.

Помимо этого, страна заявила о намерении продолжать оказывать добровольное содействие развивающимся странам, несмотря на то, что Россия не включена в список стран в Приложении II к Конвенции. Здесь были упомянуты климатические проекты, активно осуществляемые в рамках таких объединений, как СНГ, БРИКС и АСЕАН. Также было отмечено желание и дальше оказывать другим странам содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий, а также финансировать различные институты устойчивого развития, такие как Зеленый климатический фонд и др. Отдельно отмечалось способствование использованию развивающимися странами мирной атомной энергии как альтернативного источника энергии и подготовка высококвалифицированных специалистов в области гидрологии, климатологии, океанографии и метеорологии.

В области политики по сокращению антропогенной нагрузки РФ особенно отметила меры по повышению энергоэффективности во всех отраслях экономики, по использованию возобновляемых и нетопливных ресурсов, по защите и улучшению естественных поглотителей парниковых газов (в первую очередь лесов), а также по использованию фискальных и финансовых инструментов, позволяющих снизить эмиссию парниковых газов¹.

¹ Определяемый на национальном уровне вклад Российской Федерации в рамках реализации Парижского соглашения от 12 декабря 2015 года // United Nations Climate Change. https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Russia%20First/NDC_RF_ru.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

После присоединения к Парижскому соглашению в стране началась работа по созданию нормативно-правовой и методической основы деятельности по охране климата¹. И если в период с 2015 по 2020 г. эта работа весьма неспешно велась только на ведомственном уровне, то в 2021 г. ситуация меняется в сторону более активных и результативных шагов высших органов государственной власти.

Как представляется, к этому подталкивают не только и не столько осознание внутренних угроз, связанных с глобальным потеплением, четко названных в Климатической доктрине РФ, но и внешние факторы, связанные с продвижением довольно агрессивной климатической политики Европейского Союза — одного из крупнейших торговых партнеров России в тот период. В 2019 г. ЕС заявил об установлении новой стратегической цели — достичь углеродной нейтральности к 2050 г. (The European Green Deal), осенью 2020 г. были достигнуты договоренности финансирования Европейского инвестиционного плана «Зеленая сделка» (European Green Deal Investment Plan (COM (2020) 21 final of 14 January 2020)). Для России наиболее значимыми явились заявленные в The European Green Deal планы ЕС по сокращению импорта угля, нефти и природного газа, а также введению пограничного углеродного налога (border carbon tax), призванного компенсировать расходы европейских производителей по снижению выбросов. Предлагается его устанавливать в зависимости от углеродоемкости продукции и удельного веса ее внешне-торговой составляющей в продажах на рынке ЕС. Потери российских экспортеров от введения этого налога оценивались экспертами в 3–5 млрд долл. в год [Пискулова, 2021].

Призывы Генерального секретаря ООН Антонио Гуттериша, обращенные к государствам, компаниям и местным сообществам, предпринять большие усилия в стремлении достичь «углеродного нуля» не остаются без ответа. На Климатическом саммите 21–22 апреля 2021 г. лидеры ведущих экономик мира заявляют о новых амбициозных целях по снижению выбросов парниковых газов; в целом около 50 стран в мире ставят стратегическую цель достичь углеродной нейтральности к 2050 или 2060 гг.

Политические амбиции государств в этом вопросе подкрепляются стратегическими инициативами компаний. Крупнейшие нефтегазовые компании, такие как Repsol, BP, Equinor, Eni, Shell, Total, берут на себя добровольные климатические обязательства достичь нулевого баланса выбросов от своей деятельности (Net zero emissions). Особенностью активности этих компаний является то, что их стратегии распространяются не только на эмиссии парниковых газов, непосредственно связанные с добычей и транспортировкой углеводородов (так называемые Категории охвата выбросов 1 и 2; Score 1, 2), но и на приходящиеся на потребление (сжигание) нефти, газа и их производных (Категория 3) путем инвестирования в низкоуглеродную «зеленую» энергетику. Таким образом, активно идет процесс трансформации нефтегазовых компаний в многопрофильные энергетические компании [Сидорович, 2021]. О своей приверженности политике углеродной нейтральности заявляет ряд крупнейших компаний других

¹ Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 22.04.2015 № 716-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 18. Ст. 2737.

секторов экономики, таких как Delta, Microsoft, Amazon, PepsiCo, Nestle, Apple. Более 300 компаний по всему миру присоединились к глобальной инициативе RE 100 по переходу на 100% возобновляемые источники энергии¹.

Россия не может игнорировать этот новый мировой тренд. 21 апреля 2021 г. в своем Ежегодном послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин заявил о необходимости «ответить на вызовы изменений климата, адаптировать к ним сельское хозяйство, промышленность, ЖКХ, всю инфраструктуру, создать отрасль по утилизации углеродных выбросов, добиться снижения их объемов и ввести здесь жесткий контроль и мониторинг. За предстоящие 30 лет накопленный объем чистой эмиссии парниковых газов в России должен быть меньше, чем в Евросоюзе»². По итогам Послания Правительству РФ было поручено при разработке Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года предусмотреть сокращение накопленного с 2021 по 2050 г. объема чистой эмиссии парниковых газов в РФ до более низких значений по сравнению с показателями Европейского Союза³.

Осенью 2021 г. такая Стратегия была принята⁴. Цели снижения выбросов парниковых газов и адаптации к изменениям климата находят свое отражение в ряде других стратегических документов РФ⁵. В 2023 г. была обновлена Климатическая доктрина РФ, в которой впервые был официально определен срок достижения углеродной нейтральности к 2060 г.⁶

В достаточно короткий срок была сформированы правовые рамки национального климатического регулирования. Его основу составили два федеральных закона: «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁷ и «О проведении эксперимента

¹ Climate group RE 100: оф.сайт. <https://www.there100.org> (дата обращения: 01.12.2024).

² Послание Президента к Федеральному Собранию. 2021 // Президент России: оф. сайт. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. 2021 // Президент России: оф. сайт. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 45. Ст. 7556.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6970; О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 2546.

⁶ Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

⁷ Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»¹. Последний должен обеспечить запуск пилотного проекта системы торговли выбросами в Сахалинской области (другие субъекты РФ могут в дальнейшем присоединиться к эксперименту). В развитие указанных законов было принято порядка трех десятков подзаконных нормативных правовых актов. Итогом этой работы стало:

- введение новой, ранее не знакомой российскому праву терминологии;
- определение регулируемых секторов экономики;
- определение круга компаний, подпадающих под действие климатического регулирования (регулируемых организаций);
- введение обязательной углеродной отчетности;
- создание Кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов;
- создание Реестра выбросов парниковых газов;
- создание Реестра углеродных единиц, введение возможности их обращения и зачета;
- определение требований к климатическим проектам;
- утверждение формы и порядка представления отчета о реализации климатических проектов, правил верификации результатов их реализации.

Ключевым и пока нерешенным вопросом остается установление целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов для отраслей экономики. Правительство РФ, к чьим полномочиям отнесен это вопрос, пока их не утвердило. Можно предположить, что для их обоснования недостаточна имеющаяся информационная база об источниках, количестве и структуре выбросов парниковых газов. И. И. Леонова отмечает, что, несмотря на предпринимаемые усилия, до сегодняшнего дня организовать систему мониторинга и отчетности выбросов парниковых газов, которая давала бы достоверную информацию, так и не удалось. Сведения же, которые использует Росгидромет для ежегодной оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов и ведения соответствующего кадастра, в т. ч. для представления отчетности согласно РКИК ООН, не отвечают целям климатического регулирования. Для этих целей используются данные государственной статистической отчетности, которая содержит агрегированные данные и характеризуется двухлетним запаздыванием [Леонова, 2022]. Можно ожидать, что данный недостаток будет восполнен, нормативно-правовая основа для этого уже создана.

Следует отметить, что сами по себе целевые показатели не порождают для регулируемых организаций юридические обязанности по сокращению выбросов парниковых газов, этой цели служит система квотирования, которая базовым климатическим законом не предусмотрена. Если рассматривать Федеральный закон о Сахалинском экспери-

¹ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

менте, то и в нем установленные квоты не являются императивными, т. к. их превышение компенсируется внесением денежной платы [Гершинков, Матненко, 2023]. Насколько эффективен будет данный инструмент, заимствованный из экологического законодательства, будет понятно только после завершения эксперимента в 2028 г.

Перспективным направлением развития российского климатического законодательства является регулирование деятельности по адаптации к изменениям климата, которая, как было указано выше, признана Парижским соглашением важнейшей задачей государств. К настоящему моменту органы государственной власти разработали и приняли федеральные и отраслевые планы адаптации к изменениям климата.

Так, в 2019 г. был утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата до 2022 года¹. Планом была предусмотрена система адаптации к климатическим изменениям, установлены некоторые меры по смягчению последствий для людей, экономики и природных объектов. Среди них — оценка эффективности нормативного регулирования мер по адаптации к климатическим изменениям; создание методических рекомендаций по оценке воздействия климата на инфраструктуру, экономику и население; создание перечня финансовых инструментов, повышающих эффективность мер адаптации; оценка эффективности мер первого этапа национального плана; развитие сети мониторинга климата для заинтересованного населения и другие.

В 2023 г. был принят Национальный план действий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года². План предполагает 17 мероприятий, разделенных на блоки — федеральный, отраслевой и региональный. Документ предусматривает проведение анализа необходимости внедрения изменений в страховое законодательство в условиях изменения климата; формирование перечня программ высшего образования в сфере климатических изменений (в т. ч. изменений, отражающихся на экономике); формирование перечня наиболее положительных результатов по адаптации к климатическим изменениям в российской и международной практике; создание методических рекомендаций оценки возможного ущерба от изменений климата; создание ресурса, предусматривающего сценарии изменений климата в России, создание перечня субъектов РФ, наиболее подверженных возникновению негативных последствий от климата; внедрение технологических решений и другое.

На отраслевом уровне к настоящему времени профильными ведомствами разработан ряд планов адаптации к изменениям климата³.

¹ Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2019 № 3183-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1 (ч. 2). Ст. 115.

² Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 12. Ст. 2055.

³ Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата в сфере природопользования: Распоряжение Минприроды России от 30.09.2021 № 38-р // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской

Таким образом, можно констатировать, что фактическая деятельность в области адаптации к изменениям климата в нашей стране начата. Однако отсутствуют ее правовые рамки. Очевидно, что само по себе принятие органами государственной власти планов мероприятий в этой области не может создать систему прав и обязанностей для субъектов хозяйственной деятельности.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что первоначальная основа для национального климатического регулирования в России создана. Несмотря на сложности политического и экономического характера, связанные с проведением Специальной военной операции, санкционное давление, Россия не намерена сворачивать с пути к углеродной нейтральности. Вместе с тем очевидно, что принятый Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» пока лишь задает правовые рамки в указанной сфере, и детально регламентирует лишь некоторые административно-правовые инструменты сокращения выбросов парниковых газов. Вне правового поля пока остаются вопросы адаптации к изменениям климата, фактически осуществляемая на основании Парижского соглашения деятельность органов государственной власти по разработке и реализации адаптационных планов должна получить свое правовое оформление.

Список источников

- Васильева Г. М. 2019. Киотский протокол в глобальном историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. № 439. С. 120–127.
- Гарафова Д. И. 2018. Новеллы Парижского соглашения по климату 2015 г.: анализ механизмов осуществления // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 3. С. 24–32.
- Гершинова Д. А., Матненко А. С. 2023. Методы и формы административно-правового регулирования выбросов парниковых газов // Экологическое право. № 6. С. 6–9.

Федерации: Приказ Минвостокразвития России от 26.11.2021 № 221 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в сфере промышленного комплекса и внешней торговли: Приказ Минпромторга России от 24.12.2021 № 5357 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении плана адаптации к изменениям климата в сферах строительства, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения Российской Федерации: Приказ Минстроя России от 15.10.2021 № 754 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Приказ МЧС России от 19.10.2021 № 706: 1 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата в области транспорта: Приказ Минтранса России от 02.03.2022 № 69 // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в сфере агропромышленного комплекса, в области рыболовства на период до 2025 года: Распоряжение Минсельхоза России от 29.02.2024 № 18-р // СПС «КонсультантПлюс».

- Кокорин А. О. 2017. Изменения климата как основа Парижского соглашения // Энергетическая политика. № 4. С. 37–47.
- Кокорин А. О., Липка О. Н., Суляндзига Р. В. 2015. Изменение климата. Глоссарий терминов, используемых в работе РКИК ООН. WWF России¹. М. 95 с.
- Леонова И. И. 2022. Становление и развитие правового регулирования охраны климата в России // Экологическое право. № 3. С. 17–21.
- Леонова И. И. 2024. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России // Журнал российского права. № 3. С. 156–170.
- Макаров И. А., Степанов И. А. 2018. Парижское соглашение по климату: влияние на мировую энергетику и вызовы для России // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 77–97.
- Пёртнер Х.-О., Робертс Д. К., Тиньор М., Полочанска Э. С., Минтенбек К., Алегрия А., Крейг М., Лангсдорф С., Лёшке С., Мёллер В., Окем А., Рама Б. (ред.). 2023. Изменение климата 2022: последствия, адаптация и уязвимость. Вклад Рабочей группы II в шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Кембридж: Изд-во Кембриджского ун-та. 3056 с. <https://doi.org/10.1017/9781009325844> (дата обращения: 17.05.2024).
- Пискулова Н. 2021. «Зеленая сделка»: риски и возможности для ЕС и России // Эксперт. 21 апреля. <https://expert.ru/2021/04/14/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-yes-i-grossii/> (дата обращения: 01.12.2024).
- Сидорович В. 2021. Декарбонизация нефтегазовой отрасли третьей категории // RenEn: оф. сайт. 21 марта. <https://renew.ru/dekarbonizatsiya-neftegazovoj-otrasli-tretej-kategorii/> (дата обращения: 01.12.2024).
- Юлкин М. А., Дьячков В. А., Самородов А. В., Кокорин А. О. 2013. Добровольные системы и стандарты снижения выбросов парниковых газов. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF)². 100 с.
- Ashe T., Poberezhskaya M. 2022. Russian climate scepticism: an understudied case // Climatic Change. Vol. 172. Article 41. <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03390-3> (дата обращения: 16.06.2024).
- Boyd W. 2021. The poverty of theory: public problems, instrument choice, and the climate emergency // Columbia Journal of Environmental Law. No. 46. Pp. 399–487.
- Carlson A. E. 2012. Designing effective climate policy: cap-and-trade and complementary policies // Harvard Journal on Legislation. Vol. 49. No. 2. Pp. 207–248.
- Cho S. J. 2014. Legal and policy implications on the post-Kyoto Protocol system: a Korean lawyer's viewpoint // Journal of East Asia and International Law. Vol. 7. No. 2. Pp. 477–491.
- Das K., Asselt H., Droegge S., Mehling M. 2019. Making the International Trade System work for Paris Agreement: assessing the options // Environmental Law Reporter. No. 49. Pp. 10553–10580.
- Fischer C., Newell R. G. 2008. Environmental and technology policies for climate mitigation // Journal of Environmental Economics and Management. No. 55 (2). Pp. 62–142.

¹ Признан иностранным агентом.

² Признан иностранным агентом.

- Hourcade J. C., Shukla C. R., Cassen C. 2015. Climate policy architecture for the Cancun paradigm shift: building on the lessons from history // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 15. No. 4. Pp. 353–367.
- Lancos C. L. 2010. Flexibility and legitimacy — the Emissions Trading System under the Kyoto Protocol // *Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law* / A. Von Bogdandy (ed.). Pp. 271–299.
- McGee J., Steffek J. 2016. The Copenhagen Turn in global climate governance and the contentious history of differentiation in international law // *Journal of Environmental Law*. Vol. 28. No. 1. Pp. 37–63.
- Mehling M. A. 2019. Governing cooperative approaches under the Paris Agreement // *Ecology Law Quarterly*. No. 46. Pp. 765–827.
- Mejean A., Lecocq F., Mulugetta Y. 2015. Equity, burden sharing and development pathways: reframing international climate negotiations // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 15. No. 4. Pp. 387–402.
- Skjaereth J. B., Wettestad J. 2008. Implementing EU emissions trading: success or failure? // *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*. Vol. 8. No. 3. Pp. 275–290.
- Winter G. 2010. The climate is no commodity: taking stock of the Emissions Trading System // *Journal of Environmental Law*. Vol. 22. No. 1. Pp. 1–25.
- Yeh J.-R., Lin Ch.-Y. 2018. The Paris Agreement and the Transformation of Global Climate Law: Taiwan's Perspective // *National Taiwan University Law Review*. No. 13. Pp. 149–182.

References

- Vasileva, G. M. (2019). The Kyoto Protocol in a Global Historical Context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (439), 120–127. [In Russian]
- Garafova, D. I. (2018). What's new in the 2015 Paris Climate Agreement: an analysis of implementation mechanisms. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*, (3), 24–32. [In Russian]
- Gershinkova, D. A., & Matnenko, A. S. (2023). Methods and forms of administrative and legal regulation of greenhouse gas emissions. *Ekologicheskoe pravo*, (6), 6–9. [In Russian]
- Kokorin, A. O. (2017). Climate change as the basis of the Paris Agreement. *Energeticheskaya politika*, (4), 37–47. [In Russian]
- Kokorin, A. O., Lipka, O. N., & Sulyandziga, R. V. (2015). *Climate Change. Glossary of Terms Used in the Work of the UNFCCC*. WWF Russia¹. [In Russian]
- Leonova, I. I. (2022). Formation and development of legal regulation of climate protection in Russia. *Ekologicheskoe pravo*, (3), 17–21. [In Russian]
- Leonova, I. I. (2024). Legal regulation of the implementation of climate projects in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (3), 156–170. [In Russian]
- Makarov, I. A., & Stepanov, I. A. (2018). Paris Climate Agreement: Impact on Global Energy and Challenges for Russia. *Aktualnye problem Evropy*, (1), 77–97. [In Russian]

¹ Recognized as a foreign agent.

- IPCC (Jun. 2023). *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability: Working Group II Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegria, M. Craig, S. Langsdorf, S. Löschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama, Eds.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009325844>
- Piskulova, N. (Apr. 21, 2021). Green Deal: Risks and Opportunities for the EU and Russia. *Expert*. <https://expert.ru/2021/04/14/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-yes-i-rossii/> [In Russian]
- Sidorovich, V. (Mar. 21, 2021). Decarbonization of the oil and gas industry of the third category. *RenEn*. <https://renen.ru/dekarbonizatsiya-neftegazovoj-otrasli-tretej-kategorii/> [In Russian]
- Yulkin, M. A., D'yachkov, V. A., Samorodov, A. V., & Kokorin, A. O. (2013). *Voluntary Systems and Standards for Reducing Greenhouse Gas Emissions*. WWF¹. [In Russian]
- Ashe, T., & Poberezhskaya, M. (2022). Russian climate scepticism: an understudied case. *Climatic Change*, 172, Article 41. <https://doi.org/10.1007/s10584-022-03390-3/>
- Boyd, W. (2021). The poverty of theory: public problems, instrument choice, and the climate emergency. *Columbia Journal of Environmental Law*, (46), 399–487.
- Carlson, A. E. (2012). Designing effective climate policy: cap-and-trade and complementary policies. *Harvard Journal on Legislation*, 49(2), 207–248.
- Cho, S. J. (2014). Legal and policy implications on the Post-Kyoto Protocol system: a Korean lawyer's viewpoint. *Journal of East Asia and International Law*, 7(2), 477–491.
- Das, K., Asselt, H., Droege, S., & Mehling, M. (2019). Making the international trade system work for Paris Agreement: assessing the options. *Environmental Law Reporter*, (49), 10553–10580.
- Fischer, C., & Newell, R. G. (2008). Environmental and technology policies for climate mitigation. *Journal of Environmental Economics and Management*, 55(2), 62–142.
- Hourcade, J. C., Shukla, C. R., & Cassen, C. (2015). Climate policy architecture for the Cancun paradigm shift: building on the lessons from history. *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 15(4), 353–367.
- Lancos, C. L. (2010). Flexibility and legitimacy — the emissions trading system under the Kyoto Protocol. In A. C. Von Bogdandy *Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law* (pp. 271–299).
- McGee, J., & Steffek, J. (2016). The Copenhagen turn in global climate governance and the contentious history of differentiation in international law. *Journal of Environmental Law*, 28(1), 37–63.
- Mehling, M. A. (2019). Governing cooperative approaches under the Paris Agreement. *Ecology Law Quarterly*, (46), 765–827.
- Mejean, A., Lecocq, F., & Mulugetta, Y. (2015). Equity, burden sharing and development pathways: reframing international climate negotiations. *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 15(4), 387–402.
- Skjaereth, J. B., & Wettestad, J. (2008). Implementing EU emissions trading: success or failure? *International Environmental Agreements-Politics Law and Economics*, 8(3), 275–290.

¹ Recognized as a foreign agent.

- Winter, G. (2010). The climate is no commodity: taking stock of the emissions trading system. *Journal of Environmental Law*, 22(1), 1–25.
- Yeh, J.-R., & Lin, Ch.-Y. (2018). The Paris Agreement and the transformation of global climate law: Taiwan's perspective. *National Taiwan University Law Review*, (13), 149–182.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Данилова, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права, Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>

Information about the author

Natalia V. Danilova, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Institute of State and Law, Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>

Социальная занятость инвалидов: алогичность законодательной дефиниции

Лариса Владимировна Зайцева [✉], Татьяна Анатольевна Анбрехт

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: l.v.zajceva@utmn.ru [✉]

Аннотация. В работе представлен критический анализ новой нормы статьи 20.1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», содержащей легальное определение понятия «социальная занятость инвалидов». Социальная занятость инвалидов ранее рассматривалась отдельными авторами в качестве варианта трудовой реабилитации и абилитации инвалидов, но с принятием рассматриваемых изменений федерального закона эти работы утратили свою актуальность с точки зрения используемого понятийного аппарата. Авторы статьи выявляют внутренние противоречия законодательно определенного понятия «социальная занятость инвалидов», акцентируя внимание на алогичных элементах определения и внутренних противоречиях законодательного определения рассматриваемого понятия. Путем сравнения законодательства о социальной защите инвалидов и законодательства о занятости, авторы демонстрируют допущенные законодателем противоречия. Сравнивая социальную занятость и сопровождаемую трудовую деятельность инвалидов, выявляют их сходные признаки и отдельные различия. Соглашаясь с важностью законодательного регулирования вопросов занятости и социальной адаптации инвалидов, авторы приходят к выводу о неудачной формулировке законодательной дефиниции «социальная занятость инвалидов» и необходимости устранения допущенных нарушений формальной логики и юридической техники.

Ключевые слова: занятость, социальная занятость, социальная защита инвалидов, адаптация инвалидов, сопровождение трудовой деятельности инвалидов

Цитирование: Зайцева Л. В., Анбрехт Т. А. 2024. Социальная занятость инвалидов: алогичность законодательной дефиниции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 131–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-131-143>

Поступила 09.11.2024; одобрена 10.11.2024; 10.11.2024

Social employment of people with disabilities: the illogicality of the legislative definition

Larisa V. Zaitseva[✉], Tatyana A. Anbrecht

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: l.v.zajceva@utmn.ru[✉]

Abstract. This article presents a critical analysis of the new norm of Article 20.1 of the Russian Federal Law “On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation,” which contains a legal definition of “social employment of disabled people.” Previously, it was studied by individual researchers as an option for labor rehabilitation and habilitation of disabled people. However, with the adoption of the considered amendments to the federal law, these works lost their relevance regarding the conceptual apparatus used. The authors of this article identify the internal contradictions of the legislatively defined concept of “social employment of disabled people,” focusing attention on the illogical elements of the definition and internal contradictions of the legislative definition of the concept in question. By comparing the legislation on social protection of disabled people and the legislation on employment, the authors demonstrate the contradictions presented by the legislator. Comparing social employment and supported work activities of disabled people, their similarities and individual differences are revealed. While agreeing with the importance of legislative regulation of issues of employment and social adaptation of disabled people, the authors come to the conclusion that the legislative definition of “social employment of disabled people” is poorly formulated and that it is necessary to eliminate the violations of formal logic and legal formalities that have been committed.

Keywords: employment, social employment, social protection of disabled people, adaptation of disabled people, support of disabled people’s work activities

Citation: Zaitseva, L. V., & Anbrecht, T. A. (2024). Social employment of people with disabilities: the illogicality of the legislative definition. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 131–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-131-143>

Received Nov. 9, 2024; Reviewed Nov. 10, 2024; Accepted Nov. 10, 2024

Введение

Социальная защита инвалидов является одним из приоритетных направлений государственной социальной политики Российской Федерации. Российский законодатель предпринимает планомерные и, как хотелось бы считать, последовательные шаги

по совершенствованию социально-обеспечительного и трудового законодательства, регулирующих различные аспекты социальной защиты инвалидов, включая их трудовую реабилитацию и социальную адаптацию. В апреле 2023 г. были внесены отдельные изменения в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее — Закон о социальной защите инвалидов), в соответствии с которыми закон обогатился ст. 20.1 «Социальная занятость инвалидов»¹. Немного позднее, в декабре того же 2023 г. был принят новый Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» (далее — Закон о занятости), который по-новому трактует понятие занятости и ее виды². Простое сопоставление норм указанных законов демонстрирует, как минимум, ошибки юридической техники и законов формальной логики при формулировании законодательных дефиниций, как максимум, демонстрирует отсутствие системного подхода к правовому регулированию весьма важных и существенных аспектов социальной защиты инвалидов, связанных с их трудовой, профессиональной и социальной реабилитацией и адаптацией. Цель предлагаемой работы состоит в определении согласованности или рассогласованности новых норм о занятости населения в целом и социальной занятости инвалидов в частности с целью прогнозирования эффективности реализации рассматриваемых правовых норм в сфере трудовой реабилитации и социальной адаптации инвалидов.

Методы

Трудо-правовые и социально-обеспечительные исследования системы правового регулирования социальной защиты инвалидов осуществляются с помощью таких методов, как формально-логический и формально-юридический, метод сравнительного правоведения, моделирования, прогнозирования, лингвистического анализа, а также метода экспертных оценок, позволяющих оценить качество и последовательность элементов механизма правового регулирования и дающих возможность прогнозирования эффективности вновь принятых правовых норм.

Поскольку социальная занятость инвалидов — новый термин для нашего законодательства, то его анализу посвящено незначительное число научных публикаций. В 2020 г. была опубликована статья Ю. В. Васильевой «Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации» [Васильева, 2020], представляющая результаты поискового компаративистского исследования, основанного, как видно из названия статьи, на анализе международного правового регулирования. В том же году была опубликована статья Е. Н. Доброхотовой, А. В. Кузьменко и Н. Н. Старцева, посвященная региональным аспектам социальной занятости инвалидов [Доброхотова и др., 2020].

¹ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

² О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312120034> (дата обращения: 01.12.2024).

Проблемы занятости инвалидов в разные годы исследовала Г. Г. Пашкова [Пашкова, 2018], социальную занятость в контексте трудоустройства инвалидов рассматривала Г. В. Сулейманова [Сулейманова, 2017]. Эти и другие исследователи если и рассматривали занятость или социальную занятость инвалидов, то совершенно не в том контексте, в каком это понятие раскрывает новая редакция Закона о социальной защите инвалидов, поскольку большинство научных работ по этой тематике было опубликовано до внесения в Закон о социальной защите инвалидов рассматриваемых изменений. За период, прошедший после вступления в силу изменений, регулирующих социальную занятость инвалидов, собственно, вновь определенному законом понятию «социальной занятости» посвящены публикации А. В. Трутаевой, которая, рассматривая распределения полномочий органов государственной власти в этой сфере, тем не менее не подвергает критическому анализу само понятие «социальная занятость» [Трутаева, 2024].

Результаты

В результате комплексного и системного анализа понятия «социальная занятость инвалидов», представленного в Законе о социальной защите инвалидов, и его сопоставления с понятием «занятости», закрепленным в Законе о занятости, авторы считают, что законодательное определение указанного понятия нельзя считать сколько-нибудь удачным.

Во-первых, социальная занятость фактически не является занятостью. Такой алогичный вывод содержится уже в самом начале определения, представленного в ст. 20.1 закона о социальной защите инвалидов. Определяя социальную занятость как деятельность инвалидов, которые не являются при этом занятыми, законодатель, по нашему мнению, идет против обычной формальной логики, определяя некое понятие через противопоставление его себе самому.

Во-вторых, согласно ч. 2 той же статьи, социальная занятость может осуществляться на возмездной или безвозмездной основе. Безвозмездность социальной занятости может свидетельствовать как раз о том, что она занятостью как таковой не является. Это следует из определения занятости, представленного в Законе о занятости, ст. 2 которого к числу неотъемлемых признаков занятости относит цель — получение дохода, т. е. возмездность является характеристикой той деятельности граждан, которую Закон определяет как занятость.

В-третьих, одной из целей социальной занятости инвалида Закон называет его адаптацию. При этом в Законе о социальной защите отсутствует понятие адаптации, в отличие от понятий реабилитации и абилитации. Если реабилитация — процесс восстановления способностей к той или иной деятельности, а абилитация — процесс формирования ранее отсутствовавших у инвалида способностей, то как следует определить адаптацию, особенно если деятельность инвалида в рамках социальной занятости может иметь возмездный характер? Т. е. такая деятельность осуществляется за вознаграждение, а значит, может быть связанной с производством общественно полезного продукта, выполнением работ или оказанием услуг, имеющих потребительские свойства. Нетрудно догадаться, что логическим завершением этой цепочки рассуждений будет признание социальной

занятости, осуществляемой на возмездной основе, полноценной занятостью. А адаптацией тогда следует признать процесс, в рамках которого инвалид с помощью других лиц «приспосабливается» к трудовой или иной деятельности, отнесенной Законом к занятости.

Обсуждение

Изменения в законодательстве о социальной защите инвалидов во многом обусловлены переходом от медицинской модели инвалидности к социально-правозащитной, что является сегодня общемировой тенденцией. И этот общемировой тренд не мог быть проигнорирован российским законодателем.

Изменения в Законе о социальной защите инвалидов, в т. ч. и в части определения социальной занятости инвалидов, очевидно, направлены на повышение уровня их социальной адаптации. Но в связи с критикой, которой посвящена настоящая статья, следует разобраться с тем, какие именно соображения и цели преследовали разработчики обсуждаемого подхода.

Вероятно, что основная задача, которую преследует определение социальной занятости в Законе, — определить возможности привлекать отдельные группы инвалидов к трудовой деятельности, которую невозможно отнести к собственно занятости в соответствии с Законом о занятости. О каких случаях речь? Это, во-первых, инвалиды с тяжелыми ментальными заболеваниями, настолько ограничивающими их трудоспособность, насколько психическое или умственное расстройство может привести не только к полной недееспособности, но и полной нетрудоспособности. Во-вторых, это инвалиды с настолько тяжелыми расстройствами основных и (или) большинства функций организма, которые фактически не позволяют им выполнять даже простейшие операции, начиная с самообслуживания. Указанные группы инвалидов с высокой долей вероятности не могут осуществлять полезную производительную деятельность, создавать своим трудом минимальную добавленную стоимость, а значит, их активная экономическая занятость невозможна.

Конечно, саму по себе даже тяжелую инвалидность сегодня нельзя считать безусловной причиной для исключения инвалида из системы трудовой и профессиональной реабилитации. Современные международные стандарты, сформулированные в т. ч. числе Международной организацией труда, обеспечивают переход от социально-обеспечительного подхода, при котором инвалиды рассматривались как объекты социального обеспечения, а не как субъекты сами по себе, к правозащитному подходу, в рамках которого социальная изоляция и дискриминация инвалидов, в т. ч. и в сфере труда, рассматривается как нарушение прав человека [ILO, 2007]. Поэтому основной моделью, применяемой сегодня, стала модель поддерживаемой занятости [Зайцева, Курсова, 2019], которая позволяет максимально интегрировать лиц с ограничениями жизнедеятельности, в т. ч. и с ментальными заболеваниями, в общественное производство, осуществив их оптимальную трудовую реабилитацию и абилитацию [Таріа и др., 2013]. Примечательно, что такой подход был воспринят и в Российской Федерации,

и в соответствии с изменениями, внесенными в Закон о занятости 1991 г. о сопровождении при содействии занятости инвалидов, Минтрудом России в 2023 г. был определен порядок сопровождаемого трудоустройства¹. Но всё же сопровождаемая занятость инвалидов является методом их более эффективной трудовой и профессиональной реабилитации и направлена на обеспечение занятости как таковой.

При этом отметим, что и понятие социальной занятости инвалидов, впервые предложенное в Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года, также рассматривалось как вид профессиональной реабилитации инвалидов наряду с сопровождаемой трудовой деятельностью. Более того, в отношении ментальных инвалидов, трудоустройство которых затруднено на открытом рынке труда, при организации их жизнеустройства Концепция предлагает осуществлять их профессиональную реабилитацию посредством «социально-трудовой занятости». Соответственно, ориентируясь на создание и оснащение для ментальных инвалидов специальных мест (включая и создание специальных рабочих мест для инвалидов) с учетом принципов «разумного приспособления» для приобретения и поддержания ими трудовых навыков, например, в организациях социального обслуживания, школах-интернатах, реабилитационных организациях и др.²

В методических рекомендациях по подбору рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидам, утвержденных Минтрудом России в октябре 2024 г., сопровождаемая трудовая деятельность и социальная занятость характеризуются как новые виды занятости, которые вводятся с целью охвата всех категорий инвалидов полезной занятостью³.

И хотя социальная занятость инвалида предполагает способность инвалида, как и при сопровождаемой трудовой деятельности, осуществлять деятельность с помощью других лиц, есть нюансы, которые плохо, на наш взгляд, поддаются юридической формализации. Во-первых, при социальной занятости инвалид способен только «к осуществлению несложных (простых) видов деятельности». А во-вторых, он эти виды

¹ Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов: Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 652н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310250032> (дата обращения: 01.12.2024).

² Об утверждении Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-п // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280026> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Об утверждении методических рекомендаций по подбору рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидам с учетом рушенных функций организма и ограничений их жизнедеятельности: Приказ Минтруда России от 01.10.2024 № 518 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487979/ (дата обращения: 01.12.2024).

деятельности может осуществлять «исключительно с помощью других лиц». В-третьих, его можно при его согласии привлекать к такой деятельности на безвозмездной основе (что уже скорее является не признаком, а последствием признания занятости не занятостью как таковой, а социальной занятостью).

Размытость границы между социальной занятостью и сопровождаемой трудовой деятельностью подтверждается изложением раздела 5 Концепции по повышению занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 02.09.2024 № 2401-р, где социальная занятость упоминается в ряду описания сопровождаемой трудовой деятельности как мера по повышению занятости инвалидов при отдельном упоминании, что это всё-таки не занятость¹.

Примечательно, что и в методических рекомендациях по организации социальной занятости инвалидов, подчеркивая «социальный характер» такой занятости, разработчики последних отмечают, что речи о трудоустройстве в его обычном понимании быть не может. Предлагая рассматривать социальную занятость как организацию различных форм продуктивной и развивающей деятельности, в процессе которой инвалиды занимаются не только полезной деятельностью, но и личностно и социально развиваются, что в определенной степени позволяет им компенсировать дефицит социальных связей [Старобина и др., 2023].

Возможно, все наши сомнения и вопросы могли быть разрешены Приказом Минтруда России, утвердившего Порядок организации социальной занятости инвалидов². Но из указанного приказа следует, что, вероятно, социальная занятость показана инвалидам с 3-й степенью ограничения способности к трудовой деятельности, которые способны осуществлять несложные (простые) виды деятельности исключительно со значительной помощью других лиц. Как видим, помощь других лиц, в отличие от формулировки Закона должна, быть уже значительной (что мало что на самом деле разъясняет, хотя добавляет еще одну оценочную категорию в рассматриваемую проблематику). Тем не менее приказ дает определение несложных (простых) видов деятельности, определяя их как виды, которые не требуют специального образования, «а их выполнение обеспечивается путем обучения элементарным навыкам и умениям (профессиональным, социальным, коммуникативным, культурным, бытовым), в том числе правилам выполнения простых целенаправленных действий со значительной помощью других лиц». Здесь мы можем отметить, что значительное число видов деятельности, относящихся к занятости, тоже может не требовать специального

¹ Об утверждении Концепции по повышению занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года, плана мероприятий по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2024 № 2401-р // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_485155/ (дата обращения: 01.12.2024).

² Об утверждении примерного порядка организации социальной занятости инвалидов: Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 605н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308280013?index=1> (дата обращения: 01.12.2024).

образования и т. п. Единственным хоть сколько-нибудь смыслообразующим в рассматриваемом определении является указание на «значительную помощь других лиц», но в чем заключается эта значительность, никак не разъясняется, что позволяет достаточно широко трактовать соответствующую деятельность. Более детальное ознакомление с Приказом рождает ощущение, что это новое — еще не совсем забытое старое. И легализация так называемой занятости продолжает старую национальную традицию оказания такой медицинской услуги, как трудотерапия¹ со всеми вытекающими из нее системными проблемами и злоупотреблениями, связанными с необходимостью соблюдать достаточно жесткие требования санитарных правил к условиям труда инвалидов² и возможностями привлекать наиболее незащищенных инвалидов к бесплатному (принудительному) труду³.

Обращает на себя внимание и недостаточная разграниченность помощи других лиц при социальной занятости и сопровождаемой трудовой деятельности. Если, как мы выяснили, при социальной занятости инвалиду требуется «значительная помощь другого лица», то при сопровождаемой трудовой деятельности инвалиду назначается наставник, который оказывает разнообразную помощь инвалиду в его адаптации к работе. Возможно, разница здесь состоит в том, что наставник при сопровождении не играет определяющую роль при осуществлении инвалидом собственно трудовой функции и инвалид по окончании адаптационных мероприятий может с более высокой долей самостоятельности осуществлять трудовую функцию.

Наиболее важным вопросом, на наш взгляд, является вопрос о вариативности возмездности и безвозмездности социальной занятости, за предоставлением которой инвалид самостоятельно или через представителя обращается. И вопрос не только в том, насколько осознанным является такое заявление инвалида при наличии ограничения к трудовой деятельности 3-й степени и насколько добросовестен его законный представитель (в т. ч. и в лице руководителя организации, где проживает инвалид). Кто и как определяет, что предлагаемая в рамках социальной занятости деятельность не предполагает оплаты, а значит, может осуществляться безвозмездно? Представляется,

¹ Об утверждении номенклатуры медицинских услуг: Приказ Минздрава России от 13.10.2017 № 804н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711080036> (дата обращения: 01.12.2024).

² Об утверждении санитарных правил СП 2.23670-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда»: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 02.12.2020 № 40 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290060> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Защита прав граждан с нарушением психического здоровья. Результаты анализа ежегодных докладов за 2016–2017 годы, специальных докладов за 2015–2017 годы уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, статистических данных сайтов органов государственной власти // Правозащитная карта России: оф. сайт. https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/ross_fed_analiz_galob_social_0.html (дата обращения: 01.12.2024).

что при решении этого вопроса следует руководствоваться единственным фактором: имеет ли такая деятельно социально полезный результат, обладает ли этот результат потребительскими признаками? Положительный ответ на этот вопрос не только свидетельствует о том, что такая деятельность должна быть оплачена. Он порождает и другой вопрос: «Каково юридическое основание такой оплаты?» Оплата за любой результат труда осуществляется на основании договора — трудового или гражданско-правового. Но оба эти договора являются вариантами оснований занятости, о которой речь идет в Законе о занятости. А этой занятости социальная занятость противопоставляется. Производительный труд обязан быть оплачен в любом случае, в т. ч. если полезный результат получен в ходе трудотерапии¹. Но вопрос об отраслевой принадлежности такого вознаграждения остается открытым [Зайцева, Курсова, 2018].

Нерешенность озвученных выше вопросов оказывает, на наш взгляд, противоречивое влияние и на формирование региональных практик. Так, в Санкт-Петербурге при решении вопроса об организации социальной занятости инвалидов трудоспособного возраста предлагается социальную занятость рассматривать как временную занятость инвалидов, способных к выполнению несложных (простых) видов трудовой деятельности с учетом нарушенных функций организма и ограничений жизнедеятельности со значительной помощью других лиц². Обращает на себя внимание и определение цели социальной занятости как создание условий для возможной реализации права на труд инвалидами, испытывающими трудности при трудоустройстве на рынке труда. При этом, на наш взгляд, смешение понятий становится еще более очевидным, когда в качестве задач социальной занятости называются: организация временных рабочих мест для трудоустройства инвалидов, прием (оформление) на работу инвалидов и др.

Для определения правового положения инвалидов, принимающих участие в социальной занятости, используется понятие «участник социальной занятости» (далее — участник). Соответственно, участниками могут выступать граждане трудоспособного возраста, имеющие инвалидность и рекомендации по профессиональной и трудовой реабилитации, предусмотренные индивидуальной программой реабилитации и абилитации инвалида, способные выполнять трудовую деятельность только со значительной помощью других лиц (включая как инвалидов, имеющих «нарушения ментального характера», так и инвалидов, имеющих «нарушения функции верхних и нижних конечностей, функции опорно-двигательного аппарата, вызывающие необходимость

¹ О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами: Постановление Правительства от 25.05.1994 № 522 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 6. Ст. 606.

² Об утверждении порядка осуществления мероприятий по организации социальной занятости инвалидов трудоспособного возраста: Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 17.01.2019 № 10-р: по сост. на 10.01.2024 // Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга: оф. сайт. https://ktzn.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/07/15/_10-p.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

использования кресла-коляски»). Более того, к участникам предъявляется обязательное требование о необходимости регистрации в Центре занятости населения Санкт-Петербурга в целях поиска подходящей работы. При этом подчеркивается, что на участников в период осуществления социальной занятости распространяются нормы трудового законодательства, требования охраны труда, техники безопасности и установленные работодателем-координатором правила внутреннего трудового распорядка. Что касается оплаты труда участников, то она осуществляется из расчета минимальной заработной платы в Санкт-Петербурге, устанавливаемой Региональным соглашением о минимальной заработной плате в Санкт-Петербурге. В случае работы участника в режиме неполного рабочего времени оплата производится пропорционально отработанному рабочему времени.

Совершенно иной подход к определению социальной занятости инвалидов использован в Мурманской области, где социальная занятость реализуется путем предоставления социальных услуг в рамках системы социального обслуживания. Таким образом, уполномоченными организациями в сфере социальной занятости выступают государственные областные учреждения социального обслуживания, включенные в реестр поставщиков социальных услуг и, что важно отметить, предоставляющие социальные услуги в полустационарной и стационарной формах социального обслуживания инвалидов¹. Аналогично в системе социального обслуживания предусмотрена организация социальной занятости и в Московской области².

Вместе с тем Порядок организации социальной занятости, разработанный в Тюменской области, предусматривает осуществление социальной занятости с согласия инвалидов и исключительно на безвозмездной основе. При этом в уполномоченных организациях предполагается создание структурных подразделений, например, ремесленных, трудовых, творческих, производственных мастерских, включая организацию подсобного сельского хозяйства. В части требований, предъявляемых к уполномоченным организациям: наличие необходимого помещения, оборудования и специалистов для обучения инвалидов, нуждающихся в социальной занятости, а также включение в соответствующий реестр уполномоченных организаций³.

¹ Порядок организации социальной занятости инвалидов на территории Мурманской области: Постановление Правительства Мурманской области от 23.01.2024 № 26-ПП // Правительство Мурманской области: оф. сайт. https://minsoc.gov-murman.ru/newfiles/26_pp.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

² Об утверждении порядка организации социальной занятости инвалидов в Московской области: Постановление Правительства Московской области от 25.09.2024 № 1055-ПП // Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/document/5000202409260004> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Об утверждении порядка организации социальной занятости инвалидов в Тюменской области: Постановление Правительства Тюменской области от 05.07.2024 № 430-П // Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/document/7200202407100007?index=1> (дата обращения: 01.12.2024).

Заключение

Соглашаясь с тем, что вопрос трудовой реабилитации и адаптации к социальной жизни инвалидов является одним из важных приоритетов государственной политики, трудно согласиться с отсутствием в законодательстве логически выверенного и системного подхода к определению системо- и смыслообразующих понятий в указанной сфере. Содержащаяся в Законе дефиниция социальной занятости не является сколько-нибудь удачным примером, как с точки зрения формальной логики, так и юридической техники. Определение ст. 20.1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» содержит целый ряд внутренних противоречий и не согласуется с нормами Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации». Выявленные противоречия свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к определению законодательно устанавливаемой терминологии. Представляется, что включение в Закон противоречивой дефиниции способно нивелировать возможный положительный эффект, создать условия для злоупотреблений и излишней формализации важных социальных процессов. Системный анализ Закона и соответствующих подзаконных актов позволяет сделать вывод о том, что под социальной занятостью подразумевается вариант социальной адаптации инвалидов, неспособных к самостоятельной трудовой деятельности.

Список источников

- Васильева Ю. В. 2020. Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации // *Ex iure*. № 2. С. 131–141. <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-2-131-141>
- Доброхотова Е. Н., Кузьменко А. В., Старцев Н. Н. 2020. Социальная занятость инвалидов в субъектах РФ // *Ежегодник трудового права*. Том 10. С. 255–274. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zanyatost-invalidov-v-subektah-rf> (дата обращения: 16.12.2024)
- Зайцева Л. В., Курсова О. А. 2018. Теория и практика правового регулирования труда недееспособных работников // *Правоведение*. Том 62. № 3. С. 465–483.
- Зайцева Л. В., Курсова О. А. 2019. Формы применения труда недееспособного работника // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 3. С. 26–51. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.26.51>
- Пашкова Г. Г. 2018. Проблемы занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации // *Вестник Томского университета*. № 29. С. 162–171.
- Старобина Е. М., Гордиевская Е. О., Рябцев М. В. 2023. Организация социальной занятости инвалидов: метод. рекомендации. М.: ФГБУ ФНОЦ МСЭиР им. Г. А. Альбрехта Минтруда России. 73 с.
- Сулейманова Г. В. 2017. Трудоустройство инвалидов: от квотирования рабочих мест до социальной занятости // *Северо-Кавказский юридический вестник*. № 4. С. 74–80. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2017-1-4-74-80>
- Трутаева А. В. 2024а. Вхождение вопросов социальной занятости инвалидов в компетенцию субъектов РФ // *Право и государство: теория и практика*. № 6 (234). С. 129–130. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_6_129

- Трутаева А. В. 2024б. Сопровождение в системе социальной защиты инвалидов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. Том 34. № 4. С. 734–738. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-4-734-738>
- ILO. 2007. Guidelines: Achieving equal employment opportunities for people with disabilities through legislation / International Labour Office. Geneva: ILO. 88 pp
- Tapia F., Castro W. 2013. Employability Strategies in population with mental disabilities: a review // *Salud Mental*. Vol. 36. Pp. 143–148. <https://doi.org/10.17711/SM.0185-3325.2013.019>

References

- Vasilyeva, Yu. V. (2020). Social employment of disabled people in the Russian Federation and international standards in the field of employment and employment of disabled people: problems of implementation. *Ex jure*, (2), 131–141 <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-2-131-141> [In Russian]
- Dobrokhotova, E. N., Kuzmenko, A. V., & Startsev, N. N. (2020). Social employment of disabled people in the constituent entities of the Russian Federation. *Yearbook of Labor Law*, 10, 255–274. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zanyatost-invalidov-v-subektah-rf> [In Russian]
- Zaitseva, L. V., & Kursova, O. A. (2018). Theory and practice of legal regulation of labor of incapacitated workers. *Jurisprudence*, 62(3), 465–483. [In Russian]
- Zaitseva, L. V., & Kursova, O. A. (2019). Forms of application of labor of an incapacitated worker. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, (3), 26–51. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.26.51> [In Russian]
- Pashkova, G. G. (2018). Problems of employment and employment of disabled people in the Russian Federation. *Bulletin of Tomsk University*, (29), 162–171 [In Russian]
- Starobina, E. M., Gordievskaya, E. O., & Ryabtsev, M. V. (2023). *Organization of Social Employment of Disabled People: Methodological Recommendations*. Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation named after G. A. Albrecht. [In Russian]
- Suleymanova, G. V. (2017). Employment of disabled people: from job quotas to social employment. *North Caucasian Legal Bulletin*, (4), 74–80. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2017-1-4-74-80> [In Russian]
- Trutaeva, A. V. (2024a) The entry of issues of social employment of disabled people into the competence of the constituent entities of the Russian Federation. *Law and State: Theory and Practice*, (6), 129–130. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_6_129 [In Russian]
- Trutaeva, A. V. (2024b) Support in the system of social protection of disabled people. *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, 34(4), 734–738. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-4-734-738> [In Russian]
- ILO. (2007). *Guidelines: Achieving Equal Employment Opportunities for People with Disabilities through Legislation*. International Labour Office.
- Tapia, F., & Castro, W. (2013). Employability strategies in population with mental disabilities: a review. *Salud Mental*, 36, 143–148. <https://doi.org/10.17711/SM.0185-3325.2013.019>

Информация об авторах

Лариса Владимировна Зайцева, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

l.v.zajceva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6134-3734>

Татьяна Анатольевна Анбрехт, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

t.a.anbrekht@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2050-0323>

Information about the authors

Larisa V. Zaitseva, Dr. Sci. (Jur.), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia

l.v.zajceva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6134-3734>

Tatiana A. Anbrekht, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia

t.a.anbrekht@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2050-0323>

Концепт суверенной российской государственности в ежегодных посланиях главы государства (1994–2024)

Наталья Терентьевна Леоненко

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Новосибирск, Россия
Контакт для переписки: lnnk@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ ежегодных посланий главы государства Федеральному Собранию *о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства* посредством контекстуального рассмотрения с точки зрения содержащихся в них ценностных представлений о смыслах исторического существования России, ее предназначении и цивилизационной сущности. Предпринята попытка выявить основные положения, составляющие концепт суверенной российской государственности, вычлениить ее сущностные элементы, не претендуя на исчерпывающее теоретическое построение. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1994 по 2024 г. Теоретическое осмысление результатов, полученных в ходе проведенного исследования, позволяет сделать выводы об актуальности идеи государственного суверенитета, его понимании первыми лицами страны как безусловной ценности для России и неразрывной связи ее выживания и сохранения с консолидацией общества вокруг традиционных ценностей и нравственных ориентиров, выработанных государствообразующим народом в процессе своего исторического развития; о наметившейся тенденции переосмысления ряда мифологем либеральной демократии и конструировании новой парадигмы российской модели конституционного строя, синтезирующей элементы различных государственно-правовых режимов, что может свидетельствовать о переходе к национально-консервативному подходу, близкому к теории «государства-цивилизации».

Ключевые слова: безопасность, государство-цивилизация, многополярность, национальные интересы, послание главы государства, монополия принуждения, суверенитет, угроза, ценность

Цитирование: Леоненко Н. Т. 2024. Концепт суверенной российской государственности в ежегодных посланиях главы государства (1994–2024) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 144–164. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-144-164>

Поступила 30.09.2024; одобрена 21.10.2024; принята 21.10.2024

The concept of sovereign Russian statehood in the annual messages of the head of state (1994–2024)

Nataliya T. Leonenko

Siberian Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Novosibirsk, Russia
Corresponding author: lnnk@yandex.ru

Abstract. This study aims to analyze the annual messages of the head of state to the Russian Federal Assembly on the situation in the country, on the main directions of domestic and foreign policy of the state through contextual consideration of their value concepts about the meanings of Russian historical existence, purpose, and civilizational essence. The author identifies the main provisions that make up the concept of sovereign Russian statehood and isolates its essential elements, although without an exhaustive theoretical construction. The chronological framework covers the 1994–2024 period. The results highlight the relevance of the state sovereignty idea; explain how the country’s top officials understand this idea as an unconditional benefit for Russia; show the inextricable link between Russia’s survival and preservation with the consolidation of society around traditional values and moral guidelines developed by the state-forming people in their historical development; describe the emerging trend of rethinking liberal democracy and a new paradigm of the Russian model of the constitutional system, synthesizing elements of various state-legal regimes, which may indicate a transition to a national conservative approach closer to the “state-civilization” theory.

Keywords: security, state-civilization, multipolarity, national interests, message of the head of state, monopoly of coercion, sovereignty, threat, value

Citation: Leonenko, N. T. (2024). The concept of sovereign Russian statehood in the annual messages of the head of state (1994–2024). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 144–164. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-144-164>

Received Sept. 30, 2024; Reviewed Oct. 21, 2024; Accepted Oct. 21, 2024

Россия не та страна, которая отступает перед вызовами. Россия сосредотачивается, собирается с силами и достойно отвечает на любые вызовы. Преодолевает испытания и всегда побеждает.

В. Путин

Введение

Несмотря на признание имманентности государственного суверенитета национальному государству, на протяжении уже не одного столетия представителями различных отраслей научного знания всё чаще ставятся вопросы об «исторической исчерпаемости» государственного суверенитета, постепенном его «размывании». А наиболее радикальные критики государственного суверенитета вообще заявляют об отказе от него, не считая суверенитет «непременным признаком государства», поскольку, по их мнению, он препятствует международной кооперации и международному сотрудничеству. При этом выдвигается концепция, согласно которой на смену суверенным государствам в качестве основных игроков приходят не имеющие четкой национально-государственной идентичности транснациональные корпорации, среди которых преобладают компании с доминированием американского капитала [Кокошин и др., 2019, с. 28].

Несомненно, с тех пор, как французским политическим мыслителем и правоведом Ж. Боденом во второй половине XVI в. был сформулирован фундаментальный тезис: суверенитет — это «абсолютная и вечная власть в государстве» [Оппенгейм, 1948, с. 132], геополитическая картина мира кардинально трансформировалась, существенным образом изменив баланс сил в мире. Вместе с тем в контексте существующих теоретических дискуссий, предлагающих «множественность» трактовок понятия «суверенитет», всесторонний анализ суверенной государственности в условиях кризиса глобализации и становления многополярного мира на примере политической и правовой «драматургии» российской природы суверенитета представляется чрезвычайно актуальным как в теоретическом плане, так и в практической плоскости. Для этого, не пытаясь выявить «общий дискурс суверенитета», обратимся к исследованию текстов ежегодных президентских посланий Федеральному Собранию. В этой связи примечательным является высказывание, согласно которому «рассмотрение Послания... не частная проблема, поскольку его анализ позволяет ответить на ряд значимых политических вопросов: в какой степени подобные стратегические политические тексты определяют внутреннюю и внешнюю политику страны» [Попова, 2009, с. 221].

Как известно, Президент России — центральная фигура национальной политико-правовой системы, наделенная в соответствии с Основным Законом страны значительными полномочиями, том числе: осуществлять государственную власть (ч. 1 ст. 11), принимать меры по охране суверенитета страны, ее независимости и государственной целостности (ч. 2 ст. 80). Являясь главой государства, Президент «интегрирует российскую государственность... юридически и фактически „присутствует“ во всех властях» [Эбзеев, 2020, с. 13–14]. Главная его задача — поддержание гражданского мира и согласия в стране, обеспечение выживания и воспроизводства государствообразующего народа.

В соответствии с ч. 3 ст. 80, п. «е.5» ст. 83, п. «е» ст. 84 Конституции России, Президент наделяется правом обращаться к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране и об основных направлениях внутренней, а также внешней политики государства. В то же время правовой статус данного программного документа ни Основным Законом, ни иными правовыми актами в настоящее время не определен. Не вносит ясность в этот вопрос и ст. 15 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, согласно которой президентское послание «... является основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определения направления достижения указанных целей, важнейших задач, подлежащих решению, а также для разработки других документов стратегического планирования»¹.

Автор полагает возможным сформулировать понятие «*ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации*» следующим образом: это политико-правовой программный документ, определяющий на концептуальном уровне стратегические цели общегосударственного значения, ценностные приоритеты социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности государства, обязывающий президента действовать в установленных им самим пределах, обязательный для исполнительных органов государственной власти и рекомендательный по отношению к иным ветвям власти. Являясь властным инструментом, содержащим аксиологические установки, послание формирует официальный политико-правовой дискурс, влияющий на все сферы жизни в стране. Представляется, что окончательно вопрос о статусе президентского послания мог бы быть урегулирован федеральным законом о правовых актах, необходимость принятия которого уже давно назрела.

В данном исследовании предпринята попытка посредством контекстуального анализа президентских посланий с точки зрения изложения в них ценностных представлений о смыслах исторического существования России, ее предназначении и цивилизационной роли в истории, выявить основные положения, составляющие концепт суверенной российской государственности, поскольку, являясь гарантом устойчивости и порядка, глава государства «есть „творец“ порядка и, соответственно, — права, как рационально и вербально оформленной системы» [Сальников и др., 2024, с. 208]. Для достижения указанной цели поставлена задача — найти ответы на следующие, крайне непростые, вопросы: что представляет собой суверенитет на современном этапе развития национальной правовой системы, и прежде всего с точки зрения конституционного права? Это не более чем «миф», «консервативная утопия», «устаревшая догма», «политико-правовая фикция», «вредный рудимент модерна», или же потребность в нем как ценностной научной категории сохраняется? Зачем суверенитет нужен государству? Какое государство может иметь суверенный статус? Что означает суверенитет для России? Кто осуществляет суверенитет как таковой? Чем обеспечивается суверенитет? Какими должны быть взаимоотношения между суверенными государствами?

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

Представляется, что ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение для понимания сущности суверенной российской государственности.

Методы исследования

Методологической основой исследования послужили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и логический методы, а также контекстуальный анализ, позволившие выявить основные положения президентских посланий, составляющие концепт суверенной российской государственности.

Обзор литературы

На понимание автором теории суверенитета повлияли труды классиков политико-правовой мысли: А. С. Алексеева, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Г. Гроция, Г. Еллинека, Р. Иеринга, И. А. Ильина, Г. Кельзена, И. Д. Левина, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, В. Е. Чиркина, К. Шмитта, современных ученых: С. А. Авакьяна, А. Л. Бредихина, В. Д. Зорькина, Н. И. Грачева, А. Г. Дугина, А. Д. Керимова, И. Н. Куксина, Г. И. Мусихина, Н. Б. Пастуховой, И. В. Понкина, Б. С. Эбзеева и др.

В статье использовался широкий круг правовых источников, среди которых действующая Конституция России 1993 г., федеральные законы, ежегодные послания российских президентов Б. Ельцина, Д. Медведева и В. Путина Федеральному Собранию.

Результаты и обсуждение

Поскольку объем статьи не позволяет подробно рассмотреть полнотекстовое содержание ежегодных президентских посланий Федеральному Собранию, приводятся лишь содержащиеся в них ключевые, по мнению автора, положения по теме исследования.

Из посланий Президента России Б. Ельцина к Федеральному Собранию (1994–1999)

Первый всенародно избранный Президент России Б. Ельцин (1931–2007) впервые обратился с ежегодным посланием к парламенту страны 24 февраля 1994 г. в условиях острой политической борьбы между исполнительной и законодательной ветвями власти, духовного разлада, психической надломленности и физического перенапряжения российского общества. Исходя из этого, центральное место в послании заняла проблема укрепления Российского государства. По мнению Президента, укрепление государства означало прежде всего: упрочение его территориальной целостности и единства; защиту от внешних угроз, усиление государственных институтов; обуздание преступности; консолидацию общества; подъем экономики; обеспечение подобающего России места в международном сообществе государств. В послании также отмечалось, что «Россия не будет сильной, если не будет единой»¹.

¹ Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994 // Российская газета. 1994. 25 февр.

Главной темой второго президентского послания была необходимость обеспечения надежных гарантий суверенитета, независимости и целостности государства¹. Подчеркивалось, что достижение этой цели возможно при условии преодоления экономического кризиса, угрозы сепаратизма и национальной розни, обеспечения прав и интересов местного самоуправления. В целях защиты суверенитета, подтверждения авторитета государственной власти обосновывалось право институтов публичной власти на применение силы по отношению к своим гражданам на своей территории, в случае исчерпания всех иных средств воздействия. Фиксировалось, что защита суверенитета, независимости и целостности государства непосредственно связана с обеспечением нерушимости его границ, крепостью их охраны. В этой связи предметом рассмотрения послания стали «контуры реформы в области обороны и безопасности». Приоритетами внешней политики были названы: «содействие обеспечению России достойного места среди наиболее развитых государств мира», миротворчество на пространстве бывшего Союза ССР.

В третьем послании Президентом Б. Ельциным было провозглашено: «новое здание российской государственности в основном уже построено»². При этом отмечалось, что государственность обязана стать «твердой, прочной, способной реально обеспечить конституционные права и свободы граждан, надежно защищать людей от посягательств преступной среды, а страну — от внешних угроз»³. Основное опасение главы государства вызывало продвижение военной структуры НАТО к российским границам.

После переизбрания на второй срок Президент Б. Ельцин в своем первом послании в числе приоритетных задач назвал «энергичное завершение экономической, социальной и правовой реформ», строительство российского федерализма. Управленческая сфера была объявлена «зоной особого внимания»⁴. В связи с этим заявлялось, что в целях создания современной эффективной системы государственного управления планируется разработать и принять «Программу государственного строительства»⁵. В части, касающейся российской внешней политики, отмечалось: «наш мир — многополюсный... в нем не должно быть доминирования какого-то одного центра силы»⁶. Мир XXI столетия должен в большей степени опираться на силу права, а не на силу оружия. Приоритетами внешней политики были определены: восстановление единства общности народов России и Белоруссии, урегулирование конфликтных ситуаций

¹ О действенности государственной власти в России: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.02.1995 // Российская газета. 1995. 17 февр.

² Россия, за которую мы в ответе (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996 // Российская газета. 1996. 27 февр.

³ Там же.

⁴ Порядок во власти — порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 // Российская газета. 1997. 7 марта.

⁵ В дальнейшем данный документ обрел название «Концепция административной реформы».

⁶ Порядок во власти...: Послание. 1997.

на пространствах Содружества Независимых Государств (СНГ), защита прав соотечественников за рубежом, развитие всесторонних связей с традиционными партнерами. Главной проблемой оставалось угроза предполагаемого расширения НАТО на Восток, противоречащего интересам безопасности России.

Выступая с очередным посланием к парламенту страны, глава государства констатировал: политическая система страны, пройдя через серьезные испытания, обрела устойчивость, экономика стабилизирована. Главой государства были заданы обновленные ориентиры государственной политики «для перехода от стратегии преодоления кризиса к стратегии подъема»¹. Перед внешней политикой страны ставились задачи отстаивания национальных интересов по всем направлениям, повышения роли страны в мировых делах, построение модели «многополюсного мира». Утверждалось, что «без России невозможно продуктивно решать острые международные вопросы»².

Однако в своем последнем послании, прозвучавшем на рубеже эпох, Президент Б. Ельцин был вынужден признать слабость государства, незавершенность процесса разграничения полномочий между Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением, отсутствие согласия и единства общества. Особо подчеркивалось, что без укрепления государства не удастся преодолеть последствия финансового «взрыва» 1998 г. и осуществить глубокие преобразования экономики. Задачей внешней политики провозглашалось «укрепление международной и региональной стабильности, поиск правильных, а не скороспелых ответов на новые вызовы глобальной безопасности, ликвидация рецидивов и стереотипов периода „холодной войны“»³.

На основе проведенного анализа представляется возможным заключить, что во всех шести посланиях к парламенту страны Президента Б. Ельцина основные акценты были сделаны на решении задач укрепления Российского государства, обеспечения действенности и единства власти, защиты государственного суверенитета. Вместе с тем «эпоха Ельцина» характеризовалась конфронтацией между исполнительной властью и палатами Федерального Собрания, выраженной «олигархизацией» государства, приоритетным решением текущих проблем по сравнению с долгосрочными, «вредными для экономики компромиссами», потерей духовно-нравственных ценностей [Батурин и др., 2001, с. 413, 721, 749, 750]. В конституционной практике получила широкое распространение децентрализация федеративных отношений, рассматриваемая на данном этапе как одно из направлений укрепления российской государственности, сохранения единства России. Приоритетом внешней политики было провозглашено обеспечение международной

¹ Общими силами — к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 // Российская газета. 1998. 24 февр.

² Там же.

³ Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 // Российская газета. 1999. 31 марта.

стабильности. Особую озабоченность по-прежнему вызывало продвижение военной структуры НАТО к российским границам.

Уместно заметить, что в президентских посланиях не придавалось особого значения идеологическому подкреплению государственного курса проводимых преобразований. Вместе с тем заслуживает внимания замечание ряда авторов, согласно которому: «власть политическая и экономическая всегда обречена оставаться неполной, как бы незавершенной, в связи с этим ущербной и, следовательно, непрочной, неустойчивой, недолговечной до тех пор, пока она не сумеет укрепить свои позиции путем достижения гегемонии в сфере духовной» [Керимов, Куксин, 2017, с. 78].

В научной литературе существует мнение, согласно которому Президентом Б. Ельциным было положено начало формирования концепции великой, сильной и единой России, а также были заложены основные направления внешней политики [Рожнева, 2019]. Альтернативной точки зрения придерживается команда помощников и спичрайтеров первого Президента, осознающих себя неотъемлемой частью «коллективной личности Президента» [Батуринов и др., 2001, с. 24]. По их мнению, «...у Б. Ельцина не было ясного представления, какой должна и может стать Россия, какое она способна занять место в мире... Это размывало сам образ „миссии“ и обрекало Президента на непоследовательные действия» [Батуринов и др., 2001, с. 795]. С учетом результатов проводимой первым Президентом России (1991–1999) внутренней и внешней политики представляется, что второе суждение является более близким к истине.

Из посланий Президента России В. Путина к Федеральному Собранию (2000–2007)

Первое послание В. Путина, сменившего Б. Ельцина на посту президента России, прозвучало 8 июля 2000 г. Его центральный тезис состоял в том, что Россия должна стать «сильной и уверенной в себе» державой «не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними»¹. В числе актуальных проблем, стоящих перед страной, были названы демографическая ситуация, экономическая слабость страны, недостроенность и неразвитость федеративных отношений, международный терроризм. Отмечалось, что, столкнувшись с угрозами государственному суверенитету и территориальной целостности, Россия вынуждена противостоять внутренним и внешним силам, стремящимся к обострению геополитических противоречий. Президент заключил: ответ на эти вызовы невозможен без укрепления государства, поскольку только сильная, эффективная и демократическая держава сможет «обеспечить баланс интересов личности и общества, совместить частную инициативу с общенациональными задачами»² и в результате достичь стабильности и национального прогресса. Среди других первоочередных задач была названа необходимость создания единого пространства для экономики и права.

¹ Какую Россию мы строим: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 // Российская газета. 2000. 11 июля.

² Там же.

Во втором послании глава государства констатировал: «... период расползания государственности — позади. Дезинтеграция государства ... остановлена»¹. Вместе с тем обращалось внимание на опасность экономического отставания России. К числу стратегически важных преобразований были отнесены: разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти исключительно федеральными законами, необходимость проведения судебной и административной реформ. Перед внешней политикой были поставлены следующие задачи: развитие интеграционных процессов на пространстве СНГ, строительство Союзного государства с Белоруссией, партнерство с Европейским союзом, защита российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом.

В послании 2002 г. Президентом было заявлено о необходимости «повышения эффективности государственной политики, стабилизации межбюджетных отношений, внесения большей ясности в организацию российской власти в целом»². Обращалось внимание и на проблемы преступности, опасность экстремизма, необходимость продолжения модернизации судебной системы. В завершение послания Президент обратился к присутствующим с призывом сделать страну «процветающей и зажиточной ... чтобы жить в ней было комфортно и безопасно»³.

Подводя некоторые итоги своего трехлетнего нахождения на посту главы государства, Президент в послании 2003 г. зафиксировал: удалось сохранить государство в существующих границах, восстановить внутреннее единство страны, консолидировать государственную власть, приблизить федеральную власть к регионам, приступить к строительству дееспособной и финансово обеспеченной власти на местах. Глава государства также отметил продвижение России на пути сближения с Европой, рост международного рейтинга страны, которая стала «полноправным членом клуба восьми наиболее развитых государств мира»⁴. Особое внимание было уделено контактам с «Большой Европой» и борьбе с международным терроризмом.

Послание 2004 г. стало первым программным выступлением Президента В. Путина после переизбрания на второй срок. В начале обращения отмечалось: «... впервые за долгий период Россия стала политически и экономически стабильной страной. Страной независимой — и в финансовом отношении, и в международных делах»⁵. В качестве наиболее значимых на ближайшее время были названы такие задачи, как существенный рост благосостояния граждан, отстаивание демократических завоеваний народа,

¹ Не будет ни революций, ни контрреволюций: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.04.2001 // Российская газета. 2001. 4 апр.

² России надо быть сильной и конкурентоспособной: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18.04.2002 // Российская газета. 2002. 19 апр.

³ Там же.

⁴ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 16.05.2003 // Российская газета. 2003. 17 мая.

⁵ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 26.05.2004 // Российская газета. 2004. 27 мая.

укрепление безопасности государства и решение важнейших вопросов мировой политики на основе международного права.

В президентском послании 2005 г. признавалось, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века»¹. Основной политико-идеологической задачей было признано развитие России в качестве свободного и демократического государства. При этом заявлялось, что Россия как суверенная страна сама будет решать, каким образом она будет обеспечивать реализацию принципов свободы и демократии, определять сроки и условия движения по этому пути. Приоритетами внешней политики назывались: обеспечение безопасности государственных границ, благоприятствующей внешней обстановки для разрешения внутренних российских проблем, поддержка российских соотечественников за рубежом.

В последующем послании Президент сосредоточил внимание на низком уровне доверия населения к «отдельным институтам государственной власти и к крупному бизнесу»². Одной из причин была названа коррупция, противодействие которой было обозначено одним из главных приоритетов государственной политики. Глава государства отметил: «авторитет государства должен основываться не на вседозволенности и попустительстве, а на способности принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения»³. Были также подняты вопросы демографии и проблемы безопасности. На фоне идущего переустройства мира, расширения конфликтного пространства ставилась задача найти продуманные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности. Подчеркивалась необходимость реформирования Организации Объединенных Наций (ООН) с целью повышения эффективности ее деятельности.

В завершающем послании второго президентского срока В. Путин констатировал, что «Россия не только полностью преодолела длительный спад производства, но и вошла в десятку крупнейших экономик мира»⁴. Однако при этом отмечалось, что Россия находится «только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны»⁵. Обращая внимание на недружественные действия ряда иностранных государств, глава государства в очередной раз акцентировал внимание на безусловной ценности суверенитета страны. Указывалось, что международная политика государства направлена на прагматичную и неидеологизированную работу со всеми государствами как на европейском, так и на азиатском континентах.

Анализ ежегодных посланий 2000–2007 гг. позволяет сделать вывод о том, что доминантой политического курса Президента В. Путина являлось создание сильного неза-

¹ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 25.04.2005 // Российская газета. 2005. 26 апр.

² Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006 // Российская газета. 2006. 11 мая.

³ Там же.

⁴ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 26.04.2007 // Российская газета. 2007. 27 апр.

⁵ Там же.

висимого государства. В целях восстановления вертикали власти были реформированы федеральные органы исполнительной власти, созданы федеральные округа и учрежден институт полномочных представителей Президента в федеральных округах, устранены коллизии между федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации, внесены изменения в порядок выборов депутатов Государственной Думы и порядок формирования Совета Федерации, возрожден Государственный совет России, проведено укрупнение нескольких «сложносоставных» субъектов Федерации.

Следует заметить, что ряд президентских инициатив, позднее инкорпорированных в законодательные акты, стал объектом интенсивных дискуссий в научном сообществе, среди них: формирование «централизованного федерализма» [Авакьян, 2005; Кондрашев, 2010, с. 17–19; Пастухова, 2010; Умнова, 2012], замена института прямых выборов высшего должностного лица субъекта Федерации процедурой «наделения полномочиями» [Грудцына, 2004, с. 24–28; Золотухина, 2005, с. 43–47; Кондрашев, 2010, с. 23–24], введение политической ответственности органов публичной власти субъектов Федерации [Безруков, 2006; Ишеков, 2009; Кондрашев, 2010, с. 27–31].

Последовательная реализация намеченного Президентом В. Путиным внешнеполитического курса позволила России восстановить свое влияние на международной арене, проводить суверенную внешнюю политику, на деле претворяя в жизнь принципы многополярного мира.

Из посланий Президента России Д. Медведева к Федеральному Собранию (2008–2011)

Президент Д. Медведев свое первое после избрания послание начал с оценки нападения грузинской армии на российских миротворцев в Южной Осетии и анализа глобального финансового кризиса, изменивших геополитическую ситуацию в мире. Признавалось, что «в развитии международной обстановки последних лет накопилось много неблагоприятных тенденций»¹. Отмечалось, что ответы на эти угрозы могут быть найдены только коллективными усилиями через повышение эффективности структур и механизмов ООН, формирование «полицентричной» международной системы. Главой государства была предложена стратегия модернизации экономики и социальной сферы, масштабное перевооружение армии и реформирование оборонной промышленности в качестве ответа на резкое ухудшение международной обстановки. Внутренний врагом «номер один» была названа коррупция. В целях противодействия ей предлагался ряд мер, направленных на создание «атмосферы „невыгодности“ коррупционного поведения»².

Во втором послании Президент выразил «убежденность в необходимости и возможности обретения Россией статуса мировой державы на принципиально новой основе»³

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. 2008. 6 нояб.

² Там же.

³ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 // Российская газета. 2009. 13 нояб.

через проведение всесторонней модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. При этом было замечено, что достигнуть успеха в реализации стратегии модернизации невозможно без укрепления политической системы и правовых институтов, без обеспечения внутренней и внешней безопасности государства, достижения социальной стабильности, внедрения современного образования и развития национальной культуры.

В третьем послании говорилось, что модернизация — не самоцель, а лишь инструмент, с помощью которого можно решить давно назревшие проблемы в экономике и в социальной сфере. Отмечалось также, что развитие «государства и общества невозможно без эффективного обеспечения национальной безопасности и обороны»¹.

В последнем послании Президента Д. Медведева, прозвучавшем 22 декабря 2011 г., констатировалось: Россия успешно преодолела период экономических потрясений и вернулась к докризисным показателям развития, став шестой по величине экономикой мира². Главой государства были предложены важные политические реформы: возвращение прямых выборов глав субъектов Федерации, применение мажоритарно-пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы, упрощение порядка государственной регистрации политических партий и отмена требования сбора подписей избирателей для регистрации их кандидатов на выборах, создание «открытого правительства», общественного телевидения и др. Приоритетами внутренней политики были названы противодействие коррупции, реформа судебной власти, перевооружение армии, реформирование оборонной промышленности, социальная политика, создание условий для успешного развития малого и среднего бизнеса.

По результатам проведенного анализа можно отметить, что будущую Россию Президент Д. Медведев видел «процветающей, демократической страной, сильной и в то же время комфортной для жизни»³. Квинтэссенцией его посланий была предложенная им стратегия политико-экономической модернизации, направленная на замену командно-административного метода управления принципом личной инициативы и участия гражданского общества в политической жизни [Пабст, 2010, с. 25]. Во внешней политике произошла «перезагрузка» российско-американских отношений. Россия «сошла с „орбиты“ политического Запада, встав в оппозицию Вашингтону по принципиальным вопросам мировой политики и мироустройства» [Тренин, 2013, с. 71], сосредоточившись на налаживании «модернизационных партнерств» с наиболее развитыми странами, ориентированными на приоритеты технологической модернизации России.

¹ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 30.11.2010 // Российская газета. 2010. 1 дек.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22.12.2011 // Российская газета. 2011. 23 дек.

³ Послание... 2008.

Из посланий Президента России В. Путина к Федеральному Собранию (2012–2024)¹

Вернувшись после четырехлетнего перерыва в Кремль, Президент В. Путин в своем первом послании сформулировал доктринальный тезис об особом типе российской государственности — «государстве-цивилизации, скрепленном русским народом, русским языком и русской культурой»². Оглашая послание в День Конституции, В. Путин напомнил о ценностных смыслах, заложенных в Основном Законе страны, и прежде всего гражданской ответственности за Родину перед нынешними и грядущими поколениями, о патриотизме в качестве консолидирующей базы государственной политики. Задавшись вопросом «что означает суверенитет России в XXI веке?», Президент ответил, что это «достаточные собственные ресурсы страны», сохранение своей геополитической востребованности, обеспечиваемой экономикой, культурой, наукой, образованием, дипломатией, военной мощью. Глава государства подчеркнул, что «... единство, целостность и суверенитет России безусловны. <...> Прямое или косвенное внешнее вмешательство в наши внутренние политические процессы неприемлемо»³.

В начале второго послания, прозвучавшего в двадцатую годовщину Конституции России, Президент В. Путин в частности произнес: «Конституция соединила два базовых приоритета — высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, — подчеркнув их взаимную обязанность — уважать и защищать друг друга»⁴. Глава государства хотя и объявил, что Россия не претендует на звание сверхдержавы, вместе с тем заострил внимание на ее лидерстве в защите международного права, уважении национального суверенитета, сохранении самостоятельности и самобытности народов⁵.

В послании 2014 г. Президентом была дана оценка антигосударственному и антиконституционному перевороту на Украине и воссоединению Крыма и Севастополя с Россией. Глава государства отметил: «... мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплоченной нации, по-настоящему суверенному и сильному государству»⁶. Со всей определенностью было заявлено: «... для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования... <...> ... или мы будем суверенными, или растворимся, потеряемся в мире»⁷. Президент зафиксировал: Россия будет последовательно отстаивать установление справедливого

¹ В 2017 и 2022 гг. президентские послания представлены не были.

² Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 // Российская газета. 2012. 13 дек.

³ Там же.

⁴ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек.

⁵ Там же.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. 5 дек.

⁷ Там же.

миропорядка, энергично продвигать деловые и гуманитарные контакты, научные, образовательные, а также культурные связи как на Западе, так и на Востоке.

Одной из главных тем послания 2015 г. стала борьба с международным терроризмом, в которой «Россия продемонстрировала предельную ответственность и свое лидерство»¹. Сила России, отметил Президент, в свободном развитии всех народов, в многообразии и гармонии культур, языков, традиций, во взаимном уважении и диалоге различных религий. Завершая послание, глава государства сказал: «... перед нами не раз вставал принципиальный, судьбоносный выбор пути дальнейшего развития. И очередной такой рубеж мы прошли в 2014 году, когда состоялось воссоединение Крыма и Севастополя с Россией. Россия в полный голос заявила о себе как сильное самостоятельное государство с тысячелетней историей и великими традициями, как нация, которая консолидирована общими ценностями и общими целями»². Консолидированность общества — основа суверенной российской государственности.

В послании, прозвучавшем в канун столетия Февральской и Октябрьской революции, Президент выразил уверенность в том, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия», с тем, чтобы не допустить перенесения расколов, злобы, обид и ожесточения прошлого в наш сегодняшний день³. Для обеспечения национальной безопасности и технологической независимости предлагалось запустить масштабную программу развития экономики «нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»⁴. Касаясь отношений с зарубежными государствами, глава государства отметил, что Россия готова принять активное участие в решении мировых и региональных проблем, однако не допустит «ущемления своих интересов, пренебрежения ими». Со всей твердостью было заявлено: «Мы хотим и будем самостоятельно распоряжаться своей судьбой, строить настоящее и будущее без чужих подсказок и непрошенных советов»⁵.

В послании 2018 г. констатировалось, что Россия, пройдя через масштабные преобразования, утвердилась как самостоятельное демократическое государство, избравшее самостоятельный путь развития. Осудив выход США в одностороннем порядке из Договора о противоракетной обороне, Президент подробно изложил ответные меры, направленные на нейтрализацию угроз, возникающих в связи с развертыванием системы глобальной ПРО США⁶.

¹ Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015 // Российская газета. 2015. 4 дек.

² Там же.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. 2016. 2–8 дек.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. 2 марта.

Переизбранный на новый срок Президент В. Путин в послании 2019 г. объявил: «Россия была и будет суверенным, независимым государством». По мнению главы государства, «это просто аксиома»¹. Россия либо будет такой, либо ее вообще не будет. Приоритетами внешней политики были названы: «укрепление доверия, борьба с общими для всего мира угрозами, расширение сотрудничества в экономике, торговле, образовании, культуре, науке и технологиях, снятие барьеров для общения между людьми»².

Последовательная реализация государственной политики, направленной на решение масштабных социальных, экономических и технологических задач, позволила Президенту в послании 2020 г. заявить: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство»³. Восстановив единство страны, «Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться»⁴. Главной задачей государства были предложены конституционные поправки, которые, в частности, затронули вопросы укрепления суверенитета, положения России в международной системе, федеративного устройства, территориальной целостности страны, исторической преемственности современной российской государственности, повышения ответственности органов публичной власти. В завершение послания Президент поставил задачу совершенствования организации и функционирования публичной власти путем создания прочной, надежной, неуязвимой и абсолютно стабильной системы, гарантирующей России независимость и суверенитет.

В публичном дискурсе масштаб предлагаемой Президентом конституционной модернизации с точки зрения ее глубины и прогнозируемых последствий оценивался по-разному [Аничкин, 2020; Комарова, 2020; Черепанов, 2020; Эбзеев, 2020; Боброва, 2021].

Несмотря на то, что послание 2021 г. главным образом было посвящено актуальным внутренним проблемам, тем не менее Президент не оставил без внимания вопросы международной безопасности. Отмечалось, что Россия открыта для «широкого межгосударственного сотрудничества», вместе с тем у нее есть свои «национальные цели развития», которые она будет защищать и отстаивать в рамках международного права, а если кто-то отказывается это понимать, то «Россия всегда найдет путь отстоять свою позицию»⁵.

В послании 2023 г. Президент, обосновав вынужденность принятия год назад решения о проведении специальной военной операции для ликвидации угрозы, исходящей от неонацистского режима, сложившегося на Украине, возложил ответственность за разжигание украинского конфликта на киевский режим и западные элиты. «Россия, — отметил В. Путин, — открытая и самобытная цивилизация, которую нам

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. 2019. 21 февр.

² Там же.

³ Послание Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. 2020. 16 янв.

⁴ Там же.

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета. 2021. 22 апр.

передали предки, а мы должны сохранить ее для наших потомков»¹. Главой государства были представлены необходимые меры, реализация которых должна способствовать поступательному, суверенному и независимому развитию России вопреки внешнему давлению и угрозам.

В недавнем послании 2024 г. Президент В. Путин представил обществу план действий в горизонте ближайших шести лет². Одной из стратегических задач в нем была определена защита суверенитета и безопасности граждан. Отмечалось, что решающая роль в ее достижении принадлежит сплоченности общества, гражданской пассионарности, устремленности идти вперед, в будущее. Было заявлено, что Россия никому не позволит вмешиваться в свои внутренние дела. Работая над формированием нового контура равной и неделимой безопасности в Европе, Россия стремится к объединению усилий мирового сообщества.

Анализ президентских посланий 2012–2024 гг. позволяет утверждать, что усилия главы государства были направлены на защиту национальных интересов Российского государства; снижение риска негативного влияния внешних сил на внутривнутриполитическую ситуацию в обществе, в том числе через коммерческие и некоммерческие организации, получающие финансирование из-за границы, закрепление антикоррупционных запретов и ограничений в отношении лиц, замещающих должности, «критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны»³. Прослеживается тенденция переосмысления ряда мифологем западной либеральной правовой идеологии и установка на приоритет взвешенных консервативных ценностей. После украинского кризиса 2014 г. расхождение с коллективным Западом приобрело «сущностный, ценностный характер». Приоритетами внешней политики остаются интеграция со странами СНГ, дистанцирование от США и Евросоюза, геополитическая «перебалансировка» сил в пользу ведущих стран Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Латинской Америки.

Доктринальный тезис, высказанный Президентом В. Путиным об особом типе российской государственности — «государстве-цивилизации»⁴ получил нормативное закрепление в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023⁵. Признание России «государством-цивилизацией» воспринято отдельными представителями научного сообщества как объявление курса на строительство Империи [Грачев, 2023, с. 52] и постановку вопроса о разработке и принятии новой Конституции России [Авакьян, 2024; Грачев, 2023; Клеандров, 2022]. На наш взгляд, позиция Президента В. Путина

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета. 2023. 22 февр.

² Послание Президента Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. 1 марта.

³ Послание... 2020.

⁴ Послание... 2012.

⁵ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

о том, что «потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан»¹ и сегодня сохраняет свою актуальность.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее:

1. На протяжении трех десятилетий в президентских посланиях речь шла преимущественно о России как государстве «сильном», «уверенном в себе», «едином» и «независимым». Эта идея отчетливо ассоциируется с обеспечением внутренней стабильности, укреплением суверенитета страны на международной арене, со способностью противостоять вызовам глобальной безопасности, попыткам сохранения однополярной модели мироустройства.
2. Построение «неразрушимой» России неразрывно связано с идейной консолидацией общества вокруг устойчивого набора традиционных ценностей и нравственных ориентиров, выработанных государствообразующим народом в процессе своего исторического развития.
3. Ключевыми положениями многоаспектного концепта суверенной российской государственности являются:
 - а. в части, касающийся внутреннего выражения, — упрочение российского государства посредством права; становление подлинного федерализма; монополия государственной власти на правовое принуждение; создание национально ориентированной элиты; политическая ответственность власти; национальное единство; «сбережение и приумножение народа»; эффективная современная и конкурентоспособная экономика; независимое и справедливое правосудие;
 - б. в части, касающейся внешнего измерения, — укрепление международного влияния страны; пропаганда своих политических и правовых идеалов во вне; отказ от заключения невыгодных международных договоров или право выхода из них; обеспечение военной безопасности, способность противостоять агрессивному давлению извне; формирование новой геополитической реальности (общности) на востоке Европы; защита соотечественников за рубежом.
4. Основным политико-правовым институтом, обеспечивающим фактическое воплощение принципа государственного суверенитета в политико-правую реальность России и в отношении ее с внешним миром, является институт президентства, поскольку глава государства персонифицирует верховную власть в России.
5. Намечилась тенденция переосмысления ряда мифологем либеральной демократии (разделения властей, свободной рыночной экономики, свободы, как отсутствия ограничений) и конструирование новой парадигмы российской

¹ Послание... 2020.

модели конституционного строя, синтезирующей элементы различных государственно-правовых режимов (либерально-демократического, социалистического, монархического), означающих поворот к национально-консервативному подходу, близкому к теории «государства-цивилизации».

Представляется, что будущее России зависит от того, насколько быстро она сможет вернуть себе статус сверхдержавы, т. е. государства, обладающего абсолютным внутренним и внешним суверенитетом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Авакьян С. А. 2005. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. № 8. С. 2–6.
- Авакьян С. А. 2024. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. № 1. С. 2–12.
- Аничкин Е. С. 2020. Конституционная модернизация России 2020 года: точечные поправки или ревизия Основного Закона? // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. № 2. С. 23–27.
- Батурин Ю. М., Ильин А. Л., Кадацкий В. Ф. и др. 2001. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М.: ВАГРИУС. 815 с.
- Безруков А. В. 2006. Государственные реформы в системе механизмов формирования и прекращения полномочий органов власти субъектов РФ // Формула права. № 1. С. 46–49.
- Боброва Н. А. 2021. Конституционная реформа — 2020 как решение проблемы «транзита власти» — 2024 // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 3–9.
- Грачев Н. И. 2023. Эволюция российской Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма нового Основного Закона России // LegalConcept = Правовая парадигма. Том 22. № 4. С. 51–64.
- Грудцына Л. Ю. 2004. К вопросу об отмене всенародных выборов губернаторов // Законодательство и экономика. № 11. С. 24–28.
- Золотухина Т. А. 2005. Роль федерального Центра России в изменении правового статуса регионального нормотворчества // Право и политика. № 3. С. 43–47.
- Ишеков К. 2009. О конституционно-правовой и политической ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Власть. № 12. С. 85–88.
- Керимов А. Д., Куксин И. Н. 2017. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: Инфра-М. 96 с.
- Клеандров М. И. 2022. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. № 1. С. 7–18 (начало); № 3. С. 7–18 (окончание).
- Кокошин А. А., Барсенков А. С., Нарышкина О. М., Саворская Е. В. 2019. Реальный суверенитет в современной системе мировой политики: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ. 88 с.
- Комарова В. В. 2020. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. Том 15. № 8. С. 22–31.

- Кондрашев А. 2010. Эволюция российского федерализма в ходе законодательных новаций 2000–2008 годов: доктринальный анализ и перспективы развития // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 4. С. 16–35.
- Оппенгейм Л. 1948. Международное право / пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. М.: Юридическая литература. Том 1. Мир. Полутом 1. 407 с.
- Пабст А. 2010. «Третий путь» Дмитрия Медведева. Модернизация России и реформа мирового управления // Россия в глобальной политике. Том 8. № 5. С. 23–34.
- Пастухова Н. Б. 2010. Суверенитет и федеративная организация российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М. 45 с.
- Попова О. В. 2009. Особенности послания Президента Федеральному Собранию — 2008 // Политэкс. Том 5. № 3. С. 221–229.
- Рожднева С. С. 2019. Образ России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (1994–2019 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. № 12. С. 22–26.
- Сальников В. П., Прокофьев К. Г., Чайка В. Н. 2024. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // Теория государства и права. № 2-1. С. 205–218.
- Тренин Д. 2013. Четвертый вектор Владимира Путина. Внешняя политика России — что изменилось? // Россия в глобальной политике. Том 11. Специальный выпуск. С. 71–82.
- Умнова И. А. 2012. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 2. С. 48–54.
- Черепанов В. А. 2020. О необходимости и целесообразности конституционных изменений // Российская юстиция. № 8. С. 35–38.
- Эбзеев Б. С. 2020. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. № 4. С. 7–24.

References

- Avakian, S. A. (2005). Constitutional and legal problems of centralism, democracy and decentralization in the modern state. *Constitutional and Municipal Law*, (8), 2–6. [In Russian]
- Avakian, S. A. (2024). Russian constitutionalism: reflections on the anniversary results and prospects. *Constitutional and Municipal Law*, (1), 2–12. [In Russian]
- Anichkin, E. S. (2020). Russia's Constitutional Modernization in 2020: spot amendments or revision of the basic law? *Bulletin of the Kazakh Humanitarian and Legal Innovation University*, (2), 23–27. [In Russian]
- Baturin, Y. M., Ilyin, A. L., Kadatsky, V. F., et al. (2001). *The Yeltsin Era: Essays on Political History*. VAGRIUS. [In Russian]
- Bezrukov, A. V. (2006). State reforms in the system of mechanisms for the formation and termination of powers of the authorities of the subjects of the Russian Federation. *Formula of Law*, (1), 46–49. [In Russian]
- Bobrova, N. A. (2021). Constitutional reform – 2020 as a solution to the problem of “transit of power” – 2024. *Constitutional and Municipal Law*, (2), 3–9. [In Russian]

- Grachev, N. I. (2023). The evolution of the Russian Constitution and the State-civilization as a conceptual paradigm of the new Basic Law of Russia. *Legal Concept = The Legal Paradigm*, 22(4), 51–64. [In Russian]
- Grudtsyna, L. Y. (2004). On the issue of the abolition of national elections of governors. *Legislation and Economics*, (11), 24–28. [In Russian]
- Zolotukhina, T. A. (2005). The role of the Federal Center of Russia in changing the legal status of regional rulemaking. *Law and Politics*, (3), 43–47. [In Russian]
- Ishekov, K. (2009). On the constitutional, legal and political responsibility of state authorities of the subjects of the Russian Federation. *Power*, (12), 85–88. [In Russian]
- Kerimov, A. D., & Kuksin, I. N. (2017). *A Strong State as a Determining Factor of Social Progress*. Norm, Infra-M. [In Russian]
- Kleandrov, M. I. (2022). On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what it should contain. *State and Law*, (1), 7–18; (3), 7–18. [In Russian]
- Kokoshin, A. A., Barsenkov, A. S., Naryshkina, O. M., & Savorskaya, E. V. (2019). *Textbook on Real Sovereignty in the Modern System of World Politics*. University Press. [In Russian]
- Komarova, V. V. (2020). Constitutional reform 2020 in Russia (some aspects). *Actual Problems of Russian Law*, 15(8), 22–31. [In Russian]
- Kondrashev, A. (2010). The Evolution of Russian Federalism in the course of legislative innovations in 2000-2008: doctrinal analysis and development prospects. *Comparative Constitutional Review*, (4), 16–35. [In Russian]
- Oppenheim, L. (1948). *International Law. Vol. 1: The World. Part 1*. (G. Lauterpacht, Trans.; S. B. Krylov, Ed., Preface). Legal literature. [In Russian]
- Pabst, A. (2010). The “Third Way” by Dmitry Medvedev. Modernization of Russia and reform of global governance. *Russia in Global Politics*, 8(5), 23–34. [In Russian]
- Pastukhova, N. B. (2010). *Sovereignty and the Federal Organization of the Russian State in the Context of Globalization: Constitutional and Legal Aspects* [Dr. Sci. (Jur.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Popova, O. V. (2009). Features of the President’s address to the Federal Assembly — 2008. *Politex*, 5(3), 221–229. [In Russian]
- Rozhneva, S. S. 2019. The image of Russia in the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly (1994–2019). *State Power and Local Self-Government*, (12), 22–26. [In Russian]
- Salnikov, V. P., Prokofiev, K. G., & Chaika, V. N. (2024). Morality and State sovereignty: value and social aspects. *Theory of State and Law*, (2-1), 205–218. [In Russian]
- Trenin, D. 2013. The fourth vector of Vladimir Putin. Russia’s foreign policy — what has changed? *Russia in Global Politics*, (11. Special issue), 71–82. [In Russian]
- Umnova, I. A. (2012). Problems of defederalization and prospects for optimization of the modern Russian model of differentiation of subjects of competence and powers in the context of the doctrine of subsidiarity. *Comparative Constitutional Review*, (2), 48–54. [In Russian]
- Cherepanov, V. A. (2020). On the necessity and expediency of constitutional changes. *Russian Justice*, (8), 35–38. [In Russian]

Ebzeev, B. S. (2020). Updating the Constitution of Russia: the collective image of the amendments of President V. V. Putin and the new meanings of the Basic Law. *State and Law*, (4), 7–24. [In Russian]

Информация об авторе

Наталья Терентьевна Леоненко, кандидат юридических наук, доцент кафедры Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия
lnnk@yandex.ru

Information about the author

Nataliya T. Leonenko, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Department of the Siberian Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Novosibirsk, Russia
lnnk@yandex.ru

Прямые иностранные инвестиции РФ и стран СНГ: оценка характера взаимодействия в условиях неопределенности

Юлия Александровна Юхтанова[✉], Софья Евгеньевна Беляева,
Анна Андреевна Богданенко

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: y.a.yukhtanova@utmn.ru[✉]

Аннотация. Иностранные инвестиции выступают эффективным инструментом взаимодействия между странами, поскольку содействуют развитию внешнеэкономических связей и укреплению взаимного доверия. В условиях нестабильности, глобальных и локальных кризисов укрепляются или ослабевают связи между разными странами, меняются направления притока и оттока иностранного капитала. Предполагается, что частичная переориентация российских капиталов с запада на юго-восток открывает новые возможности для усиления интеграционного взаимодействия в рамках СНГ, в том числе в форме взаимных прямых иностранных инвестиций. Основной целью явился анализ характера взаимодействия РФ со странами СНГ в форме взаимных прямых иностранных инвестиций за 2012–2022 гг., в т. ч. в периоды неопределенности: локального кризиса 2014 г. (санкции в отношении РФ), мирового кризиса 2020–2021 гг. (COVID-19) в контексте возможностей интеграции. В работе анализируются статистические данные Всемирного банка, статистика внешнего сектора Банка России по взаимным прямым иностранным инвестициям РФ. В исследовании использован структурно-динамический статистический анализ, метод картографии. РФ с отдельными странами СНГ демонстрирует различный характер инвестиционного взаимодействия и интеграции. Локальный кризис РФ 2014 г. стал переломным моментом в положительном изменении объема прямых иностранных инвестиций со стороны стран СНГ в экономику РФ, однако далее на протяжении последующих лет взаимного согласованного расширения масштабов сотрудничества не наблюдается, за исключением пары Россия — Казахстан. Предположение о влиянии глобального мирового кризиса на взаимные притоки и оттоки капитала РФ и стран СНГ в форме взаимных прямых инвестиций

не подтвердилось. Результаты исследования позволяют на перспективу определить возможности для интеграции РФ со странами СНГ и устранить барьеры и ограничения для укрепления и развития инвестиционного сотрудничества.

Ключевые слова: взаимные прямые инвестиции, СНГ, взаимодействие, интеграция, неопределенность, кризис

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01321).

Цитирование: Юхтанова Ю. А., Беляева С. Е., Богданенко А. А. 2024. Прямые иностранные инвестиции РФ и стран СНГ: оценка характера взаимодействия в условиях неопределенности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 165–188. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-165-188>

Поступила 18.06.2024; одобрена 02.07.2024; принята 17.09.2024

Foreign direct investment between Russia and CIS countries amidst uncertainty

Yuliya A. Yukhtanova , Sofya E. Belyaeva, Anna A. Bogdanenko

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: y.a.yukhtanova@utmn.ru

Abstract. Foreign investment is an effective instrument of interaction between countries, as it promotes the development of foreign economic relations between them and the strengthening of mutual trust. Amidst instability, global and local crises, the ties between different countries strengthen or weaken, the directions of inflow and outflow of foreign capital change. It is assumed that the partial reorientation of Russian capital from the West to the South-East opens up new opportunities for strengthening integration cooperation within the CIS, including in the form of mutual foreign direct investment (FDI). The main objective of the study is to analyze the nature of interaction between the Russian Federation and the CIS countries in the form of mutual FDI in 2012–2022, including the times of uncertainty: the local crisis of 2014 (sanctions against the Russian Federation), the global crisis of 2020–2021 (COVID 2019) in the context of integration opportunities. The authors analyze statistical data of the World Bank, statistics of the external sector of the Bank of Russia on mutual FDI of the Russian Federation, using structural-dynamic statistical analysis, the method of cartography. Russia demonstrates different nature

of investment interaction and integration with individual CIS countries. The local crisis of 2014 was a turning point in the positive change in the volume of FDI from the CIS countries into the Russian economy, yet during the following years there is no mutually agreed expansion of the scale of cooperation, except for Russia–Kazakhstan. The authors' assumption of the global world crisis impact on mutual inflows and outflows of capital between Russia and CIS countries as mutual direct investment was not confirmed. The results help in identifying opportunities for further integration of Russia with the CIS countries and elimination of barriers and restrictions to strengthen and develop investment cooperation in the future.

Keywords: mutual direct investment, CIS, interaction, integration, uncertainty, crisis

Acknowledgements: the research was supported by the Russian Science Foundation (grant No 23-28-01321).

Citation: Yukhtanova, Yu. A., Belyaeva, S. E., & Bogdanenko, A. A. (2024). Foreign direct investment between Russia and CIS countries amidst uncertainty. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 165–188. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-165-188>

Received Jun. 18, 2024; Reviewed Jul. 2, 2024; Accepted Sep. 17, 2024

Введение

Глобальные изменения в мире способствуют интеграции стран как в политическом, так и экономическом аспектах. В этих условиях иностранные инвестиции могут быть эффективным инструментом взаимодействия между странами, поскольку содействуют развитию внешнеэкономических связей между ними и укреплению взаимного доверия. Когда компании из разных стран инвестируют друг в друга, это способствует обмену технологиями и знаниями, повышению производительности и конкурентоспособности отраслей экономики, созданию новых рабочих мест и росту экономического благосостояния.

Инвестиции в развитие экономики страны способствуют интеграции мировых хозяйственных связей, росту национальной экономики, диверсификации капиталовложений в новые сферы экономики, бизнес-среду, цифровые технологии [Черниченко, 2022].

Однако оценка эффективности таких инвестиций должна включать в себя такие факторы, как степень их взаимности и симметричности. Симметричное вложение средств между странами создает взаимную зависимость и равноценный интерес к развитию друг друга. В результате интеграции через прямые взаимные инвестиции страны становятся более зависимыми друг от друга и нацелены на сотрудничество, а не на конкуренцию. Это приводит к сближению экономических и политических интересов стран, укреплению международной безопасности и уменьшению риска конфликтов. Таким образом, прямые взаимные инвестиции могут способствовать интеграции различных стран в глобальную экономику и повышению уровня их развития.

Согласно данным Всемирного банка, в мире наблюдается общий рост объема взаимных прямых инвестиций, однако в последние годы отмечается замедление темпов роста. На это повлияли такие факторы, как геополитическая напряженность и пандемия COVID-19. При этом отмечается проблема неравномерности распределения этих инвестиций, а также их недостаточная взаимность.

СНГ является региональным объединением для стран постсоветского пространства и площадкой для развития взаимовыгодного сотрудничества, в котором существенную роль играют прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Привлечение иностранных капиталовложений дает новые возможности для усиления интеграционного взаимодействия в рамках СНГ.

На интенсивность инвестиционного взаимодействия влияет множество факторов, связанных с политическими интересами, экономической выгодой, географическим положением, культурными традициями, историческим прошлым и длительными кооперационными связями. В условиях внешней нестабильности, глобальных (мировых) и локальных (отдельной страны или группы стран) кризисов укрепляются или ослабевают связи между разными странами, меняются направления притока и оттока иностранного капитала.

Предполагается, что частичная переориентация российских капиталов с запада на юго-восток должна привести к расширению инвестиционного взаимодействия между странами СНГ.

Целью данной статьи является анализ характера взаимодействия РФ со странами СНГ в форме взаимных прямых иностранных инвестиций за 2012–2022 гг., в том числе в периоды неопределенности: локального кризиса 2014 г. (санкции в отношении РФ), мирового кризиса 2020–2021 гг. (COVID-19) в контексте возможностей интеграции.

Методы

Анализ проводится на основе статистических данных Всемирного банка по индикаторам прямых иностранных инвестиций — чистому притоку (оттоку) в % от ВВП за 2012 и 2022 гг. в сравнении, статистики внешнего сектора Банка России по показателям чистой инвестиционной позиции РФ и общим прямым иностранным инвестициям, в т. ч. взаимным прямым инвестициям России в разрезе стран СНГ за 2012–2022 гг., а также по прямым иностранным инвестициям в РФ в разрезе секторов экономики за 2016–2022 гг.

В выборку стран для целей исследования входят девять государств, которые на сегодняшний день являются участниками СНГ: Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан.

Исследование построено на использовании структурно-динамического статистического анализа, методов картографии, дескриптивной оценки прямых иностранных инвестиций РФ со странами СНГ.

Обзор литературы

Проблематика изучения влияния ПИИ на экономическое развитие традиционно находится в фокусе внимания исследователей из разных стран. Можно выделить два принципиально различных подхода к изучению ПИИ: структурно-институциональный и эконометрический.

Придерживаясь эконометрического подхода, Дж. П. Саху рассматривает влияние притока ПИИ на экономический рост принимающей страны для группы из 45 развивающихся стран за период 1990–2014 гг. методом регрессии объединенной средней группы (pooled mean group — PMG). Так, эконометрическими методами было доказано существенное положительное влияние на темпы роста ВВП на душу населения стран-реципиентов как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе [Sahu, 2020]. Исследование автора С. Кадли направлено на изучение влияния ПИИ на экономику Индии после двух десятилетий экономических реформ, в связи с чем было установлено, что ПИИ укрепляют внутренний капитал, занятость, производительность, а также обеспечивают финансовую стабильность и развитие Индии [Kadli, 2023].

Например, М. Н. Таг и С. Дегирмен установили, что ожидаемая доходность ПИИ выше в странах с таким институциональным режимом, который устанавливает и поддерживает экономические свободы. Используя подход к оценке системы GMM и большую выборку панельных данных, охватывающую 19 лет наблюдений в 127 странах, авторы приходят к выводу, что транснациональные компании предпочитают инвестировать в страны, где институты экономических свобод эффективны [Tag, Degirmen, 2022].

Согласно изученным работам, использование изменения накопленных прямых иностранных инвестиций вместо потоков ПИИ в регрессиях больше соответствует традиционной производственной функции. Данного подхода придерживаются авторы Ванг Йи-Чиа и Чен Менг-Вей, учитывая в эконометрических моделях также побочные эффекты прямых иностранных инвестиций как косвенных последствий, оказывающих влияние на экономику принимающих инвестиции стран. Их исследование показало, что после 2009 г. ПИИ стали доминирующим фактором повышения производительности труда в экономиках Восточной и Юго-Восточной Азии [Wang, Chen, 2024].

Страны, которые могут создать благоприятную среду для привлечения ПИИ, с большей вероятностью получают выгоды от этих инвестиций, поэтому их привлечение может быть полезно не только развитым, но и развивающимся странам. Ю. Ван и П. Чой анализируют тенденции и особенности взаимных прямых инвестиций корейских и китайских компаний, которые являются сутью и движущей силой экономического сотрудничества. Чтобы оценить влияние массовых инвестиций Кореи на корейскую экономику, авторами были рассмотрены тенденции в торговом балансе и доходы от зарубежных факторов производства. В заключение был предложен принцип разделения политики и бизнеса для сотрудничества между компаниями, институционализация мер защиты слияний и поглощений для корейских компаний, а также углубление механизмов экономического сотрудничества между правительствами, что приведет к увеличению взаимных выгод и устойчивому росту двусторонних экономических отношений [Wang, Choi, 2022].

Китай является инициатором масштабной инициативы «Один пояс, один путь», направленной на развитие торговых и инвестиционных связей между Китаем и другими странами. Китай является одной из наиболее глобализованных стран мира, поэтому изучению роли ПИИ для экономики данного государства посвящено много научных исследований. Например, Чен И. и Сунь С. изучают методы улучшения поглощающей способности ПИИ и отмечают, что государство должно создавать благоприятную среду для иностранных инвестиций с точки зрения культуры, инфраструктуры, правил экономики и состояния человеческого капитала в стране [Chen, Sun, 2020].

В условиях изменчивой глобальной экономической конъюнктуры наблюдается частичная переориентация капитала с запада на восток, что позволяет диверсифицировать источники прямых иностранных инвестиций, снизить зависимость от финансовых ресурсов из западных стран и обеспечить стабильность финансирования экономики. Кроме того, взаимодействие в рамках СНГ по прямым инвестициям является важным элементом экономического сотрудничества в регионе, поскольку СНГ объединяет страны со схожей экономической структурой, культурой и историей, что способствует укреплению сотрудничества в этой сфере.

Инвестиционное взаимодействие между странами СНГ сталкивается с рядом проблем, изучению которых посвящены научные работы зарубежных авторов в целях поиска путей их решения и формирования перспективных направлений развития инвестиционного взаимодействия. Экономики Центральной Азии, по сравнению с другими азиатскими регионами, демонстрируют более медленное развитие из-за таких факторов [Nurasheva, Shalabayev, 2024], как слабо развитые общественные и экономические институты, непрозрачность регулирования, преобладание государственного сектора. Тем не менее Казахстан выделяется значительно лучшими показателями среди стран данного региона. Основными инвесторами в Казахстане являются Нидерланды, Швейцария, США, Россия и Китай, что стало итогом реализации многопланового векторного подхода и поиском баланса в отношениях с крупнейшими инвестиционными партнерами. Также в исследованиях отмечается, что экономические циклы Казахстана и России особенно сильно коррелируют, вероятно, из-за их общей подверженности колебаниям цен на нефть.

Согласно одному из рабочих документов Международного валютного фонда под редакцией Ш. Арзуманяна, бывшие республики СССР, которые исторически были тесно связаны сотрудничеством с Россией, не испытали серьезного экономического спада после введения санкций против нее в 2022 г. Напротив, некоторые из них даже выиграли от сложившейся ситуации, увеличив объемы торговли и инвестиций с Россией. Также одним из примеров тесной связи является взаимосвязь спредов по суверенным облигациям. Этот показатель тесно коррелирует между Россией и регионом, что свидетельствует о важности общих рисков между Россией и странами СНГ (геополитические события, колебания цен на сырье, общая неопределенность). Сильная конвергенция премий за суверенный риск может также отражать ожидания инвесторов относительно побочных эффектов в регионе от неблагоприятных событий, затрагивающих Россию. Например, во время обвала цен на нефть в 2015 г. валюты стран СНГ обесценились

по отношению к доллару после падения курса рубля, что отражало ожидание инвесторов относительно возможных побочных эффектов со стороны России [Arzoumanian, 2023].

Для стран СНГ взаимные прямые инвестиции играют особую роль, снижая экономические и социальные издержки переходных периодов. Как отмечает автор С. Баславяк, тенденции притока ПИИ в страны СНГ соответствуют общим мировым тенденциям. В своей работе, применяя методы корреляционного и регрессионного анализа, он приходит к выводу, что правительствам стран СНГ следует обратить внимание на показатели «Разрешение неплатежеспособности» и «Защита миноритарных инвесторов» индекса Doing Business Всемирного банка, чтобы улучшить инвестиционный и деловой климат. Однако для существенного улучшения этих показателей необходимы глубокие структурные реформы, что осложняет данный процесс [Baslaviak, 2020].

Многие авторы в своих исследованиях поднимают вопрос о недостаточности данных, их неактуальности, разности в методиках расчета и учета инвестиций для оценки инвестиционного взаимодействия. Для решения этих проблем предлагается совершенствование системы сбора и обработки статистических данных, гармонизация методик расчета и учета инвестиций, а также развитие методологии оценки инвестиционного взаимодействия [Черненко, 2022]. Ф. Бронер, Т. Дидье и др. самостоятельно собирают для анализа комплексные двусторонние данные о трансграничных банковских кредитах и депозитах, портфельных инвестициях, прямых иностранных инвестициях и международных резервах. Указанные авторы создали глобальную базу, охватывающую большинство стран с 2001 по 2018 г. Источниками данных являются Банк международных расчетов (БМР) по банковским кредитам и депозитам, Международный валютный фонд (МВФ) по портфельным инвестициям, Организация Объединенных Наций и МВФ по ПИИ и МВФ по международным резервам [Broner и др., 2023].

Е. А. Монастырный и В. М. Саклаков представили классификацию инвестиционных моделей развития, сложившихся в различных странах мира на основе показателей притока и оттока прямых иностранных инвестиций (% к ВВП), выделив модель экономической экспансии, модель догоняющего развития, российскую модель, оффшорную и смешанную модели. Авторы считают, что это в свою очередь позволяет скорректировать инвестиционную политику, и предлагают принципы формирования нормативной модели, дающей возможность перейти на траекторию устойчивого развития экономики [Монастырный, Саклаков, 2015].

Интересные выводы делают Е. Н. Смирнов и С. А. Лукьянов, оценивая структурные и динамические изменения ПИИ, а также воздействие негативных последствий на глобальные потоки прямых иностранных инвестиций в условиях коронакризиса 2020–2021 гг. Констатируя замедление прямых иностранных инвестиций в мировом масштабе, авторы отмечают снижение реинвестированных доходов во многих отраслях. Восстановление мировой экономики, по их мнению, во многом определено динамикой прямых иностранных инвестиций, и транснациональные компании, учитывая риски локальных кризисов, будут стремиться к географическому рассеиванию капиталовложений [Смирнов, Лукьянов, 2021].

О. В. Прохорова, исследуя роль прямых инвестиций в экономическом развитии стран СНГ, отмечает, что РФ является основным трансграничным инвестором для постсоветских государств в 2017–2021 гг. Оценивая в целом поступления иностранных инвестиций в РФ, факторы отрицательной динамики связывает с пандемией и санкционной политикой Запада в отношении России. Внутри СНГ основными экспортёрами ПИИ в страны постсоветского пространства на фоне ослабления экономической активности в мире и политической нестабильности автор выделяет Россию, Казахстан и Азербайджан [Прохорова, 2023].

Г. Ф. Ромашкина с соавторами выявили, что степень инвестиционного взаимодействия РФ с Казахстаном, Узбекистаном и Азербайджаном в период 2019–2022 гг. отличается разнонаправленной динамикой. В отношении с Узбекистаном и Азербайджаном Россия выступает в позиции нетто-заемщика, а с Казахстаном — нетто-инвестора. При этом авторы констатируют, что размеры инвестиционного сотрудничества невелики и наличие интеграции выявлено только в паре Россия — Казахстан [Romashkina и др., 2024].

А. А. Мигранян проводит постранный анализ торгово-экономического сотрудничества России со странами СНГ, считая его ведущим элементом экономического партнерства и продвижения российских интересов в СНГ. Она отмечает, что именно различия в масштабах и степени развития экономик создают противоречия в целях и стратегиях развития интеграционных процессов и обуславливают иждивенческий характер ожиданий исследуемой группы стран по отношению к России [Мигранян, 2021].

Оценивая взаимоотношения России с республикой Беларусь, Арменией и Казахстаном, Т. Ю. Сидорова с соавторами делают вывод, что двусторонние экономические связи рассматриваемых стран устойчиво развиваются (в частности, растет товарооборот и количество инвестиционных проектов), что связано с переориентацией внешней политики РФ в сторону акцентированного внимания на странах СНГ [Сидорова и др., 2023].

А. Б. Гусев и А. А. Ширяев, рассматривая ПИИ РФ в странах дальнего зарубежья как слабое место нашего государства, считают, что наличие таких инвестиций со странами СНГ позиционируется как сильная сторона с точки зрения экономической интеграции [Гусев, Ширяев, 2021].

Оценивая эффекты санкционной блокады России весной 2022 г. на примере стран СНГ, А. А. Мигранян констатирует, что, несмотря на негативные прогнозы, «заражения» локальным кризисом российской экономики с учетом степени интегрированности в группе стран СНГ, не произошло. Странам региона не только удалось сохранить темпы экономического роста, но и создать условия взаимодействия с учетом санкционных ограничений и интегрироваться в новые форматы сотрудничества [Мигранян, 2023].

Значимость ПИИ как способа повышения темпов экономического роста в странах СНГ в 1993–2019 гг. исследовали В. Ольховик с соавторами и пришли к выводу, что ПИИ в страны СНГ зависят от размера и потенциала рынка каждой страны, приток ПИИ, а также запасы ПИИ благоприятно влияют на экономический рост. Пандемия коронавируса способствовала сокращению как объемов ПИИ в страны СНГ, так и инвестиционной привлекательности стран содружества [Olkhovik и др., 2022].

Таким образом, многочисленные научные труды, посвященные инвестициям, в т. ч. стран СНГ, свидетельствуют о растущем интересе ученых к исследуемой тематике,

особенно в условиях неопределенности, возникновения глобальных и локальных кризисных явлений. На основе анализа теоретических и эмпирических работ мы сформулировали предположение, что в условиях глобальной нестабильности и санкционных ограничений потоки капитала в форме ПИИ будут переориентированы на группу стран, входящих в СНГ, что, в свою очередь, будет способствовать взаимному развитию, создавать возможности для расширения сотрудничества и повышения безопасности в этом макрорегионе.

Результаты и обсуждение

Исследование международной инвестиционной позиции РФ за 2012–2024 гг. (рис. 1) позволяет констатировать, что она существенно менялась, при этом РФ для всего мира в целом остается нетто-кредитором.

Однако в форме прямых иностранных инвестиций, которые составили около 30% активов РФ в 2012 г. и 20% в 2024 г., Россия за весь исследуемый период проявляла себя как нетто-импортер капитала: прямые инвестиции из РФ ниже объемов инвестиций в экономику РФ других стран мира. Данные за 2015–2016 и 2023–2024 гг. также отражают снижение интенсивности инвестиционного взаимодействия, что может быть отражением введения санкций и усиления санкционного давления на РФ со стороны западных стран.

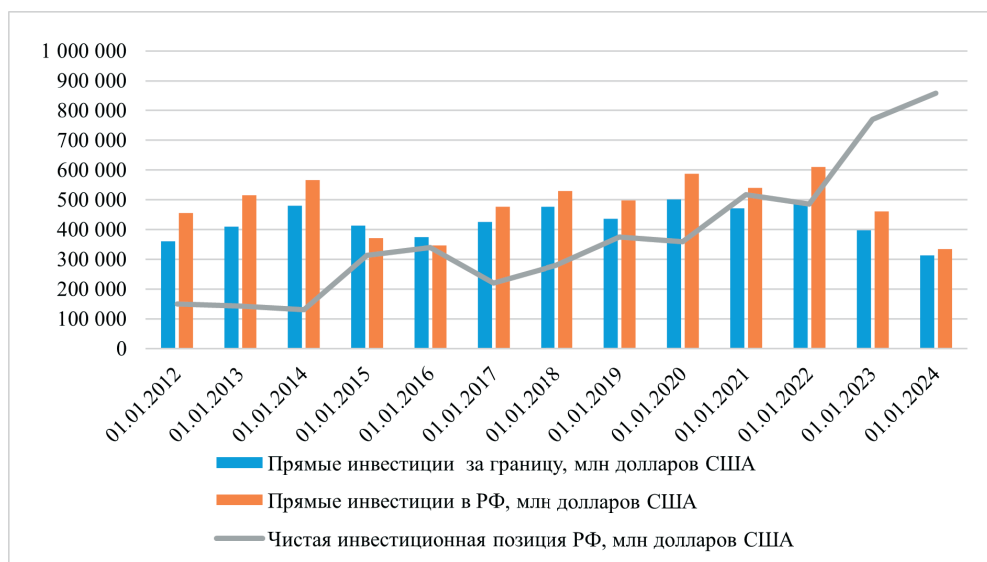

Рис. 1. Чистая инвестиционная позиция РФ и ПИИ

Источник: данные Банка России¹.

Fig. 1. Net investment position of Russia and FDI

Source: Bank of Russia External Sector Statistics¹.

¹ Статистика внешнего сектора // Банк России: оф. сайт. https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/iip/ (дата обращения: 01.12.2024).

В качестве параметров качественного развития экономики выступают показатели притока и оттока прямых иностранных инвестиций (% к ВВП). Анализ данных индикаторов позволяет определить изменение интенсивности взаимодействия и моделей инвестиционного развития отдельных стран.

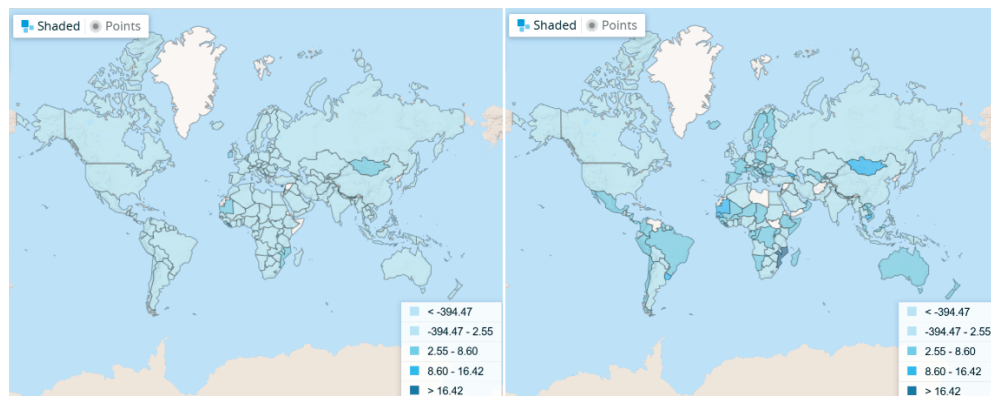

Рис. 2. ПИИ, чистый приток (% от ВВП) 2012 и 2022 гг.

Источник: данные Международного валютного фонда¹.

Fig. 2. FDI, net inflow (% of GDP) 2012 and 2022

Source: International Monetary Fund data¹.

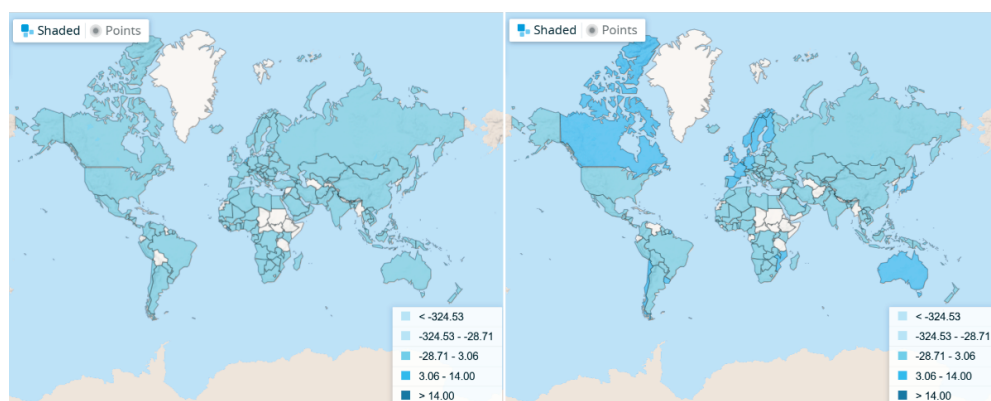

Рис. 3. ПИИ, чистый отток (% от ВВП) 2012 и 2022 гг.

Источник: данные Международного валютного фонда².

Fig. 3. FDI, net outflow (% of GDP) 2012 and 2022

Source: International Monetary Fund data².

¹ Balance of Payments database, supplemented by data from the United Nations Conference on Trade and Development and official national sources // International Monetary Fund. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?view=map> (дата обращения: 01.12.2024).

² Там же.

На потоки прямых иностранных инвестиций могут оказывать влияние как глобальные события, такие как геополитическая напряженность или изменения в мировой экономической конъюнктуре, так и внутривнутристрановые факторы: бизнес-климат, регуляторная среда и инфраструктура. Стабильность рассмотренных показателей в совокупности может указывать на устойчивое взаимодействие с мировой экономикой и сформировавшиеся модели инвестиционного развития. Исходя из рис. 2 и 3, можно судить о развитии инвестиционного взаимодействия между странами, т. к. в некоторых странах увеличился процент инвестиционных потоков в сравнении с ВВП этих стран. Развитые страны больше всего пострадали от сокращения прямых иностранных инвестиций, в то время как в некоторых развивающихся странах и странах с переходной экономикой наблюдается заметный рост.

Санкционное давление на РФ, начавшееся в 2014 г. и усилившиеся в 2022 г., по нашему мнению и предположениям других исследователей, должно спровоцировать переток отечественных капиталов с запада на юго-восток и привести к расширению инвестиционного взаимодействия РФ со странами СНГ, которые связаны между собой исторически, политически и экономически.

Учитывая размеры экономик рассматриваемых стран СНГ, масштабы рынка вложений капитала РФ в форме прямых инвестиций, стоит выделить несколько ключевых факторов, влияющих на интенсивность данного взаимодействия. В первую очередь, это глобальные кризисы, охватывающие все страны мира, и, во вторую очередь, локальные кризисы, в том числе вызванные санкционным давлением на Россию. Поскольку экономика РФ значительно превышает по масштабу экономики других стран, входящих в Содружество независимых государств, то можно предположить, что локальные кризисные явления, происходящие в РФ, будут оказывать влияние и на объемы инвестиционного сотрудничества с этими государствами.

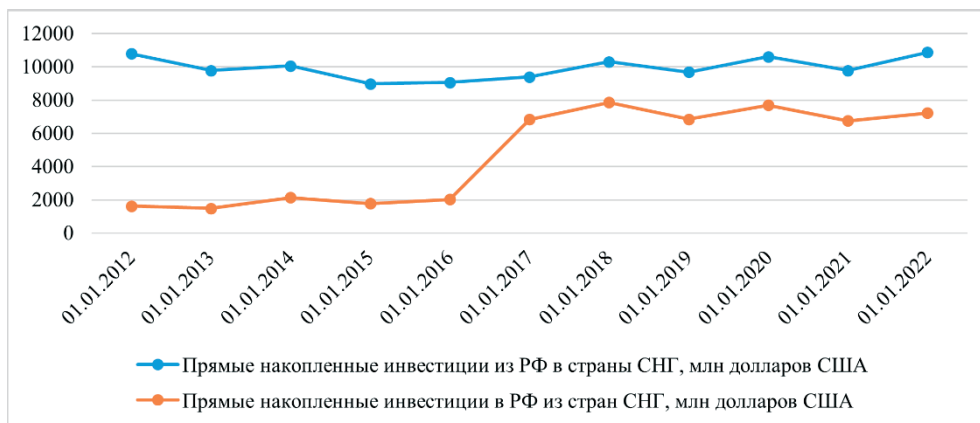

Рис. 4. Прямые накопленные инвестиции РФ и стран СНГ

Источник: составлено авторами на основе статистики Банка России¹.

Fig. 4. Direct accumulated investments of Russia and CIS countries

Source: compiled by the authors based on the statistics of the Bank of Russia¹.

¹ Статистика внешнего сектора. Банк России.

Инвестиционное сотрудничество со странами СНГ в форме прямых инвестиций за изучаемый период характеризуется рассогласованной динамикой до 2015 г., далее начиная с 2015 г. — резким расширением вложений со стороны стран СНГ на фоне введения санкций западных стран в отношении РФ. РФ за весь период демонстрирует устойчивую позицию, увеличение объемов и интенсивности данных вложений в экономики стран СНГ не наблюдается, что отражено на рис. 4. При этом вложения РФ в форме прямых инвестиций по объемам примерно в полтора раза превышают вложения других стран СНГ в Россию.

В табл. 1 и 2 представлена декомпозиция прямых накопленных иностранных инвестиций РФ в страны СНГ, которая демонстрирует за последние 11 лет по вложениям РФ в целом по СНГ незначительный рост на 0,73% относительно 2012 г. По отдельным странам СНГ динамика прямых инвестиций меняется. Так, по Казахстану наблюдается устойчивый прирост начиная с 2014 г., по Азербайджану и Кыргызстану при относительно малых объемах увеличение вложений происходит в несколько раз за исследуемый период. В другие страны СНГ идет постепенное снижение накопленных инвестиций из РФ, особенно это проявляется в отношении Узбекистана, Молдавии и Таджикистана. Таким образом, можно констатировать, что с 2012 по 2022 г. вложения РФ в форме прямых инвестиций в страны СНГ остались на прежнем уровне, но изменились приоритетные направления вложений внутри Содружества.

Табл. 1. Декомпозиция прямых накопленных инвестиций из Российской Федерации в страны СНГ относительно 2012 г., в %

Table 1. Decomposition of direct accumulated investments from the Russian Federation to the CIS countries relative to 2012, %

Наименование страны	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Всего в страны СНГ, в т. ч.:	-9,31	-6,82	-16,74	-16,07	-13,01	-4,46	-10,30	-1,63	-9,32	0,73
в Азербайджан	106,77	142,58	5,73	-51,81	-50,09	47,99	279,89	275,82	272,99	432,31
в Казахстан	-2,86	9,57	10,97	6,07	18,99	27,33	30,77	44,22	37,98	55,89
в Узбекистан	-70,20	-71,50	-48,82	-58,19	-75,33	-86,04	-93,09	-86,58	-81,28	-70,20
в Молдавию	42,13	20,46	-39,87	-42,46	-42,91	-55,39	-35,94	-39,53	-39,57	-37,93
в Таджикистан	2,21	-4,02	-0,69	-15,99	-29,24	-40,77	-40,83	-34,53	-37,19	-31,10
в Армению	10,99	-1,27	-6,48	-0,57	-1,68	-1,51	-7,59	-11,72	-23,55	-19,56
в Беларусь	-17,11	-11,84	-31,05	-23,45	-17,82	0,60	-16,92	-5,08	-16,61	-10,45
в Туркменистан	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
в Кыргызстан	116,63	113,08	79,49	70,38	70,55	78,36	101,43	114,90	118,55	147,40

Табл. 2. Декомпозиция прямых накопленных инвестиций в Российскую Федерацию из стран СНГ относительно 2012 г., в %

Table 2. Decomposition of direct accumulated investments in the Russian Federation from CIS countries relative to 2012, %

Наименование страны	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Всего из стран СНГ, в т. ч.	-8,01	32,26	9,98	25,48	322,40	385,93	323,23	375,26	317,06	345,92
из Азербайджана	-57,01	-49,97	-54,58	-58,34	81,83	98,90	70,37	91,23	74,32	82,60
из Казахстана	-2,57	36,79	1,28	38,29	213,42	312,99	277,17	357,79	295,73	330,55
из Узбекистана	54,53	97,26	75,05	63,55	3 757,82	3 967,76	3 055,93	3 000,41	2 705,25	2 697,82
из Молдавии	431,69	534,00	373,56	398,11	2 281,64	2 441,66	2 050,79	2 288,77	1 916,68	1 954,46
из Таджикистана	132,34	206,36	250,90	276,35	3 182,82	3 369,88	2 796,29	3 158,54	2 640,40	2 796,71
из Армении	-22,77	-5,15	-2,06	7,25	198,98	172,87	135,77	152,65	124,15	141,96
из Беларуси	27,83	210,80	180,33	159,67	796,90	918,40	792,64	820,16	712,02	776,15
из Туркменистана	46,58	286,30	676,71	916,44	12 754,79	13 938,36	11 971,23	13 934,25	12 534,25	12 457,53
из Кыргызстана	51,17	57,83	21,76	-8,95	123,58	142,80	106,23	127,39	107,23	140,52

По вложениям стран СНГ в РФ ситуация иная. Здесь явно прослеживается растущий тренд прямых накопленных инвестиций стран СНГ в РФ, объемы увеличиваются в 3,5 раза. Повышательные тенденции по вложениям в экономику РФ демонстрируют все страны, входящие в СНГ. При этом надо отметить, что наиболее высокие темпы роста ПИИ, значительно превышающие предыдущие периоды, наблюдаются после 2014–2015 гг. Это подтверждает ранее высказанное предположение о нарастании интенсивности притока иностранного капитала в форме прямых накопленных инвестиций со стороны стран СНГ в РФ после введения санкций в отношении России в 2014 г. Влияние мирового кризиса 2020–2021 гг. на инвестиционную ситуацию в группе стран СНГ в форме ПИИ не прослеживается.

Сравнительный анализ структуры прямых накопленных инвестиций из Российской Федерации за рубеж в разрезе стран СНГ в 2022 г. по сравнению с 2012 г. демонстрирует следующие результаты (рис. 5).

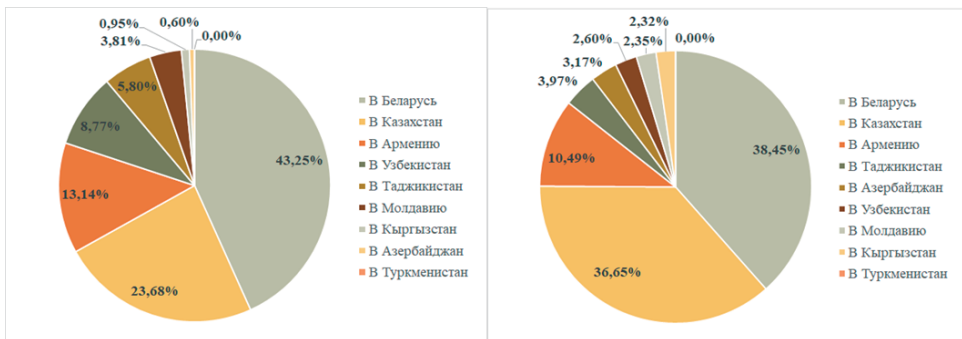

Рис. 5. Структура прямых накопленных инвестиций из Российской Федерации за рубеж по странам СНГ в 2012 и 2022 гг.

Fig. 5. Structure of direct accumulated investments from Russia to CIS countries in 2012 and 2022

Лидерами по вложениям РФ в составе стран СНГ в 2012 г. выступали Республика Беларусь (43,3%), Казахстан (23,7%), Армения (13,4%), Узбекистан (8,8%) и Таджикистан (5,8%). К 2022 г. структурные изменения произошли в сторону увеличения доли ПИИ в Казахстан до 38,5%, а также сокращения доли инвестиций в экономику Республики Беларусь и Армению до 36,7 и 10,5% соответственно. При этом вложения в другие страны СНГ снизились и их доли оказались незначительными, то есть наблюдается неравномерность вложений России в страны СНГ, что подтверждает переток отечественного капитала в рамках СНГ.

Основными направлениями вложений в экономику РФ в 2012 г. были прямые инвестиции из Казахстана, Азербайджана, Армении и Республики Беларусь (рис. 6). В 2022 г. доля ПИИ Казахстана и Республики Беларусь демонстрируют постоянство и устойчивость, доли же Армении и Азербайджана сократились в 2–2,5 раза при одновременном росте доли вложений Узбекистана в 10 раз.

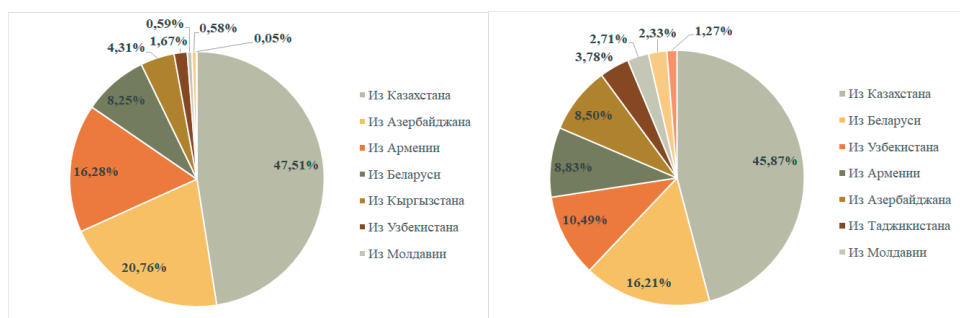

Рис. 6. Структура прямых накопленных инвестиций в Российскую Федерацию из-за рубежа по странам СНГ в 2012 и 2022 гг.

Fig. 6. Structure of direct accumulated investments into Russia from CIS countries in 2012 and 2022

Данные в разрезе стран СНГ и секторов экономики (табл. 3, 4) наглядно показывают, в какие отрасли направлялись ПИИ из стран СНГ в 2022 г. в сравнении с 2016 г.

Табл. 3. ПИИ из стран СНГ в РФ в разрезе секторов экономики на 01.01.2016, в %

Table 3. FDI from CIS countries to Russia by economic sector as of Jan. 1, 2016, %

Сектора экономики	Азербай-Джан	Казахстан	Узбеки-стан	Молдавия	Таджи-кистан	Армения	Беларусь	Туркме-нистан	Кыргыз-стан
Недвижимость	37,95	53,45	65,46	87,43	100	42,02	58,92	98,27	88,95
Торговля	31,96	8,25	12,96	—	—	0,55	27,74	—	—
Строительство	15,46	2,10	—	—	—	—	1,53	—	—
Гостиничный бизнес	5,58	—	—	—	—	—	0,03	—	—
Обрабатывающие производства	1,47	1,58	—	—	—	41,17	2,04	—	—
Финансы	—	20,69	21,58	—	—	—	—	—	—
Транспортировка	—	6,09	—	—	—	—	4,69	—	—
Добыча полезных ископаемых	—	4,92	—	—	—	—	—	—	—
Информационные технологии	—	0,13	—	—	—	—	—	—	—
Прочее	—	1,89	—	—	—	—	—	—	—
Не распределено	7,58	0,90	—	12,57	—	16,26	5,06	1,73	11,05
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено авторами на основе статистики Банка России¹.

Source: compiled by the authors based on the statistics of the Bank of Russia¹.

¹ Статистика внешнего сектора. Банк России.

Табл. 4. ПИИ из стран СНГ в РФ в разрезе секторов экономики на 01.01.2022, в %**Table 4.** FDI from CIS countries to Russia by economic sector as of Jan. 1, 2022, %

Сектора экономики	Азербай-джан	Казахстан	Узбеки-стан	Молдавия	Таджики-стан	Армения	Беларусь	Туркме-нистан	Кыргыз-стан
Недвижимость	88,49	81,39	98,09	100	100	65,70	68,76	100	99,94
Торговля	5,69	0,69	—	—	—	1,38	15,86	—	0,06
Строительство	1,34	2,23	—	—	—	0,54	2,33	—	—
Гостиничный бизнес	0,46	—	—	—	—	—	0,01	—	—
Обрабатывающие производства	2,88	1,01	—	—	—	3,03	0,35%	—	—
Финансы	—	13,13	1,91	—	—	0,18	1,54	—	—
Транспортировка	1,05	—	—	—	—	—	0,75	—	—
Добыча полезных ископаемых	—	—	—	—	—	—	9,71	—	—
Информационные технологии	—	—	—	—	—	28,79	0,54	—	—
Научно-техническая	—	0,63	—	—	—	—	—	—	—
Здравоохранение	—	0,70	—	—	—	—	0,13	—	—
Сельское хозяйство	—	0,22	—	—	—	—	0,04	—	—
Административная	0,10	—	—	—	—	0,37	—	—	—
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено авторами на основе статистики Банка России¹.

Source: compiled by the authors based on the statistics of the Bank of Russia¹.

Анализ данных позволяет сделать следующий вывод: структура инвестиций существенно различается в зависимости от страны-инвестора. Недвижимость последовательно становится доминирующим сектором инвестиций в большинстве стран СНГ. Это указывает на сильное предпочтение материальных активов. Доля инвестиций в недвижимость в большинстве стран СНГ в 2017 г. увеличилась или осталась на высоком уровне. Инвестиции в сектор торговли и строительства часто дополняют инвестиции в недвижимость. Колебания в этих трех секторах могут коррелировать с общими экономическими циклами и торговыми отношениями между Россией и странами-инвесторами. С 2017 г. наблюдается значительный рост инвестиций в информационные технологии, особенно из Армении, в связи с политикой по импортозамещению и сотрудничеством в рамках принятой в 2017 г. «Повестки цифровой трансформации Армении до 2030 года».

На протяжении рассмотренных лет наблюдается заметная тенденция к диверсификации инвестиций. Хотя недвижимость остается доминирующей, такие сектора, как информационные технологии, финансы и производство, набирают обороты. Постоянное доминирование сектора недвижимости предполагает отсутствие диверсификации

¹ Статистика внешнего сектора. Банк России.

в таких странах, как Таджикистан, Туркменистан, что можно объяснить значительным присутствием государства в экономике, что напрямую влияет на структуру инвестиций. Республика Беларусь и Казахстан демонстрируют более диверсифицированную структуру инвестиций с заметными вложениями в торговлю, производство и финансы, что предполагает развитие внутреннего рынка капитала. Это может указывать на более развитую промышленную базу и более сильный акцент на экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Инвестиции из Беларуси в инфраструктуру, особенно в отрасль транспортировки, могут быть обусловлены необходимостью поддержки ресурсного сектора и содействия торговле, т. к. эти отрасли занимают ощутимую долю в структуре инвестиций из этой страны.

Для определения тенденций интенсивности инвестиционного взаимодействия и возможностей интеграции РФ и стран СНГ в форме прямых иностранных инвестиций, исследуем их по каждой из стран в паре с РФ (рис. 7).

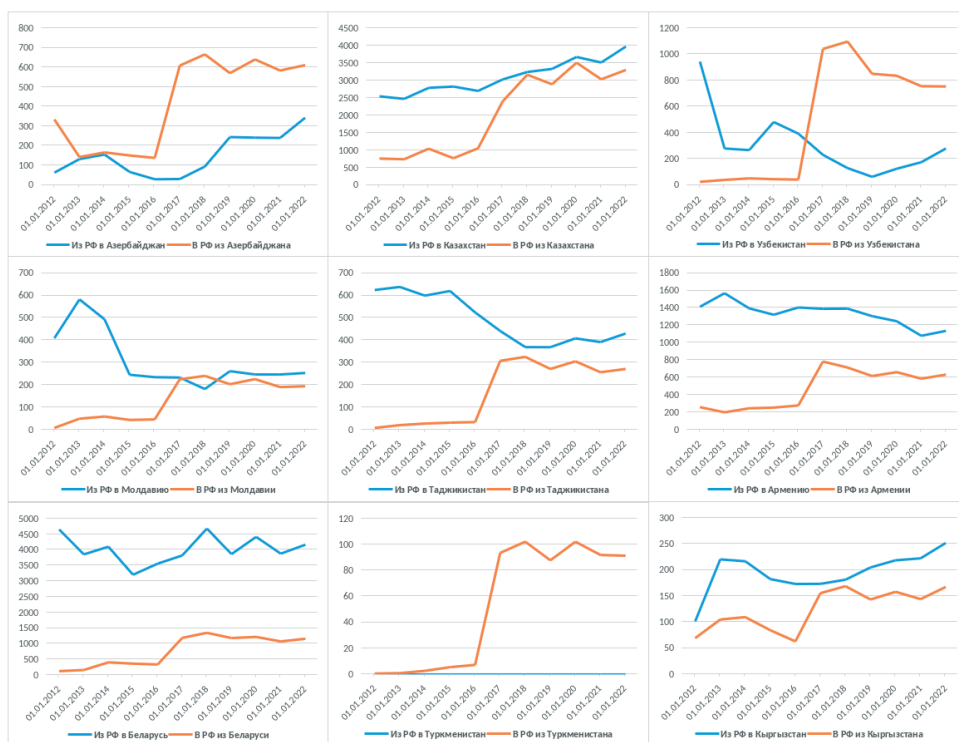

Рис. 7. Взаимные накопленные прямые инвестиции России и стран СНГ, млн долл.

Источник: данные Банка России¹.

Fig. 7. Mutual accumulated direct investments of Russia and the CIS countries, mln USD

Source: the data of the Bank of Russia¹.

¹ Накопленные прямые инвестиции по географическим регионам мира, странам, инструментам и видам экономической деятельности // Банк России. <https://cbr.ru/statistics/macroitmt/svs/npi/> (дата обращения: 20.04.2024).

Оценивая взаимное прямое инвестирование экономик Казахстана и РФ следует отметить положительный тренд начиная с 2015 г. как по вложениям РФ в Казахстан, так и наоборот. Данная пара стран демонстрирует симметричное однонаправленное взаимодействие с наибольшими масштабами инвестирования среди стран СНГ, что свидетельствует о равноценном интересе, укреплении связей между данными странами и взаимной интеграции, несмотря на геополитическую напряженность и влияние мирового кризиса 2020–2021 гг. (COVID-19). В 2020 г. произошло снижение объемов взаимных инвестиций между странами, однако уже в 2021 г. наблюдалось восстановление инвестиционных потоков. Также Казахстан и Россия являются членами ЕАЭС, что обеспечивает свободный товарооборот, движение капитала, услуг и рабочей силы между странами. Имеется потенциал для дальнейшего роста инвестиционного взаимодействия в области добычи и переработки нефти и газа в совместных проектах, в строительстве и модернизации транспортных и логистических коридоров, развитии цифровых инфраструктур, а также в агропромышленном комплексе.

Во взаимодействии РФ с Республикой Беларусь наблюдается существенный перекося в сторону заимствований из РФ: объемы вложений РФ в Республику Беларусь в разы превышают заимствования из этой страны. Страны частично переориентируют свои инвестиционные потоки друг на друга в ответ на санкции, а также во время кризисов, но несмотря на общее санкционное давление западных стран на эти страны объемы инвестиций выросли несущественно после 2014 г., особенно со стороны Республики Беларусь, и далее они не расширяются, что свидетельствует об отсутствии равноценного интереса и взаимности. В этом сотрудничестве РФ занимает позицию нетто-кредитора. РФ может быть более склонна инвестировать в Беларусь в рамках стратегической направленности, но также несоответствие масштабов инвестиций может свидетельствовать об отсутствии равноценного интереса со стороны Беларуси. В данном случае Беларусь может стать слишком зависимой от российских инвестиций, что создает потенциальные риски для ее экономической самостоятельности.

В паре Армения — Россия инвестиционная ситуация показывает рассогласованность и значительное превышение вложений РФ в форме ПИИ до 2017 г., позже тенденция устойчивая, но объемы взаимодействия не увеличиваются, сохраняется диспропорция. Вложения РФ превышают вложения Армении в экономику РФ в два раза, Россия снова является нетто-экспортером капитала.

ПИИ Азербайджана в РФ начиная с 2016 г. превышают вложения РФ в экономику этой страны. Тренд взаимных инвестиций положительный, но объемы взаимодействия невелики. В 2022 г. инвестиции в РФ превышают вложения РФ в Азербайджан в два раза.

До 2015 г. вложения Узбекистана в экономику России по ПИИ было минимальным при среднем резко понижающемся уровне вложений РФ. После 2015 г. РФ и Узбекистан демонстрируют волнообразное разнонаправленное взаимодействие, которое несколько сближается в 2022 г. Объемы вложений между странами по ПИИ невелики, РФ выступает в паре с Узбекистаном нетто-импортером капитала. Интенсивность взаимодействия и степень интеграции между данными странами крайне мала. Россия в паре с этими странами выступает нетто-заемщиком.

Похожая инвестиционная ситуация до 2015 г. складывалась между РФ и Молдавией и Россией и Таджикистаном. Минимальные вложения Молдавии и Таджикистана на-

блюдались с 2012 по 2015 г. на фоне резко понижающегося тренда ПИИ РФ в эти страны. Далее шесть лет наблюдается сближение и симметричное взаимодействие России и Молдавии, РФ и Таджикистана в довольно малых объемах, что говорит об отсутствии как такового развития сотрудничества стран в формате прямого инвестирования.

Кыргызстан и Россия на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрируют волнообразное изменение взаимных ПИИ в малых объемах. При этом вложения РФ немного превышают инвестиции Кыргызстана в Россию. В период с 2015 по 2018 г. наблюдалось сближение инвестиционного взаимодействия как по размерам инвестиций, так и по вектору развития. Далее ПИИ РФ в экономику Кыргызстана продолжают медленно расти, и взаимные вложения Кыргызстана в РФ остаются на уровне 2018 г. Инвестиционное сотрудничество данной пары стран минимальное и несогласованное.

ПИИ как Туркменистана в РФ, так и РФ в Туркменистан показывают практически полное отсутствие взаимодействия, с 2015 г. вложения Туркменистана в Россию растут на фоне незначительных вложений РФ. Взаимодействие в формате прямых иностранных инвестиций данных стран не выглядит взаимным и согласованным при малых объемах сотрудничества.

Заключение

Взаимные ПИИ имеют важное значение для развития внешнеэкономических связей, интеграции в мировую экономику, укрепления международной безопасности в рамках СНГ особенно в условиях внешних негативных воздействий и кризисных явлений.

Россия по динамике прямых взаимных инвестиций со всеми странами мира демонстрирует инвестиционную позицию нетто-заемщика, но в рамках прямого инвестиционного сотрудничества со странами СНГ вложения России превышают инвестиции стран СНГ в полтора раза.

В целом следует отметить, что взаимные ПИИ стран СНГ и РФ претерпели существенные по большей части позитивные изменения после локального кризиса 2014 г., который связан с санкционным давлением в отношении РФ. Российские ПИИ в целом в страны СНГ в 2012 и 2022 гг. превышали в шесть раз и полтора раза соответственно вложения этих стран в экономику России. Начиная с 2015 г. вложения со стороны стран СНГ на фоне введения санкций западных стран в отношении РФ увеличиваются и стабилизируются примерно на одном уровне. При этом объемы и интенсивность российских вложений в экономики стран СНГ не наблюдается, но меняются страны-приоритеты. Так, прирост вложений в форме ПИИ наблюдается по Казахстану, Азербайджану и Кыргызстану, по остальным странам СНГ рост отрицательный.

На основе полученных результатов также можно констатировать, что РФ с отдельными странами СНГ имеет разную степень инвестиционного взаимодействия и интеграции, а экономики рассматриваемых стран обладают разными интеграционными возможностями.

Согласованность и взаимность долгосрочного инвестиционного взаимодействия демонстрирует только пара Россия и Казахстан, которая с 2015 г. наращивает объемы взаимных вложений, которые имеют повышательные тенденции развития к 2022 г.

Несмотря на общее внешнее давление западных стран в виде санкций как на РФ, так и Республику Беларусь, в части ПИИ между этими странами сохраняется существенная диспропорция. Объемы инвестиций со стороны Республики Беларусь в разы меньше вложений РФ в экономику этой страны, что свидетельствует об отсутствии равноценного интереса, взаимности и согласованности. В сотрудничестве с Республикой Беларусь, как и с Арменией, РФ занимает позицию нетто-кредитора. Интенсивность взаимодействия и степень интеграции между Азербайджаном, Узбекистаном и РФ и крайне мала. Россия в отношениях с этими странами выступает нетто-заемщиком. Взаимодействие России по ПИИ с другими странами СНГ можно оценить как незначительное и несогласованное, свидетельствующее об отсутствии интеграции и слабом взаимном интересе к развитию, а также об определенных барьерах расширения такого сотрудничества.

Таким образом, высказанное предположение о влиянии глобального мирового кризиса на взаимные притоки и оттоки капитала РФ и стран СНГ не подтвердилось. Локальный кризис РФ 2014 г. стал переломным моментом в положительном изменении объема инвестиционного взаимодействия со стороны стран СНГ в виде ПИИ в РФ, однако далее на протяжении следующих лет взаимного согласованного расширения масштабов сотрудничества не наблюдается, за исключением пары Россия — Казахстан.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении новых структурных и динамических изменений и определении характера прямого инвестиционного взаимодействия РФ и отдельных стран СНГ, в условиях внешней нестабильности (глобальных (мировых) и локальных (отдельной страны) кризисов). На перспективу это позволяет определить возможности для интеграции и устранить барьеры и ограничения для укрепления и развития инвестиционного сотрудничества со странами СНГ, среди которых отмечаются геополитическая напряженность и экономические санкции, колебания валютных курсов и слабое развитие финансовых рынков, отсутствие единой законодательной базы в области прямых инвестиций, зависимость от экспорта сырья, бюрократические и коррупционные барьеры, несоответствие квалификации рабочей силы потребностям, а также неравномерно развитая транспортная, логистическая и энергетическая инфраструктура. Переориентация ПИИ в страны СНГ может стать инструментом для взаимного развития стран, однако для реализации этого потенциала необходимо решить ряд перечисленных проблем. Более активная роль государств — участников СНГ в осуществлении взаимных прямых инвестиций будет способствовать стимулированию регионального сотрудничества и получению потенциальных выгод по привлеченным и осуществленным ПИИ.

Список источников

- Гусев А. Б., Ширяев А. А. 2021. Болевые точки стратегического развития России // *Journal of Economic Regulation* [=Вопросы регулирования экономики]. № 3 (12). С. 6–25. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.3.006-025>
- Миграмян А. А. 2021. Экономическое взаимодействие России с СНГ: потенциальные источники роста // *Научно-аналитический журнал Обозреватель* [=Observer]. № 10 (381). С. 77–86. <https://www.elibrary.ru/fmbbio> (дата обращения: 01.12.2024).

- Мигранян А. А. 2023. Эффекты антироссийских санкций на постсоветском пространстве // *Геоэкономика энергетики*. № 1 (21). С. 141–162. <https://www.elibrary.ru/tixnxx> (дата обращения: 01.12.2024).
- Монастырный Е. А., Саклаков В. М. 2015. Инвестиционные модели развития. Приток и отток иностранных инвестиций в России // *Инновации*. № 10 (204). С. 27–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-modeli-razvitiya-pritok-i-ottok-inostrannyh-investitsiy-v-rossii> (дата обращения: 01.12.2024).
- Прохорова О. В. 2023. Оценка роли прямых иностранных инвестиций на экономическое развитие // *Постсоветский материк*. № 3 (39). С. 79–92. <https://www.pstmaterik.ru/jour/article/view/29/31> (дата обращения: 01.12.2024).
- Сидорова Т. Ю., Власюк Д. А., Лавриненко Ю. А., Хакимова А. И. 2023. Перспективы развития взаимоотношений России со странами СНГ в новых международных реалиях (на примере Беларуси, Армении и Казахстана) // *Социально-гуманитарные знания*. № 6. С. 110–118. <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-vzaimootnosheniy-rossii-so-stranami-sng-v-novyh-mezhdunarodnyh-realiyah-na-primere-belarusi-armenii-i> (дата обращения: 01.12.2024).
- Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. 2021. Глобальные прямые иностранные инвестиции. Структурные изменения в условиях текущего кризиса // *Экономика региона*. № 3 (17). С. 1014–1026. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-21>
- Черненко В. А. 2022. Инвестиции в Российской Федерации: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 168 с. <https://www.elibrary.ru/qftjco> (дата обращения: 01.12.2024).
- Arzoumanian S. 2023. Spillovers from Russia to neighboring countries: Transmission channels and policy options // *IMF Working Paper*. Vol. 185. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/08/Spillovers-from-Russia-to-Neighboring-Countries-Transmission-Channels-and-Policy-Options-538953> (дата обращения: 01.12.2024).
- Baslaviak S. 2020. Foreign direct investments in the cis countries and their reliance on the world bank's doing business indicators // *New Challenges in Economic and Business Development — 2020: Economic Inequality and Well-Being: Proceedings Paper (12th International Scientific Conference, Riga, Latvia, October 2, 2020)*. Pp. 42–53. <https://elib.psu.by/handle/123456789/28799> (дата обращения: 01.12.2024).
- Broner F., Didier T., Schmukler S. L., G. von Peter. 2023. Bilateral international investments: the big sur? // *Journal of International Economics*. Vol. 145. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2023.103795>
- Chen Y., Sun X. 2020. The impact of International Direct Investment on Chinese economy // *Proceedings of the 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020)*. Pp. 518–521. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200428.111>
- Kadli S. 2023. Impact of foreign direct investment on Indian economy // *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 29–34. <https://doi.org/10.48175/IJARSCT-11306>
- Nurasheva K. K., Shalabayev I. I., Abdikerimova G. I., Kulanova D. A., Mergenbayeva A. T. 2024. Capital inflow and investment attractiveness of Central Asian countries (on the example of Kazakhstan) // *Regional Science Policy & Practice*. Vol. 16. Iss. 9. <http://doi.org/10.1016/j.rssp.2024.100039>
- Olkhovik V. V., Lyutova O. I., Juchnevicius E. 2022. Economic Growth Models and FDI in the CIS countries during the period of digitalization // *Financial Journal*. Vol. 14. No. 2. Pp. 73–90. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-2-73-90>

- Romashkina G. F., Andrianov K. V., Yukhtanova Yu. A. 2024. Government bonds of the CIS countries: Integration dynamics of debt markets in the context of external instability // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 17. Iss. 2. Pp. 146–165. <http://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.8>
- Sahu J. P. 2020. Does inflow of foreign direct investment stimulate economic growth? Evidence from developing countries // *Transnational Corporations Review*. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 376–393. <https://doi.org/10.1080/19186444.2020.1833603>
- Tag M. N., Degirmen S. 2022. Economic freedom and foreign direct investment: Are they related? // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 73. Pp. 737–752. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.12.020>
- Wang Y. C., Chen M. W. 2024. The role of foreign direct investment in East and Southeast Asia: Evidence before and after 2009 Global Financial Crisis // *International Review of Economics & Finance*. Vol. 92. Pp. 1405–1415. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.02.083>
- Wang Y., Choi P. 2022. Evaluation on thirty years mutual direct investments between Korea and China // *Review of International and Area Studies*. Vol. 31. No. 2. Pp. 141–179. <https://doi.org/10.56115/rias.2022.06.31.2.141>

References

- Gusev, A. B., & Shiryaev, A. A. (2021). Pain points of Russia's strategic development. *Journal of Economic regulation (Voprosyregulirovaniyaekonomiki)*, (3), 6–25. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.3.006-025> [In Russian]
- Migranyan, A. A. (2021). Economic cooperation between Russia and the CIS: potential sources of growth. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' [=Observer]*, (10), 77–86. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://www.elibrary.ru/fmbbio> [In Russian]
- Migranyan, A. A. (2023). Effects of sanctions against Russia on the post-soviet region. *Geoekonomika energetiki*, (1), 141–162. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://www.elibrary.ru/tixnxz> [In Russian]
- Monastyrnyy, E. A., & Saklakov, V. M. (2015). Investment models of development. Inflow and outflow of foreign investments in Russia. *Innovatsii*, (10), 27–34. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-modeli-razvitiya-pritok-i-ottok-inostrannyh-investitsiy-v-rossii> [In Russian]
- Prokhorova, O. V. (2023). Assessment of the role of foreign direct investment in economic development. *Postsovetskij materik*, (3), 79–92. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://www.pstmaterik.ru/jour/article/view/29/31> [In Russian]
- Sidorova, T. Yu., Vlasyuk, D. A., Lavrinenko, Yu. A., & Khakimova, A. I. (2023). Prospects for the development of relations between Russia and the CIS countries in the new international realities (on the example of Belarus, Armenia, and Kazakhstan). *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (6), 110–118. <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-vzaimootnosheniy-rossii-so-stranami-sng-v-novyh-mezhdunardnyh-realiyah-na-primere-belarusi-armenii-i> [In Russian]
- Smirnov, E. N., & Luk'yanov, S. A. (2021). Global foreign direct investment. Structural changes in the current crisis. *Ekonomikaregiona*, (3), 1014–1026. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-21>

- Chernenko, V. A. (2022). *Investments in the Russian Federation*. Publishing house of the St. Petersburg State Economic University. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://www.elibrary.ru/qftjco> [In Russian]
- Arzoumanian, S. (2023). *Spillovers from Russia to Neighboring Countries: Transmission Channels and Policy Options* [IMF Working Paper, 185]. Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/08/Spillovers-from-Russia-to-Neighboring-Countries-Transmission-Channels-and-Policy-Options-538953>
- Baslaviak, S. (2020). Foreign direct investments in the cis countries and their reliance on the world bank's doing business indicators. In *12th International Scientific Conference "New Challenges in Economic and Business Development — 2020: Economic Inequality and Well-Being"* (Oct. 2, 2020, University of Latvia, Riga, Latvia) (pp. 42–53). Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://elib.psu.by/handle/123456789/28799>
- Broner, F., Didier, T., Schmukler, S. L., & von Peter, G. (2023). Bilateral international investments: the big sur? *Journal of International Economics*, 145. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2023.103795>
- Chen, Y., & Sun, X. (2020). The impact of international direct investment on Chinese economy. In *Proceedings of the 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020)* (pp. 518–521). <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200428.111>
- Kadli, S. (2023). impact of foreign direct investment on Indian economy. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*, 3(2), 29–34. <https://doi.org/10.48175/IJARST-11306>
- Nurasheva, K. K., Shalabayev, I. I., Abdikerimova, G. I., Kulanova, D. A., & Mergenbayeva, A. T. (2024). Capital inflow and investment attractiveness of Central Asian countries (on the example of Kazakhstan). *Regional Science Policy & Practice*, 16(9). <http://doi.org/10.1016/j.rssp.2024.100039>
- Olkhovik, V. V., Lyutova, O. I., & Juchnevicius, E. (2022). Economic growth models and FDI in the CIS countries during the period of digitalization. *Financial Journal*, 14(2), 73–90. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-2-73-90>
- Romashkina, G. F., Andrianov, K.V., & Yukhtanova, Yu. A. (2024). Government bonds of the CIS countries: Integration dynamics of debt markets in the context of external instability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 146–165. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.8>
- Sahu, J. P. (2020). Does inflow of foreign direct investment stimulate economic growth? Evidence from developing countries. *Transnational Corporations Review*, 13(4), 376–393. <https://doi.org/10.1080/19186444.2020.1833603>
- Tag, M. N., & Degirmen, S. (2022). Economic freedom and foreign direct investment: are they related? *Economic Analysis and Policy*, 73, 737–752. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.12.020>
- Wang, Y. C., & Chen, M. W. (2024). The role of foreign direct investment in East and Southeast Asia: evidence before and after 2009 global financial crisis. *International Review of Economics & Finance*, 92, 1405–1415. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.02.083>
- Wang, Y., & Choi, P. (2022). Evaluation on thirty years mutual direct investments between Korea and China. *Review of International and Area Studies*, 31(2), 141–179. <https://doi.org/10.56115/rias.2022.06.31.2.141>

Информация об авторах

Юлия Александровна Юхтанова, кандидат экономических наук, доцент, младший научный сотрудник, кафедра экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
y.a.yukhtanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-9714>

Софья Евгеньевна Беляева, студент 4 курса специальности «Экономическая безопасность», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000240318@utmn.ru

Анна Андреевна Богданенко, лаборант-исследователь, кафедра экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.a.bogdanenko@utmn.ru

Information about the authors

Yuliya A. Yukhtanova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Junior Researcher, Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
y.a.yukhtanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-9714>

Sofya E. Belyaeva, 4th year student of “Economic Security”, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000240318@utmn.ru

Anna A. Bogdanenko, Laboratory Assistant-Researcher, Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.a.bogdanenko@utmn.ru

Развитие регионального экспорта в новых экономических условиях (на примере Тюменской области)

Наталья Викторовна Ракитина, Людмила Михайловна Симонова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакты для переписки: n.v.rakitina@utmn.ru, l.m.simonova@utmn.ru

Аннотация. Роль регионов Российской Федерации в развитии международной кооперации и внешнеэкономической деятельности ежегодно возрастает. Они реализуют внешнеэкономический курс страны, наполняют конкретным содержанием заключенные РФ международные договоры, способствуют ускорению интеграции экономики страны в мировое хозяйство. Для субъектов РФ установлены следующие показатели развития внешнеэкономической деятельности (ВЭД): рост несырьевого неэнергетического экспорта и увеличение числа экспортоориентированных предприятий. Однако достижение нормативных показателей ныне наталкивается на крайне неблагоприятный внешнеполитический контекст, «ренессанс некооперативности» и санкционные ограничения, изменение конъюнктуры рынка и курсов валют, а также ряд других факторов, которые требуют принципиального переосмысления и реформирования как внешних контуров, так и внутренних механизмов эффективной международной кооперации и внешнеэкономической деятельности регионов в переживаемый ныне период, что и является целью данного исследования. В качестве объекта анализа выступает Тюменская область — один из регионов-лидеров в стране, регулярно находится на лидирующих местах в Национальном рейтинге инвестиционного климата. Положительные показатели в промышленной и инвестиционной сферах региона подтверждают потенциал для развития регионального экспорта. На основе методов сравнительного анализа, обработки данных статистической отчетности и аналитических обзоров определены новые ориентиры внешнеполитического курса, предложены возможные меры поддержки бизнеса в целях эффективного развития международной кооперации и внешнеэкономической деятельности Тюменской области. Данные меры могут способствовать увеличению числа предприятий экспортеров, росту показателя объема экспорта, притоку иностранных инвестиций в регион и повышению инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: регион, экспорт, региональный экспортный потенциал, инвестиционная привлекательность, меры поддержки экспорта, Российский экспортный центр, международная кооперация и экспорт

Цитирование: Ракитина Н. В., Симонова Л. М. 2024. Развитие регионального экспорта в новых экономических условиях (на примере Тюменской области) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 189–224. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-189-224>

Поступила 06.12.2024; одобрена 19.12.2024; принята 20.12.2024

Development of regional exports in the new economic conditions (the case of the Tyumen Region)

Natalia V. Rakitina, Lyudmila M. Simonova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: n.v.rakitina@utmn.ru, l.m.simonova@utmn.ru

Abstract. The increasing role of the Russian regions in the development of international cooperation and economic activity highlights the country's course for foreign economic development, as the regions aid in fulfilling the international–Russian treaties and accelerate the country's economic integration into the world economy. The following indicators of foreign economic activity development assess the regions' performance: growth of non-resource non-energy exports and an increase in the number of export-oriented enterprises. However, the achievement of normative indicators is now facing an extremely unfavorable foreign policy context, “renaissance of non-cooperativeness” and sanctions restrictions, changes in market conditions and exchange rates; as well as other factors requiring fundamental rethinking and reformatting of both external contours and internal mechanisms for the regions' effective international cooperation and foreign economic activity. This article aims to analyze these factors using the Tyumen Region as the object of study. One of Russia's leading regions, the Tyumen Region regularly ranks high in the National Investment Climate Rating. The positive indicators in the industrial and investment spheres of the region confirm the potential for the development of regional exports. Using the methods of comparative analysis and processing of statistical reporting data and analytical reviews, the authors identify new foreign policy guidelines course and propose business support measures for effective development of international cooperation

and foreign economic activity of the region. These measures can contribute to an increase in the number of export enterprises, in export volume, in foreign investment inflow into the region, and in investment attractiveness.

Keywords: region, export, regional export potential, investment attractiveness, export support measures, Russian Export Center, international cooperation and export

Citation: Rakitina, N. V., & Simonova, L. M. (2024). Development of regional exports in the new economic conditions (the case of the Tyumen Region). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 189–224. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-189-224>

Received Dec. 6, 2024; Reviewed Dec. 19, 2024; Accepted Dec. 20, 2024

Введение

Актуальность данной темы определена тем, что развитие процессов глобализации приводит к вовлечению регионов в международные взаимоотношения и увеличению их внешнеэкономических связей. Необходимость изучения внешнеэкономических связей регионов особенно возрастает в период кризисных политических взаимоотношений, именно они формируют новые экономические условия регионального развития и новый контекст внешнеэкономической деятельности. В чем он заключается в переживаемый ныне период? И каково его влияние на внешнеэкономическую политику России?

Обострение геополитических и геоэкономических противоречий между ведущими центрами мировой экономики, становление нового миропорядка, торговые войны и военные конфликты, усиление некооперативности международного экономического взаимодействия и кризис доверия, дезорганизация мировых товарных рынков и обрушение глобальных производственных и торговых цепочек, рост барьеров и ограничений мобильности и бизнеса, беспрецедентные санкционные меры давления на Россию и российская политика контрсанкций — всё это формирует совершенно новый контекст развития международного предпринимательства во второе десятилетие XXI в. В результате российские компании оказались фактически отрезанными от международной торговли, были введены запреты на воздушное и морское сообщение, финансовые и страховые услуги, парализованы возможности расчета с контрагентами по международным деловым операциям, заблокирован экспорт высокотехнологичных товаров и технологий, приток иностранных инвестиций и вывод иностранных инвесторов из российских проектов.

Это формирует следующие вызовы для выработки и трансформации внешнеэкономической политики:

- переориентация внешнеторговых связей России, адаптация механизмов внешнеторговых поставок и платежных операций к новым санкционным условиям;
- необходимость введения всемерной политики импортозамещения;
- разделение стран-контрагентов ВЭД на дружественные и недружественные и вынужденная избирательность в их выборе;

- разрушение, реструктуризация и перемещение международных цепочек добавленной стоимости, исключение из них одних стран, открытие «окон» возможностей для других;
- свертывание технологического сотрудничества с рядом стран и разработка автономных национальных стратегий обеспечения «технологического» суверенитета;
- нарастание санкционных, регулятивных, торговых и инвестиционных барьеров между странами и необходимость поиска их преодоления и обхода санкций;
- перемещение и регионализация международных производственных цепочек не столько в логике глобализации, сколько в логике локализации.

С учетом данной неблагоприятной для экспорта ситуации Центральный банк предложил два сценария ее развития:

1. Временное сокращение экспортных поставок. После адаптации предприятий к новым рыночным условиям экспорт начнет восстановление.
2. Сокращение экспорта носит долговременный характер, и экспортеры переориентируются на внутренний рынок.

Применительно к Тюменскому региону и новой внешнеэкономической политике принципиальное значение приобретают следующие факторы:

- 1) турбулентность и неопределенность конъюнктуры глобальных рынков (особенно углеводородного сырья, продовольствия);
- 2) вынужденное свертывание энергетического сотрудничества, а также попытки сократить доходы от экспорта российских энергоносителей в третьи страны;
- 3) ограничение возможностей взаимодействия резидентов санкционирующих стран и российских субъектов хозяйствования, а также распространение соответствующих ограничений на резидентов третьих стран, планирующих продолжать или развивать сотрудничество с РФ (вторичные санкции);
- 4) изоляционный режим и блокирование внешнеторговых отношений России как по экспорту, так и по импорту;
- 5) массовый вывод компаний-иностранных инвесторов из страны, обусловленный как последствиями санкционного давления, так и опасениями общего роста неопределенности в российской экономике под влиянием геополитических факторов.

В новых экономических условиях требуется тонкая и оперативная перенастройка внешнеполитических курсов, региональных и предпринимательских стратегий ВЭД, бизнес-моделей компаний-экспортеров под требования новой реальности, а также новая стратегия реагирования на растущий протекционизм.

В связи с этим рассматриваемая гипотеза заключается в следующем: изменение внешних условий ведения внешнеэкономической деятельности требует солидарной оперативной и системной подстройки и синхронизации вырабатываемых подходов (политик) и механизмов как со стороны региональных органов власти, так и субъектов предпринимательства

и их своевременной корректировки в соответствии со стратегическими внешнеполитическими ориентирами для развития экспортного потенциала региона.

В соответствии с этим цель данного исследования — определение новых контуров и механизмов эффективной международной кооперации и внешнеэкономической деятельности Тюменской области в условиях геополитических и санкционных ограничений.

В условиях глобализации и возрастающей конкуренции региональные органы власти должны использовать современные инструменты ведения хозяйственной деятельности в регионе, обеспечивать экономическую стабильность и развитие конкурентоспособного предпринимательского сообщества. Наличие данных условий будет способствовать притоку в регион инвестиций, в т. ч. иностранных, реализации масштабных проектов мирового уровня. Модернизацию государственного управления необходимо начинать с организации высокоэффективного регионального управления и создания благоприятного инвестиционного климата¹.

Россия, на долю которой приходится 1,8% мирового ВВП, 2,2% и 1,3% мирового товарного экспорта и импорта, соответственно, столкнулась с беспрецедентными вызовами, вызванными резким обострением геополитической напряженности, и оказалась под мощным санкционным давлением. В результате все окружающие Россию страны мира разделились на недружественные (объявили и ввели санкции) и дружественные страны (не объявили и не ввели).

В связи с введением санкционного режима отдельных стран по отношению к России произошло сокращение объемов российского экспорта. По информации Федеральной таможенной службы России (далее — ФТС России), в 2023 г. объем экспорта по сравнению с 2022 г. сократился на 28,3% и составил 425,1 млрд долл. США.

Табл. 1. Внешняя торговля Российской Федерации
Table 1. Russian Foreign trade of the Russian Federation

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Объем экспорта РФ, млрд долл. США	424,3	337,3	493,1	591,5	425,1

Источник: Росстат².

Source: Rosstat².

Из данных табл. 1 видно, что в 2022 г. наблюдается резкое увеличение экспорта, что связано с увеличением объемов поставок минерального топлива (27 группа товаров) и роста цен на нефть в связи с началом военной операции на Украине. Рост экспорта данной группы товаров составил 42,8%, но по другим группам товаров наблюдалось снижение экспорта на 7,4%. В 2023 г. не удалось достичь экспортного уровня 2021 и 2022 гг.

¹ Официальный сайт АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». <https://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 24.12.2024).

² Росстат: внешняя торговля // Государственная служба федеральной статистики. https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 24.12.2024).

В рассматриваемом периоде поменялся также перечень стран — экспортных партнеров России. Демаркационное разделение стран на дружественные и недружественные ярко проявляет себя в динамике экспортных поставок. Так, поставки в страны Европейского союза в 2023 г. сократились на 68% (84,9 млрд долл. США). Страны Америки стали получать на 40% меньше продукции российских товаропроизводителей (12,2 млрд долл. США). При этом поставки в Китай в 2023 г. наоборот выросли на 12,7% (129,1 млрд долл. США).

Поскольку с 2021 г. ФТС России не публикует данные об экспорте в разрезе регионов РФ и отдельных групп товаров, то сложно сейчас оценить данные изменения в полном объеме. Однако в статистике Китая за 2023 г. наблюдается отчетливая положительная динамика:

- рост поставок алюминия из РФ в Китай (на 210%);
- рост поставок растительных масел из РФ в Китай (на 200%);
- рост поставок масличных семян и плодов из РФ в Китай (на 80%);
- рост поставок драгоценных металлов из РФ в Китай (на 43%)¹.

Специалистами АО «Российский экспортный центр» были обозначены следующие долговременные тенденции, которые влияют на развитие мировой торговли и, следовательно, на экспортные показатели нашей страны в целом в новых экономических условиях:

- изменения в товарной структуре экспорта и импорта;
- изменения условий проведения торговых операций (санкционное давление);
- изменения транспортных схем и логистики;
- изменение состава основных игроков на мировом рынке (уход крупных поставщиков);
- нарастание межстрановых дисбалансов.

Новые условия мировой хозяйственной системы могут способствовать тому, что Россия и регионы смогут занять новые ниши на мировом рынке, но также усиливаются риски потерь ранее установленных связей².

Экспортный потенциал и инвестиционная привлекательность регионов: теоретическая рамка исследования

Прежде чем рассмотреть категории экономического развития региона, определимся с базовым для данного исследования термином «регион». Это многоаспектное понятие и при его рассмотрении необходимо использовать междисциплинарный

¹ Два сценария развития экспорта от ЦБ: по какому из них пойдет Россия // РБК. 04.03.2024. <https://www.rbc.ru/economics/04/03/2024/65df10179a794720b4dab8cc> (дата обращения: 24.12.2024).

² Эксперты РЭЦ описали главные тренды в мировой торговле // РБК. 22.02.2024. <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2024/65d5b8619a79472f485bf473> (дата обращения: 24.12.2024).

подход. Некоторые исследователи считают, что в сфере международных отношений и регионоведения понятие «регион» является наиболее многогранным. Рассмотрим наиболее часто используемые подходы к термину «регион»:

1. Внутространовое или административное деление территории (возможно на районы).
2. Разделение по группе свойств и признаков (географическое, социокультурное, геополитическое, экономическое разделение).
3. Международные объединения стран [Калиев, Темиров, 2021].

В современных экономических трудах регион рассматривается как многофункциональная самостоятельная система, которая владеет собственностью и выступает субъектом экономической деятельности. В этом случае регионы могут обладать набором конкурентных преимуществ и выступать полноценными участниками на рынках товаров, услуг, капитала. Внешнеэкономическую деятельность регион может осуществлять в различных формах. Партнерами могут выступать регионы иностранных государств, страны, национальные и транснациональные корпорации и компании [Алехин, 2007].

В рамках данного исследования регион понимается как часть территории страны, обладающая определенной степенью внутреннего единства и однородными характеристиками по ряду признаков: историческим, географическим, экономическим, социальным, институциональным и иным.

Конкурентный потенциал региона — это возможность его участия в конкурентных отношениях между регионами, в общенациональных конкурентных отношениях с зарубежными странами. Конкуренцию за экономические ресурсы можно рассматривать как борьбу за выход на рынок товаров и услуг. Позиции региона в межрегиональных и международных взаимоотношениях оцениваются возможностями воспроизведения конкурентных преимуществ и обновлением комбинаций факторов производства, непрерывного поиска сравнительных преимуществ в издержках.

Конкурентоспособность региона бывает двух видов: внутренняя и внешняя. Внешняя конкурентоспособность — это способность региональных предприятий производить и поставлять товары и услуги на межрегиональный, зарубежный и мировой рынок. Также внешняя конкурентоспособность может оцениваться притоком иностранных инвестиций в регион.

Для определения внешней конкурентоспособности региона используются такие критерии, как экспортный потенциал и инвестиционная привлекательность региона.

Общими признаками инвестиционной привлекательности региона являются:

- экономическое состояние региона и производственный потенциал;
- удовлетворение запроса инвестора для реализации проекта;
- перспективы и динамика развития региона;
- оценка целесообразности капиталовложений;
- наличие необходимых ресурсов внутри региона;

- позиции региона во внешнем периметре;
- интегральный показатель конкурентоспособности.

Значимость инвестиционной привлекательности для регионов возрастает и это объясняется тем, что инвестиции способствуют увеличению числа производственных предприятий, диверсификации производимой продукции, повышению благосостояния населения в регионе, созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений в бюджет, улучшению качества жизни жителей. Инвестиции — вложение средств и приобретение имущества (включая имущественные и иные права, имеющие денежную оценку), организация предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта [Никифорова и др., 2020].

Каждый регион в целях повышения инвестиционной привлекательности стремится к улучшению инвестиционного климата. Региональный инвестиционный климат — это система правовых, экономических и социальных условий инвестиционной деятельности, которые представляют комплекс взаимосвязанных процессов. Процессы подразделяются на макро-, микро- и региональные уровни управления, которые направлены на развитие инвестиционной деятельности, формирование условий для деятельности инвесторов, снижение инвестиционных рисков.

С увеличением инвестиционной привлекательности территории возрастает объем производимой продукции, что способствует росту индекса промышленного производства и увеличению экспортного потенциала. Экспортный потенциал — это возможность региона поставлять на глобальный рынок имеющиеся внутри ресурсы или производимые субъектами предпринимательства товары. Он отражает способность производства определенного количества продукции или оказания услуг с целью дальнейшей продажи на экспорт, в соответствии с требуемым качеством и конкурентоспособностью [Гапоненко, 2013].

Однако понятие экспортный потенциал региона может рассматриваться и в более широком и комплексном значении. В России экономисты начали рассматривать понятие «экспортный потенциал» с начала 1990-х гг., что связано с развитием рыночной экономики и возможностью выхода на внешние рынки. Связи роста промышленного производства и экономической стабильности укреплялись и становились стимулирующими факторами поддержки локальных предприятий и стимулирования экспорта. Подходы к понятию «экспортный потенциал» можно сгруппировать и рассмотреть в следующем виде:

1. Экспортный потенциал региона как возможность региона выступать конкурентоспособным участником рыночных отношений, т. е. производить и экспортировать ряд товаров и услуг.
2. Экспортный потенциал региона как показатель для оценки объемов экспортируемых товаров и услуг.
3. Экспортный потенциал региона как общее состояние экономики посредством оценки исторических, географических, социальных, технологических, промышленных ресурсов территории, которые обеспечивают стабильность в развитии в целом и позиционирование на внешних рынках [Сапир, Шмураткина, 2019].

При оценке экспортного потенциала региона необходимо учитывать совокупность ряда основных факторов, образующих взаимосвязанную систему. Важнейшие из факторов представлены на рис. 1.

Рис. 1. Факторы, учитываемые при оценке экспортного потенциала региона

Источник: [Сейфуллаева, 2001].

Fig. 1. Factors considered in the region's export potential

Source: (Seifullaeva, 2001).

Качественное управление региональным экспортным потенциалом способствует получению максимального результата на внешнем рынке. Эффекты от реализации внешнеэкономической деятельности во многом зависят от выбранной стратегии управления экспортным потенциалом региона, созданной инфраструктуры поддержки предпринимательства,

выстроенной системы управления международными связями региона, организации иностранных представительств региона за рубежом, качественного контроля и синхронизации всех процессов.

В настоящее время для предприятий малого и среднего бизнеса достаточно сложно выходить самостоятельно на внешний рынок. Предприятиям, которые планируют выходить на экспорт, необходимо иметь собственную стратегию сбыта продукции на внешний рынок. Кроме расчета будущей экспортной выручки и расходов на логистику, необходимо системно подходить к производственному процессу, создавать продукт с ориентацией на внешнего потребителя. Многие предприятия на первоначальном этапе предпочитают использовать поддержку, которая существует в регионе.

Таким образом, региональным органам власти при формировании экспортной стратегии региона необходимо анализировать производственный потенциал предприятий, которые представлены в регионе, возможность организации отраслевых кооперационных связей, вероятность создания новых проектов, ориентированных на запрос внешнего рынка. Данный аудит позволит максимально эффективно использовать имеющийся экспортный потенциал.

Для организации эффективного управления экспортной деятельностью региона нужно постоянно формировать аналитические материалы о текущей ситуации региональной экономики, рассматривать динамику происходящих изменений внутри страны и за рубежом, следить за тенденциями на внешних рынках, применять современные механизмы презентации и продвижения товаров, просчитывать перспективы установления новых взаимовыгодных связей. Для систематизации указанных мероприятий возможно разработать региональную программу или стратегию по развитию экспортного потенциала региона.

На рис. 2 изображена сложная трехкомпонентная структура развития экспортного потенциала региона. На первоначальном этапе проводится налаживание производственных процессов, выпуск товаров, работа над их техническими характеристиками. Организация сбора информации, инновационные разработки и модернизация производственных процессов — это основные объекты управления на данном этапе. Далее наступает этап продвижения, сбыта товаров и предоставления дальнейших сервисных услуг. На третьем этапе уже реализуется комплексный подход к управлению ВЭД региона посредством внедрения мер поддержки бизнеса, привлечения административных и финансовых ресурсов.

Развитие регионального экспортного потенциала позволяет региону интегрироваться в систему мирового разделения труда и занять свою нишу на мировом рынке. Каждый регион имеет исключительные особенности социально-экономического развития, природные и географические условия, исторические особенности, что исключают унифицированный подход к развитию экспортного потенциала и стратегии внешнеэкономической деятельности. Необходимо проведение мониторинга и сравнительного анализа по различным показателям.

Проанализировать состояние внешнеэкономической деятельности и экспортного потенциала регионов задача непростая, т. к. отсутствуют единые методические подходы,

статистические данные формируются различными структурами и не в каждом регионе имеются специальные аналитические центры.

Оценка таких внешнеэкономических показателей, как экспорт и импорт не является результативной. Необходимо рассматривать такие относительные показатели, как отношение экспорта региона к ВРП, отношение импорта региона к ВРП, удельный вес высокотехнологичной продукции в экспорте и импорте. Данные показатели необходимо соотносить с мировыми стандартами или со среднероссийскими значениями.

При использовании совокупности комплексных показателей можно говорить о более глубоких исследованиях динамики развития, факторов, оказывающих влияние и перспективах дальнейшего формирования экспортной стратегии [Гапоненко, 2013].

Таким образом, процесс формирования и развития экспортного потенциала региона включает несколько этапов, каждый из которых способствует продвижению региона на внешний рынок в условиях высокой конкуренции. Имидж региона и его экспортная деятельность помогают завоевать определенную позицию на внешнем рынке.

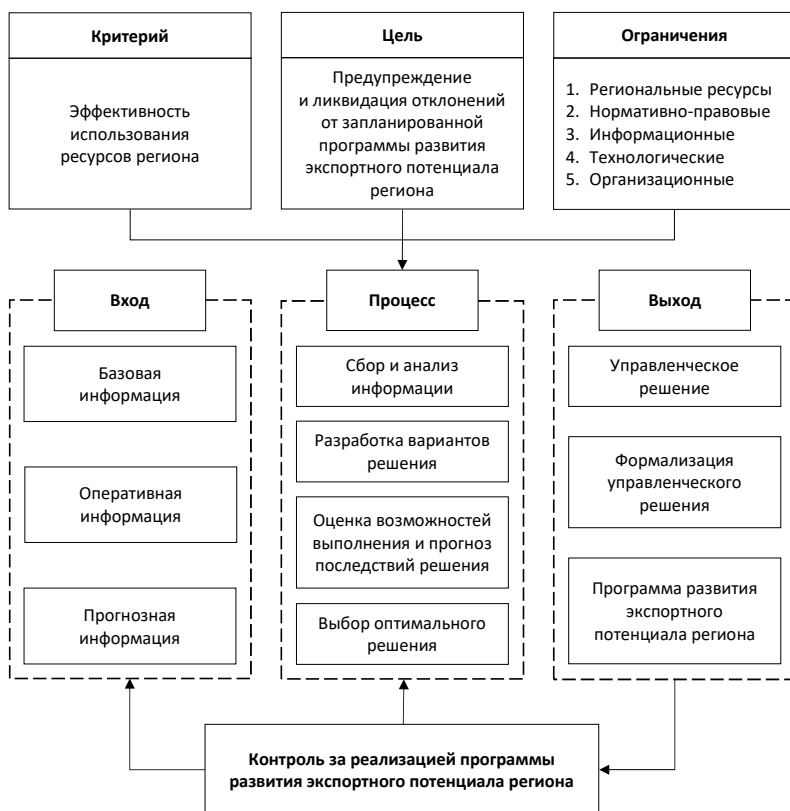

Рис. 2. Функциональная модель управления экспортным потенциалом региона

Источник: [Гапоненко, 2013].

Fig. 2. Functional model of management of the region's export potential

Source: (Gaponenko, 2013).

Инфраструктура поддержки экспорта в России

В России в 2015 г. на федеральном уровне была создана инфраструктура, в задачи которой входит развитие экспортного потенциала страны и субъектов РФ — это АО «Российский экспортный центр»¹ (РЭЦ). Данная структура состоит из ряда организаций, в т. ч.:

- Росэксимбанк (кредитные услуги, факторинг, гарантии в сфере ВЭД),
- ЭКСАР (страхование экспортных и импортных сделок),
- Школа экспорта РЭЦ (образовательные услуги и акселерационные программы в сфере ВЭД),
- «Мой экспорт» (цифровая платформа для реализации комплекса услуг для предприятий сферы ВЭД).

Таким образом, группа компаний АО «РЭЦ» в работе использует опыт предпринимательского сообщества, государственного сектора, банковской системы и страховой инфраструктуры для развития российского экспорта и поддержки предприятий. В период пандемии и санкционного давления группа компаний АО «РЭЦ» взяла курс на цифровизацию и был создан такой ресурс, как «Мой экспорт», который позволяет дистанционного и оперативно получать услуги из любой точки страны.

Для развития внешнеэкономической деятельности предприятий в субъектах российской федерации созданы региональные центры поддержки экспорта. В период с 2020 г. в России было создано 82 центра поддержки экспорта (ЦПЭ)².

Региональные центры поддержки экспорта ориентированы на работу с субъектами малого и среднего предпринимательства. Сотрудники центров выступают в роли консультантов по экспортной деятельности: от поиска покупателя и формирования коммерческого предложения до заключения экспортного контракта. Центры экспорта регулярно организуют участие региональных субъектов МСП в бизнес-миссиях, международных выставках, переговорах, размещают продукцию российских товаропроизводителей на иностранных торговых площадках, занимаются вопросами оформления документов, стандартизации, сертификации, поставки выставочных образцов и защиты прав экспортеров.

С 2018 г. АО «РЭЦ» ежегодно публикует Рейтинг экспортного потенциала регионов. Результаты рейтинга формируются на основании аналитических данных внешнеторговой деятельности регионов, структуры несырьевого экспорта, динамики развития и активности региона в конкурентной среде на внешних рынках³. Многие регионы отмечают низкое качество оценки экспортного потенциала регионов и отсутствие комплексной

¹ О Центре // РЭЦ— Российский экспортный центр: официальный сайт. <https://www.exportcenter.ru/company/> (дата обращения: 24.12.2024).

² В Москве реализуется своя программа по обеспечению доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к экспортной поддержке; в Магаданской области и Ямало-Ненецком автономном выделены специалисты на базе центра «Мой бизнес», обладающие компетенциями по консультационной поддержке экспортеров.

³ Аналитические отчеты и исследования // РЭЦ. https://www.exportcenter.ru/international_markets/regions_export/ (дата обращения: 04.12.2024).

системы мониторинга. Так, первоначально Тюменская область в данном рейтинге рассматривалась вместе с Ханты-мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, что подтверждает некорректность данного анализа и рейтингования. В 2020 г. Тюменская область (без автономных округов) занимала 22 место в рейтинге.

Впервые в 2024 г. АО «РЭЦ» представил результаты рейтингования регионов РФ по уровню эффективности внедрения Регионального экспортного стандарта 2.0 (РЭС 2.0). Данный стандарт разработан в целях достижения показателей Национального проекта «Международная кооперация и экспорт».

Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. был утвержден паспорт Национального проекта «Международная кооперация и экспорт», который разработан во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. Основные разработчики данного Национального проекта: Минпромторг, Минсельхоз, АО «РЭЦ».

Национальный проект рассчитан на период с 2018 по 2024 г. и включает следующие федеральные проекты: «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», «Промышленный экспорт», «Логистика международной торговли», «Экспорт продукции АПК», «Экспорт услуг».

Во исполнение проекта «Международная кооперация и экспорт» в 2020 г. специалисты АО «РЭЦ» разработали и довели до российских регионов основные положения Регионального экспортного стандарта 2.0, который внедрялся поэтапно. Стандарт содержит ряд инструментов для развития экспортного потенциала региона, в т. ч.:

- формирование Экспортной стратегии региона и иных НПА, необходимых для поддержки экспорта;
- создание и содержание в определенных условиях регионального центра поддержки экспорта (количество сотрудников, уровень заработной платы, брендинг, местоположение офиса и т. д.);
- установление связей с локальным вузом в целях развития комплексной системы подготовки кадров для ВЭД и повышения квалификации действующих экспортеров;
- формирование и обучение региональных управленческих команд, в состав которых входят представители Правительства региона, государственных органов власти, инфраструктуры поддержки бизнеса, ТПП, предприятий;
- внедрение механизмов поддержки экспортноориентированных предприятий;
- поддержание имиджа региона и продвижение продукции местных товаропроизводителей за рубежом посредством участия в выставках, открытия представительств, торговых домов;
- планирование финансирования в региональном бюджете с учетом целей развития экспорта.

¹ Доступен на сайте МВД РФ: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056500> (дата обращения: 04.12.2024).

В 2024 г. АО «РЭЦ» проанализировал деятельность российских регионов по эффективности внедрения инструментов Регионального экспортного стандарта 2.0. По итогам восьми месяцев 2024 г. Тюменская область находилась на 35 месте среди всех регионов России в рейтинге по эффективности внедрения Регионального экспортного стандарта 2.0. В рейтинге регионов УрФО Тюменская область — на 3 месте (после Свердловской области и ХМАО)¹.

Оценка экспортного потенциала Тюменской области

Развитию и одновременно сдерживанию экспортного потенциала Тюменской области способствует позиция региона на географической карте России. Тюменская область (без учета ХМАО и ЯНАО) находится, с одной стороны, между Северными регионами, где представлены крупнейшие нефтегазовые проекты страны, и Уралом, где имеются мощный промышленный потенциал. С другой стороны, Тюменская область может выступать транзитным регионом между Западом и Востоком. Недостатком экономико-географического положения и сдерживающим фактором развития экспортных связей является удаленность от основных морских портов России и слабо развитая транспортно-логистическая система.

Однако регион имеет приграничные территории с Республикой Казахстан, что является преимуществом для развития торгово-экономических отношений. Для Тюменской области относительная близость к Центрально-Азиатскому региону и Китаю также в перспективе может конвертироваться в конкурентное преимущество.

По данным регионального центра поддержки экспорта, объем экспорта в Тюменской области в 2023 г. составил более 6,4 млн долл. США. Регион обладает достаточным экспортным потенциалом, что обеспечивает рост экспорта по отдельным группам товаров на перспективу. В Тюменской области в больших объемах производятся следующие товары:

- полипропилен (50% от общего объема российского производства),
- полиэтилен (41% от общего объема российского производства),
- сжиженные газы — пропан и бутан (40% от общего объема российского производства),
- аминокислоты (30% от общего объема российского производства),
- автомобильные аккумуляторы (27% от общего объема российского производства).

По итогам 2023 г. Индекс промышленного производства в Тюменской области достиг 109,3% по отношению 2022 г. (Индекс промышленного производства по стране — 103,5%). На рис. 3 представлены данные 2023 и 2022 гг.

¹ РЭЦ представил Рейтинг российских регионов по эффективности внедрения Регионального экспортного стандарта по итогам восьми месяцев 2024 года // РЭЦ. https://www.exportcenter.ru/press_center/rets-predstavil-reyting-rossiyskikh-regionov-po-effektivnosti-vnedreniya-regionalnogo-eksportnogo-st/ (дата обращения: 04.12.2024).

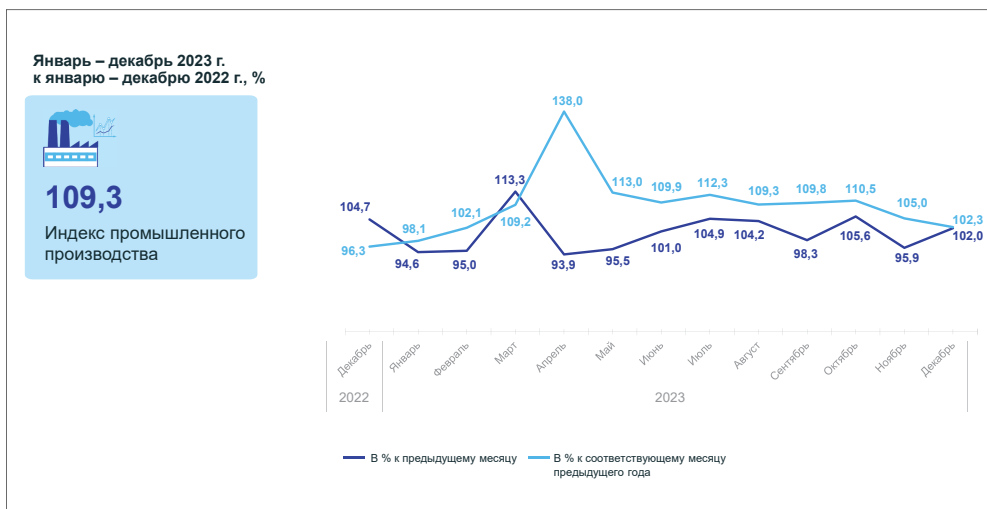

Рис. 3. Индекс промышленного производства Тюменской области, 2023 г.

Источник: Росстат¹.

Fig. 3. Industrial Production Index for the Tyumen Region, 2023

Source: Rosstat¹.

Индекс промышленного производства в секторе «Обрабатывающие производства» составил 113,8% (по РФ — 107,5%). В табл. 2 представлена информация о темпе роста отдельных производств по итогам 2023 г.

Инвестиционная привлекательность Тюменской области отражается в значениях показателей инвестиций в основной капитал. В 2023 г. наблюдается незначительное снижение показателя (табл. 3).

Для оценки экспортного потенциала региона в данном исследовании рассматриваются показатели периода 2015–2019 гг., т. е. до начала пандемии COVID-19 и введения санкционного режима по отношению к РФ.

С 2021 г. приостановлена актуализация аналитических отчетов в части статистики внешней торговли России в связи с тем, что ФТС России в качестве временной меры было принято решение не публиковать статистику по импорту и экспорту во избежание некорректных оценок, спекуляций и разночтений в части импортных поставок.

Динамика развития внешнеторгового оборота, в т. ч. экспорта, Тюменской области (без автономных округов)² в 2015–2019 гг. представлена в табл. 4.

¹ Информационно-аналитические материалы, срочные публикации и комментарии // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат). https://72.rosstat.gov.ru/rs_iam_ug (дата обращения: 04.12.2024).

² Здесь и далее в работе статистические данные приводятся по Тюменской области без автономных округов.

Табл. 2. Темпы роста в секторе «Обрабатывающие производства» по отдельным видам производств по итогам 2023 г.

Table 2. Growth rates in the “Manufacturing” sector by individual types of production by the end of 2023

№ п/п	Вид производства	Темп роста, %
1	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	149,2
2	Производство прочей неметаллической минеральной продукции	127,1
3	Производство прочих готовых изделий	126,7
4	Производство прочих транспортных средств и оборудования	126,6
5	Производство кокса и нефтепродуктов	118,6
6	Производство пищевых продуктов	115,4
7	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	114,1
8	Производство химических веществ и химических продуктов	113,4
9	Производство мебели	109,9
10	Производство резиновых и пластмассовых изделий	108,9
11	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	107,6
12	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	105,7
13	Производство металлургической продукции	105,0

Источник: Тюменьстат¹.

Source: Tyumenstat¹.

Табл. 3. Инвестиции в основной капитал организаций по видам экономической деятельности в Тюменской области (кроме ХМАО — Югры и ЯНАО)

Table 3. Investments in fixed capital by types of economic activity in the Tyumen Region (except for KhMAO — Yugra and YNAO)

Год	Инвестиции в осн. капитал — всего, млн руб
2017	257 904,7
2018	309 984,5
2019	263 502,5
2020	254 566,7
2021	179 494,9
2022	265 873,9
2023	260 793,1

Источник: Тюменьстат².

Source: Tyumenstat².

¹ Информационно-аналитические материалы... // Тюменьстат.

² Там же.

Табл. 4. Внешнеторговой оборот и объем экспорта Тюменской области**Table 4.** Foreign trade turnover and export volume of the Tyumen Region

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Объем внешнеторгового оборота, млн долл. США	2 555,1	2 590,1	4 764,1	5 279,8	3 776,4
Объем экспорта, млн долл. США	2 128,4	2 052,5	2 940,2	3 761,5	1 804,7

Источник: Тюменьстат¹.

Source: Tyumenstat¹.

Аналитический анализ данных Тюменской области позволяет сделать вывод о том, что в экспортной структуре региона преобладают товары 25–27 групп ТН ВЭД, т. е. товары топливно-энергетического комплекса. В регионе поставками данных товаров на экспорт занимается такое крупное предприятие, как — АО «Антипинский нефтеперерабатывающий завод».

Динамика данных видов продуктов представлена в табл. 5.

Табл. 5. Динамика экспорта в 2015–2019 гг.**Table 5.** Dynamics of exports in 2015–2019

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Объем экспорта товаров топливно-энергетического комплекса (товары 25–27 групп ТН ВЭД) в стоимостном выражении, млн долл. США	1 309,4	1 256,4	2 004,0	2 534,7	1 097,9
Доля в общем объеме экспорта региона, %	61,5	61,2	68,2	67,4	29,1
Объем экспорта продукции химической промышленности (товары 28–40 групп ТН ВЭД) в стоимостном выражении, млн долл. США	642,6	683,1	828,4	1 102,6	562,6
Доля в общем объеме экспорта региона, %	30,2	33,3	28,2	29,3	14,9

Источник: данные Уральского таможенного управления ФТС России.

Source: data of the Urals Customs Department of the Federal Customs Service of Russia.

На втором месте находятся товары 28–40 групп ТН ВЭД «Продукция химической промышленности». К указанной категории продуктов относятся органические химические соединения и полипропилен. Основной экспортер — ООО «СИБУР Тобольск».

В 2019–2020 гг. наблюдается снижение экспорта по указанным группам товаров у крупных тюменских предприятий: «Сибур Тобольск», «Антипинский НПЗ», «Тюменский фанерный завод». Снижение экспортных поставок обусловлено сменой места регистрации транспортных компаний или собственников бизнеса данных предприятий. Таким образом, производство компаний осталось в регионе, объемы производимой

¹ Информационно-аналитические материалы... // Тюменьстат.

продукции не снизились, но произошли изменения в заполнении статистических форм и таможенной документации. Правительством Тюменской области проводился ряд консультаций с Таможенной службой по исправлению данной ситуации и приведению объемов тюменского экспорта к фактическим показателям. С аналогичной ситуацией сталкивались и другие субъекты РФ.

Третье место среди экспортируемых товаров занимают товары 84–90 групп ТН ВЭД «Машины, оборудование и транспортные средства» — 76,9 млн долл. США по итогам 2019 г.

Среди товаров несырьевого неэнергетического экспорта в 2019 г. рост демонстрировали следующие группы товаров:

- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (рост 59,7%),
- машины, оборудование и другие транспортные средства (рост 67,3%),
- другие товары (рост 11%).

По другим видам товаров (продукция деревообработки, машины, транспортные средства) доля в общем объеме экспорта составляет менее 5%. Информация по указанным группам товаров в период с 2015 по 2019 г. представлена в табл. 6.

Табл. 6. Объем экспорта Тюменской области по группам товаров, млн долл. США

Table 6. Export volume of the Tyumen Region by commodity groups, mln USD

Коды ТН ВЭД	Наименование товарной группы	2015	2016	2017	2018	2019
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	20,5	18,3	20,3	14,9	23,7
25–27	Минеральные продукты	1 309,4	1 256,4	2 004,3	2 534,7	1 098,3
27	в т. ч. топливно-энергетические товары	1 309,4	1 256,4	2 004,0	2 534,7	1 097,9
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	642,6	683,1	828,4	1 102,6	562,6
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия их них	—	0,02	0,01	1,9	0,04
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	31,6	35,8	48,1	46,5	28,1
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,002	0,2	0,4	0,4	0,3
72–83	Металлы и изделия из них	63,9	19,1	6,5	8,7	7,2
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	44,3	26,2	23,7	46,1	76,9
68–71, 91–97	Другие товары	15,7	13,3	8,3	6,7	7,5
Всего		2 128,4	2 052,5	2 940,2	3 761,5	1 804,7

Источник: данные Уральского таможенного управления ФТС России.

Source: data of the Urals Customs Department of the Federal Customs Service of Russia.

Товары тюменских производителей в 2019 г. экспортировались в 102 страны мира. Страны, в которые осуществлялись экспортные поставки в 2019 г. отражены на рис. 4.

Основные партнеры Тюменской области за период 2015–2019 гг. представлены в табл. 7.

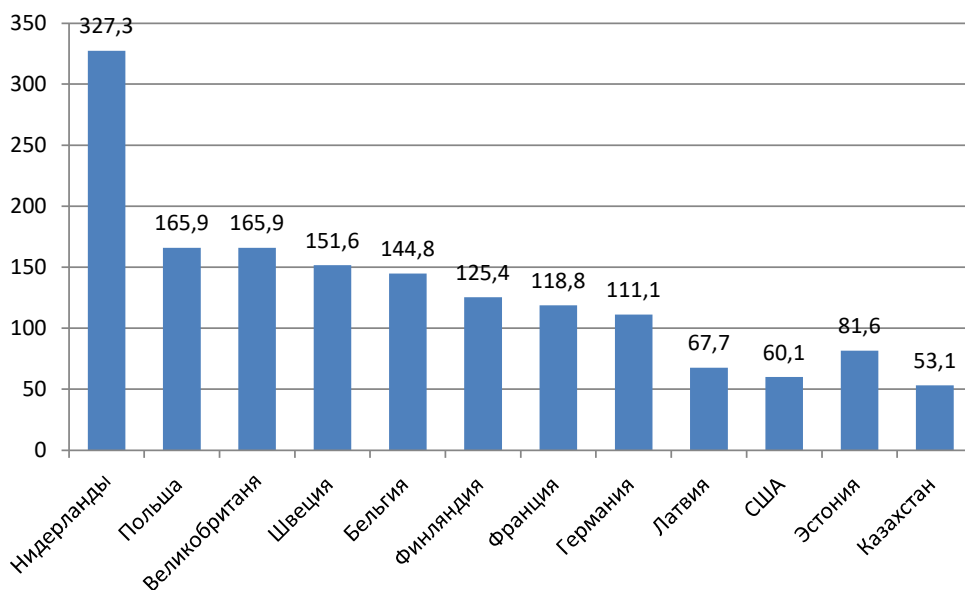

Рис. 4. Страны, в которые осуществлялся экспорт Тюменской области в 2019 году, млн долл. США

Источник: данные Уральского таможенного управления ФТС России.

Fig. 4. Countries to which the Tyumen Region exported in 2019, mln. USD

Source: data of the Urals Customs Department of the Federal Customs Service of Russia.

Табл. 7. Основные торговые партнеры в экспорте Тюменской области, % от общего объема экспорта за соответствующий год

Table 7. Main trade partners in the Tyumen Region exports, % of total exports for the respective year

2015	%	2016	%	2017	%
Нидерланды	41,8	Нидерланды	30,0	Нидерланды	27,8
Бельгия	10,9	Великобритания	9,4	Бельгия	12,1
Турция	8,2	Бельгия	8,5	Франция	9,0
Германия	7,9	Турция	6,8	Великобритания	7,3
Финляндия	6,2	Финляндия	6,7	Швеция	6,1
Узбекистан	4,8	Швеция	6,5	Латвия	5,3
Китай	3,9	Франция	6,1	Белоруссия	4,9
Великобритания	3,1	Германия	5,0	Финляндия	4,0

Продолжение табл. 7

Table 7 (end)

2018	%	2019	%
Нидерланды	23,5	Нидерланды	8,7
Франция	13,3	Польша	4,4
Великобритания	8,7	Великобритания	4,4
Швеция	8,5	Швеция	4,1
Польша	7,2	Бельгия	3,8
Бельгия	6,2	Финляндия	3,3
Финляндия	5,2	Франция	3,1
Германия	4,8	Германия	2,9

Источник: данные Уральского таможенного управления ФТС России.

Source: data of the Urals Customs Department of the Federal Customs Service of Russia.

На основе представленных статистических данных внешней торговли Тюменской области предлагается провести расчет следующих показателей:

- индекс интенсивности внешней торговли,
- индекс диверсификации экспорта,
- индекс выявленного сравнительного преимущества.

Расчет Индекса интенсивности внешней торговли

Индекс принимает значения от нуля до бесконечности. Значения индекса больше единицы свидетельствуют об интенсивности торговли [Григорян, 2012].

$$TII_{ij} = \frac{X_{ij} / X_{it}}{X_{wj} / X_{wt}}, \quad (1)$$

где TII_{ij} — индекс интенсивности внешней торговли, X_{ij} — объем экспорта региона i в страну j , X_{it} — общий объем экспорта региона, X_{wj} — объем мирового экспорта в страну j , X_{wt} — общемировой объем внешней торговли.

Рассмотрим 10 основных стран-партнеров по итогам 2019 г. для Тюменской области:

$$TII_{\text{Нидерланды}} = \frac{327,3 / 1804,7}{514\,513,378 / 18\,710\,834,919} = 0,015 / 0,027 = 0,55,$$

$$TII_{\text{Польша}} = \frac{165,9 / 1804,7}{246\,653,880 / 18\,710\,834,919} = 0,091 / 0,013 = 7,$$

$$ТШиВеликобритания = \frac{165,9 / 1804,7}{692\,494,170 / 18\,710\,834,919} = 0,091 / 0,037 = 2,46,$$

$$ТШиШвеция = \frac{151,6 / 1804,7}{158\,709,858 / 18\,710\,834,919} = 0,084 / 0,008 = 10,5,$$

$$ТШиБельгия = \frac{144,8 / 1804,7}{426\,489,085 / 18\,710\,834,919} = 0,091 / 0,037 = 2,46,$$

$$ТШиФинляндия = \frac{125,4 / 1804,7}{73\,504,750 / 18\,710\,834,919} = 0,069 / 0,0039 = 17,69,$$

$$ТШиФранция = \frac{118,4 / 1804,7}{637\,949,069 / 18\,710\,834,919} = 0,065 / 0,034 = 1,91,$$

$$ТШиГермания = \frac{111,1 / 1804,7}{1236\,298,731 / 18\,710\,834,919} = 0,061 / 0,066 = 0,92,$$

$$ТШиЛатвия = \frac{67,7 / 1804,7}{17\,767,575 / 18\,710\,834,919} = 0,037 / 0,00094 = 39,36,$$

$$ТШиСША = \frac{60,1 / 1804,7}{2\,568\,396,449 / 18\,710\,834,919} = 0,033 / 0,14 = 0,23,$$

$$ТШиЭстония = \frac{81,6 / 1804,7}{18\,658,603 / 18\,710\,834,919} = 0,045 / 0,00099 = 45,45,$$

$$ТШиКазахстан = \frac{53,1 / 1804,7}{38\,356,664 / 18\,710\,834,919} = 0,029 / 0,002 = 14,45.$$

Анализ показал, что наиболее интенсивно из рассмотренных стран торговля осуществляется с Эстонией, Латвией и Казахстаном.

Расчет Индекса диверсификации экспорта

Данный показатель продемонстрирует отклонения товарной структуры экспорта региона от структуры мирового экспорта. Если индекс приближается к единице, то это свидетельствует о низкой диверсификации экспорта (в общем объеме экспорта наибольшая доля принадлежит одному или нескольким товарам); если индекс близок к нулю, это говорит о высокой диверсификации экспорта [Дружинина, Тарасова, 2016]:

$$EDI_{ij} = \frac{\sum |h_{ij} - h_{iw}|}{2}, \quad (2)$$

где EDI_{ij} — индекс диверсификации экспорта региона j , h_{ij} — доля товара i в общем экспорте региона j , h_{iw} — доля товара i в общем мировом экспорте.

Рассчитаем индекс диверсификации экспорта по основным экспортируемым группам товаров из Тюменской области в 2019 г. (табл. 8).

Табл. 8. Доли экспортируемых товаров в общем объеме экспорта

Table 8. Shares of exported goods in total exports

№ п/п	№ ТН ВЭД	Название	Доля экспорта в общ.	Доля экспорта
			объеме экспорта Тюм. обл., %	в мировом объеме экспорта, %
1	27	Топливо	60,7	11,0
2	29	Продукты органической химии	27,6	2,2
3	39	Пластмассы и изделия из них	3,3	3,3
4	85	Электрические устройства, аппаратура связи	2,2	14,4
5	44	Древесина и продукция деревообработки	1,7	0,7
6	84	Механическое оборудование и техника, компьютеры	1,3	11,8
7	15	Масла и жиры	1,3	0,5
8	04	Молочная продукция, яйца, мед	0,4	0,5
9	73	Изделия из черных металлов	0,3	1,6
10	70	Стекло и изделия из него	0,3	0,4

Источники: РЭЦ, Trade Map¹.

Sources: Russian Export Centre, Trade Map¹.

¹ Официальный сайт АО «Российский экспортный центр». <http://regionstat.exportcenter.ru/hs/list/> (дата обращения: 04.12.2024); Trade Map — Trade statistics for international business development. <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 04.12.2024).

$$EDI_{ij} = \frac{\sum \left| \begin{array}{l} (60,7-11)+(27,6-2,2)+(3,3-3,3)+(2,2-14,4)+(1,7-0,7)+ \\ + (1,3-11,8)+ (1,3-0,5)+(0,3-1,6)+(0,3-0,4) \end{array} \right|}{2} = 0,264.$$

Полученное значение индекса диверсификации экспорта региона 0,264, что подтверждает факт диверсификации экспорта. Однако необходимо отметить, что в общем объеме экспорта наибольшая доля принадлежит двум видам товаров: топливно-энергетические товары и продукция химической промышленности.

Расчет индекса выявленного сравнительного преимущества

Данный показатель демонстрирует отношение удельного веса экспорта продукции по определенному виду в общем объеме экспорта региона к удельному весу того же вида продукции в мировом объеме экспорта [Абдрахманова и др., 2012].

$$RCA_{ik} = (X_{ik} / X_{it}) / (X_{wk} / X_{wt}), \quad (3)$$

где RCA_{ik} — индекс выявленного сравнительного преимущества, X_{ik} — объем экспорта товара k в регионе, X_{it} — общий объем экспорта региона, X_{wk} — объем мирового экспорта товара k , X_{wt} — общий объем мирового экспорта.

Рассмотрим экспорт по основной экспортируемой группе товаров из Тюменской области в 2019 г.: 27-я группа — Топливо-энергетические товары.

$$RCA_{ik} = (1097,9 / 1\ 804,7) / (2\ 049\ 223,952 / 18\ 710\ 834,919) = 0,61 / 0,11 = 5,5.$$

Так как индекс выявленного сравнительного преимущества в значении 5,5 получился больше единицы, то 27 группа товаров, экспортируемых из Тюменской области, обладает сравнительным преимуществом на мировом рынке. Значимым показателем, который отражает эффективность развития экспорта в регионе — это рост числа предприятий экспортеров. В Тюменской области наблюдается тенденция роста числа предприятий-экспортеров. В 2019 г. — 218 экспортеров (143 субъекта МСП), в 2023 г. — 400 экспортеров, в т. ч. 318 — среди МСП.

Региональный Центр поддержки экспорта в 2023 г. проконсультировал 411 субъектов малого и среднего бизнеса по вопросам экспортной деятельности. Ряд компаний получили услуги ЦПЭ в форме участия в обучающих (40 субъектов МСП) и акселерационных (10 субъектов МСП) программах. При содействии Центра поддержки экспорта было подписано 20 экспортных контрактов.

Согласно региональной экспортной стратегии Тюменской области в качестве приоритетных направлений в части развития экспорта выделены следующие отрасли:

- 1) нефтегазовое машиностроение;
- 2) химическая промышленность (производство изделий из синтетических материалов);

- 3) товары сельскохозяйственной промышленности и пищевая продукция;
- 4) товары деревообработки;
- 5) услуги, в т. ч. медицинские, туристические, образовательные (программы высшего образования или ДПО), услуги сферы креативной индустрии.

По географическому принципу, странами-партнерами при закупке тюменских товаров могут стать:

- в странах СНГ — Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан.
- в странах дальнего зарубежья — Китай, Вьетнам, Иран, Оман, Саудовская Аравия, Германия (в случае прекращения санкционного режима — Польша, Швеция, Финляндия, Италия, Япония, США).

Тюменский опыт поддержки бизнеса и экспортной деятельности

Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области определен уполномоченным органом в регионе по развитию международных отношений, экспортного потенциала, инвестиционной привлекательности и поддержке предпринимательства. Для данных целей в регионе созданы следующие структуры, деятельность которых направлена на поддержку бизнеса:

- Фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области»;
- Центр поддержки экспорта.

Центр поддержки экспорта в Тюменской области создан в 2011 г. С 2020 г. Центр начал работать в структуре «Мой бизнес», который осуществляет деятельность на базе Фонда «Инвестиционное агентство Тюменской области». Ранее в 2018–2020 гг. Центр поддержки экспорта осуществлял свою деятельность на базе ГАУ Тюменской области «Западно-Сибирский инновационный центр» (Тюменский технопарк).

Центр поддержки экспорта Тюменской области ориентирован на реализацию установленных на федеральном и региональном уровне приоритетов в области поддержки экспортной деятельности. Основной задачей Центра является информирование и консультирование экспортеров и предприятий, которые планируют выходить на экспорт, содействие в участии в выставочно-ярмарочных мероприятиях, в международных бизнес-миссиях, организация и проведение семинаров или вебинаров с привлечением сторонних экспертов, а также помощь в переводе сайтов и презентаций на иностранные языки.

Масштабная работа по развитию экспорта в регионе началась в 2017 г. Проведен анализ текущей ситуации внешнеторговой деятельности, составлен перечень наиболее перспективных для Тюменской области отраслей для развития экспорта, проведена работа с региональными предприятиями, которая включала их отбор, определение точек роста и сдерживающих факторов, формирование необходимой поддержки для быстрого

входа на внешний рынок. Предприятия были распределены по отраслевому принципу и организованы индивидуальные встречи для установления контакта. В течение последних трех лет предприниматели регулярно проходят обучение по образовательной программе Российского экспортного центра и на курсах «деловой английский язык» и «разговорный китайский язык», получали консультации специалистов Центра поддержки экспорта и региональной Торгово-промышленной палаты Тюменской области. Для заинтересованных предприятий разрабатывалась пошаговая инструкция или Дорожная карта поэтапного выхода на внешний рынок, модернизации производственного процесса и маркетинговых аспектов продвижения товара в страну назначения.

Комплекс региональных мер поддержки экспортно-ориентированных предприятий, которые действуют в Тюменской области в 2020 г., представлен в табл. 9 (см. Приложение).

Рассмотрев перечень предлагаемых для предприятий мер поддержки, можно сделать вывод, что бизнес не получает прямого финансирования на реализацию экспортной деятельности. Меры поддержки ориентированы на консультационные, административные и организационные услуги.

С 2022 г. в Тюменской области действует региональная мера поддержки экспорта — компенсация транспортных расходов субъектов МСП при экспорте товаров. Для предприятий имеется возможность возместить до 500 000 руб. В течение года несколько десятков малых и средних предприятий могут получить данную поддержку. Важное условие — во избежание нарушения норм ВТО транспортные расходы компенсируются только до границ РФ.

Для продвижения положительного имиджа региона и привлечения иностранных партнеров регулярно организуются международные мероприятия. Несмотря на установленные ограничения, в продолжение работы со странами дальнего и ближнего зарубежья, регулярно проводятся выездные мероприятия, реверсные бизнес-миссии, онлайн-переговоры. В 2023 г. работа проводилась по развитию и укреплению международных связей в отношении стран СНГ, Азии, Африки и Ближнего Востока.

Все мероприятия направлены на повышение экономической, инвестиционной и культурной привлекательности Тюменской области, в рамках которых организованы в т. ч. встречи с представителями дипломатических и экономических представительств России за рубежом. Во время презентаций приводится общая информация о регионе, социальном и экономическом развитии территории за последние несколько лет, достижениях области в различных сферах, освещаются реализованные крупные инвестиционные проекты последних лет, предоставляемые налоговые льготы и формы государственной финансовой и нефинансовой поддержки, оказываемые инвесторам в регионе, условия локализации производства на базе индустриальных парков. Также для ознакомления иностранных компаний предлагаются готовые к реализации бизнес-кейсы. Всесторонняя информация о регионе позволяет сформировать положительный имидж области и государства в целом, сократить негативные стереотипы у представителей иностранных компаний — потенциальных инвесторов/партнеров, распространить информацию о регионе и преимуществах работы компаний в регионе далеко за его пределы.

Информирование широкого круга представителей дипломатического корпуса зарубежных стран, руководителей международных ассоциаций, внешнеторговых палат, представительств иностранных государств в России, зарубежных и российских инвесторов о промышленно-инвестиционном потенциале Тюменской области является предпосылкой для последующей организации визита в регион заинтересованных в сотрудничестве представителей бизнеса.

Анализ возможных механизмов поддержки экспорта в Тюменской области

Изучив современное состояние инвестиционного климата и экспортного потенциала Тюменской области, был выявлен ряд проблем, решение которых позволит расширить внешнеэкономическую деятельность. Основные проблемы, которые могут выступать сдерживающими факторами развития экспортного потенциала Тюменской области, отражены на рис. 5. Проблемы сформулированы в результате экспертных оценок и аналитической работы.

Рис. 5. Основные проблемы расширения внешнеэкономической деятельности в Тюменской области

Источник: составлено авторами.

Fig. 5. Main problems of foreign economic activity expansion in the Tyumen Region

Source: compiled by the authors.

В целях развития ВЭД региона, увеличения экспортноориентированных предприятий, притока иностранных инвестиций в регион требуется постановка конкретных задач, направленных на устранение существующих внутрирегиональных барьеров. Большинство проблем связаны с развитием экспортных операций и продвижением товаров на внешний рынок. Однако решение данных проблем будет стимулировать реализацию новых инвестиционных проектов, в т. ч. привлекать в регион иностранных компаний-инвесторов.

В целях диверсификации экспорта необходимо провести в регионе ряд мероприятий:

- формирование комплекса региональных мер государственной поддержки экспорта, в т. ч. возможно продвижение услуг группы АО «РЭЦ» (ЭКСАР, РОСЭКС-ИМБАНК);
- формирование в регионе предпринимательских сообществ, в т. ч. ассоциаций экспортеров, для выявления и преодоления существующих барьеров, комплекции больших партий товаров и единой ценовой политики и защиты интересов на внешних рынках;
- поддержка инвестиционных инициатив для создания в регионе новых производств с ориентацией на экспорт, помощь в разработке бизнес-идей и проектов под запросы внешних рынков;
- увеличение участников электронной торговли и единое продвижение бренда «Сделано в Тюменской области».

В дальнейшем для региона стоит задача последовательного увеличения объемов сырьевого, высокотехнологичного экспорта, расширения географии поставок и наращивания количества иностранных партнеров. Необходимо сохранить данные связи и установить новые контакты. Тюменская область уже имеет ряд продуктов, которые направляются на экспорт, в т. ч. нефтепродукты, продукция химической промышленности, пиломатериалы, оборудование. Необходимо диверсифицировать данный перечень.

В 2020 г. предприятия региона столкнулись с новыми проблемами при реализации внешнеэкономической деятельности. В условиях борьбы с инфекцией COVID-19 было введено большое количество ограничений по поставке определенных видов продукции (например, медицинских препаратов и инструментов), изменились условия пересечения межгосударственных границ и подходы к соблюдению санитарно-эпидемиологических норм, ограничены контакты представителей бизнеса.

Специалистами Центра поддержки экспорта и Департамента инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области в апреле 2020 г. в период неопределенности, связанной с пандемией, был проведен опрос среди всех экспортеров на предмет состояния предприятия и готовности продолжения экспортной деятельности в сложившихся условиях (рис. 6).

Основные проблемы, с которыми столкнулись экспортеры при введении в России и других странах ограничительных мер:

- остановка производственного процесса и, в связи с чем, отсутствие возможности выполнить отгрузку продукции;

- замораживание контрактов партнерами;
- ввод ограничительных мер и запретов отдельными государствами;
- отсутствие оперативной информации об условиях пересечения границ;
- дефицит сырья, которое раньше поставлялось другими предприятиями или импортировалось;
- рост издержек на логистику;
- необходимость привлечения дополнительного финансирования.

Центром поддержки экспорта периодически проводится корректировка предоставляемых мер поддержки. Приоритетными определены мероприятия по поиску партнеров за рубежом, размещение предприятий на электронных торговых площадках, онлайн бизнес-миссии, организация обучающих и акселерационных программ.

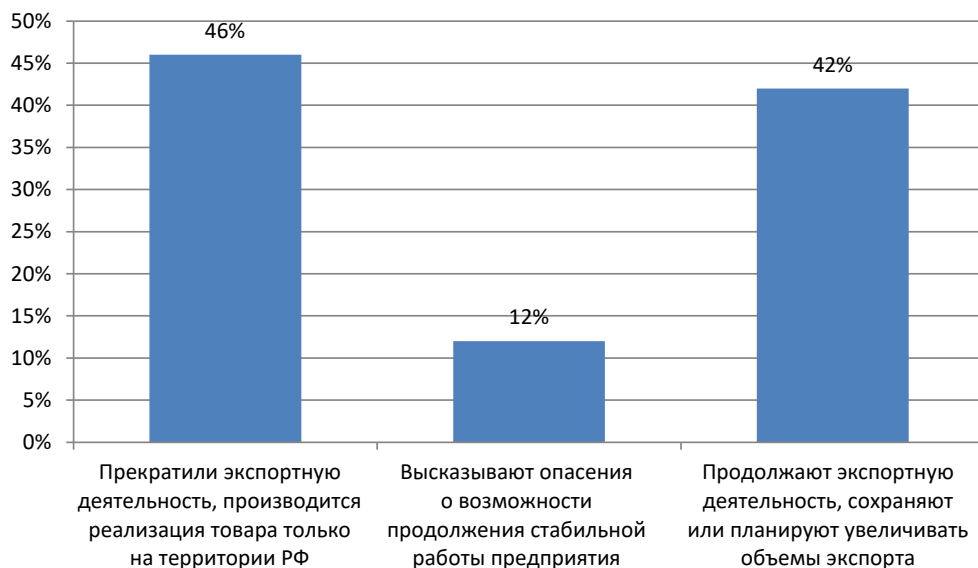

Рис. 6. Результаты опроса предприятий-экспортеров Тюменской области в апреле 2020 г.

Источник: составлено авторами.

Fig. 6. Results of the survey of exporting enterprises of the Tyumen Region in April 2020

Source: compiled by the authors.

В период 2022–2024 гг. в Тюменской области были разработаны и начали действовать новые меры поддержки экспортеров:

- Компенсация транспортных расходов для экспортеров (услуга предусматривает софинансирование при поддержке ЦПЭ до 80% на затраты по транспортировке продукции на экспорт по территории РФ; 500 000 руб. в год на одну компанию).

- Поддержка предприятий МСП при открытии представительств компаний в иностранных государствах и поиск складских помещений в целях оптимизации логистических схем и организации платежей (услуга включает: аренду и предоставление в субпользование производственно-складских помещений; регистрацию юридических лиц за рубежом и открытие расчетных счетов с целью локализации производства и/или организации логистического склада).

После внедрения новых дополнительных мер поддержки возможен рост числа предприятий-экспортеров. Необходимы меры, которые будут способствовать увеличению числа экспортеров-услуг. Данная динамика будет направлена на достижение основного показателя Национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Приток иностранных инвестиций выступит драйвером регионального развития. Доля иностранных инвестиций увеличится до 10% от общего объема инвестиций, что будет способствовать модернизации производств, развитию инноваций, росту занятости населения.

Рассмотрим отдельно несколько возможных мер финансовой поддержки предприятий-экспортеров, которые ранее не использовались в Тюменской области и в России.

Внедрение механизма для поддержки предприятий-экспортеров «Экспортный кэшбэк»

Региональный пример в регионах РФ: в соответствии с постановлением Правительства Москвы №275-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 13 ноября 2012 г. № 646-ПП»¹ от 31 марта 2020 г. внедрен новый механизм предоставления грантовой поддержки предприятиям-экспортерам, так называемый «Экспортный кэшбэк». Объем финансовой помощи зависит от выручки, которую заработала компания благодаря экспорту своих товаров или услуг.

Согласно условиям: размер гранта на одно предприятие — 10% от общего объема экспортного контракта; грант не может быть выше 50% от суммы налогов и сборов, уплаченных в бюджет за год, предшествующий году подачи заявки; на одно предприятие возможно предусмотреть поддержку в размере не более 10 млн руб. в не зависимости от числа поданных заявок.

С помощью гранта компании-экспортеры могут частично компенсировать любые затраты на экспорт (транспортные расходы, затраты на сертификацию, на патентование, на адаптацию продукции и т. д.). Предлагается упрощенная процедура предоставления указанной меры финансовой поддержки, что позволяет отказаться от большого количества документов, необходимых для подтверждения затрат на экспорт.

Основные требования к экспортерам:

1. Рост экспортной выручки в отчетном финансовом году по отношению к году, предшествующему отчетному финансовому году.
2. Экспорт товаров, которые не являются сырьевыми, не относятся к топливно-энергетическим видам.
3. Экспортный контракт на сумму не менее 6 млн руб.

¹ Доступно на официальном сайте мэра Москвы: https://www.mos.ru/upload/documents/files/2197/Prilojenie_1.pdf (дата обращения: 04.12.2024).

Данная мера позволит стимулировать рост начинающих предприятий-экспортеров и поддержать их деятельность на начальном этапе.

Экспортный факторинг для субъектов МСП, зарегистрированных на территории Тюменской области

По результатам опросов, проведенных среди субъектов МСП, осуществляющих, либо планирующих осуществлять экспортную деятельность, были выявлены факторы, ограничивающие возможность заключения экспортных контрактов. К ним относятся длительные сроки оплаты экспортной продукции со стороны покупателя, которые доходят до 120 дней с даты отгрузки товара. В связи с этим, предлагаем внедрение в рамках деятельности Фонда Инвестиционное агентство Тюменской области новой услуги — экспортный факторинг. Данная услуга позволит оказать дополнительный стимулирующий эффект для отгрузки продукции, произведенной субъектами МСП, иностранным покупателям. В России подобную услугу — страховой продукт, предназначенный для защиты фактора от риска неплатежа иностранных контрагентов — предлагает АО «ЭКСПАР»¹.

Этапы получения государственной поддержки по схеме «Экспортный факторинг»:

1. Подписание договора факторинга.
2. Подписание договора страхования рисков неоплаты со стороны покупателя иностранного контрагента.
3. Финансирование экспортера по факту отгрузки товаров.
4. Уступка прав требования экспортной выручки по договору поставки.
5. Поставка товара.
6. Оплата долга по истечению отсрочки.

Таким образом, учитывая, что в среднем загрузка производственной мощности предприятий Тюменской области составляет всего 43%, то внедрение государственной поддержки будет увеличивать скорость оборачиваемости денежных средств и позволит наращивать производственные мощности. Сокращение сроков ожидания финансирования будет способствовать росту объемов экспорта и количества субъектов МСП, которые задействованы во внешнеэкономической деятельности.

Благодаря государственной поддержке существенно расширятся рынки сбыта товаров, что приводит к росту прибыли предпринимателей Тюменской области, увлечению налоговых поступлений в бюджет государства, а также способствует стабильности благосостояния населения региона в целом.

Заключение

Многочисленные санкции, направленные на подрыв экономического потенциала Российской Федерации, создали крайне неблагоприятный фон для выработки новой

¹ Страхование экспортного факторинга в «ЭКСПАР» // АО «ЭКСПАР». <https://www.exiar.ru/products/resheniya-dlya-bankov/strakhovanie-eksportnogo-faktoringa-bank/> (дата обращения: 04.12.2024).

внешнеэкономической политики. Наибольшее влияние новый контекст международного развития оказал на регионы, в т. ч. экономически благополучную, инвестиционно привлекательную Тюменскую область.

Внедрение национального проекта «Международная кооперация и экспорт», реализация Регионального экспортного стандарта 2.0 и достижение целевых показателей по развитию экспортной деятельности осуществлялись в условиях санкционного подрыва экспортного потенциала, сокращения импортных операций и экспортных возможностей, сужения потенциала импортозамещения и всемерного усиления некооперативности международного экономического взаимодействия.

В новых экономических условиях потребовалась тонкая и оперативная перенастройка внешнеполитических курсов, региональных и предпринимательских стратегий ВЭД, бизнес-моделей компаний-экспортеров под требования новой реальности, а также выработка новых механизмов реагирования на санкционные и конфронтационные практики.

Пересмотр существующей модели развития и новые контуры внешнеэкономической политики Тюменского региона, по результатам проведенного исследования, заключаются в следующем.

Первоначально регион специализировался преимущественно на так называемом форвардном участии в международных цепочках создания стоимости с преобладанием в экспорте сырьевых товаров, используемых в дальнейшем для переработки в странах-импортерах. Проведенный анализ современной внешнеэкономической деятельности Тюменской области и расчеты индекса интенсивности внешней торговли, индекса диверсификации экспорта, индекса выявленного сравнительного преимущества свидетельствуют о сохранении устойчивых позиций региона на мировом рынке нефтепродуктов и постепенном переходе к экспортной диверсификации.

«Локомотивами развития» Тюменской области выступают такие отрасли, как нефтепереработка и нефтегазохимия, деревообработка, черная металлургия, стекольное и биотехнологическое производство, агропромышленный комплекс и строительные материалы. Стабильные положительные показатели индекса промышленного производства Тюменской области позволяют сделать вывод о наличии в регионе производственных мощностей для развития ее экспортного потенциала и расширения товарных и географических поставок.

Наблюдается структурная перестройка модели встраивания Тюменского региона в мировую экономику: доля западных стран во внешнеторговом обороте снижается, значимость западного направления торговли резко падает, а стран Глобального Юга, напротив, растет. Если раньше экспортные поставки осуществлялись в Нидерланды, Польшу, Великобританию, Швецию и другие европейские страны, причем с наибольшей интенсивностью торговля велась с Эстонией, Латвией, то в настоящее время приоритетными странами для экспорта тюменских товаров являются: в СНГ — Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан. Из стран дальнего зарубежья — Китай, Вьетнам, Иран, Оман, Саудовская Аравия. С 2023 г. регион развивает и укрепляет международные связи со странами Азии, Африки и Ближнего Востока.

Происходит последовательное сжатие экспорта углеводородов и первичного сырья на рынки недружественных стран. Резкое снижение интенсивности внешнеэкономических связей региона с западноевропейскими странами вызвало необходимость переориентации торгово-инвестиционного сотрудничества со зрелых на быстрорастущие развивающиеся рынки, со странами азиатского континента, которые теперь выступают наиболее перспективными для Тюменской области партнерами. Формирование с ними надежных внешнеэкономических связей может частично компенсировать сокращение ключевого для нас направления по экспорту энергоносителей и способствовать формированию новых международных цепочек добавленной стоимости с участием ведущих региональных игроков (Китай, страны АСЕАН). Дополнительные возможности внешней торговли открываются для региона по линии сотрудничества с другими развивающимися регионами — Латинской Америки, Африки.

Адаптация региона к санкциям и новым внешним условиям выразилась также в тенденции роста числа предприятий-экспортеров и состава участников ВЭД с преобладанием малых предпринимательских структур: с 218 в 2019 г. (143 субъекта МСП) до 400 в 2023г., в т. ч. (318 субъектов МСП).

Согласно региональной экспортной стратегии Тюменской области в качестве приоритетных направлений в части развития экспорта определены следующие отрасли: нефтегазовое машиностроение; химическая промышленность (производство изделий из синтетических материалов); пищевая промышленность и продукция агропромышленного комплекса; деревообрабатывающая промышленность; а также образовательные услуги, медицинские услуги, туристические услуги, ИТ-услуги.

В Тюменской области эффективно действует инфраструктура поддержки экспорта. Региональный Центр поддержки экспорта в 2023 г. проконсультировал 411 субъектов малого и среднего бизнеса по вопросам экспортной деятельности. Ряд компаний получили услуги ЦПЭ в форме участия в обучающих (40 субъектов МСП) и акселерационных (10 субъектов МСП) программах. При содействии Центра поддержки экспорта было подписано 20 экспортных контрактов. Кризисная ситуация и внешние вызовы оказали влияние на линейку услуг регионального центра поддержки экспорта. Меняются подходы к поддержке экспортеров и предлагаются наиболее востребованные услуги: точечный поиск партнеров за рубежом, участие в онлайн бизнес-миссиях, регистрация на электронных торговых площадках.

Подобная трансформация внешнеэкономической деятельности Тюменского региона, выработка новых контуров и механизмов эффективной международной кооперации стала возможной благодаря оперативной синхронизации действий региональных органов власти, субъектов предпринимательства и институтов поддержки экспорта в соответствии со стратегическими внешнеполитическими ориентирами страны.

Экспортная деятельность для экономики региона остается одним из важнейших драйверов развития. При условии внедрения дополнительных мер поддержки экспортеров и создания определенных механизмов возможен рост числа региональных предприятий-экспортеров, в т. ч. экспортеров услуг, и развитие экспортного потенциала Тюменской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алехин Э. В. 2007. Региональная экономика и управление: учебное пособие. Пенза. 98 с.
- Гапоненко Ю. В. 2013. Уровень развития экспортного потенциала региона и методические аспекты его оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10. Инновационная деятельность. 2013. № 2 (9). <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-eksportnogo-potentsiala-regiona-i-metodicheskie-aspekty-ego-otsenki> (дата обращения: 24.12.2024).
- Гохберг Л. М. (ред.). 2012. Экономика знаний в терминах статистики: наука, технологии, инновации, образование, информационное общество / авт. колл.: Г. И. Абдрахманова, Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг. М. Экономика. 240 с.
- Григорян К. Г. 2012. Система индикаторов региональной экономической интеграции // Российский экономический интернет журнал. <http://www.e-rej.ru/Articles/2012/Grigoryan.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).
- Дружинина И. В., Тарасова О. В. 2016. Статистика внешнеэкономической деятельности: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: ТИУ. 195 с.
- Калиев И. А., Темиров А. О. 2021. Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // Norwegian Journal of Development of the International Science. № 68. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regiona-i-regionalnyh-podsistem-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 24.12.2024).
- Никифорова В. Д., Путихин Ю. Е., Никифоров А. А. 2020. Региональная экономика: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М. 304 с. + доп. материалы. <https://znanium.com/catalog/product/1052188> (дата обращения: 24.12.2024).
- Сапир Е. В., Шмураткина А. Г. 2019. Институциональный механизм повышения экспортного потенциала региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 3. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-169-176>
- Сейфуллаева М. Э. 2001. Маркетинговая составляющая регионального развития // Маркетинг в России и за рубежом. № 5. <http://www.mavriz.ru/articles/2002/5/104.html> (дата обращения: 24.12.2024).

References

- Alekhin, E. V. (2007). *Textbook on Regional Economics and Management*. [In Russian]
- Gaponenko, Yu. V. (2013). The level of development of export potential of the region and methodological aspects of its assessment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 10, Innovatsionnaya deyatel'nost', (2)*. Retrieved Dec. 24, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-eksportnogo-potentsiala-regiona-i-metodicheskie-aspekty-ego-otsenki> [In Russian]
- Gokhberg, L. M. (Ed.). (2012). *Knowledge Economy in Terms of Statistics: Science, Technology, Innovation, Education, Information Society* (G. I. Abdrakhmanova, N. V. Gorodnikova, L. M. Gokhberg et al., Dictio. entries; L. M. Gokhberg, Ed.). *Ekonomika*. [In Russian]
- Grigoryan, K. G. (2012). System of indicators of regional economic integration. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet zhurnal*. Retrieved Dec. 24, 2024, from <http://www.e-rej.ru/Articles/2012/Grigoryan.pdf> [In Russian]

- Druzhinina, I. V., & Tarasova, O. V. (2016). *Textbook on Statistics of Foreign Economic Activity* (2nd rev. ed.). Industrial University of Tyumen. [In Russian]
- Kaliev, I. A., & Temirov, A. O. (2021). The concept of region and regional subsystems in international relations. *Norwegian Journal of International Science*, (68). Retrieved Dec. 24, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regiona-i-regionalnyh-podsistem-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> [In Russian]
- Nikiforova, V. D., Putikhin, Y. E., & Nikiforov, A. A. (2020). *Textbook on Regional Economy*. RIOR: INFRA-M. Retrieved Dec. 24, 2024, from <https://znanium.com/catalog/product/1052188> [In Russian]
- Sapir, E. V., & Shmuratkina, A. G. (2019). Institutional mechanism for increasing export potential of the region. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (3). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-169-176> [In Russian]
- Seifullaeva, M. E. (2001). Marketing component of regional development. *Marketing in Russia and Abroad*, (5). Retrieved Dec. 24, 2024, from <http://www.mavriz.ru/articles/2002/5/104.html> [In Russian]

Информация об авторах

Наталья Викторовна Ракитина, аспирант, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.rakitina@utmn.ru

Людмила Михайловна Симонова, доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
l.m.simonova@utmn.ru

Information about the authors

Natalia V. Rakitina, Postgraduate Student, Associate Professor, Department of International Relations, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.rakitina@utmn.ru

Lyudmila M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management and Business, University of Tyumen, Tyumen, Russia
l.m.simonova@utmn.ru

Приложение

Табл. 9. Меры поддержки Тюменской области для предприятий-экспортеров

Table 9. Support measures of the Tyumen Region for exporting enterprises

№ п/п	Наименование услуги	Софинансирование
1	Консультационные услуги по вопросам экспортной деятельности. Для данной категории услуг могут приглашаться отраслевые эксперты или специалисты по логистике, таможенному, валютному и налоговому законодательству.	Нет
2	Содействие в подготовке и переводе на иностранные языки различных материалов, в том числе презентации, буклеты, брошюры. Последние годы актуальна услуга по подготовке электронных материалов, адаптации и переводе упаковки товара.	Нет
3	Содействие в подготовке и экспертизе экспортного контракта.	Нет
4	Содействие в формировании коммерческого предложения под целевые рынки и категории товаров (работ, услуг).	Нет
5	Содействие в подборе и поиске потенциальных иностранных покупателей, включая: <ul style="list-style-type: none"> — содействие в налаживании связи с потенциальными иностранными покупателями путем первичных телефонных переговоров, — ведение коммерческой корреспонденции совместно с МСП, — содействие в организации видеоконференцсвязи и принятие участия в видеоконференцсвязи на стороне МСП, — организацию рассылки пробной продукции и образцов. 	Нет
6	Для предприятий постоянно организуются вебинары, консультации и иные информационные мероприятия по вопросам экспорта. В течение года проводится не менее 10 обучающих модулей Школы экспорта АО «Российский экспортный центр».	Нет
7	Организация и проведение межрегиональных бизнес-миссий, включая: <ul style="list-style-type: none"> — определение потенциальных интересных партнеров, степени заинтересованности в сотрудничестве и получение обратного отклика, — подготовку презентационных материалов в электронном виде, — разработку дизайна сувениров со знаками компаний-участников, — проведение встреч для обсуждения условий поставки товаров, — услуги трансферта. 	Нет
8	Организация и проведение международных бизнес-миссий, включая: <ul style="list-style-type: none"> — подбор потенциальных иностранных партнеров, в зависимости от уровня готовности закупки товаров, — подготовку презентационных материалов в электронном виде, — разработку дизайна сувениров со знаками компаний-участников, — проведение встреч для обсуждения условий поставки товаров, — услуги трансферта. — аренду помещения для переговоров, — предоставление переводчика для проведения переговоров. 	Нет
9	Организация и проведение реверсных бизнес-миссий — встреч и переговоров с иностранными субъектами предпринимательской деятельности на территории Тюменской области, включая: <ul style="list-style-type: none"> — решение технических вопросов по организации переговоров; — предоставление услуг переводчика; — компенсацию расходов представителям иностранных компаний для проезда/перелет до Тюменской области и обратно. 	Нет

10	Подготовка субъектов МСП для участия в международных выставках в России и за ее пределами, включая: — застройку стенда компании или регионального стенда; — аренду необходимой площади для стенда; — формирование выставочных образцов и доставку на выставку, при необходимости - организацию дегустационной зоны; — организацию проведения переговоров с потенциальными партнерами; — оплату сборов на выставке за представителей субъектов МСП — участников, — предоставление услуг переводчика; — подготовку презентационных материалов в электронном виде; — транспортные услуги для участников.	Нет
11	Размещение информации о продукции предприятий на электронных торговых площадках: Alibaba, Amazon, Fordaq, eBay и другие.	Нет
12	Организация конференций, форумов и иных массовых мероприятий по вопросам экспортной деятельности.	Нет
13	Повышение квалификации сотрудников МСП в целях реализации экспортной деятельности	Нет
14	Приведение товаров, которые планируются к экспорту, к необходимым стандартам, которые предъявляются на внешних рынках (оформление различных сертификатов, разрешительных документов). Также помощь в подготовке и переводе технической документации, формировании партии пробных образцов, организации испытательного эксперимента.	Да, 20% от стоимости со стороны МСП
15	Перевод на иностранный язык Интернет-сайта предприятия. В случае необходимости, модернизация Интернет-сайта и адаптация к запросам потенциальных покупателей.	Да, 20% от стоимости со стороны МСП
16	Маркетинговые исследования по конкретному товару или отрасли. Формирование пакета документов для патентования товаров.	Да, 20% от стоимости со стороны МСП
17	Оформлении прав на результаты интеллектуальной деятельности и товаров, которые регистрируются на внешних рынках (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков, наименований мест происхождения товаров и иных)	Да, 30% от стоимости со стороны МСП
18	Организация работы ЦПЭ по участию субъектов МСП в акселерационных программах по развитию экспортной деятельности: — на базе ЦПЭ (проведение информационных мероприятий и сопровождение субъектов МСП экспертом по внешнеэкономической деятельности), — с привлечением партнерских организаций (обучение субъекта МСП по вопросам экспортной деятельности и организация экспертного сопровождения субъектов МСП)	Да, 20% от стоимости со стороны МСП
19	Поиск партнеров посредством сети региональных представительств Тюменской области за рубежом (Казахстан, Узбекистан, КНР).	Нет

Источник: Центр поддержки экспорта Тюменской области¹.

Source: Tyumen Region Export Support Centre¹.

¹ Официальный сайт Центра поддержки экспорта Тюменской области. <http://tecrus.ru/> (дата обращения: 24.12.2024).

Перспективы ПАО «Газпром» на фоне внешнеэкономических тенденций

Людмила Игоревна Теньковская

Московская Биржа ММВБ-РТС, Москва, Россия
Контакт для переписки: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Аннотация. Экономическая наука дает широкое представление о прогнозировании котировок акций компаний на основе воздействия тенденций внешнеэкономических факторов. Тем не менее, впервые в качестве объекта исследования выступает ПАО «Газпром» в текущих условиях. Соответственно, цели данного исследования включают определение тенденций мировых цен природного газа, валового внутреннего продукта (ВВП) Китая и индекса Мосбиржи (ИМОЕХ); а также прогнозирование котировок акций ПАО «Газпром» в зависимости от упомянутых факторов. Это потребовало решения следующих задач: рассмотрены теоретические аспекты функционирования ПАО «Газпром» во внешнеэкономических условиях; подобрана соответствующая методология для экономического моделирования изучаемых факторов; определены тенденции и прогнозные значения мировых цен природного газа, ВВП Китая, ИМОЕХ и котировок акций ПАО «Газпром». В процессе работы использованы ADF-тест, KPSS-тест, метод центрированного скользящего среднего и экономико-математическое моделирование на основе корреляционно-регрессионного анализа, полиномиальной и линейных тенденций. Автором построены модели полиномиальной тенденции, линейной тенденции, множественной линейной регрессии соответственно для прогноза мировых цен природного газа, ВВП Китая, ИМОЕХ и котировок акций ПАО «Газпром». В результате установлено, что внешнеэкономические тенденции могут положительно повлиять на рост котировок акций ПАО «Газпром», поскольку они повысят экономическую эффективность данной компании. При сохранении выявленных тенденций в будущем целесообразно инвестирование в ПАО «Газпром».

Ключевые слова: экономическая эффективность, котировки акций, ПАО «Газпром», мировые цены природного газа, валовой внутренний продукт Китая, индекс Мосбиржи (ИМОЕХ), экономико-математическое моделирование, прогнозирование

Цитирование: Теньковская Л. И. 2024. Перспективы ПАО «Газпром» на фоне внешнеэкономических тенденций // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 225–242. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-225-242>

Поступила 26.10.2024; одобрена 19.11.2024; принята 19.11.2024

Prospects of Gazprom against the backdrop of global economic trends

Lyudmila I. Tenkovskaya

Moscow Exchange MICEX-RTS, Moscow, Russia

Corresponding author: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Abstract. Economic research provides a broad understanding of forecasting company stock prices based on the impact of trends in external economic factors. However, PJSC Gazprom and its stock prices in the current economic situation have not been an object of study before. This article aims to forecast Gazprom's stock prices depending on the trends in world natural gas prices, China's gross domestic product (GDP), and the Moscow Exchange Index (IMOEX). In accordance with this objective, the following tasks have been solved: considering theoretical aspects of Gazprom functioning in external economic conditions; selecting an appropriate methodology for economic modeling of the factors under study; determining the trends and forecast values of world natural gas prices, China's GDP, the IMOEX, and Gazprom's stock prices. That has required using ADF test, KPSS test, centered moving average method, economic and mathematical modeling based on correlation and regression analysis, as well as polynomial and linear trends. The author presents the models of a polynomial trend, a linear trend, and multiple linear regression to forecast world prices for natural gas, China's GDP, the IMOEX, and Gazprom's stock prices, respectively. The results have established that global economic trends may positively affect the growth of Gazprom's share prices, since they will increase the economic efficiency of this company. If the identified trends persist in the future, it is advisable to invest in Gazprom.

Keywords: economic efficiency, stock quotes, PJSC Gazprom, world prices for natural gas, China's gross domestic product, Moscow Exchange Index (IMOEX), economic and mathematical modeling, forecasting

Citation: Tenkovskaya, L. I. (2024). Prospects of Gazprom against the backdrop of global economic trends. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 225–242. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-225-242>

Received Oct. 26, 2024; Reviewed Nov. 19, 2024; Accepted Nov. 19, 2024

Введение

В настоящее время инвесторов волнует вопрос экономической эффективности компании ПАО «Газпром», поскольку оно лишилось большей части рынков сбыта российского природного газа в Европе, что негативно отразилось на его прибыльности. В связи с этим исследуемая компания не выплатила дивиденды своим акционерам и заставила инвесторов усомниться в целесообразности денежных вложений в покупку своих акций. В такой ситуации котировки акций ПАО «Газпром» достигли исторических минимальных значений. Сложившаяся неблагоприятная геополитическая обстановка вынуждает данную компанию топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России искать рынки сбыта своей продукции в дружественных странах Азии.

Однако сформировать долгосрочные внешнеэкономические связи и отношения газовой компании с другими потребителями энергетических ресурсов — непростая комплексная задача, требующая больших капиталовложений в транспортную инфраструктуру и решаемая в течение долгосрочного временного отрезка. Пока ПАО «Газпром» не удалось компенсировать потерянные объемы экспорта продукции за счет завоевания новых импортеров российского природного газа в других странах. Кроме того, на экономической эффективности анализируемой компании отрицательно отразилось снижение цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов. Такая тенденция сформировалась на фоне увеличения производства и экспорта сжиженного природного газа в Соединенных Штатах. Помимо этого, общая обстановка на фондовом рынке России не способствует восстановлению стоимости инвестиционных активов до докризисных уровней. В таком случае возникает вопрос: есть ли сейчас факторы роста котировок акций ПАО «Газпром»?

Нетрудно предположить, что экономическая эффективность компании сейчас зависит от трех факторов: 1) цены природного газа на мировом рынке энергии; 2) влияние валового внутреннего продукта (ВВП) второй экономики мира — хозяйственной системы Китая; 3) общая ситуация на российском фондовом рынке. Чтобы понять закономерности формирования динамики котировок акций ПАО «Газпром» в зависимости от приведенных факторов, необходимо установить тенденции их изменения. Известно, что мировые цены природного газа имеют долгосрочную полиномиальную тенденцию, поскольку из-за нестабильности конъюнктуры глобального рынка энергии отражают недостаток или избыток спроса и предложения. ВВП Китая долгое время уверенно растет, хотя его рост замедляется в последнее время. Индекс Мосбиржи (ИМОЕХ) пытается восстановиться после краха во время начала военной операции России в Украине.

Приведенные факты обуславливают актуальность данного исследования за счет новой информации о перспективах ПАО «Газпром» на фоне внешнеэкономических тенденций. Целями научного изыскания являются следующие результаты: определение тенденций изменения и составление на их основе прогнозов цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов, ВВП Китая и ИМОЕХ; прогнозирование котировок акций ПАО «Газпром» в зависимости от перечисленных выше факторов.

Теоретические аспекты функционирования ПАО «Газпром» во внешнеэкономических условиях

Данное исследование посвящено изучению эффективности функционирования ПАО «Газпром» в условиях, характеризующихся определенными тенденциями внешнеэкономических факторов. Прежде всего, необходимо разобраться, что собой представляет компания ПАО «Газпром»: согласно научным источникам, данная компания относится к ТЭК; она имеет крупные размеры и является транснациональной; ей принадлежит монопольное право на экспорт российского природного газа за рубеж; в ее функции входит газификация регионов России; часть доходов компании направляется в федеральный бюджет нашего государства в форме налога на добычу полезных ископаемых; она занимается субсидированием отраслей российской экономики, спонсорством и благотворительностью [Буркеева, Булганина, 2023]. В настоящее время ПАО «Газпром» имеет низкую экономическую эффективность в результате потери рынков сбыта российского природного газа в странах Европейского Союза (ЕС). Данное событие связано с военной операцией России в Украине и рассматривается в качестве санкционного давления со стороны Запада. В связи с этим ПАО «Газпром» необходимо завоевание новых рынков сбыта природного газа из России [Новосёлова, Новикова, 2023].

Нужно отметить, что сложившуюся экономическую ситуацию можно было предвидеть. На самом деле ЕС выстраивал стратегию отказа от природного газа из России продолжительное время, расширяя применение собственных возобновляемых источников энергии и занимаясь поисками альтернативных поставщиков сжиженного природного газа [Аникин, 2023]. ПАО «Газпром» уже не соответствовала экологическим стандартам стран Европейского Союза [Grigoryev, Medzhidova, 2020].

Однако существует и другая причина неэффективности компании: зависимость России от потребления энергии в ЕС использована недружественными странами с целью разрушения экономики и социальной сферы нашей страны [Stern, 2020; Westphal, 2020]. В частности, ЕС в долгосрочном плане настраивался на борьбу с Россией и разрыв отношений с ПАО «Газпром», несмотря на капиталовложения компании в транспортную инфраструктуру для Европы [Schubert и др., 2014]. Поэтому в настоящее время ПАО «Газпром» оказался в трудной экономической ситуации, и сейчас важно разобраться, есть ли какие-нибудь драйверы роста для этой компании.

Во-первых, для компаний ТЭК важны мировые цены на нефть и природный газ. В особенности для ПАО «Газпром» большую роль играют цены на природный газ на мировом рынке энергетических ресурсов. Поэтому сейчас важно понять, какие тенденции в мире владеют динамикой стоимости природного газа. Так, неопределенность в международной экономике и геополитические риски увеличивают цены природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов [Дьячкова, Карасс, 2023]. В настоящее время актуальной проблемой в Европе остается создание возобновляемых источников энергии. На первый взгляд решение данной задачи повлечет за собой полный отказ от использования природного газа, что негативно отразится на его цене.

Однако это не так, поскольку работа возобновляемых источников энергии нестабильна, в условиях их применения для обеспечения постоянства снабжения энергией экономических субъектов требуется природный газ [Дорохина, 2022; Чернова, Разманова, 2022; Сергеева, 2023]. Расширение производства энергии из возобновляемых источников повысит роль и поддержит цены природного газа в экономике [Chen и др., 2018]. Другие мировые тенденции тоже свидетельствуют о повышении спроса на природный газ, что увеличит цены на мировом рынке энергии: рост численности населения; экономическая экспансия; увеличение цен природного газа в отдельных регионах и возможности его реализации по более высоким ценам; возрастание объемов инвестиций в транспортную инфраструктуру компаний ТЭК; замещение угля при выработке электроэнергии с целью соответствия экологическим стандартам [Sueyoshi, Goto, 2017; Кочерова, 2022]. Приведенные выше доводы указывают на рост цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов, что можно считать позитивным фактором для экономической эффективности компании ПАО «Газпром».

Во-вторых, необходимо выяснить, будет ли воздействовать на экономическую эффективность ПАО «Газпром» ожидаемое увеличение потребления природного газа в азиатских странах, в частности, в Китае. Китайская экономика по размерам уступает только хозяйственной системе США, поэтому Китай потребляет большое количество энергетических ресурсов при производстве валового внутреннего продукта. Начало фазы экономического роста в этой стране ознаменовал переход к рыночной экономике: с 1979 по 2018 г. ВВП Китая увеличивался в среднем на 9,4% в год, внося в среднем 18% в годовой рост мировой экономики [Ху, 2024]. Установлено, что ВВП Китая увеличился за счет научно-технического прогресса: валовые расходы Китая на НИОКР возросли с 7,5 млрд долл. США в 1991 г. до 178,2 млрд долл. США в 2010 г. [Balzer, Askonas, 2016].

Однако после 2010 г. в Китае сокращение численности трудоспособного населения в возрасте от 15 до 59 лет останавливает быстрый экономический рост [Cai, 2015]. В этой связи важно понять две вещи: как влияют большая экономика Китая и замедление темпов прироста китайского валового внутреннего продукта на эффективность функционирования ПАО «Газпром». На первый взгляд между ВВП Китая и экономической эффективностью ПАО «Газпром» должна установиться сильная позитивная связь. Однако пока этого не происходит. Потребление традиционных источников энергии увеличивает выбросы углекислого газа. В Китае тоже существует связь между выбросами углекислого газа и реальным ВВП: темпы роста двух переменных связаны друг с другом в долгосрочной перспективе. Это свидетельствует о необходимости реализации экологической политики, направленной на сокращение выбросов углекислого газа в периоды экономического роста в Китае [Sarogale и др., 2021]. С целью улучшения экологии необходимо сокращение потребления в Китае энергии традиционных источников, что может быть достигнуто посредством снижения энергоемкости производства и использования возобновляемых источников энергии [He и др., 2016; Liu и др., 2024]. В настоящее время в Китае интенсивность выбросов CO₂ и энергоемкость производства снижаются, рост потребления энергии и выбросов углерода замедляется, имеется потенциал сокращения выбросов углерода [Chen и др., 2019].

Итак, с одной стороны, существует тенденция роста ВВП Китая, что считается позитивным фактором для конъюнктуры мирового рынка природного газа; с другой стороны, замедляются темпы расширения экономики Китая и энергоемкость производства в этой стране падает, что является негативными факторами для функционирования мирового рынка природного газа.

В-третьих, целесообразно подчеркнуть самодостаточность экономики нашей страны, которая выражена и в благоприятной геополитической обстановке, и в условиях санкций западных стран одинаковой волатильностью российского фондового рынка, представляющей собой изменения ИМОЕХ [Глебова, Ковалева, 2024]. Поэтому экономическая эффективность компании Газпром связана с инвестиционной деятельностью на российском фондовом рынке, что может быть отражено во взаимосвязях экономических показателей, котировок акций и ИМОЕХ. Например, дивидендная доходность компаний, относящихся к ТЭК России, не только соответствует доходности биржевого индекса ИМОЕХ, но и превышает ее [Недбайлов, 2023].

В свою очередь ИМОЕХ может находиться под влиянием внешнеэкономических факторов, в частности, отмечается положительная связь ИМОЕХ и индекса S&P500 [Смирнов, 2021б]. Тенденция роста S&P500 может совпадать с тенденцией увеличения котировок акций ПАО «Газпром». На индексы российского фондового рынка воздействует спекулятивное поведение собственников финансового капитала [Смирнов, 2021а]. Спекуляции на российском фондовом рынке повышают волатильность котировок акций ПАО «Газпром». На ИМОЕХ и акции, составляющие его, влияют настроения инвесторов, но они не всегда совпадают с реальной ситуацией на российском фондовом рынке: в периоды экономических кризисов часто наблюдается оптимизм со стороны массовых инвесторов [Миловидов, 2024].

В последние годы российский фондовый рынок испытывает давление на фоне военной операции России в Украине, что отражено в падении экономической эффективности и котировок акций ПАО «Газпром» [Ullah и др., 2023]. Доходность моментум-стратегий инвестирования на российском фондовом рынке соответствует доходности индекса ИМОЕХ [Назарова, Лещев, 2023]. Поэтому прошлые высокие значения котировок акций ПАО «Газпром» могут быть снова достигнуты в будущем. Соответственно, экономическая эффективность ПАО «Газпром» и ситуация на российском фондовом рынке взаимосвязаны между собой.

Таким образом, изучение теоретических основ функционирования ПАО «Газпром» во внешнеэкономических условиях позволило сделать вывод, что экономическая эффективность представленной компании может находиться во власти тенденций изменения конъюнктуры мирового рынка природного газа, ВВП Китая и доходности российского фондового рынка.

Методы

Предметом научной работы является эффективность функционирования ПАО «Газпром». Экономическая эффективность компании отражается в котировках акций компании. Поэтому научное исследование предполагает прогноз котировок акций ПАО «Газпром»

в зависимости от тенденций цен природного газа, ВВП Китая и ИМОЕХ. Статистические данные о котировках акций ПАО «Газпром», фьючерсах на природный газ и ИМОЕХ получены с сайта Investing.com¹. Статистические данные о валовом внутреннем продукте Китая взяты с официального сайта National Bureau of Statistics of China². Фактические статистические данные о приведенных показателях за период I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г. протестированы на стационарность с помощью расширенного теста Дики-Фуллера и KPSS-теста. Для проверки качества данных для корреляционно-регрессионного анализа за указанный период времени между представленными показателями рассчитана матрица коэффициентов корреляции. Затем с использованием этих данных построено уравнение множественной линейной регрессии с функцией прогноза котировок акций ПАО «Газпром» в зависимости от цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов, ВВП Китая и ИМОЕХ. Уравнение множественной линейной регрессии оценено по параметрам: мультиколлинеарность факторов, средняя ошибка аппроксимации, коэффициенты эластичности, множественный коэффициент корреляции, коэффициент детерминации, критерии Стьюдента, критерий Фишера.

Прогнозирование цен природного газа основывается на статистических данных о фьючерсах на природный газ за май 1990 г. — октябрь 2024 г. Временной ряд показателя сглажен по методу центрированного скользящего среднего. С использованием сглаженных данных о ценах на природный газ на мировом рынке энергии, которые прошли проверку на стационарность с помощью ADF-теста и KPSS-теста, построено уравнение полиномиальной тенденции четвертой степени. Оно оценено по критериям: коэффициент детерминации, t-статистика, F-статистика.

Определение будущих значений ВВП Китая осуществляется на основе уравнения линейной тенденции, построенного с задействованием фактических значений показателя за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г. Статистические данные проверены на стационарность с применением ADF-теста, KPSS-теста. Уравнение линейной тенденции проанализировано по параметрам: **ошибка аппроксимации**, коэффициент эластичности, коэффициент детерминации, критерии Стьюдента, критерии Фишера.

Предвидение динамики ИМОЕХ предполагает расчет уравнения долгосрочной линейной тенденции с использованием фактических данных показателя за октябрь 1997 г. — октябрь 2024 г., проверенных на стационарность посредством ADF-теста и KPSS-теста. Уравнение линейной тенденции прошло обследование на основе индикаторов: **ошибка аппроксимации**, коэффициент эластичности, коэффициент детерминации, критерии Стьюдента, критерии Фишера.

Прогноз котировок акций ПАО «Газпром» сделан на основе будущих значений фьючерсов на природный газ, ВВП Китая и ИМОЕХ, а также уравнения множественной линейной регрессии.

¹ <https://ru.investing.com> (дата обращения: 17.12.2024).

² <https://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 17.12.2024).

Результаты

Данное научное исследование предполагает построение уравнения множественной линейной регрессии с функцией прогноза котировок акций ПАО «Газпром» в зависимости от тенденций цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов, ВВП Китая и IMOEX. В связи с этим изучаются фактические временные ряды приведенных показателей за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г. (рис. 1). Фактические статистические данные за указанный временной отрезок проверены на стационарность с помощью ADF-теста и KPSS-теста (табл. 1). Между анализируемыми показателями за тот же интервал времени рассчитаны коэффициенты корреляции (табл. 2). Можно сказать, что этот статистический материал пригоден для экономико-математического моделирования.

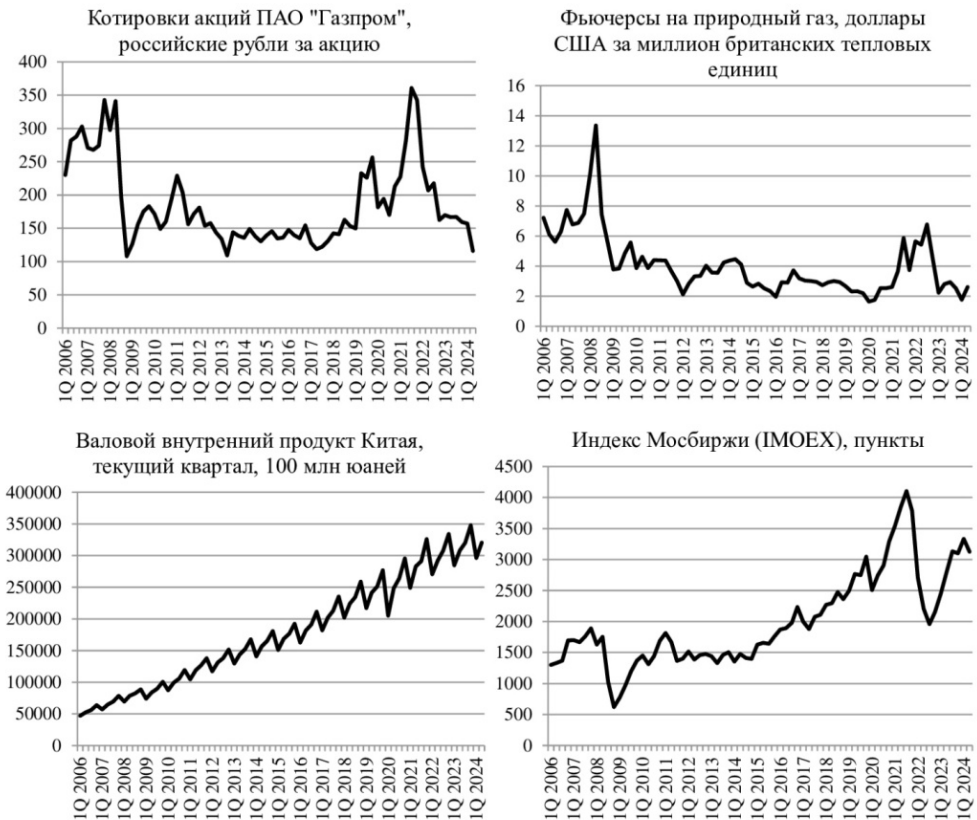

Рис. 1. Временные ряды исследуемых индикаторов за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г.

Fig. 1. Time series of the studied indices for 1st quarter 2006 — 2nd quarter 2024

Табл. 1. ADF-тест и KPSS-тест за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г.**Table 1.** ADF and KPSS tests for 1st quarter 2006 — 2nd quarter 2024

Показатели	Расширенный тест Дики-Фуллера				KPSS-тест	
	Тест с константой		Тест с константой и трендом		Тестовая статистика	p-уровень
	Тестовая статистика	p-уровень	Тестовая статистика	p-уровень		
Котировки акций Газпром, рос. руб. за акцию	-2,495	0,117	-2,546	0,306	0,315	> 0,10
Фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ 1	-2,870	0,049	-3,308	0,065	0,900	< 0,01
ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней	1,706	1,000	-1,808	0,701	1,931	< 0,01
ИМОЕХ, пункты	-1,865	0,349	-3,589	0,031	1,481	< 0,01

Табл. 2. Матрица коэффициентов корреляции за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г.**Table 2.** Correlation coefficient matrix for 1st quarter 2006 — 2nd quarter 2024

Показатели	Котировки акций Газпром, рос. руб. за акцию	Фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ	ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней	ИМОЕХ, пункты
Котировки акций Газпром, рос. руб. за акцию	1,000	0,609	-0,114	0,319
Фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ	0,609	1,000	-0,507	-0,310
ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней	-0,114	-0,507	1,000	0,821
ИМОЕХ, пункты	0,319	-0,310	0,821	1,000

Для прогнозирования котировок акций ПАО «Газпром» рассчитано уравнение множественной линейной регрессии за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г.:

$$Y = 26,2946 + 18,2353 \cdot X_1 - 0,000513 \cdot X_2 + 0,08904 \cdot X_3, \quad (1)$$

где Y — котировки акций ПАО «Газпром», рос. руб. за акцию; X_1 — фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ; X_2 — ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней; X_3 — ИМОЕХ, пункты.

¹ Британская тепловая единица.

Оценка уравнения множественной линейной регрессии показала: мультиколлинеарность факторов отсутствует — $VIF(b_{1,2})=1,3464$, $VIF(b_{1,3})=1,1065$, $VIF(b_{2,3})=3,0634$; средняя ошибка аппроксимации $A=12,78\%$; коэффициенты эластичности: $E_1=0,396$, $E_2=-0,491$, $E_3=0,955$; множественный коэффициент корреляции $R=0,883$; коэффициент детерминации $R^2=0,779$; критерии Стьюдента показывают статистическую значимость коэффициентов регрессии: $t_0=1,719$ (p-value 0,0901), $t_1=8,830$ (p-value 0,000), $t_2=-6,260$ (p-value 0,000), $t_3=10,655$ (p-value 0,000); критерий Фишера отражает статистическую надежность уравнения регрессии: $F_{\text{расч.}}=82,465$ (p-value 0,000).

Для прогнозирования цен природного газа на мировом рынке энергетических ресурсов построено уравнение полиномиальной тенденции четвертой степени на основе временного ряда показателя за май 1990 г. — октябрь 2024 г., сглаженного по методу центрированного скользящего среднего: тесты показали стационарность сглаженного ряда (ADF-тест с константой $-2,5012$ (p-уровень 0,1151), с константой и трендом $-2,3981$ (p-уровень 0,3805); KPSS-тест 1,0395 (p-уровень $< 0,01$)):

$$Y = 2,3509 - 6,10E-02 X + 1,14E-03 \cdot X^2 - 5,01E-06 \cdot X^3 + 6,40E-09 \cdot X^4, \quad (2)$$

где Y — фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ; X — порядковый номер даты периода исследования.

Параметры оценки уравнения полиномиальной тенденции: коэффициент детерминации $R^2=0,506$; t-статистика — $t_0=6,2375$ (0,000), $t_1=-4,8121$ (0,000), $t_2=9,1359$ (0,000), $t_3=-10,9636$ (0,000), $t_4=11,6184$ (0,000); F-статистика — $F = 103,8472$ (0,000).

С целью определения будущих значений ВВП Китая построено уравнение линейной тенденции за I квартал 2006 г. — II квартал 2024 г.:

$$Y = 42364,236 + 3534,446 \cdot t, \quad (3)$$

где Y — ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней; t — порядковый номер даты периода исследования.

Проведена оценка уравнения линейной тенденции по критериям: **ошибка аппроксимации** $A=6,61\%$; коэффициент эластичности $E=0,760$; коэффициент детерминации $R^2=0,788$; критерии Стьюдента: $t_{\text{таб.}}=2,284$, $t_a=16,4766$, $t_b=4,5157$; критерии Фишера: $F_{\text{расч.}} = 271,4797$, $F_{\text{табл.}} = 3,9604$.

Для предвидения ИМОЕХ рассчитано уравнение долгосрочной линейной тенденции за октябрь 1997 г. — октябрь 2024 г. (тесты показали стационарность фактического временного ряда показателя: ADF-тест с константой $-0,7829$ (p-уровень 0,8234), с константой и трендом $-4,4278$ (p-уровень 0,0019); KPSS-тест 4,8091 (p-уровень $< 0,01$)):

$$Y = -112,376 + 9,822 \cdot t, \quad (4)$$

где Y — ИМОЕХ, пункты; t — порядковый номер даты периода исследования.

Оценка уравнения линейной тенденции показала: **ошибка аппроксимации** $A=28,87\%$; коэффициент эластичности $E=1,075$; коэффициент детерминации $R^2=0,840$; критерии Стьюдента: $t_{\text{таб.}}=2,2447$, $t_a=41,1807$, $t_b=2,4975$; критерии Фишера: $F_{\text{расч.}} = 1695,8494$, $F_{\text{табл.}} = 3,869$.

На рис. 2 представлен прогноз мировых цен природного газа.

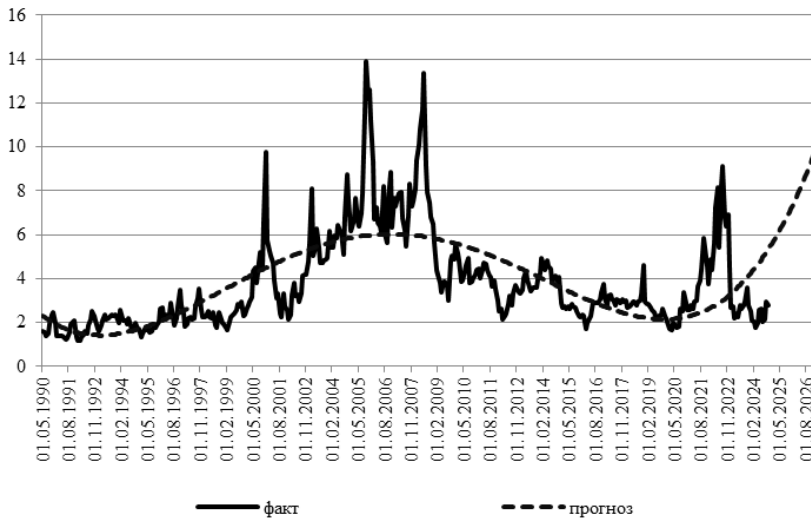

Рис. 2. Прогноз цен на природный газ, дол. США за млн БТЕ

Fig. 2. Natural gas price forecast, USD per mln BTU

На рис. 3 отражены будущие значения ВВП Китая. Прогнозные уровни ИМОЕХ приведены на рис. 4.

Итак, тенденции во внешнеэкономической среде ПАО «Газпром» свидетельствуют о будущем росте мировых цен природного газа, ВВП Китая, ИМОЕХ.

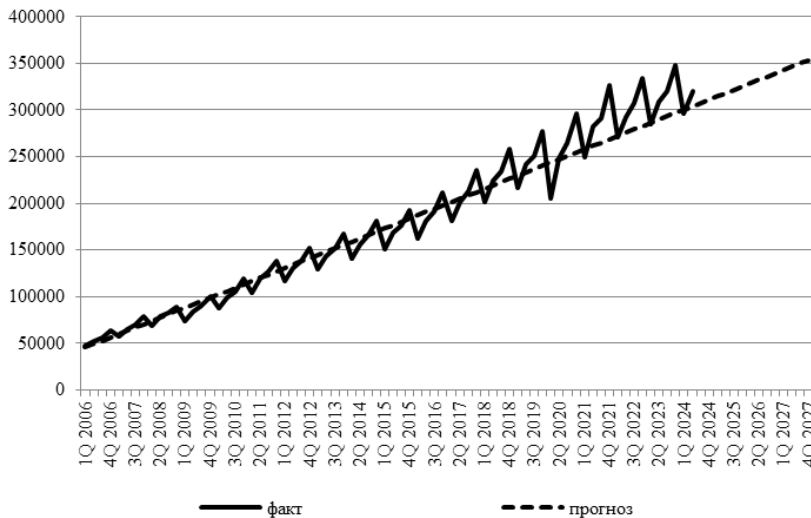

Рис. 3. Прогноз ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней

Fig. 3. China's GDP forecast, current quarter, 100 mln yuan

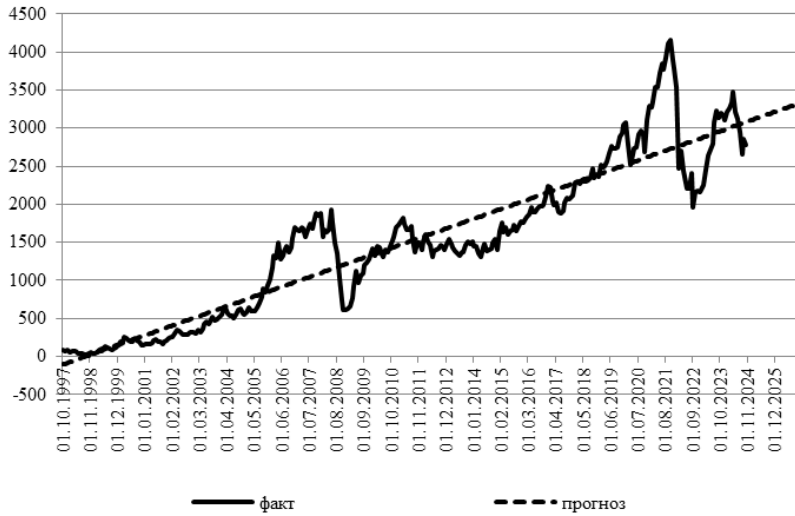

Рис. 4. Прогноз IMOEX, пункты

Fig. 4. Moscow Exchange Index (IMOEX) forecast, points

Котировки акций компании ПАО «Газпром» рассчитаны в табл. 3.

Табл. 3. Прогноз котировок акций ПАО «Газпром», рос. руб. за акцию

Table 3. Forecast of Gazprom stock prices, Rus. rub. per share

Показатели	Параметры уравнения множественной линейной регрессии	Дата			
		01.12.2024	01.12.2025	01.12.2026	01.12.2027
Котировки акций ПАО «Газпром», рос. руб. за акцию	26,2946	244,43	280,37	325,44	380,81
Фьючерсы на природный газ, дол. США за млн БТЕ	18,2353	5,573	7,366	9,660	12,518
ВВП Китая, текущий квартал, 100 млн юаней	-0,0005	310982,1	325119,9	339257,7	353395,5
IMOEX, пункты	0,0890	3099,42	3217,28	3335,15	3453,01

Таким образом, результаты экономико-математического моделирования показали, что котировки акций ПАО «Газпром» могут увеличиться на фоне внешнеэкономических тенденций в краткосрочном и среднесрочном периодах.

Обсуждение и заключение

Зависимость котировок акций ПАО «Газпром» от совокупности факторов, включающих мировые цены на природный газ, ВВП Китая и ИМОЕХ, не была достаточно изучена до этого. Поэтому данная работа вносит вклад в экономическую литературу, освещающую проблемы российского фондового рынка в неблагоприятных внешнеэкономических условиях. Приведенное исследование может быть полезно инвесторам на российском фондовом рынке для выработки стратегии торговли акциями ПАО «Газпром», топ-менеджерам анализируемой компании и государственным служащим для результативного корпоративного и государственного управления.

Научная работа имеет ограничение: в краткосрочном периоде, пока компания ПАО «Газпром» не восстановила утраченные позиции в глобальной торговле энергетическими ресурсами, котировки акций ПАО «Газпром» имеют перспективы роста только при условии сохранения имеющейся долгосрочной полиномиальной тенденции цен природного газа на мировом рынке энергии, которая предвещает повышение стоимости данного ресурса в недалеком будущем. В ситуации подъема российского фондового рынка можно ожидать лишь слабую позитивную динамику в котировках акций ПАО «Газпром». ВВП Китая пока не имеет связи с ценой акций ПАО «Газпром», замедление темпов увеличения или уменьшение стоимостных объемов ВВП Китая не отразятся отрицательно на экономической эффективности изучаемой компании ТЭК России.

Научное исследование позволило сделать ряд выводов. Экономическая эффективность ПАО «Газпром» интересна инвесторам, поскольку она отражается в котировках акций данной компании. В настоящее время ПАО «Газпром» имеет низкую экономическую эффективность как следствие потери рынков сбыта природного газа в странах Европы. Для налаживания работы с другими контрагентами требуется много времени и капитальных вложений. В текущем моменте времени у анализируемой компании практически нет факторов роста.

Однако есть внешнеэкономические тенденции, при сохранении которых котировки акций ПАО «Газпром» могут существенно подрасти. Прежде всего, это долгосрочная полиномиальная тенденция четвертой степени мировых цен природного газа, которая предсказывает существенный рост стоимости этого энергетического ресурса в недалеком будущем. Далее необходимо отметить продолжение роста российского фондового рынка в качестве долгосрочной линейной тенденции, поддерживающей котировки акций ПАО «Газпром». Если фондовый рынок России продолжит свое восстановление после краха в начале военной операции России в Украине, указанные инвестиционные активы подрастут в цене. Сейчас много говорится о замедлении темпов увеличения ВВП Китая и о стимулировании экономического подъема в этой стране для сохранения позиций китайской экономики в мире. Однако в текущей экономической ситуации такие изменения в Азии коснутся эффективности функционирования ПАО «Газпром» в малой степени. Соответственно, если перечисленные выше позитивные тенденции не сохранятся, то у компании ПАО «Газпром» в краткосрочной перспективе мало шансов для повышения экономической эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин В. И. 2023. Энергетическая политика ЕС до диверсии на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток — 2» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. № 1 (20). С. 95–111. https://doi.org/10.54449/76585_2023_1_20_95
- Буркеева Р. Г., Булганина С. Н. 2023. К вопросу о необходимости реформирования газовой отрасли российской экономики // Бизнес. Образование. Право. № 2 (63). С. 97–102. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.63.621>
- Глебова А. Г., Ковалева А. А. 2024. Прогнозирование волатильности российского биржевого рынка акций в условиях международных экономических санкций // Финансы: теория и практика. № 28 (1). С. 20–29. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-20-29>
- Дорохина К. М. 2022. Влияние газового кризиса 2021–2022 годов на энергетическую устойчивость и реализацию климатических обязательств крупнейшими эмитентами углекислого газа // Россия и мир: научный диалог. № 2 (4). С. 178–201. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-178-201)
- Дьячкова А. В., Карасс В. О. 2023. Влияние геополитических рисков и экономической неопределенности на стоимость природного газа в Европе // Фундаментальные исследования. № 5. С. 11–18. <https://doi.org/10.17513/fr.43452>
- Кочерова В. Д. 2022. Влияние фактора пандемии COVID-19 на развитие мирового рынка сжиженного природного газа // Экономика и управление: проблемы, решения. Том 2. № 4. С. 29–38. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2022.04.02.004>
- Миловидов В. Д. 2024. Настроения инвесторов и динамика фондового рынка: пути к прогнозированию цен на акции // Проблемы прогнозирования. № 4 (205). С. 72–87. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-72-87>
- Назаров В. В., Лещев С. И. 2023. Исследование моментум-эффекта в динамике цен высоколиквидных акций на российском рынке ценных бумаг // Финансовый журнал. Том 15. № 1. С. 58–73. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-58-73>
- Недбайлов М. С. 2023. Дивидендные выплаты компаний ТЭК: текущее состояние и значение для отрасли // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 10-3. С. 385–390.
- Новосёлова И. В., Новикова П. А. 2023. Анализ макроэкономического окружения инвестиционной деятельности ПАО «ГАЗПРОМ», выявление тенденций за последние годы // Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия. № 3. С. 85–100. <https://doi.org/10.48081/DIАН9593>
- Сергеева З. В. 2023. Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Том 17. № 2. С. 153–168. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-153-168>
- Смирнов В. В. 2021. Анализ связанности динамики компонентов российского финансового капитала // Финансы и кредит. Том 27. № 4. С. 851–874. <https://doi.org/10.24891/fc.27.4.851>
- Смирнов В. В. 2021. Содержательный анализ российских финансов // Финансы и кредит. Том 27. № 3. С. 585–610. <https://doi.org/10.24891/fc.27.3.585>
- Чернова Е. Г., Разманова С. В. 2022. Газовый кризис на европейском сырьевом рынке: причины возникновения и возможности преодоления // Экономика региона. № 18 (4). С. 1194–1208. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-16>

- Balzer H., Askonas J. 2016. The Triple Helix after communism: Russia and China compared // *Triple Helix*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s40604-015-0031-4>
- Cai F. 2015. How to tackle the slowdown of potential growth rate in China? // *China Finance and Economic Review*. Vol. 3. No. 2. <https://doi.org/10.1186/s40589-015-0009-4>
- Caporale G. M., Claudio-Quiroga G., Gil-Alana L. A. 2021. Analysing the relationship between CO₂ emissions and GDP in China: a fractional integration and cointegration approach // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. Vol. 10. Art. 32. <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00173-5>
- Chen L., Li X., Xue S., Qu L., Wang M. 2019. Carbon intensity and emission reduction potential in China: spatial measuring method // *Journal of Economic Structures*. Vol. 8. No. 11. <https://doi.org/10.1186/s40008-019-0142-6>
- Chen Z., Zhang Y., Ji T., Cai Z., Li L., Xu Z. 2018. Coordinated optimal dispatch and market equilibrium of integrated electric power and natural gas networks with P2G embedded // *Journal of Modern Power Systems and Clean Energy*. No. 6. Pp. 495–508. <https://doi.org/10.1007/s40565-017-0359-z>
- Grigoryev L. M., Medzhidova D. D. 2020. Global energy trilemma // *Russian Journal of Economics*. Vol. 6. No. 4. Pp. 437–462. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.58683>
- He L., Ding Z., Yin F., Wu M. 2016. The impact of relative energy prices on industrial energy consumption in China: a consideration of inflation costs // *SpringerPlus*. No. 5. Art. 1001. <https://doi.org/10.1186/s40064-016-2661-z>
- Liu P., Ur Rahman Z., Jóźwik B., Doğan M. 2024. Determining the environmental effect of Chinese FDI on the Belt and Road countries CO₂ emissions: an EKC-based assessment in the context of pollution haven and halo hypotheses // *Environmental Sciences Europe*. Vol. 36. No. 48. <https://doi.org/10.1186/s12302-024-00866-0>
- Schubert S. R., Pollak J., Brutschin E. 2014. Two futures: EU-Russia relations in the context of Ukraine // *European Journal of Futures Research*. No. 2 (S2). <https://doi.org/10.1007/s40309-014-0052-7>
- Stern J. 2020. The role of gases in the European energy transition // *Russian Journal of Economics*. No. 6 (4). Pp. 390–405. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55105>
- Sueyoshi T., Goto M. 2017. World trend in energy: an extension to DEA applied to energy and environment // *Economic Structures*. No. 6. Art. 13. <https://doi.org/10.1186/s40008-017-0073-z>
- Ullah M., Sohag K., Khan S., Sohail H. M. 2023. Impact of Russia–Ukraine conflict on Russian financial market: Evidence from TVP-VAR and quantile-VAR analysis // *Russian Journal of Economics*. No. 9 (3). Pp. 284–305. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.105833>
- Westphal K. 2020. German–Russian gas relations in face of the energy transition // *Russian Journal of Economics*. No. 6 (4). Pp. 406–423. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55478>
- Xu Y. 2024. Five worlds of social reproduction after the new millennium: placing transitional China in a three-dimensional model of social reproduction // *The Journal of Chinese Sociology*. Vol. 11. No. 19. <https://doi.org/10.1186/s40711-024-00219-7>

References

- Anikin, V. I. (2023). Trends in the development of the EU energy policy before the sabotage on the Nord Stream and Nord Stream — 2 gas pipelines. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo*, (1), 95–111. https://doi.org/10.54449/76585_2023_1_20_95 [In Russian]
- Burkeeva, R. G., & Bulganina, S. N. (2023). To the question of the need to reform the gas industry of the Russian economy. *Business. Education. Law*, (2), 97–102. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.63.621> [In Russian]
- Glebova, A. G., & Kovaleva, A. A. (2024). Forecasting the volatility of the Russian stock market in the context of international economic sanctions. *Finance: Theory and Practice*, (28), 20–29. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-20-29> [In Russian]
- Dorokhina, K. M. (2022). The impact of the gas crisis of 2021–2022 on energy sustainability and the implementation of climate commitments by the largest emitters of carbon dioxide. *Russia & World: Scientific Dialogue*, (2), 178–201. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2\(4\)-178-201](https://doi.org/10.53658/RW2022-2(4)-178-201) [In Russian]
- Dyachkova, A. V., & Karass, V. O. (2023). Influence of geopolitical risks and economic uncertainty on the cost of natural gas in Europe. *Fundamental Research*, (5), 11–18. <https://doi.org/10.17513/fr.43452> [In Russian]
- Kocherova, V. D. (2022). The impact of the COVID-19 pandemic factor on the development of the global liquefied natural gas (LNG) market. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2(4), 29–38. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.02.004> [In Russian]
- Milovidov, V. D. (2024). Investor Sentiment and Stock Market Dynamics: Ways to Forecast Stock Prices. *Problemy prognozirovaniya*, (4), 72–87. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-72-87> [In Russian] (English version: *Studies on Russian Economic Development*, 35(4), 518–529. <https://doi.org/10.1134/S1075700724700072>)
- Nazarova, V. V., & Leshchev, S. I. (2023). Study of the Momentum Effect in the Price Dynamics of Highly Liquid Shares on the Russian Securities Market. *Financial Journal*, 15(1), 58–73. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-1-58-73> [In Russian]
- Nedbaylov, M. S. (2023). Dividend payments of fuel and energy complex companies: current state and importance for the industry. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 10(3), 385–390. [In Russian]
- Novoselova, I. V., & Novikova, P. A. (2023). Analysis of the macroeconomic environment of Gazprom's investment activities, identification of trends in recent years. *Vestnik Toraygyrov universiteta. Ekonomicheskaya seriya*, (3), 85–100. <https://doi.org/10.48081/DIAH9593> [In Russian]
- Sergeeva, Z. V. (2023). The fourth energy transition and the European energy crisis: lessons for the EAEU. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17(2), 153–168. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-153-168> [In Russian]
- Smirnov, V. V. (2021). Analyzing the Consistency of the Dynamics of the Russian Financial Capital Components. *Finance and Credit*, 27(4), 851–874. <https://doi.org/10.24891/fc.27.4.851> [In Russian]
- Smirnov, V. V. (2021). The Content Analysis of Russian Finance. *Finance and Credit*, 27(3), 585–610. <https://doi.org/10.24891/fc.27.3.585> [In Russian]

- Chernova, E. G., & Razmanova, S. V. (2022). Gas crisis in the European commodity market: roots and opportunities to overcome. *Economy of Regions*, (18), 1194–1208. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-16> [In Russian]
- Balzer, H., & Askonas, J. (2016). The Triple Helix after communism: Russia and China compared. *Triple Helix*, 3(1). <https://doi.org/10.1186/s40604-015-0031-4>
- Cai, F. (2015). How to tackle the slowdown of potential growth rate in China? *China Finance and Economic Review*, 3(2). <https://doi.org/10.1186/s40589-015-0009-4>
- Caporale, G. M., Claudio-Quiroga, G., & Gil-Alana, L. A. (2021). Analysing the relationship between CO₂ emissions and GDP in China: a fractional integration and cointegration approach. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 10, Article 32. <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00173-5>
- Chen, L., Li, X., Xue, S. Qu, L., & Wang, M. (2019). Carbon intensity and emission reduction potential in China: spatial measuring method. *Journal of Economic Structures*, 8(11). <https://doi.org/10.1186/s40008-019-0142-6>
- Chen, Z., Zhang, Y., Ji, T. Cai, Z., Li, L., & Xu, Z. (2018). Coordinated optimal dispatch and market equilibrium of integrated electric power and natural gas networks with P2G embedded. *Journal of Modern Power Systems and Clean Energy*, (6), 495–508. <https://doi.org/10.1007/s40565-017-0359-z>
- Grigoryev, L. M., & Medzhidova, D. D. (2020). Global energy trilemma. *Russian Journal of Economics*, 6(4), 437–462. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.58683>
- He, L., Ding, Z., Yin, F., & Wu, M. (2016). The impact of relative energy prices on industrial energy consumption in China: a consideration of inflation costs. *SpringerPlus*, (5), 1001. <https://doi.org/10.1186/s40064-016-2661-z>
- Liu, P., Ur Rahman, Z., Jóźwik, B., & Doğan, M. (2024). Determining the environmental effect of Chinese FDI on the Belt and Road countries CO₂ emissions: an EKC-based assessment in the context of pollution haven and halo hypotheses. *Environmental Sciences Europe*, 36(48). <https://doi.org/10.1186/s12302-024-00866-0>
- Schubert, S. R., Pollak, J., & Brutschin, E. (2014). Two futures: EU-Russia relations in the context of Ukraine. *European Journal of Futures Research*, (2). <https://doi.org/10.1007/s40309-014-0052-7>
- Stern, J. (2020). The role of gases in the European energy transition. *Russian Journal of Economics*, (6), 390–405. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55105>
- Sueyoshi, T., & Goto, M. (2017). World trend in energy: an extension to DEA applied to energy and environment. *Economic Structures*, (6), Article 13. <https://doi.org/10.1186/s40008-017-0073-z>
- Ullah, M., Sohag, K., Khan, S., & Sohail, H. M. (2023). Impact of Russia–Ukraine conflict on Russian financial market: Evidence from TVP-VAR and quantile-VAR analysis. *Russian Journal of Economics*, (9), 284–305. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.105833>
- Westphal, K. (2020). German–Russian gas relations in face of the energy transition. *Russian Journal of Economics*, (6), 406–423. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55478>
- Xu, Y. (2024). Five worlds of social reproduction after the new millennium: placing transitional China in a three-dimensional model of social reproduction. *The Journal of Chinese Sociology*, 11(19). <https://doi.org/10.1186/s40711-024-00219-7>

Информация об авторе

Людмила Игоревна Теньковская, кандидат экономических наук, доцент, аналитик фондового рынка, ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС», Москва, Россия
tenkovskaya.lyudmila@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Information about the author

Lyudmila I. Tenkovskaya, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Stock Market Analyst, Moscow Exchange (MOEX), Moscow, Russia
tenkovskaya.lyudmila@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Оценка и анализ рисков ИТ-проекта по разработке инновационного продукта по развитию региона

Анастасия Александровна Майкова[✉], София Игоревна Кислицына,
Олеся Дмитриевна Старченкова, Екатерина Романовна Холина

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: maykovanastya15@gmail.com[✉]

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу управления рисками ИТ-проекта, а именно проведению анализа и оценки потенциальных рисков событий. Вопросы риск-менеджмента были и остаются актуальными, т. к. являются неотъемлемой составляющей при планировании любого проекта. Целью настоящего исследования является проведение комплексного анализа и оценки рисков реализации ИТ-проекта по созданию экосистемы умных велопарковок в регионе. Исследование проведено на конкретном примере — проекте по разработке мобильного приложения для экосистемы умных велопарковок Санкт-Петербурга, что отличает настоящее исследование от аналогичных. Идея ИТ-проекта является инициативной. Основные методы, которые были использованы в ходе реализации исследования, — анализ, синтез, классификация, мысленное моделирование, мозговой штурм, SWOT-анализ, метод Исикавы. В результате был реализован комплексный анализ рисков ИТ-проекта. Идентифицированы потенциальные риски, а также проведено их разделение на группы посредством построения диаграммы Исикавы; сформированы реестры рисков реализации проекта, включающие в себя название риска, его причины, потенциальное воздействие, меры по исключению события, меры по устранению последствий события в случае наступления. Реализованный реестр рисков также отличает статью от аналогичных исследований. На основании экспертной оценки рисков была составлена матрица управления рисками, где все рискованные события распределены по степени влияния в случае их реализации, а также вероятности наступления. Статья имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Полученные результаты могут быть полезны инициаторам аналогичных проектов по разработке экосистемы умных парковок для личных средств передвижения.

Ключевые слова: риск, рисковое событие, оценка и анализ рисков, ИТ-проект, инновационный продукт, экосистема умных велопарковок, информационные технологии, развитие региона

Цитирование: Майкова А. А., Кислицына С. И., Старченкова О. Д., Холина Е. Р. 2024. Оценка и анализ рисков ИТ-проекта по разработке инновационного продукта по развитию региона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 243–267. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-243-267>

Поступила 20.10.2024; одобрена 18.11.2024; принята 18.11.2024

Assessment and risk analysis of an IT project of an innovative product for regional development

Anastasiya A. Maikova✉, Sofiya I. Kislitsyna, Olesya D. Starchenkova,
Ekaterina R. Kholina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: maykovanastya15@gmail.com✉

Abstract. This article is devoted to the issue of IT project risk management, namely, the analysis and assessment of potential risk events. Risk management issues have been and remain relevant, as they are an integral part of planning any project. This study aims to analyze and assess the risks of implementing an IT project to create an ecosystem of smart bicycle parking in the region. The study uses the case of a project developing a mobile application for the ecosystem of smart bicycle parking in St. Petersburg (Russia). The main methods used are analysis, synthesis, classification, mental modeling, brainstorming, SWOT analysis, and Ishikawa method. The results identify potential risks and divide them into groups by constructing an Ishikawa diagram. The project implementation risk registers are formed, including the risk name, its causes, potential impact, the measures to eliminate the event, and the measures to eliminate the consequences of the event in the event of occurrence. Based on the expert risk assessment, a risk management matrix is compiled, where all risk events are distributed according to the degree of influence in the event of their implementation, as well as the probability of occurrence. The results obtained can be useful to initiators of similar projects to develop an ecosystem of smart parking for personal vehicles.

Keywords: risk, risk event, risk assessment and analysis, IT project, innovative product, smart bike parking ecosystem, information technology, regional development

Citation: Maikova, A. A., Kislitsyna, S. I., Starchenkova, O. D., & Kholina, E. R. (2024). Assessment and risk analysis of an IT project of an innovative product for regional development. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 243–267. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-243-267>

Received Oct. 20, 2024; Reviewed Nov. 18, 2024; Accepted Nov. 18, 2024

Введение

Целью настоящего исследования является проведение анализа и оценки рисков реализации ИТ-проекта по созданию экосистемы умных велопарковок в регионе. Актуальность темы подтверждается активным развитием современных цифровых технологий, которые применяются в городской среде для повышения уровня жизни населения. В проектной деятельности анализ и оценка рисков всегда были основой планирования, и реализация рискованного анализа позволяла увеличить шансы успешной реализации проекта.

Методы

Основные методы, которые были использованы в ходе реализации исследования, — анализ, синтез, классификация, мысленное моделирование, мозговой штурм, SWOT-анализ, метод Исикавы. На первоначальном этапе с помощью мозгового штурма была инициирована идея проекта по созданию экосистемы умных велопарковок в регионе, которые будут оснащены умными замками. Далее для формирования оценки рациональности идеи ИТ-проекта были применены инструменты риск-менеджмента. Через анализ и синтез была рассмотрена научная литература по теме исследования. Идентификация рисков была достигнута методом построения диаграммы Исикавы. Реестры для всех выявленных групп рисков, матрица управления рисками и сама оценка рискованных событий составлены с помощью методов мозгового штурма, классификации и мысленного моделирования.

Обзор литературы

Оценка рисков является важным этапом любого проекта, который позволяет идентифицировать, анализировать и управлять потенциальными угрозами и возможностями. Этот процесс помогает избежать непредвиденных проблем и повысить вероятность успеха проекта. Безусловно, оценка рисков — важный элемент в планировании проекта. Современная финансово-хозяйственная деятельность сопровождается множеством как внешних, так и внутренних факторов, которые вызывают потенциальные угрозы, риски, а значит, их нужно принимать во внимание.

При проведении оценки рисков необходимо учитывать различные аспекты, такие как вероятность возникновения риска, воздействие на проект и возможные способы предотвращения или смягчения последствий. При оценке рисков важно не только идентифицировать потенциальные угрозы, но также учитывать возможности и плюсы,

которые потенциально могут возникнуть в ходе реализации проекта. Такая стратегия позволяет применять гибкость при принятии решений.

Вопрос оценки рисков освещается многими авторами в своих научных статьях.

Е. А. Якунина и О. В. Федорова в своем исследовании рассмотрели вопрос управления рисками ИТ-проекта на этапе внедрения. Авторы разработали матрицу рисков ИТ-проекта. Матрица ориентирована на количественную оценку вероятности наступления риска, а также учтен элемент чувствительности проекта к рисковому событию. В исследовании был проведен комплексный анализ потенциальных факторов возникновения рисков, их особенностей, а также установлены условия их минимизации (предотвращения). Следует отметить, что на этапе выявления рисков Е. А. Якунина и О. В. Федорова не разделяли рисковые события на блоки, характеризующие их по тому или иному признаку. Речь идет о характерных чертах или группировке рисков по смысловым и причинно-следственным блокам — финансы, технические особенности, правовые и политические события и др. Авторы провели разделение рисков на три группы: «важные рисковые факторы», «значимые рисковые факторы», «малозначимые рисковые факторы». Основой сегментации являлись вероятность и степень воздействия. Так, стоит отметить, что в группу «важные рисковые факторы» вошли следующие рисковые события: превышение сроков выполнения ИТ-проекта; некачественный анализ бизнес-процессов; риски информационной безопасности; технические риски [Якунина, Федорова, 2020].

З. З. Сабирова, А. З. Буранбаева и Г. А. Мусина провели классификацию экономических рисков строительных проектов на этапе бизнес-планирования, разделив их на внешние и внутренние, а также установили стратегию управления рисками к каждой стадии проекта. Авторы построили матрицу обработки рисков строительного проекта. Опираясь на данную матрицу, возможно грамотно построить процесс, минимизируя при этом потенциальные рисковые события [Сабирова и др., 2020].

О. А. Суйкова и Е. В. Кудряшова рассмотрели вопрос управления рисками инновационного проекта. Авторы провели анализ внешних и внутренних факторов реализации инновационного проекта, определив возможности и угрозы, идентифицировав сильные и слабые стороны; провели учет рисков, установив последствия, степень критичности, мероприятия по минимизации риска. По результатам проведенного исследования авторы установили, что наиболее критичными рисками инновационного проекта являются: неблагоприятная демографическая обстановка; ограничение бюджетного финансирования; снижение платежеспособности потребителей и др. Анализ и оценка проводилась авторами на примере проекта ГБПОУ «Верхнеуральский агротехнический техникум — казачий кадетский корпус» [Суйкова, Кудряшова, 2020].

М. Фалалеев в статье, посвященной обзору ситуации в сфере уголовных дел, связанных с угоном велосипедных средств, делает акцент на статистике. Сегодня личный транспорт стал более инновационным, современным¹. Так, на анализируя ценовые

¹ Миссель Р. DOGMA F12 ОТ PINARELLO — самый быстрый велосипед из всех, на которых я когда-либо ездила // Provelo.ru. 2019. https://www.provelo.ru/n_reviews/dogma_f12_ot_pinarello__samyj_bystryj_velosiped.htm (дата обращения: 28.02.2024).

предложения спортивных магазинов и иных маркетплейсов, цена на велосипедный транспорт варьируется от 5 тыс. до 1 млн за единицу товара [Фалалеев, 2021]. Автор также упоминает, что велосипеды, которые используются исключительно в рамках городского средства передвижения, в среднем стоят от 7 до 20 тыс. руб., в то время как краденый транспорт перепродается за 2–2,5 тыс. руб. [Фалалеев, 2021]. Статистика по угонам велосипедов говорит о высокой востребованности такого рода транспорта в городской инфраструктуре.

Наиболее значимыми рисками руководители проектов называют недостаток четкости и однозначности, а также проблемы с реализацией (нереальное планирование и реактивное планирование), с содержанием (изменение требований, техническая сложность) и квалификацией (несоответствие команды, отсутствие навыков) [Скрупник, Nehrey, 2015]. Другое исследование показало, что общими факторами, которые могут служить причинами неудач при реализации ИТ-проектов, были трансформация приоритетов организации (40% случаев), нечеткие требования (38%), изменения в целях проекта (35%), невыявленные риски и возможность требования (38%), невыявленные риски и возможности (30%), неадекватные оценки затрат (29%) и неточные оценки продолжительности задач (27%) [Babenko и др., 2019].

Авторы [Заговора, Концевич, 2011] полагают, что стремление руководства сократить издержки на оплату высококвалифицированных кадров приводит к повышенной загрузке сотрудников и привлечению одного специалиста сразу к нескольким проектам. В результате качество выполнения задач существенно снижается, т. к. большая часть рабочего времени уходит на переключение между проектами, общение с командами и подготовку к встречам с заказчиком.

Т. А. Власова [2020] установила, что в успешности методологии управления значимое место занимает управление качеством проекта, в особенности при ведении больших и средних ИТ-проектов. Решение проблемы автор видит в разработке интегрированного подхода к реализации управления качеством ИТ-проекта, концептуальная схема которого представлена на рис. 1.

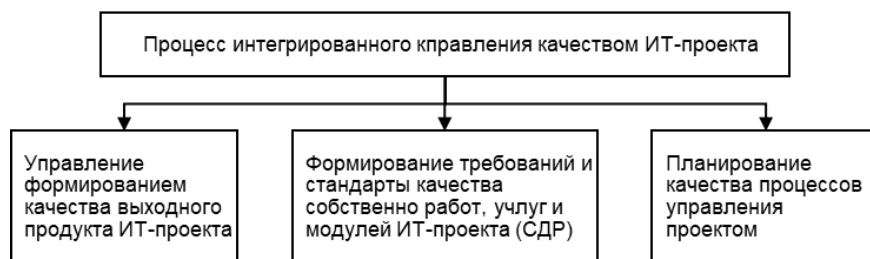

Рис. 1. Концептуальная схема интегрированного подхода в управлении качеством ИТ-проекта [Власова, 2020]

Fig. 1. Conceptual scheme of an integrated approach in quality management of an IT project (Vlasova, 2020)

В данном исследовании проводится оценка и анализ рисков ИТ-проекта, целью которого является создание удобной и безопасной инфраструктуры для велопарковок с использованием современных технологий. Проект направлен на разработку мобильного приложения для экосистемы умных велопарковок Санкт-Петербурга. Основным отличием данных велосипедных парковок является наличие мобильного приложения и связанного электронного замка на каждом парковочном месте. Главным конкурентным преимуществом проекта является повышенная безопасность для личного микротранспорта, а также удобство пользования в рамках современной тенденции к цифровизации всех процессов.

Растущий тренд необходимости наличия инфраструктуры для микротранспорта формирует у жителей мегаполисов запрос на места рекреации, экологической разгрузки и спортивной активности. На важность и необходимость развития данной инфраструктуры указывает растущее количество средств индивидуальной мобильности.

Перегрузка городской дорожной сети влечет за собой большое количество транспортных аварий, наносит существенный вред экологии, а также здоровью и эмоциональному состоянию людей. В связи с данными факторами развитие альтернативных вариантов транспорта для городских жителей становится всё более актуальным.

Наиболее покупаемыми средствами индивидуальной мобильности стали электросамокаты и велосипеды: только за 2022 г. продажи выросли в 2 раза и имеют тенденцию к росту¹. Следует отметить, что данные виды микротранспорта для большинства субъектов Российской Федерации обладают ограничениями, например, такими как сезонность и зависимость от погоды, однако их положительное влияние не ограничивается только городской инфраструктурой [Сова, 2013]:

- 1) снижение нагрузки на транспортную систему ввиду увеличения пропускной способности дорог;
- 2) снижение негативного влияния на экологическую обстановку за счет отсутствия выбросов;
- 3) перераспределение пассажиров за счет независимого движения велосипедов по городу;
- 4) увеличение транспортной доступности;
- 5) позитивное влияние на состояние здоровья человека.

Развитие велотранспортной системы в городах России вызывает необходимость организации сети велотранспортных коммуникаций, строительства новой инфраструктуры, а также создания позитивного образа велокультуры у населения.

Создание экосистемы умных велопарковок является инновационным решением проблемы обеспечения безопасности личного транспорта и хранения средств индивидуальной мобильности. Всё это относится к тенденции, которая сложилась на сегодняшний день, а именно к развитию «умного города», что является концепцией интеграции ИКТ и Интернета вещей в городскую среду [Biliaeva, Kamennov, 2020]. Основными составляющими

¹ Продажи средств индивидуальной мобильности в 2022 году выросли почти в два раза // ТАСС. 2023. 27 февраля. <https://tass.ru/ekonomika/17151691> (дата обращения: 28.02.2024).

этой концепции являются здравоохранение, образование, социальная сфера, культура и транспортная инфраструктура [Biliaeva, Kamennov, 2020; Yessengeldin и др., 2018].

В. П. Шумилин уверен, что «умный городской транспорт» — необходимый элемент «умного города» и создание экосистемы способно улучшить транспортную доступность и эффективность использования городского, а также личного транспорта [Шумилин, 2020].

Ведущие тенденции и потребность в развитии городской среды подчеркиваются отечественным автором [Батурина, 2022], в чьем исследовании были охарактеризованы ведущие направления московской городской выставки «Город. Детали».

Подтверждение актуальности разработки данного ИТ-проекта также можно обнаружить в научных трактатах отечественных авторов. Так, например, в работе «Внедрение концепции „умный регион“: управленческие практики в России и за рубежом» [Лыщикова и др., 2020] отмечается роль ИКТ, которые имеют ориентир на разработку приложений для граждан, электронное управление, планирование и бюджетирование.

Транспортная стратегия РФ до 2030 г. свидетельствует о необходимости создания и развития новых индивидуальных транспортных средств¹.

Несмотря на то, что большинство граждан высказывает предпочтение передвигаться на экологически чистом виде транспорта, не все граждане готовы сказать нет использованию автомобилей. Граждане отмечают, что стопором зачастую является отсутствие возможности безопасного хранения велосипедов и самокатов.

Так, инициатива проекта по внедрению экосистемы умных велопарковок является актуальной. Важность решения подтверждает текущая тенденция в области применения ИТ-технологий для развития городской инфраструктуры.

Результаты

Первоначальная оценка рисков проводилась с помощью построения диаграммы Исикавы, представленной на рис. 2. Диаграмма Исикавы выступает эффективным инструментом для поиска, а также представления в наглядном виде причин, которые приводят к проблеме. В «голову» помещена проблема, а на «костях» обозначены факторы, которые влияют на ситуацию.

Так, было выявлено 6 групп рисков, а именно: технические, финансовые, кадровые, рыночные, риски безопасности, правовые риски.

Дальнейший анализ рисков проводится путем составления реестров рисков, представленных в табл. 1–6 (Приложение). Реестр рисков является важным инструментом для выявления и оценки потенциальных угроз и возможностей, связанных с реализацией данного проекта. Анализ и оценка рисков позволят предпринять необходимые меры по их управлению и минимизации влияния на успешность проекта.

¹ Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р // Министерство транспорта РФ: оф. сайт. <https://mintrans.gov.ru/ministry/targets/187/191/documents> (дата обращения: 28.02.2024).

Диаграмма Исикавы

Рис. 2. Диаграмма Исикавы проекта создания умных велопарковок

Fig. 2. Ishikawa diagram of the smart bike parking project

Согласно реестру, в группу технических рисков вошло три потенциальных риска. Выявленные рисковые события напрямую связаны с технической составляющей разрабатываемой системы умных велопарковок. Для каждого рискового события определен перечень причин, которые относятся как к внешним факторам, так и к человеческим и техническим, т. е. потенциально выявленные технические риски могут возникнуть и в связи с плохими погодными условиями, и недостаточным профессионализмом специалистов, и трудностями и сбоями на системном уровне. В случае наступления того или иного технического риска предопределено потенциальное воздействие. Согласно реестру, существуют меры по исключению (снижению) рискового события, а также меры по устранению последствий в случае наступления риска. Все они напрямую связаны с техническими и системными мероприятиями.

Финансовые риски являются определяющими и критичными при рассмотрении необходимости реализовывать проект. Любой проект нуждается в финансировании, поэтому анализ экономических рисков наиболее чувствителен при оценке угроз реализации инновационного продукта.

Основной движущей силой любых проектов являются люди, которые не только выступают в качестве идейных лидеров и основателей проектной деятельности, но и основного ресурса для его реализации. Качественный подбор персонала — это основная задача руководителей, т. к. сильная команда профессионалов может привести проект к успешному завершению. Однако необходимо не только учитывать профессиональные навыки работников на начальном этапе подбора персонала, но и давать возможность для профессионального роста, особенно в условиях долгосрочной работы и взаимодействия. Также важны не только профессиональные навыки (hard skills), но и навыки межличностного взаимодействия. Отношения внутри коллектива сильно влияют на общую атмосферу и выступают индикатором качественной работы специалиста по подбору персонала.

Правовые риски — это та группа рисков, с которой сталкивается любой бизнес и которые практически невозможно исключить. Так, рассматривая правовые риски со стороны соблюдения законодательной базы, стоит упомянуть, что такие риски невозможно исключить. Любой бизнес должен действовать в рамках закона, и в случае изменения законодательства необходимо подстраиваться под новые условия. Это требует не только исполнения новых правил, установленных государством, но и проведения постоянного, регулярного мониторинга в части нормативно-правовой базы.

Также этот риск можно рассмотреть с точки зрения заключения контрактов с поставщиками, заказчиками и иными заинтересованными лицами. Например, нечеткая формулировка контракта может привести к различным толкованиям условий и несоблюдению обязательств. Именно при составлении контрактов необходимо уделить внимание формированию четкого и понятного описания всех обязательств сторон, сроков исполнения и механизмов урегулирования споров. Наибольший ущерб заключается не только в финансовых потерях, но и в потере доверия со стороны контрагентов и ущербе репутации компании.

Согласно составленному реестру по рискам безопасности, можно сказать, что данная группа рисков связана как с человеческими, так и с техническими факторами. Основные причины наступления рисков событий данной группы связаны с уязвимостью системы с технической стороны и недобросовестностью, и агрессией, равнодушием от внутренних сотрудников и пользователей соответственно.

Рыночные риски неизбежно сопровождают реализацию каждого проекта. Исходя из реестра рыночных рисков реализации проекта умных велопарковок, можно выделить три рисков фактора: напряженная геополитическая обстановка, изменения в потребительском спросе и конкуренция на рынке.

Если первый фактор невозможно исключить и упразднить последствия, то для предотвращения второго и третьего факторов можно предпринять некоторые меры. Все они тем или иным образом связаны с повышением конкурентоспособности продукта.

Далее в ходе исследования была проведена экспертная оценка рисков, представленная в табл. 7. Экспертная оценка — качественный метод оценки рисков событий: их вероятности наступления и степени влияния. Оценка рисков проекта по созданию экосистемы умных велопарковок экспертным методом происходила через проведение интуитивно-логического анализа. Следует отметить, что была проведена групповая экспертная оценка. Ввиду отсутствия статистических данных об объекте и высокой популярности применения на практике эвристических методов оценки, метод экспертных оценок применен рационально в рамках данного исследования [Куркина, Шувалова, 2017; Гилина, 2008].

Таким образом, на основании экспертной оценки рисков была составлена матрица управления рисками, где все риски разложены по степени влияния в случае реализации, а также вероятности наступления. Матрица позволяет отразить в структурированном, а также графическом виде риски, которые потенциально могут возникнуть. Матрица рисков позволяет реализовать полную систематизацию и ранжирование [Лотышева, 2022]. Матрица рисков ИТ-проекта представлена на рис. 3.

Табл. 7. Оценка рисков проекта по созданию экосистемы умных велопарковок
Table 7. Risk assessment of the smart bicycle parking system project

Название риска	Вероятность наступления	Степень влияния
Группа 1. Технические риски		
1. Недостатки в архитектуре системы	Низкая	Средняя
2. неполадки или отказ в работе сенсоров, датчиков и камер	Высокая	Высокая
3. Несовместимость технологий в системе	Низкая	Высокая
Группа 2. Финансовые риски		
1. Нерациональное использование финансов	Средняя	Высокая
2. Рост операционных расходов (обслуживание, обновление, поддержка)	Высокая	Высокая
3. Перерасход бюджета из-за изменений в проекте	Высокая	Высокая
Группа 3. Кадровые риски		
1. Недостаточная квалификация сотрудников	Средняя	Высокая
2. Нелояльность персонала	Средняя	Средняя
3. Отсутствие у конкретных сотрудников необходимых личностных качеств	Низкая	Низкая
Группа 4. Правовые риски		
1. Нормативные ограничения в виде правил ПДД	Низкая	Средняя
2. Несоблюдение обязательств по контракту с контрагентами	Средняя	Высокая
Группа 5. Риски безопасности		
1. Кибератаки	Низкая	Высокая
2. Нарушения конфиденциальности данных	Низкая	Средняя
3. Вандализм	Высокая	Высокая
Группа 6. Рыночные риски		
1. Напряженная геополитическая обстановка	Средняя	Высокая
2. Изменения в потребительском спросе	Высокая	Высокая
3. Конкуренция на рынке	Высокая	Высокая

Рис. 3. Матрица управления рисками проекта

Fig. 3. Project Risk Management Matrix

Из рис. 3 можно сделать вывод о том, что наибольшая вероятность наступления и наибольшая степень влияния в случае реализации характерна для риска 3 группы 5 — вандализм. Анализируя полученную матрицу рисков, можно сделать вывод о высокой рискованности проекта, что накладывает дополнительную ответственность на заинтересованные стороны. Таким образом, оценка рисков становится особенно важной. В данном случае необходимо более тщательно следить за факторами риска и вести непрерывный мониторинг потенциальных угроз и возможностей, чтобы быть готовым к различным сценариям развития событий.

Обсуждение

Тематика данной работы схожа с трудами [Якунина, Федорова, 2020; Суйкова, Кудряшова, 2020; Skrupnyk, Nehrey, 2015] ввиду тенденции развития цифровых технологий. Проект соответствует концепции «умный регион» [Лыщикова и др., 2020], связанной с внедрением ИТ-технологий в городскую среду. В рамках исследования проводились анализ и оценка рисков проекта по разработке умных велопарковок. На основании диаграммы Исикавы были выделены следующие группы рисков: технические, финансовые, кадровые, рыночные, риски безопасности, правовые риски. Дальнейшая экспертная оценка рисков показала, что к наиболее значимым относятся вандализм, а также рыночные риски (а именно изменения в потребительском спросе, конкуренция на рынке) и финансовые риски, связанные с некачественным планированием бюджета (рост

операционных расходов, перерасход бюджета из-за изменений в проекте). Отметим, что в исследовании [Суйкова, Кудряшова, 2020] авторы пришли к схожим выводам. В дополнение стоит обратить внимание, что в зоне наиболее высоких рисков большую долю занимают финансовые и рыночные риски, что говорит о первоочередной необходимости отслеживания и управления рисками именно в этих областях проекта.

Заключение

Управление рисками представляет собой ключевой аспект успешной реализации любого проекта, будь то создание программного обеспечения или выполнение более традиционных задач. Путем оценки и анализа потенциальных угроз можно разработать стратегии для их минимизации, что помогает предотвратить негативные последствия и гарантировать достижение целей проекта.

Разработка умных велопарковок, помимо непосредственной выгоды для местных жителей, может послужить катализатором регионального развития, способствуя увеличению инвестиций в инновационные технологии и повышая привлекательность области для туристов и инвесторов. Данная статья акцентирует внимание на значении проактивного управления рисками на всех этапах проектного цикла. Обобщая результаты исследования, необходимо выделить 6 групп рисков, а именно: технические, финансовые, кадровые, рыночные, риски безопасности, правовые риски. Дальнейший анализ рисков проводился путем составления реестров рисков, проведения метода экспертных оценок и построения матрицы рисков.

Проведенный анализ и оценка рисков может служить готовым элементом риск-менеджмента ИТ-проекта по созданию экосистемы умных велопарковок в регионе, а также предложенная нами методология (алгоритм) может служить шаблоном для проведения самостоятельного анализа и оценки рисков ИТ-проекта.

Список источников

- Батурина С. В. 2022. Актуальные проблемы дизайна городской среды. Приоритетные методы и пути трансформации сложившихся урбанистических пространств // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: сб. мат. V Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 ноября 2022 г.) / под общ. ред. Е. А. Руднева. М.: Московский экономический институт. С. 18–28.
- Власова Т. И. 2020. Особенности управления качеством в инновационных ИТ-проектах // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. № 3. С. 61–72. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-61-72>
- Гилина Т. Г. 2008. Экспертная оценка как элемент процесса управления рисками // Финансы и кредит. № 42 (330). С. 43–48.
- Заговора О. В., Концевич В. Г. 2011. Учет особенностей ИТ-проектов при определении их жизненного цикла // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. Том 1. № 7 (49). С. 8–10.

- Куркина Е. П., Шувалова Д. Г. 2017. Оценка риска: экспертный метод // Проблемы науки. № 1 (14). С. 63–69.
- Лотышева А. А., Конорева А. А. 2022. Качественный метод управления рисками по функциональным областям строительного проекта // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство: сб. мат. V Нац. науч.-практ. конф. (Омск, 28–29 апреля 2022 г.). Омск: Сибирский гос. автомобильно-дорожный ун-т. С. 402–408.
- Лыщикова Ю. В., Германова О. В., Кочергин М. А. 2020. Внедрение концепции «Умный регион»: управленческие практики в России и за рубежом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12-1. <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-kontseptsii-umnoy-region-upravlencheskie-praktiki-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 01.12.2024).
- Сабирова З. З., Буранбаева Л. З., Мусина Г. А. 2020. Оценка рисков на этапе бизнес-планирования строительных проектов // Вестник БИСТ. № 1 (46). С. 42.
- Сова А. Н., Трофименко Ю. В., Буренин В. В. 2013. Велотранспорт для городов России // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. № 4 (47). <https://cyberleninka.ru/article/n/velotransport-dlya-gorodov-rossii> (дата обращения: 01.12.2024).
- Суйкова О. А., Кудряшова Е. В. 2020. Управление рисками инновационного проекта // Инновационное развитие профессионального образования. № 1 (25). С. 96–101.
- Фалалеев М. 2021. В России резко выросло число велокраж // Российская газета: оф. сайт. <https://rg.ru/2021/10/04/reg-cfo/v-rossii-rezko-vyr-oslo-chislo-velokrazh.html> (дата обращения: 28.02.2024).
- Шумилин В. П. 2020. Умный городской транспорт как один из элементов проекта «умный город» // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. № 1 (3). С. 456–462.
- Якунина Е. А., Федорова О. В. 2020. Управление рисками ИТ-проекта на этапе внедрения // Информатика: проблемы, методы, технологии: мат. XX Междунар. науч.-метод. конф. (Воронеж, 13–14 февраля 2020 г.) / под редакцией А. А. Зацаринного, Д. Н. Борисова. Воронеж: Научно-исследовательские публикации. С. 1544–1551.
- Babenko V., Sidorov V., Koniaieva Y., Kysliuk L. 2019. Features and prospects of scientific and technical cooperation in the field of non-conventional renewable energy // *Global Journal of Environmental Science and Management*. No. 5(SI). Pp. 105–112.
- Biliaeva L. G., Kamennov A. N. 2020. Smart City: The idea and basic concepts // *Право, экономика и управление: актуальные вопросы: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием* (Чебоксары, 27 ноября 2020 г.) Чебоксары: Издательский дом «Среда». Pp. 16–21. <https://doi.org/10.31483/r-97318>
- Skrypnyk A., Nehrey M. 2015. The formation of the deposit portfolio in macroeconomic instability, in ICT in education, research and industrial applications: Integration, harmonization and knowledge // *Transfer Proceedings of ICTERI 2015 in Lviv, Ukraine*. Pp. 225–235.
- Yessengeldin B. S., Mukhamediyeva G. M., Akybayeva G. S., Zhanseitov A. T. 2018. The role of «Smart City» concept in social infrastructure management of single industry towns // *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*. Vol. 92. No. 4. Pp. 55–62.

References

- Baturina, S. V. (2022). Actual problems of urban environment design. Priority methods and ways of transformation of existing urban spaces. In E. A. Rudnev (Ed.), *Aktual'nye problemy razvitiya jekonomiki i upravlenija v sovremennyh uslovijah: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual Problems of Economic and Management Development in Modern Conditions: Proceedings of the 5th International research Conference] (Moscow, Nov. 23, 2022) (pp. 18–28). Moskovskij jekonomicheskij institut. [In Russian]
2. Vlasova, T. I. (2020). Features of quality management in innovative IT projects. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. Serija: Jekonomika*, (3), 61–72. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-61-72> [In Russian]
3. Gilina, T. G. (2008). Expert assessment as an element of the risk management process. *Finansy i kredit*, (42), 43–48. [In Russian]
4. Zagovora, O. V., & Kontsevich, V. G. (2011). Taking into account the features of IT projects when determining their life cycle. *Vostochno-Evropskij zhurnal peredovyh tehnologij*, 1(7), 8–10. [In Russian]
5. Kurkina, E. P., & Shuvalova, D. G. (2017). Risk assessment: expert method. *Problemy nauki*, (1), 63–69. [In Russian]
6. Lotysheva, A. A., & Konoreva, A. A. (2022). Qualitative method of risk management by functional areas of a construction project. In *Obrazovanie. Transport. Innovacii. Stroitel'stvo: Sbornik materialov V Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Education. Transportation. Innovation. Construction: Proceedings of the 5th Russian Research Conference] (Omsk, Apr. 28–29, 2022) (pp. 402–408). Sibirskij gosudarstvennyj avtomobil'no-dorozhnyj universitet (SibADI). [In Russian]
7. Lyshchikova, Yu. V., Germanova, O. V., & Kochergin, M. A. (2020). Implementation of the “Smart Region” concept: management practices in Russia and abroad. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, 8(12-1). Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-kontseptsii-umnyy-region-upravlencheskie-praktiki-v-rossii-i-za-rubezhom> [In Russian]
8. Sabirova, Z. Z., Buranbaeva, L. Z., & Musina, G. A. (2020). Risk assessment at the business planning stage of construction projects. *Vestnik BIST*, (1), 42. [In Russian]
9. Sova, A. N., Trofimenko, Yu. V., & Burenin, V.V. (2013). Bicycle transport for Russian cities. Transport Rossijskoj Federacii. *Zhurnal o nauke, praktike, jekonomike*, (4). Retrieved Dec. 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/velotransport-dlya-gorodov-rossii> [In Russian]
- Suykova, O. A., & Kudryashova, E. V. (2020). Risk management of an innovative project. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*, (1), 96–101. [In Russian]
- Falaleev, M. 2021. *The number of bicycle thefts has increased sharply in Russia*. rg.ru. Retrieved Feb. 28, 2024, from <https://rg.ru/2021/10/04/reg-cfo/v-rossii-rezko-vyroslo-chislo-velokrazh.html> [In Russian]
- Shumilin, V. P. (2020). Smart urban transport as one of the elements of the “smart city” project. *Upravlenie dejatel'nost'ju po obespecheniju bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: sostojanie, problemy, puti sovershenstvovanija*, (1), 456–462. [In Russian]

- Yakunina, E. A., & Fedorova, O. V. (2020). IT Project Risk Management at the Implementation Stage. In A. A. Zacarinniy, D. N. Borisov (Eds.), *Informatika: problemy, metody, tehnologii: Materialy XX Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Informatics: Problems, Methods, Technologies: Proceedings of the 20th International Research and Methodical Conference] (Voronezh, Feb. 13–14, 2020) (pp. 1544–1551). Nauchno-issledovatel'skie publikacii. [In Russian]
- Babenko, V., Sidorov, V., Koniaieva, Y., & Kysliuk, L. (2019). Features and prospects of scientific and technical cooperation in the field of non-conventional renewable energy. *Global Journal of Environmental Science and Management*, (5 SI), 105–112.
- Biliaeva, L. G., & Kamennov, A. N. (2020). Smart City: The Idea and Basic Concepts. In *Pravo, jekonomika i upravlenie: aktual'nye voprosy: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Law, Economics and Management: Topical Issues: Proceedings of the Russian Research Conference] (Cheboksary, Nov. 27, 2020) (pp. 16–21). Sreda. <https://doi.org/10.31483/r-97318>
- Skrypnyk, A., & Nehrey, M. (2015). The formation of the deposit portfolio in macroeconomic instability, in ICT in education, research and industrial applications: integration, harmonization and knowledge. In *Transfer proceedings of ICTERI 2015 in Lviv, Ukraine* (pp. 225–235).
- Yessengeldin, B. S., Mukhamediyeva, G. M., Akybayeva, G. S., & Zhansaitov, A. T. (2018). The role of “Smart city” concept in social infrastructure management of single industry towns. *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*, 92(4), 55–62.

Информация об авторах

Анастасия Александровна Майкова, магистрант, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
maykovanastya15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7083-7189>

София Игоревна Кислицына, магистрант, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
kislitsyna.so@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6763-6988>

Олеся Дмитриевна Старченкова, магистрант, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
starchenkova.od@edu.spbstu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1168-2362>

Екатерина Романовна Холина, магистрант, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
katia.kholina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9855-0427>

Information about the authors

Anastasiya A. Maikova, Master Student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
maykovanastya15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7083-7189>

Sofiya I. Kislitsyna, Master Student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
kislitsyna.so@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6763-6988>

Olesya D. Starchenkova, Master Student, Institute of Industrial Management, Economics and
Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
starchenkova.od@edu.spbstu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1168-2362>

Ekaterina R. Kholina, Master Student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
katia.kholina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9855-0427>

Приложение

Табл. 1. Реестр технических рисков реализации проекта умных велопарковок
Table 1. Register of technical risks of implementing the smart bike parking project

Группа 1. Технические риски			
Причина риска (при наличии)	<ol style="list-style-type: none"> Отсутствие стандартизации в использовании технологий. Сложность управления большим количеством сервисов/компонентов. Трудности в интеграции с приложениями, работающими на разных ОС. Сложность обеспечения одинакового SLA для сервисов/компонентов 	<ol style="list-style-type: none"> Загрязнение датчика/сенсора/камеры. Сбой калибровки датчика. Механическое повреждение датчика/сенсора/камеры 	<ol style="list-style-type: none"> Несовершенство программного обеспечения. Не все разработчики являются высококвалифицированными программистами, и их программы могут содержать ошибки. Различия в операционных системах, ресурсах компьютеров и используемом программном обеспечении
Название риска	Недостатки в архитектуре системы	Неполадки или отказ в работе сенсоров, датчиков и камер	Несовместимость технологий в системе
Потенциальное воздействие	<ol style="list-style-type: none"> Снижение эффективности работы системы. Увеличение времени разработки и внедрения новых функций. Повышение сложности обслуживания системы. Ухудшение защиты данных. Сложности в интеграции с другими системами и сервисами. Трудности в управлении обновлениями 	<ol style="list-style-type: none"> Снижение уровня безопасности, т. к. замок не сможет корректно определить, открыт он или закрыт. Невозможность использования некоторых функций замка. Увеличение вероятности взлома замка из-за снижения его надежности 	<ol style="list-style-type: none"> Ошибки и сбои в работе ПО. Некорректная работа системных библиотек. Снижение производительности из-за недостатка ресурсов. Появление вирусов

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Группа 1. Технические риски			
Меры по исключению (снижению) событий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оптимизация: изменение архитектуры для повышения производительности. 2. Разделение обязанностей между компонентами и своевременное составление документации. 3. Применение автоматизированных систем для оперативного решения проблем. 4. Управляемость: контроль обмена данными и отслеживание ошибок. 5. Модульность: использование модульных компонентов для интеграции 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Регулярно проводить осмотр замков на исправность работы. 2. Регулярно проверять корректность соединения умного замка с системой отслеживания. 3. Регулярно осматривать провода на предмет разрывов и повреждений. 4. Регулярно отчищать замки от возможного появления ржавчины 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нанять квалифицированного программиста. 2. Проверить совместимость используемых фреймворков и библиотек с ОС и ПО
Меры по устранению последствий события в случае наступления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Провести рефакторинг кода. 2. Внедрить модульность и разделение компонентов. 3. Проводить регулярные обзоры кода. 4. Совершенствовать навыки сотрудников 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проверять и обновлять ПО замка. 2. Проверять контакты датчиков и сенсоров. 3. Заменять неисправные датчики и сенсоры 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установить необходимую версию фреймворка. 2. Использовать официальные версии программ. 3. Исследовать поврежденные файлы инсталляции. 4. Исследовать и исправлять ошибки сборки программы

Табл. 2. Реестр финансовых рисков реализации проекта умных велопарковок
Table 2. Register of financial risks of implementing the smart bike parking project

Группа 2. Финансовые риски			
Причина риска (при наличии)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Недостаток понимания финансовых принципов и стратегий. 2. Недостаток контроля и учета затрат. 3. Недостаток планирования и бюджетирования. 4. Необоснованное расходование средств 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение стоимости сырья и материалов. 2. Инфляция и повышение общего уровня цен. 3. Увеличение заработных плат сотрудникам 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Недооценка стоимости внедрения изменений. 2. Дополнительные требования со стороны заказчика. 3. Непредвиденные проблемы и задержки, которые потребуют дополнительных затрат на их устранение
Название риска	Нерациональное использование финансов	Рост операционных расходов (обслуживание, обновление, поддержка)	Перерасход бюджета из-за изменений в проекте
Потенциальное воздействие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нехватка ресурсов для завершения проекта или его улучшения. 2. Перерасход средств на менее приоритетные части проекта. 3. Финансовые потери, появление задолженностей 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение общей стоимости и сроков проекта. 2. Необходимость корректировки бизнес-модели. 3. Необходимость поиска новых источников финансирования 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Потенциальное увеличение стоимости проекта. 2. Задержка в сроках выполнения проекта
Меры по исключению (снижению) события	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение аудита финансовых операций проекта. 2. Обучение сотрудников и участников проекта. 3. Введение механизмов ответственности за нерациональное использование финансов 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Автоматизация и оптимизация процессов. 2. Установление надежных связей с поставщиками. 3. Использование внешних ресурсов. 5. Постоянный мониторинг и анализ 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Утверждение изменений только после одобрения всех заинтересованных лиц. 2. Создание способов для оценки влияния изменений на бюджет. 3. Осуществить очевидность в принятии решений о изменениях

Окончание табл. 2

Table 2 (end)

Группа 2. Финансовые риски			
Меры по устранению последних событий в случае наступления	1. Выявление факторов, способствующих процессу нерационального использования средств.	1. Проведение анализа причин роста издержек и определение основных источников затрат.	1. Провести анализ причин перерасхода бюджета.
	2. Внедрение строгого контроля и мониторинга за расходованием средств.	2. Пересмотр графика и ресурсов проекта.	2. Разработка плана мероприятий по уменьшению издержек и оптимизации расходов.
	3. Пересмотр бюджета проекта	3. Определить альтернативные источники финансирования	3. Пересмотр проектного плана и расписания работ

Табл. 3. Реестр кадровых рисков реализации проекта умных велопарковок

Table 3. Register of HR risks of implementing the smart bike parking project

Группа 3. Кадровые риски			
Причина риска	Неправильный выбор сотрудников	Неправильный выбор сотрудников	Неправильный выбор сотрудников
Название риска	Недостаточная квалификация сотрудников	Нелояльность персонала	Отсутствие у конкретных сотрудников необходимых личностных качеств
Потенциальное воздействие	1. Продление сроков выполнения работ из-за ошибок и задержек. 2. Ухудшение качества работы. 3. Рост издержек из-за необходимости повторной работы или доработки	1. Ухудшение коммуникации. 2. Снижение продуктивности. 3. Увеличение текучести кадров	1. Снижение производительности и качества работы. 2. Конфликты и нерешенные проблемы. 3. Неумение управлять эмоциями
Меры по исключению (снижению) события	1. Качественный подбор персонала и оценка уровня квалификации на этапе интервью. 2. Оценка профессионального бэкграунда потенциального сотрудника. 3. Повышение профессионального уровня сотрудников	1. Проведение регулярных индивидуальных разговоров с каждым сотрудником для выявления их потребностей. 2. Организация командных мероприятий и тренингов. 3. Создание благоприятной рабочей среды с удобными условиями труда	1. Расширить процесс подбора сотрудников, включая оценку их личностных качеств наряду с профессиональными навыками и опытом. 2. Создать условия для развития и укрепления командного духа с помощью совместных мероприятий, тренингов и командных игр

Окончание табл. 3

Table 3 (end)

Группа 3. Кадровые риски		
Меры по устранению последствий события в случае наступления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение дополнительного обучения и тренингов для работников, чтобы заполнить пробелы в знаниях и навыках. 2. Проведение индивидуальных консультаций с недостаточно квалифицированными сотрудниками для выявления и решения конкретных проблем. 3. Назначение более опытных сотрудников или наставников, которые будут помогать исправить ошибки и повысить профессиональный уровень 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение анализа причин отсутствия лояльности среди сотрудников и разработка плана действий для их устранения. 2. Проведение открытых обсуждений и слушание мнения сотрудников о причинах и способах улучшения ситуации. 3. Предоставление обратной связи сотрудникам и реализация их предложений по улучшению условий работы
		<ol style="list-style-type: none"> 1. Провести индивидуальные консультации и сессии коучинга с сотрудниками, которые испытывают трудности из-за отсутствия определенных личностных качеств. 2. Перераспределение обязанностей между сотрудниками в соответствии с их личностными качествами

Табл. 4. Реестр правовых рисков реализации проекта умных велопарковок

Table 4. Register of legal risks of implementing the smart bike parking project

Группа 4. Правовые риски		
Причина риска	Усложнение/совершенствование дорожной инфраструктуры	Несоответствие ожиданиям
Название риска	Нормативные ограничения в виде правил ПДД	Несоблюдение обязательств по контракту с контрагентами
Потенциальное воздействие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Необходимость смены локации велопарковки в соответствии с новыми правилами. 2. Необходимость выплаты штрафов в случае нарушения ПДД 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Потеря доверия и репутации. 2. Юридические последствия (судебные разбирательства, штрафы и убытки)
Меры по исключению (снижению) события	Невозможно исключить риск	<ol style="list-style-type: none"> 1. Четкое и детальное описание условий контракта. 2. Активное управление исполнением. 3. Регулярное общение с контрагентами

Окончание табл. 4

Table 4 (end)

Группа 4. Правовые риски		
Меры по устранению последствий события в случае наступления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мониторинг нормативно-правовой базы. 2. Исполнение нормативно-правовых требований 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Необходимо выяснить причины неисполнения обязательств и провести переговоры с контрагентами для разработки плана по устранению последствий. 2. Исполнение дополнительных обязательств. 3. Согласование новых условий контракта

Табл. 5. Реестр рисков безопасности реализации проекта умных велопарковок

Table 5. Register of safety risks of implementing the smart bike parking project

Группа 5. Риски безопасности			
Причина риска	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уязвимости в системах, получение доступа к конфиденциальной информации. 2. Финансовая выгода 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Недостаточная защита: некорректная настройка системы может привести к несанкционированному доступу к данным. 2. Фишинговые атаки: мошенники могут использовать фишинговые электронные письма или веб-страницы, чтобы обманом получить доступ к данным. 3. Внутренние угрозы: нарушение конфиденциальности данных может происходить изнутри 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Экспрессия негативных эмоций: люди могут проявлять агрессию и негативные эмоции путем разрушения и порчи имущества. 2. Некоторые люди могут присоединяться к группам или сообществам, где акты вандализма рассматриваются как способ доказать свою принадлежность к этой группе и укрепить свою социальную позицию
Название риска	Кибератаки	Нарушения конфиденциальности данных	Вандализм

Окончание табл. 5
Table 5 (end)

Группа 5. Риски безопасности			
Потенциальное воздействие	<p>1. Кража велосипеда: в случае успешной атаки злоумышленники могут украсть велосипед, если нет дополнительных мер безопасности.</p> <p>2. Потеря конфиденциальной информации: если умный замок хранит персональные данные владельца велосипеда, то при кибератаке эта информация может быть скомпрометирована</p>	<p>1. Угроза репутации компании: потеря доверия клиентов.</p> <p>2. Штрафы за нарушение законодательства о защите данных.</p> <p>3. Потеря конкурентного преимущества</p>	<p>1. Повреждение умного замка.</p> <p>2. Кража велосипеда.</p> <p>3. Финансовые последствия</p>
Меры по исключению (снижению) события	<p>1. Обновлять ПО замка регулярно, чтобы обеспечивать безопасность.</p> <p>2. Использовать сильные пароли для доступа к умному замку и регулярно их менять.</p> <p>3. Избегать подключения умного замка к ненадежным сетям Wi-Fi.</p> <p>4. Проводить обучение сотрудников и пользователей по безопасному эксплуатации и распознаванию подозрительной активности</p>	<p>1. Регулярное обновление ПО и применение патчей безопасности.</p> <p>2. Использование сильных паролей, механизмов аутентификации, двухфакторной аутентификации и шифрования данных для обеспечения безопасности информации.</p> <p>3. Обучение сотрудников по вопросам кибербезопасности, проведение мероприятий по повышению осведомленности о безопасности данных</p>	<p>1. Обеспечить мониторинг и видеонаблюдение в районе, где находится велопарковка с умными замками.</p> <p>2. Установить сигнализацию или систему тревоги, которая сработает в случае попытки вандализма</p>
Меры по устранению последствий события в случае наступления	<p>1. Сменить пароли и учетные данные: после кибератаки необходимо изменить пароли и логины для доступа к приложению.</p> <p>2. Обновить ПО: убедитесь, что умной замок обновлен до последней версии программного обеспечения, которая может содержать исправления уязвимостей</p>	<p>1. Немедленное уведомление затронутых лиц о нарушении конфиденциальности данных и предоставление рекомендаций по дальнейшим действиям.</p> <p>2. Проведение анализа ущерба от утечки данных и принятие мер по ограничению возможных последствий.</p> <p>3. Сотрудничество с уполномоченными организациями по защите данных</p>	<p>1. Заменить поврежденный умный замок на новый или отремонтировать его.</p> <p>2. Принять меры по восстановлению или защите велосипеда от возможных последствий повреждения.</p> <p>3. Провести расследование инцидента и связаться с правоохранительными органами для выяснения обстоятельств вандализма</p>

Табл. 6. Реестр рыночных рисков реализации проекта умных велопарковок
Table 6. Register of market risks of implementing the smart bike parking project

Группа 6. Рыночные риски			
Причина риска	Политические отношения страны	1. Сезонные изменения (пользование велосипедом исключительно в теплое время года). 2. Изменение трендов на пользование велосипедами	1. Быстрое развитие технологий. 2. Растущий интерес к личному микротранспорту
Название риска	Напряженная геополитическая обстановка	Изменения в потребительском спросе	Конкуренция на рынке
Потенциальное воздействие	1. Опасности на улицах: потенциальные конфликты могут отпугнуть людей от использования велосипедов. 2. Ограничения на перемещение: при введении ограничений на передвижение люди могут столкнуться с затруднениями в использовании велосипедов	1. Повышение спроса на использование велосипедов приведет к увеличению количества пользователей умных велопарковок и росту прибыли. 2. Усиление конкуренции. 3. Ухудшение спроса на использование велосипедов приведет к непопулярности проекта и потере денежных средств (неокупаемость проекта)	1. Улучшение качества продукции. 2. Снижение цен: конкуренция способствует появлению различных ценовых предложений от различных производителей, что может привести к снижению цен на умные велопарковки для потребителей.
Меры по исключению (снижению) события	Невозможно исключить риск	1. Развитие информационной кампании. 2. Повышение доступности: установка умных велопарковок на популярных местах. 3. Внедрение скидок и акций: предоставление скидок, бонусов или акций для пользователей	Запатентовать умные замки в РОСПАТЕНТ

Окончание табл. 6

Table 6 (end)

Группа 6. Рыночные риски			
Меры по устранению последствий события в случае наступления	Невозможно устранить последствия	1. Мониторинг спроса. 2. Развитие новых про- дуктов и сервисов	1. Работы по непрерывно- му улучшению продукта. 2. Качественный сервис для клиентов. 3. Создание прочной клиентской базы

К вопросу о проблемах планирования и исполнения государственного оборонного заказа в современных геополитических условиях

Евгений Васильевич Черняев

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Вольск, Россия
Контакт для переписки: ki-la@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ динамики расходов на нацбезопасность, правоохранение и национальную оборону, его результаты показали рост данных показателей. В то же время, это не решает проблему срывов сроков исполнения государственных контрактов, которые зачастую оказываются меньше циклов изготовления изделий. Проведен также анализ основных особенностей процедуры планирования производства в цепочках многоуровневой кооперации в рамках выполнения государственного оборонного заказа, а также статистики заключения одним из предприятий оборонной отрасли контрактов, который позволил обнаружить взаимосвязь между длительностью цикла изготовления продукции и возникновением срыва сроков выполнения госконтракта. Проведен анализ нормативной базы, рассмотрены меры административной и уголовной ответственности за срыв сроков госконтрактов. Сделан вывод об актуальности задачи рассмотрения возможности принятия перспективного бюджета для государственных заказчиков в целях заключения долгосрочных государственных контрактов с головными исполнителями для проведения закупочных процедур и оформления договоров с кооперацией.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, госконтракт, государственный заказчик, кооперация исполнителей, параметры планирования, риски исполнения, срыв срока выполнения проекта, нормативная база, ответственность

Цитирование: Черняев Е. В. 2024. К вопросу о проблемах планирования и исполнения государственного оборонного заказа в современных геополитических условиях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 4 (40). С. 268–286. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-268-286>

Поступила 14.08.2024; одобрена 11.10.2024; принята 11.10.2024

On the problems of planning and executing the state defense order in modern geopolitical conditions

Evgenij V. Chernjaev✉

Volsk Logistics Support Military Academy, Volsk, Russia

Corresponding author: ki-la@mail.ru✉

Abstract. This article analyzes the dynamics of expenditures on national security, law enforcement, and national defense, the results of which show an increase in these indicators, which, however, does not solve the disruptions in the execution of government contracts, which often turn out to be less than product manufacturing cycles. The author considers the main features of the production planning procedure in the chains of multilevel cooperation within the framework of the state defense order execution, as well as the statistics on contracts signed by one of the enterprises of the defense industry; that has helped in detecting the ties between the duration of the production cycle and the deadlines disruption. The analysis of the regulatory framework was carried out, measures of administrative and criminal liability for failure to meet the deadlines of state contracts were considered. The conclusion highlights the relevance of the task of considering the possibility of adopting a long-term budget for Government customers in order to sign long-term government contracts with lead contractors for conducting procurement procedures and signing contracts with cooperation.

Keywords: state defense order, state contract, state customer, cooperation of performers, planning parameters, execution risks, project deadline failure, regulatory framework, responsibility

Citation: Chernjaev, E. V. (2024). On the problems of planning and executing the state defense order in modern geopolitical conditions. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(4), 268–286. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-268-286>

Received Aug. 14, 2024; Reviewed Oct. 11, 2024; Accepted Oct. 11, 2024

Введение

В современных условиях России государственным программам придается большое значение. Государственные программы являются одним из инструментов повышения эффективности бюджетных расходов в ОПК и являются основой формирования структуры расходов бюджета.

Государственные программы развития любой отрасли являются одним из приоритетных инструментов, обеспечивающих взаимосвязь стратегического и бюджетного планирования. Утверждение национальных целей развития ОПК вносит существенные коррективы в процессы стратегического планирования. На сегодняшний день мероприятия национальных и федеральных проектов активно включаются в государственные программы.

Текущие динамично меняющиеся геоэкономические и геополитические условия сопряжены с возрастанием рисков реализации государственных программ вооружения ВС РФ, обеспечения национальной безопасности РФ, развития отраслевых комплексов, в первую очередь оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Преодоление и минимизация негативных последствий указанных рисков предполагает в числе прочих инструментов применение методологии программно-целевого планирования, использование которой в управлении оборонно-промышленным комплексом позволит повысить эффективность расходования средств, направляемых на решение широкого круга задач по обеспечению национальной безопасности государства [Смуров, 2017, с. 27–35; Волков, 2020, с. 42–54; Боков, 2023, с. 24–27]. Программно-целевое планирование как метод рациональной организации расходования ресурсов нацелен при этом на организацию эффективных технико-экономических взаимоотношений, но требует всестороннего научного анализа как ресурсосберегающий механизм.

Государственные программы в области развития ОПК являются инструментом государственного регулирования отрасли, обеспечивающим достижение перспективных целей и задач путем использования имеющегося методологического аппарата. Их содержание связано с определением главной стратегической цели, подцелей в их соподчиненности, этапов достижения цели, комплекса увязанных между собой мер, установлением субъектов, участвующих в реализации программ, а также механизма их реализации. В программы должны включаться источники финансирования, методы стимулирования, ответственности и др., поэтому указанные программы должны разрабатываться с учетом максимально достоверных планов развития и являются необходимым условием достижения целевых показателей исследуемой отрасли.

В текущих условиях своевременное выполнение государственных программ, в первую очередь в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ, гособоронзаказ, госконтракт), является весьма актуальной задачей.

Вместе с тем, несмотря на «точечное» внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы разработки, реализации и оценки эффективности программных документов развития ОПК, общее состояние регулирования в этой сфере требует дальнейшего совершенствования применяемых подходов.

Так, ряд исследований последних лет обнаруживают недостатки действующей системы в правовом поле [Гапоненко, Самолысов, 2020, с. 220–231; Шмелева, 2021, с. 81–85; Санташов, Мухтарова, 2022, с. 151–158; Мурадов, 2023, с. 13–15]. Другие авторы обращают внимание на вопросы безопасности закупок и риски контрактных отношений [Бабенков, Гурьянов, 2021, с. 5–9; Чернышева и др., 2022, с. 90–98]. Большое внимание

уделяется организации в том числе планирования реализации госконтрактов [Смуров, 2017, с. 27–35; Сергеев, Шишков, 2019, с. 27–34; Волков, Быстров, 2020, с. 41–54; Бокков и др., 2023, с. 24–27].

Результаты и обсуждение

Опираясь на анализ названных исследований в указанной сфере, в данной работе автор предпринял попытку рассмотреть основные проблемные вопросы планирования и исполнения государственного оборонного заказа в современных геополитических условиях, а также предложить пути их разрешения.

В табл. 1–3 представлены фактические и плановые расходы федерального бюджета в периоды 2019–2023, 2019–2025 и 2019–2026 гг., соответственно, составленные на основании анализа опубликованного в открытых источниках и утвержденного Минфином РФ документа «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики» от 2020, 2022 и 2023 гг.

Табл. 1. Расходы федерального бюджета в 2019–2023 гг. (млрд руб.)

Table 1. Russian Federal budget expenditures in 2019–2023 (bln rub.)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	18 214,5	23 734,2	21 520,1	21 885,0	23 671,3
Общегосударственные вопросы	1 363,5	3 639,1	1 582,8	1 458,5	1 617,2
Национальная оборона	2 997,4	3 308,9	3 113,2	3 231,7	3 257,5
Нацбезопасность и правоохрана	2 083,2	2 359,1	2 456,7	2 408,9	2 544,5
Национальная экономика	2 827,1	3 190,7	3 326,6	3 004,2	3 119,7

Источник: составлено автором по данным Министерства финансов РФ¹.

Source: compiled by the author according to the RF Ministry of Finance¹.

Анализ приведенных данных показывает, что расходы на нацбезопасность, правоохранение и национальную оборону неуклонно увеличиваются. В частности, из табл. 2 видно, что запланированные затраты, относящиеся к текущему году, по указанным направлениям в 2022 г. суммарно составляли более 8 900 млрд руб., что соответствует 30,5% от общей суммы расходов федерального бюджета. В 2023 г. эта сумма увеличилась до 14 164 млрд руб., таким образом, доля от общей суммы запланированных расходов составила 38,6%.

Рис. 1 наглядно демонстрирует, что увеличение расходов на 2024 г. является пиковым на рассматриваемом периоде, как для общей суммы расходов, так и для расходов на нацбезопасность, правоохранение и национальную оборону.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/ad6f611523bc6f3154c6c7925e04633419c77f04/ (дата обращения: 24.07.2024).

Табл. 2. Расходы федерального бюджета в 2019–2025 гг. (млрд руб.)
Table 2. Russian Federal budget expenditures in 2019–2025 (bln rub.)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего	18 214,5	22 821,6	24 762,1	27 614,1	29 055,6	29 432,5	29 243,7
Общегосударственные вопросы	1 363,5	1 507,7	1 759,5	2 628,6	1 994,4	1 993,1	1 834,5
Национальная оборона	2 997,4	3 168,8	3 573,6	4 678,7	4 981,6	4 648,8	4 208,4
Нацбезопасность и правоохрана	2 083,2	2 226,6	2 335,9	2 788,4	4 417,1	4 332,1	4 344,2
Национальная экономика	2 827,1	3 483,9	4 356,6	4 317,5	3 514,1	3 555,0	3 591,3

Источник: составлено автором по данным Министерства финансов РФ.

Source: compiled by the author according to the RF Ministry of Finance¹.

Табл. 3. Расходы федерального бюджета в 2019–2026 гг. (млрд руб.)
Table 3. Russian Federal budget expenditures in 2019–2026 (bln rub.)

Показатель	2019	2020	2021	2023	2024	2025	2026
Всего	18 214,5	22 821,6	24 762,1	30 265,8	36 660,7	34 382,8	35 587,4
Общегосударственные вопросы	1 363,5	1 507,7	1 759,5	2 324,4	2 171,0	2 286,9	2 410,8
Национальная оборона	2 997,4	3 168,8	3 573,6	6 406,7	10 775,4	8 534,1	7 409,0
Нацбезопасность и правоохрана	2 083,2	2 226,6	2 335,9	3 225,6	3 388,6	3 275,2	3 406,4
Национальная экономика	2 827,1	3 483,9	4 356,6	4 125,6	3 890,0	3 248,1	3 665,6

Источник: составлено автором по данным Министерства финансов РФ².

Source: compiled by the author according to the RF Ministry of Finance².

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/ddc27b6ad08add237ee9ef823b69c0cbe8e892a/ (дата обращения: 24.07.2024).

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/ddc27b6ad08add237ee9ef823b69c0cbe8e892a/ (дата обращения: 24.07.2024).

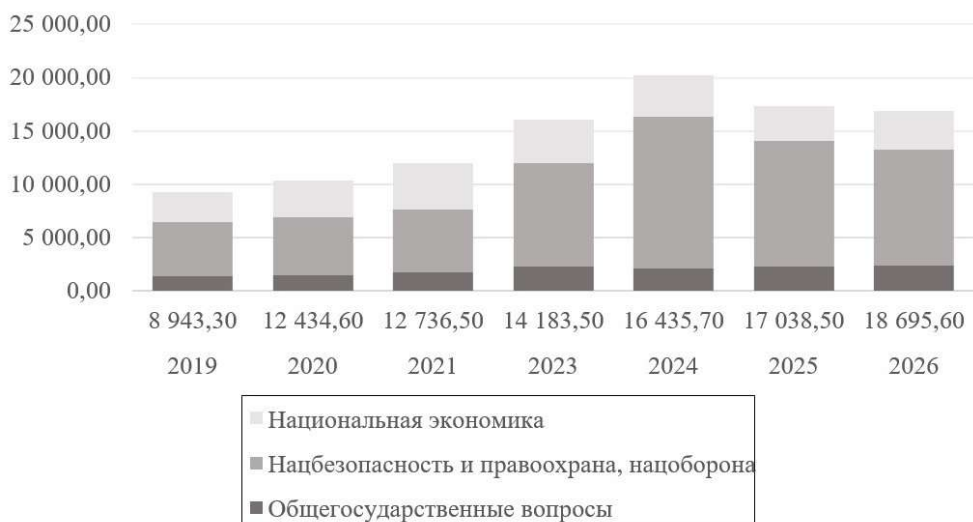

Рис. 1. Динамика изменения объема расходов федерального бюджета по отдельным направлениям (фактических и запланированных) в 2019–2026 гг.

Источник: составлено автором на основе данных, представленных в табл. 1–3.

Fig. 1. Changes in the volume of Russian Federal Budget expenditures in certain areas (actual and planned) in 2019–2026

Source: compiled by the author based on the data in Tables 1–3.

В то же время, несмотря на значительное увеличение финансирования, государственные заказчики заключают государственные контракты с головными исполнителями на основании ГОЗ и государственных программ только при условии доведения лимитов бюджетного финансирования Минфином России. В этой связи на практике имеют место случаи заключения контрактов по изготовлению оборонной продукции со сроками менее продолжительности циклов изготовления изделий. Кроме того, сроки исполнения государственных контрактов при этом затягиваются проведением закупочных процедур на всех уровнях цепочки кооперации головного исполнителя. При этом головной исполнитель и кооперация не вправе начинать контрактные и закупочные процедуры до заключения государственных контрактов.

В качестве примера в табл. 4 (см. Приложение) рассмотрена статистика заключения одним из предприятий оборонной отрасли контрактов на поставку ракет-носителей «Союз-2» с Министерством обороны России и Госкорпорацией «Роскосмос» в период с 2018 по 2022 г.

Анализ данных, представленных в табл. 4, позволяет говорить о тенденции увеличения количества случаев срыва сроков выполнения госконтрактов на поставку ракет-носителей «Союз», наглядно представленной на рис. 2.

Одновременно анализ полученных статистических данных позволяет обнаружить взаимосвязь между длительностью цикла изготовления продукции и возникновением срыва сроков выполнения госконтракта. Сроки сдачи и завершения работ по контракту,

как правило, переносились в случаях наименьших плановых интервалов, заложенных на выполнение работ по проекту.

Ситуация с поздним заключением государственных контрактов сформировалась в период 2018–2019 гг.

При цикле изготовления средств выведения, составляющем до 24 месяцев, значительно увеличился период проведения закупочных процедур и заключения договоров с предприятиями кооперации в связи с проблемами качества и сроков подготовки расчетно-калькуляционных материалов (далее — РКМ) в рамках исполнения ГОЗ в соответствии с требованиями постановления Правительства РФ № 1465 от 02.12.2017 и номенклатурой предоставляемых документов в соответствии с приказами ФАС России № 116/18 от 31.01.2018, № 1138/19 от 26.08.2019.

Позднее заключение государственных контрактов в ряде случаев привело к несвоевременному их исполнению (см. табл. 4 Приложения), несмотря на принимаемые головным исполнителем меры.

По всем несвоевременно исполненным государственным контрактам к главному исполнителю государственным заказчиком применены санкции (штрафы и пени), а к должностным лицам применены меры административного наказания в соответствии ст. 14.55 ч. 1 КоАП РФ. При этом в рамках рассмотрения исков в судах по одному из государственных контрактов принято решение (дело А40-42340/21-12-265) об отказе в удовлетворении требований государственного заказчика о взыскании неустойки, в том числе по причине несвоевременного заключения государственного контракта.

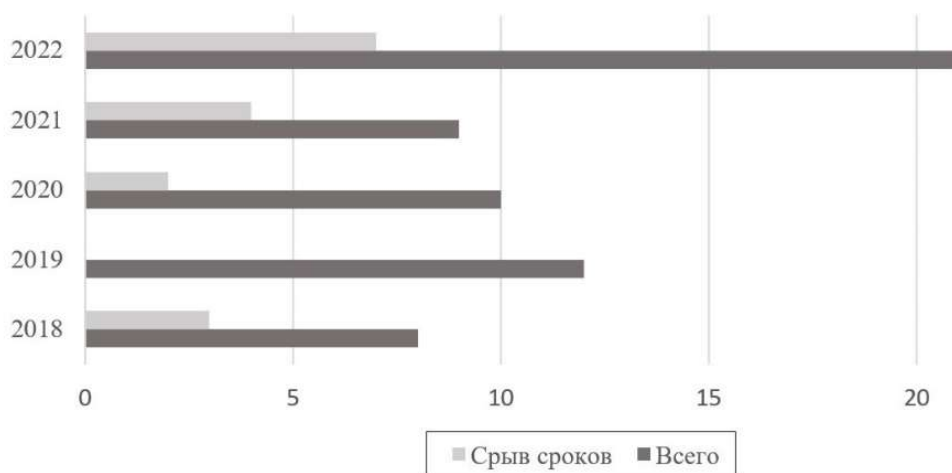

Рис. 2. Динамика изменения количества проектов на поставку ракет-носителей «Союз-2», по которым работы не были выполнены в срок в период с 2018 по 2022 г.

Источник: составлено автором на основе данных, представленных в табл. 4 Приложения.

Fig. 2. Changes in the no. of projects for the supply of Soyuz launch vehicles which were not completed on time in 2018–2022

Source: compiled by the author based on the data in Table 4.

По результатам обращений и направления писем в адрес государственных заказчиков с 2020 г. началась процедура опережающего заключения государственных контрактов с головными исполнителями, что частично позволило привести в соответствие сроки исполнения государственных контрактов с технологическими циклами.

Однако начиная с 2022 г. существенно возросли заявляемые производителями в договорах сроки изготовления и поставки электронной компонентной базы (ЭКБ), в т. ч. проводов и разъемов, а также продукции химической и металлургической промышленности вследствие роста загрузки данных предприятий в рамках ГОЗ и принимаемых данными предприятиями мер по исключению рисков наказаний вследствие несвоевременного исполнения договоров в рамках ГОЗ. В настоящее время заявляемые производителями в договорах сроки поставки ЭКБ составляют от 365 до 735 дней. В свою очередь предприятия кооперации головного исполнителя заявляют сроки поставки бортовой аппаратуры с циклом изготовления до 24 месяцев. Указанная ситуация приводит к сроку изготовления средств выведения не менее 30 месяцев и, в очередной раз, создает угрозы несвоевременного исполнения и к необходимости опережающего заключения государственных контрактов.

Опережающее заключение договоров с кооперацией до заключения государственных контрактов не представляется возможным вследствие отсутствия достаточных оборотных средств у головного исполнителя, отказов включения государственным заказчиком в стоимость продукции процентов за пользование кредитными средствами, имеющихся требований казначейского и банковского сопровождения при исполнении ГОЗ, необходимости наличия признаков ГОЗ (идентификатор государственного контракта, ИГК) для принуждения единственных поставщиков и кооперации к формированию РКМ. Кроме того, несмотря на полученные от государственных заказчиков разъяснения по возможности использования ресурсов государственного контракта одного государственного заказчика для исполнения другого государственного контракта другого государственного заказчика в рамках исполнения ГОЗ на предприятиях кооперации и промышленности в целях исключения рисков наказания отказываются использовать подобную практику до законодательно установленного разрешения в рамках Федерального закона № 275-ФЗ от 29.12.2012 и настаивают на получении целевых авансовых средств для исполнения договоров в рамках ГОЗ.

В настоящее время рассматриваемым предприятием заключены и исполняются государственные контракты на изготовление средств выведения с поставкой до 2025 г. включительно. При этом, учитывая технологический цикл изготовления изделий и их комплектующих, а также необходимый уровень загрузки не менее 16 изделий ежегодно для поддержания стабильного технологического уровня и удержания роста стоимости изделий, не превышающего установленные Минэкономразвития индексы цен производителей (далее — ИЦП), не позднее первого квартала 2024 г. необходимо заключение контрактов на изготовление и поставку средств выведения в 2026 г. и последующих годах. Однако дальнейшее заключение контрактов имеет неопределенный и непрогнозируемый характер. Возможным выходом из данной ситуации является формирование потребности и заключение с государственными заказчиками долгосрочных (на период

до 2030 г.) государственных контрактов, предусматривающих возможность внесения изменений в части, касающейся количества изделий, в случае, если реальная потребность с течением времени будет отличаться от изначально запланированной. Заключение таких государственных контрактов, с единым ИГК каждый, позволит формировать долгосрочную программу изготовления по предприятиям кооперации; заключить договоры на поставку комплектующих, ЭКБ, сырья и материалов для формирования своевременного и гарантированного запаса; позволит использовать созданный запас для изготовления последующих изделий в рамках одного ИГК на предприятиях кооперации без рисков получения замечаний контролирующих органов о нецелевом использовании средств и собственников об отвлечении собственных средств; сократит риски срывов сроков поставки из-за несвоевременного комплектования ЭКБ и материалами. Заключение таких государственных контрактов необходимо для головных исполнителей проводить на весь планируемый период до 2030 г. с установлением ориентировочной цены, корректируемой на момент завершения изготовления изделий, с применением актуальных в данном периоде ИЦП, в целях исключения рисков ошибок в прогнозах роста ИЦП при формировании фиксированных цен на долгосрочный период.

Причины возникновения рисков со стороны заказчиков и исполнителей госконтрактов, приводящих к срыву сроков их выполнения, автором подробно рассмотрены в работах [Черняев, 2022, с. 113–117; Черняев, Хайтбаев, 2022, с. 16–20]. В частности, к рискам со стороны заказчиков относятся, среди прочего, нарушение сроков проведения закупок, установление необоснованной начальной минимальной цены контракта (НМЦК), изменение сроков и правила оплаты продукции, изменение условий сделки. Со стороны исполнителей в качестве рисков, приводящих к срыву сроков, относятся нарушение обязанностей единственного поставщика по поставке товара, который не имеет аналогов или доминирует на рынке, нарушение условий госконтрактов, сроков и правил оплаты продукции, ликвидация или репрофилирование головным исполнителем без согласования с государственным заказчиком производственных мощностей, установление необоснованной НМЦК, правил ценообразования, несоблюдение требований раздельного учета финансовых операций, условий соглашения с причинением ущерба и др. [Бабенков, Гурьянов, 2021, с. 5–9; Чернышева и др., 2022, с. 90–98].

В настоящее время на государственном уровне предусмотрена административная и уголовная ответственность за срыв сроков госконтрактов, которая является одновременно стимулирующим и сдерживающим от принятия решения фактором [Авдеева, 2019; Гапоненко, Самольсов, 2020, с. 220–231; Семенцова, 2022, с. 38–44; Санташов, Мухтаров, 2022, с. 151–158; Хорунжий, 2023, с. 483–486]. Автором проведен анализ нормативной базы, результаты которого приведены ниже. В табл. 5 и 6 Приложения представлена статистика применения мер административной ответственности, применяемых в отношении соответственно заказчиков и исполнителей государственных контрактов. В табл. 7 Приложения представлена статистика применения мер уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 151 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ, возбуждение уголовных дел по указанным статьям УК РФ

относится к подследственности СК РФ, а также предварительное следствие может производиться следователями органа, выявившего эти преступления¹. Необходимо отметить также, что в соответствии со ст. 23.48 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, Федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в том числе ст. 7.32.4².

Необходимо отметить, что указанные меры не позволяют в полной мере решить проблему своевременного и качественного выполнения государственного оборонного заказа.

Заключение

В связи с длительными процедурами формирования и согласования цен и договоров, а также для планирования производства в цепочках многоуровневой кооперации, автору видится актуальной задача рассмотрения возможности принятия также перспективного бюджета для государственных заказчиков, на период до 2030 г. включительно в целях заключения долгосрочных государственных контактов с головными исполнителями для проведения закупочных процедур и оформления договоров с кооперацией.

Список источников

- Авдеева Е. 2019. Правовые последствия для бизнесменов при выполнении госконтрактов // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/avdeeva/1272513/> (дата обращения: 01.08.2024).
- Бабенков В. И., Гурьянов А. В. 2021. Военно-экономическая безопасность цепи поставок материально-технических средств по гособоронзаказу // Научный вестник ОПК России. № 3. С. 5–9.
- Боков С. И., Пронин А. Ю., Пестун У. А. 2023. Новое в программно-целевом планировании развития оборонно-промышленного комплекса // Радиоэлектронная отрасль: проблемы и их решения. № 10. С. 24–27.
- Волков В. И., Быстров Е. Н. 2020. Гособоронзаказ: состояние с выполнением и проблемные вопросы развития предприятий ОПК // Научный вестник ОПК России. № 2. С. 42–54.
- Гапоненко В. Ф., Самолысов П. В. 2020. Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства российской федерации о контрактной системе в сфере закупок // Труды Академии управления МВД России. № 4 (56). С. 220–231.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024): принят Государственной Думой 22.11.2001: одобрен Советом Федерации 05.12.2001 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.07.2024).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024): принят Государственной Думой 20.12.2001: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.07.2024).

- Мурадов Р. Э. 2023. Основы правового регулирования государственного оборонного заказа // Отечественная юриспруденция. № 1 (50). С. 13–15.
- Сантасов А. Л., Мухтарова Е. А. 2022. Об установлении и дифференциации ответственности за срыв оборонного заказа // *Ius publicum et privatum*. № 5 (20). С. 151–158. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.20.5.017>
- Семенцова А. А. 2022. Судебный контроль в сфере государственного оборонного заказа в Российской Федерации // Право и управление. № 7. С. 38–44. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-7-38-44>
- Сергеев О. В., Шишков В. В. 2019. Проблемные вопросы гособоронзаказа, предложения по их решению и повышению эффективности выделяемых средств // Научный вестник ОПК России. № 1. С. 27–34.
- Смуров А. М. 2017. Проблемные вопросы реализации государственного оборонного заказа и возможные способы их решения // Известия СПбГЭУ. № 4 (106). С. 27–35.
- Хорунжий И. А. 2023. Административная ответственность исполнителей за нарушение государственного оборонного заказа Российской Федерации // Образование и право. № 6. С. 483–486. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-6-483-486>
- Чернышева Г. Н., Савич Ю. А., Нетяга Н. Н. 2022. Риски контрактных отношений режимных предприятий в системе государственного оборонного заказа // Организатор производства. № 2. С. 90–98.
- Черняев Е. В. 2022. Классификация рисков со стороны заказчика в системе программно-целевого планирования государственного оборонного заказа // Экономика и предпринимательство. Вып. 9 (136). С. 113–117. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.146.9.018>
- Черняев Е. В., Хайтбаев В. А. 2022. Претензионная политика Минобороны России как значимый фактор риска при срыве сроков выполнения государственного оборонного заказа // Вестник СамГУПС. Вып. 4 (58). С. 16–20.
- Шмелева М. В. 2021. Пути совершенствования законодательства в сфере государственного оборонного заказа // Журнал прикладных исследований. № 1. С. 81–85.

References

- Avdeeva, E. (May 23, 2019). Legal consequences for businessmen in the execution of state contracts. *GARANT.RU*. Retrieved Aug. 1, 2024, from <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/avdeeva/1272513/> [In Russian]
- Babonkov, V. I., & Gurjanov, A. V. (2021). Military-economic security of the supply chain of material and technical means under the state defense order. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii*, (3), 5–9. [In Russian]
- Bokov, S. I., Pronin, A. Ju., & Pestun, U. A. (2020). New in program-target planning for the development of the military-industrial complex. *Radioelektronnaja otasl: problem i ih reshenija*, (10), 24–27. [In Russian]
- Volkov, V. I., & Bystrov, E. N. (2020). State defense order: the state of implementation and problematic issues of the development of agricultural enterprises. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii*, (2), 42–54. [In Russian]
- Gaponenko, V. F., & Samolysov, P. V. (2020). System-structural analysis of administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement. *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii*, (4), 220–231. [In Russian]

- Muradov, R. E. (2023). Fundamentals of legal regulation of the state defense order. *Domestic Jurisprudence*, (1), 13–15. [In Russian]
- Santashov, A. L., & Mukhtarova, E. A. (2022). On the establishment and differentiation of responsibility for the failure of the defense order. *IUS PUBLICUM ET PRIVATUM*, (5), 151–158. <https://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.20.5.017> [In Russian]
- Sementsova, A. A. (2022). Judicial control in the sphere of the state defense order in the Russian Federation. *Law and Management*, (7), 38–44. <https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-7-38-44> [In Russian]
- Sergeev, O. V., Shishkov, V. V. (2019). Problematic issues of the state defense order, proposals for their solution and improving the efficiency of allocated funds. *Scientific Bulletin of the Defense Industry of Russia*, (1), 27–34. [In Russian]
- Smurov, A. M. (2017). Problematic issues of the implementation of the state defense order and possible ways to solve them. *Izvestia of St. Petersburg State University*, (4), 27–35. [In Russian]
- Horunzhij, I. A. (2023). Administrative responsibility of executors for violation of the state defense order of the Russian Federation. *Obrazovanie i parvo*, (6), 483–486. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-6-483-486> [In Russian]
- Chernysheva, G. N., Savich, Yu. A., & Netyaga, N. N. (2022). Risks of contractual relations of regime enterprises in the system of the state defense order. *Organizator proizvodstva*, (2), 90–98. [In Russian]
- Chernjaev, E. V. (2022). Classification of risks on the part of the customer in the system of program-targeted planning of the state defense order. *Jekonomika i predprinimatelstvo*, (9), 113–117. <https://doi.org/10.34925/eip.2022.146.9.018> [In Russian]
- Chernjaev, E. V., & Hajtbaev, V. A. (2022). The claim policy of the Russian Ministry of Defense as a significant risk factor in the failure of deadlines for the fulfillment of the state defense order. *Vestnik SamGUPS*, (4), 16–20. [In Russian]
- Shmeleva, M. V. (2021). Ways to improve legislation in the field of state defense order. *Journal of Applied Research*, (1), 81–85. [In Russian]

Информация об авторе

Евгений Васильевич Черняев, кандидат экономических наук, докторант, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Вольск, Россия
ki-la@mail.ru

Information about the author

Evgenij V. Chernjaev, Cand. Sci. (Econ.), Doctoral Student, Volsk Logistics Support Military Academy, Volsk, Russia
ki-la@mail.ru

Приложение

Табл. 4. Статистика заключения контрактов на поставку ракет-носителей «Союз» с Минобороны России и Госкорпорацией «Роскосмос» в период с 2018 по 2022 г.

Table 4. Statistics on the contracts signed for the supply of Soyuz launch vehicles with the Russian Ministry of Defense and Roscosmos State Corporation in 2018–2022

Заказчик	Государственный контракт (договор)	Срок поставки по контракту	Цикл изготовления контрактный, мес.	Дата изготовления и поставки	Цикл изготовления фактический, мес.	Наличие срыва, мес.	Средний цикл по контракту, мес.	Средний фактический цикл, мес.	
2018									
МО РФ Роскосмос	171*** от 2017	25.10.2018	19,7	26.07.2018	16,7		19,2	17,6	
	353*** от 2017	25.11.2018	21,2	21.06.2018	15,9				
		25.11.2018	21,2	28.09.2018	19,2				
	353*** от 2017	25.11.2018	21,2	30.11.2018	21,3	-0,2			
		25.11.2018	19,3	12.07.2018	14,8				
353*** от 2017	30.09.2018	19,3	31.08.2018	18,3					
353*** от 2017	30.09.2018	19,3	07.12.2018	21,6	-2,3				
	25.11.2018	12,7	10.12.2018	13,2	-0,5				
2019									
МО РФ	171*** от 2017	25.10.2019	31,8	31.07.2019	29,0		25,6	24,1	
		25.10.2019	31,8	31.07.2019	29,0				
		25.10.2019	31,8	24.10.2019	31,8				
Роскосмос	353*** от 2017	25.11.2019	31,5	27.02.2019	22,5				
		30.04.2019	26,4	29.04.2019	26,3				
	353*** от 2017	30.06.2019	28,4	22.05.2019	27,1				
		25.11.2019	19,4	14.10.2019	18,0				
353*** от 2018	25.11.2019	19,4	25.11.2019	19,4					
	25.11.2019	19,4	25.11.2019	19,4					
	25.12.2019	23,6	18.12.2019	23,4					
353*** от 2018	25.12.2019	23,6	18.12.2019	23,4					
	30.04.2019	20,1	25.04.2019	19,9					
РКК Энергия	144*** от 2017								

Продолжение табл. 4
Table 4 (continued)

Заказчик	Государственный контракт (договор)	Срок поставки по контракту	Цикл изготовления контрактный, мес.	Дата изготовления и поставки	Цикл изготовления фактический, мес.	Наличие срыва, мес.	Средний цикл по контракту, мес.	Средний фактический цикл, мес.
2020								
МО РФ	192*** от 2019	01.12.2020	18,1	30.11.2020	18,1		20,7	20,0
		01.12.2020	18,1	25.12.2020	18,9	-0,8		
Роскосмос	353*** от 2018	30.09.2020	21,9	21.07.2020	19,6		20,7	20,0
		25.11.2020	18,3	31.08.2020	15,4			
		25.11.2020	18,3	13.10.2020	16,8			
		25.11.2020	18,3	23.11.2020	18,2			
		25.11.2020	24,1	05.11.2020	23,4			
РСК Энергия	353*** от 2018	25.11.2020	24,1	10.11.2020	23,6		20,7	20,0
		25.11.2020	17,3	31.12.2020	18,5	-1,2		
2021								
Роскосмос	81*** от 2018	31.08.2020	28,7	31.07.2020	27,7		27,3	26,9
		25.11.2020	17,5	29.01.2021	19,6	-2,2		
		30.06.2021	18,6	16.07.2021	19,1	-0,5		
		25.11.2021	30,4	29.07.2021	26,5			
		25.11.2021	30,4	30.09.2021	28,6			
		25.11.2021	30,4	25.10.2021	29,4			
		25.11.2021	30,4	23.11.2021	30,4			
		25.11.2021	30,4	21.12.2021	31,3	-0,9		
РСК Энергия	353*** от 2019	30.06.2021	21,5	06.09.2021	23,7	-2,3	27,3	26,9
		25.11.2021	35,9	23.09.2021	33,8			

Окончание табл. 4
Table 4 (end)

Заказчик	Государственный контракт (договор)	Срок поставки по контракту	Цикл изготовления контрактный, мес.	Дата изготовления и поставки	Цикл изготовления фактический, мес.	Наличие срыва, мес.	Средний цикл по контракту, мес.	Средний фактический цикл, мес.
2022 МО РФ	202*** от 2020	01.12.2021	18,9	25.01.2022	20,7	-1,8	27,9	26,8
		01.12.2021	18,9	27.01.2022	20,8	-1,9		
		01.12.2021	18,6	21.01.2022	20,3	-1,7		
	202*** от 2020	25.10.2022	29,5	24.10.2022	29,5			
		25.10.2022	29,5	30.11.2022	30,7	-1,2		
		25.10.2022	26,4	29.03.2022	19,4			
	202*** от 2020	25.10.2022	26,4	15.04.2022	20,0			
		25.10.2022	26,4	03.06.2022	21,6			
		25.10.2022	26,4	12.10.2022	26,0			
		25.10.2022	26,4	24.10.2022	26,4			
Роскосмос	353*** от 2019	30.11.2021	26,6	16.05.2022	32,1	-5,6		
		30.11.2021	29,8	16.05.2022	35,4	-5,6		
		15.11.2022	35,3	29.06.2022	30,7			
	353*** от 2019	15.11.2022	35,3	18.07.2022	31,3			
		15.11.2022	35,3	04.08.2022	31,9			
		15.11.2022	35,3	19.08.2022	32,4			
		15.11.2022	35,3	27.09.2022	33,7			
353*** от 2020	30.11.2022	23,4	24.11.2022	23,2				
	30.11.2022	23,4	07.12.2022	23,6	-0,2			
353*** от 2020	25.12.2022	24,2	21.12.2022	24,1				
	15.11.2022	33,6	17.06.2022	28,6				

Источник: составлено автором по данным, предоставленным одним из предприятий оборонной отрасли.
Source: compiled by the author based on the data provided by one of the enterprises of the defense industry.

Табл. 5. Статистика применения мер административной ответственности в отношении заказчиков госконтрактов
Table 5. Statistics on administrative liability measures implemented to customers of state contracts

Вид нарушения	Статья КоАП РФ	Санкция	Количество привлечений к административной ответственности				
			2019	2020	2021	2022	2023
Нарушение правил расчета начальной минимальной цены контракта	7.29.1	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника	—	—	—	—	—
Несоблюдение сроков проведения закупки	ч. 15 ст. 7.30	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника	0	2 (33 т. р.)	0	4 (44 986 т. р.)	1 (15 т. р.)
Нарушение правил изменения контракта без оснований	ч. 4.1 ст. 7.32	Штраф 50 тыс. руб. на сотрудника / 500 тыс. руб. на организацию	—	—	—	—	—
Несоблюдение сроков и нарушение правил оплаты продукции	7.32.1	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника	—	—	—	—	—
Нарушение условий контракта	ч. 2 ст. 14.55	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника	—	—	—	55	—

Источник: составлено автором на основании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.
Source: compiled by the author based on the RF Code of Administrative Offences.

Табл. 6. Статистика применения мер административной ответственности исполнителей госконтрактов
Table 6. Statistics on administrative liability measures implemented for state contract performers

Вид нарушения	Статья КоАП РФ	Санкция	Количество привлечений к административной ответственности				
			2019	2020	2021	2022	2023
Невыполнение обязанности единственного поставщика по поставке товара, который не имеет аналогов	ч. 1 ст. 7.29.2	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника / 300 тыс. — 1 млн руб. на организацию	—	—	—	—	0
Невыполнение обязанности по поставке товара от поставщика, который доминирует на рынке	ч. 2 ст. 7.29.2	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника / 300 тыс. — 1 млн руб. на организацию	—	—	—	—	—
Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа	ч. 1 ст. 14.55	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника головного исполнителя по ГОЗ	—	—	—	—	35 (50 т. р.)
Несоблюдение сроков и нарушение правил оплаты продукции	ч. 2.1 ст. 14.55	Штраф 50–100 тыс. руб. на сотрудника головного исполнителя по ГОЗ	—	—	—	—	—
Ликвидация или перепрофилирование головным исполнителем без согласования с государственным заказчиком производственных мощностей	14.55.1	Штраф 30–50 тыс. руб. на сотрудника / 300 тыс. — 1 млн руб. на организацию	—	—	—	—	0
Некорректное обоснование начальной минимальной цены контракта	ч. 1 ст. 14.55.2	Штраф 20–50 тыс. руб. на сотрудника / 300 тыс. — 1 млн руб. на организацию	—	—	—	—	0
Нарушение правил ценообразования	ч. 2 ст. 14.55.2	Штраф 50 тыс. руб. на сотрудника / 3–5 млн руб. на организацию	—	—	—	—	—
Несоблюдение требования раздельного учета финансовых операций	ч. 1 ст. 15.37	Штраф 20–50 тыс. руб. на сотрудника / 300–500 тыс. руб. на организацию	2 070	615	634	372	375 (1 754 Тys. руб.)
Грубое нарушение требования раздельного учета финансовых операций	ч. 2 ст. 15.37	Штраф 50–100 тыс. руб. на сотрудника (или отстранение от работы на срок до трех лет) / 500 тыс. — 1 млн руб. на организацию					

Источник: составлено автором на основании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.
Source: compiled by the author based on the RF Code of Administrative Offences.

К вопросу о проблемах планирования и исполнения...

Табл. 7. Статистика применения мер уголовной ответственности, установленной за нарушение правил ГОЗ по статьям УК РФ

Table 7. Statistics on criminal liability measures implemented for violation of the state defense order rules by the articles of the RF Criminal Code

Вид нарушения	Статья УК РФ	Санкция	Количество осуждений				
			2019	2020	2021	2022	2023
Злоупотребление полномочиями	ч. 1 ст. 201.1	Штраф в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 4 лет, либо арестом на срок до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 4 лет	1	0	2	3	2
Злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия	ч. 2 ст. 201.1	Штраф до 1 млн руб. или в размере дохода за период до 5 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет, либо лишением свободы на срок до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет	0	0	0	0	1
Несоблюдение сроков и условий исполнения контракта (с учетом привлечения к ответственности по ч. 1 или 2.1. ст. 14.55 КоАП)	201.2	Штраф 1–3 млн руб. или в размере дохода за несколько лет с отстранением от работы на срок до 10 лет. Лишение свободы на срок 4–8 лет с штрафом 500 тыс. — 1 млн руб. или в размере дохода за 3–4 года с отстранением от работы на срок до 3 лет. Допускается освобождение от ответственности при устранении нарушения	—	—	—	—	0
Отказ или уклонение лица от заключения государственного контракта (с учетом привлечения к ответственности по ч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП)	201.3	Штраф от 1 до 3 млн руб. или в размере дохода за несколько лет с отстранением от работы на срок до 10 лет либо лишение свободы на срок 4–8 лет с штрафом 500 тыс. — 1 млн руб. или в размере дохода за 3–4 года с отстранением от работы на срок до 3 лет	—	—	—	—	0
Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа	ч. 1 ст. 285.4	Штраф в размере 1–3 млн руб. или в размере дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет либо лишение свободы на срок 4–8 лет со штрафом в размере 500 тыс. — 1 млн руб. или в размере дохода осужденного за период 1–4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет	0	1	1	3	8
Несоблюдение условий соглашения с причинением ущерба: не менее 5% от цены контракта и не меньше 5 млн руб. или полный срыв ГОЗ (с учетом привлечения к ответственности по ч. 1 или ст. 14.55 КоАП)	285.5	Штраф от 1 до 3 млн руб. или в размере дохода за несколько лет с отстранением от работы на срок до 10 лет. Лишение свободы на срок 4–8 лет с штрафом 500 тыс. — 1 млн руб. или в размере дохода за 3–4 года с отстранением от работы на срок до 3 лет	—	—	—	—	0

Окончание табл. 7

Table 7 (end)

Обязанность должностного лица по заключению контракта (с учетом привлечения к ответственности по ч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП)	285.6	Лишение свободы на срок от 4–8 лет с штрафом 500 тыс. — 1 млн руб. или в размере дохода за 3–4 года с отстранением от работы на срок до 3 лет	—	—	—	—	0
Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, совершенное группой или повлекшее тяжкие последствия	ч. 2 ст. 285.4	Лишение свободы на срок 5–10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет	0	1	1	2	1

Источник: составлено автором на основании нормативных документов¹.

Source: compiled by the author based on the normative documents¹.

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. 2023. <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 24.07.2024); Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024): принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.07.2024).

Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: обзор Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения»

Лилия Викторовна Иванова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: l.v.ivanova@utmn.ru

17–19 октября 2024 г. Институтом государства и права Тюменского государственного университета были организованы VI Сибирские правовые чтения на тему «Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи». В форуме приняло участие более 500 человек из научных и образовательных организаций, органов государственной власти со всей России и зарубежных стран.

Особенностью мероприятия являлась насыщенная программа, включающая концептуальный пленарный доклад в первый день работы форума и завершающее пленарное заседание во второй день. Пленарный доклад был представлен Алексеем Владимировичем Минбалеевым, заведующим кафедрой информационного права Университета им. О. Е. Кутафина, на тему «Правовое регулирование искусственного интеллекта: от актуальных проблем к концептуальным решениям». На пленарном заседании были рассмотрены такие актуальные темы, как «право ИИ» и его место в системе российского права (Татьяна Анатольевна Полякова, Институт государства и права РАН), передовые фундаментальные модели искусственного интеллекта (Дмитрий Леонидович Кутейников, ТюмГУ). Среди почетных зарубежных гостей — Нитеш Кумар Упадхай, доцент Школы права Международного университета Симбиозис (Индия), представивший доклад об искусственном интеллекте и правах человека, а также Дэниел Брантес Феррейра, основатель юридической компании DBFLaw (Бразилия), рассказавший о применении искусственного интеллекта в арбитраже.

Работа Форума в течение двух дней проходила на восемнадцати площадках, посвященных различным отраслям права и направлениям правового регулирования в сфере применения технологий искусственного интеллекта. В рамках форума также презентовались IT-решения для образования, где преподаватели ТюмГУ поделились опытом внедрения в образовательную деятельность Университета VR-тренажера «Криминалистика».

На открытых лекциях от ведущих ученых участники обсудили такие вопросы, как международное право в эпоху искусственного интеллекта (Владислав Леонидович Толстых, Институт востоковедения РАН), биосоциальные причины и условия в кримино-виоленсологии (Алексей Владимирович Тюменев, Академия права и управления ФСИН России), искусственный интеллект и корпоративная социальная ответственность (Арти Анея, Факультет права Университета Дели, Индия).

Важно отметить, что VI Сибирские правовые чтения открыли цикл мероприятий, посвященных 40-летию юридического образования и науки Тюменской области и 25-летию Института государства и права ТюмГУ. Цикл празднования включает в себя научно-практические конференции, создание памятных объектов, проведение конкурсов и других мероприятий. Окончание празднования запланировано на июнь 2025 г. проведением научно-практического форума, посвященного тенденциям и перспективам развития юридического образования в регионе и стране в целом.

Информация об авторе

Лилия Викторовна Иванова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
l.vivanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3182>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Социально-экономические и правовые исследования
2024. Том 10. № 4 (40)

Редакторы	<i>Д. В. Лангавая, Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. Г. Шмакова, Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Дата выхода в свет 25.12.2024
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 25,38 усл. печ. л., 20,3 уч.-изд. л.
Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 300